У 40893
3

Евгений Березиков

ЛЕГЕНДЫ И ТАЙНЫ УЗБЕКИСТАНА

Евгений Березиков

ЛЕГЕНДЫ И ТАЙНЫ УЗБЕКИСТАНА

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1991

Р 2
Б 48

Рецензент — член-корреспондент АН УзССР
Б. А. АХМЕДОВ

В книге использованы живописные работы автора

У 40893
1992 Узб. Респ. ДК
А 5387

Березиков Е. Е.
Легенды и тайны Узбекистана.— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1991.—272 с.

Легенды, притчи и загадочные истории из жизни народов Узбекистана долгие годы собирал писатель и художник Евгений Березиков. Предлагаемый читателю сборник — летопись земли Анахиты, так в честь богини плодородия называлась в древности долина реки Кашкадарьи.

Эта книга — о тайнах древних курганов, об исчезнувших городах, о мастерстве народных умельцев и о многом другом, что зримо отображает исторический и современный лик узбекской земли, а также неиссякаемую, вечно живую мудрость народа.

Р 2+63.3(2 У)

4702010201—80
Б ——————— 60—90
М 352(04)—91

ISBN 5-635-00801-1

© Евгений Березиков, 1991 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЧИЯЛЬ-БАЗАР

Что ни говорите, а каждый из нас в душе путешественник.

Всю жизнь мы носим в себе мечту — чаще несбыточную — о странствиях. Человеку с детства присуще стремленье узнать: что там, за горизонтом, за косогором, за лесом, за рекою, за горами и морями? Редко кому выпадает счастливая доля землепроходца. Но мне в этот раз повезло — путешествие оказалось удивительным.

И еще удивительней оно от того, что не было связано с приключениями и опасностями, а вместе с тем выдалось захватывающим и полным тайны.

Я странствовал в глубины веков — но мне не понадобилась машина времени. Я повидал жителей дальних краев, но мне не потребовались ни караваны Афанасия Никитина, ни корабли Джеймса Кука.

Все, что надо,— это ранним воскресным утром купить билет на автобус. А если есть машина, мотоцикл, велосипед, конь или, наконец, оседланный ишак — то и билета не надо. Дорогу на Чияльбазар укажет вам любой попутчик (я не говорю «любой встречный», потому что в эту раннюю пору встречных не будет, только попутчики: все на базар, оттуда — пока еще никто...).

Итак, я отправился на Чияль-базар. Как разгадать загадку: отчего это сюда, на пустырь, близ крохотного, в несколько домов, кишлака в Чиракчинском районе Кашкадарьинской области Узбекистана, съезжаются люди со всей Средней Азии? Разве можно жителя Средней Азии удивить базаром?

И тем не менее здесь можно встретить покупателя и продавца из славного торгового города Самарканда; и из благородной Бухары; и из далекой Ферганской долины; и из Таджикистана, лежащего за горами; и из Термеза, отделенного обширной степью; и из Туркмении, с того берега Амударьи...

Может быть, здесь сохранились замечательные творения древнего зодчества, что-то вроде Регистана, Тадж-Махала, Акрополя? Ничего подобного. Может, был на этом месте город, а теперь еще стоят крепостные валы, остатки дворцов? И этого нет. Может быть, уцелели торговые купола, подобные бухарским? Нет куполов. Обыкновенный пустырь.

И тем не менее здесь находится удивительнейший памятник прошлого, продолжающего жить в быту и в душе народа. Я даже не знаю, есть ли еще где-нибудь на белом свете подобный памятник. Этим памятником является сам Чияль-базар, собирающийся на одном и том же месте много веков подряд — говорят, что тысячу лет, а может, и больше.

Тысяча лет — это смена многих поколений и культур, рождение и гибель цивилизаций. Тысяча лет, и воображение рисует прокатившиеся этими степями волны завоеваний, сражения, возникновение, возвышение и падение царств. Тысячу лет нелегко ощутить как реальность отдельному человеку, чей век, отмеренный судьбою, много, много короче... Другое дело народ. Его память хранит все. Но даже она, народная память, не сохранила преданий о таком времени, когда Чияль-базара не существовало.

Говорят о Чияль-базаре разное. Будто бы тут можно приобрести все, что есть на белом свете. Будто бы тут вы купите любую вещь, которая бывает на прилавках магазинов, а также любую вещь, которой на прилавках не бывает. Свидетельствую: в этих слухах много правды. И речь вовсе не о джинсовом «дефиците», не о магнитофонах и супермодных сапожках, не обо всех этих атрибутах, престижных с точки зрения оголтелого потребителя. Здесь продаются удивительные товары. В самом деле, их нет, к стыду нашему, ни в одном магазине. Я расскажу и о них. Но даже не ими притягателен сегодня Чияль-базар, не потому влечет к нему завсегдатаев и тех, кто, подобно мне, впервые попадает сюда.

Видимо, влечет людей, манит, собирает сюда возможность реализовать извечное стремление восточного человека к общению, жажда познать других, а заодно и себя показать с самой наилучшей стороны. В этом стремлении много разных граней, и каждая привлекательна.

...Дорога лентой режет засеянные пшеницей богарные поля, временами переходящие в сопки, невысокие увалы. Вот вы обогнали какую-то машину: попутчик? Вас кто-то обогнал: еще один? Вот пешие путники... Всадники... А вот уже не пустая дорога, а многолюдный поток — и все в одну сторону: Чияль-базар близко! Кое-кто попадается и навстречу. Трясется на ишачке аксакал, за ним, подстегиваемый прутиком босоногого мальчишки, семенит молодой бычок: с покупкой, дедушка! Проехал «жигуленок», полный женщин и детей: все радостно оживлены, на ходу что-то рассматривают, показывают друг другу, обмениваются впечатлениями.

А вот и базар. Расположился он в степи, поодаль от большаков. Вроде глухое место. Но странное дело — чем ближе подъезжаешь, тем дальше, на задний план, уходит степь: ты попадаешь в густой людской муравейник. Люди гудят, спешат, снуют. У каждого свое дело, свои заботы. Издали, еще не видя самого базара, различаешь огромное скопище автомобилей, тракторов с тележками, мотоциклов и другой техники: все-таки двадцатый век на дворе! Если б не знал, куда едешь, подумал бы: мираж. С чего это вдруг столько народу, сколько машин собралось на неприметном пятачке сухой земли?

Да ведь земля-то не простая. Утоптана за тысячу лет. Сколько видела, сколько слышала...

Пробившись сквозь строй машин, подходим к бесхитростным бревенчатым воротам — это и есть вход на базар. Через ворота попадаем на обширную площадь и пробуем окинуть ее взглядом.

Неописуемое зрелище: кажется, век не разобраться в этой сутолоке, в гомоне и шуме.

Но вот потихоньку начинаешь приглядываться — тем более, что ворота стоят на возвышенности, отсюда весь базар виден, как на ладони. Замечаем, что люди на базаре — это вовсе не беспорядочная толпа. Они располагаются здесь, так сказать, по интересам. Вот ковровый ряд.А вон там, поодаль,— место, где торгуют скотом. Дальше — ряд, в котором продают традиционные восточные пряности и приправы... У базара своя жизнь и свой голос, у базара свое лицо, которое ни с чем нельзя сравнить и которое не спутаешь ни с чем.

Когда-то у Чияль-базара были три особенности, сейчас остались две.

Вот первая — ее-то и нет больше: издревле на эту площадь был строго-настрого запрещен вход женщинам. Женщины лишь готовили на продажу товар. Мужчины, «владыки» семьи, милостиво разрешали им провожать себя в Чияль и терпеливо ждать своего возвращения. Октябрь 1917 года с этим покончил, и теперь на тысячелетнем базаре вы встретите множество женщин.

Вторая особенность. В любое время года — в летний ли зной, в зимнюю, с промозглыми ветрами, стужу, цветущей ли весной или пасмурной осенью — Чияль-базар неизменно собирается в один и тот же день, в один и тот же час: по воскресеньям с первыми петухами. И живет он всего два-три часа. Приехав на это место в десять-одиннадцать часов утра, вы уже никого не застанете на пыльном, вытоптанном людьми и животными пустыре.

Третья особенность: на Чияль-базаре никто и никогда ничего не украл. Воровства здесь просто не знают. Любой пришедший оставляет свою поклажу — чемодан, сумку, мешок, а большей частью переметные сумы — в удобном ему месте и отправляется по своим делам. Придет — вещи так и будут лежать в груде других на специально отведенных площадках. Не трогать чужого — непреложный закон Чияль-базара.

Правда, один здешний завсегдатай, почтенный белобородый старец, говорил мне, что лично видал человека, который попытался здесь что-то украсть. Было это (старик долго вспоминал и подсчитывал годы) в 1930 году. Стало быть, пятьдесят с лишним лет назад. «Этого человека поймали,— сказал он,— посадили задом наперед на ишака, а потом палками и камнями погнали ишака в степь...» Так и канул за горизонт проклинаемый людьми единственный вор, пойманный на Чияль-базаре. Больше никто не помнит подобных случаев.

Но что это мы все стоим у ворот, обозревая собравшуюся толпу «с птичьего полета»? Ведь Чияль-базар уже давно и властно манит к себе красочностью, неповторимой самобытностью, он даже отсюда, издали удивил и поразил нас изобилием чудесных товаров, которые — увы!— давно исчезли с большинства базаров Узбекистана, о магазинах я уж не говорю. Идемте же, читатель, туда, в торговые ряды, за покупкой, за наукой, за восхищением и грустью...

Все, чем прославлены руки и чем богата душа народного мас-

тера, все плоды его фантазии и таланта, все, чему научили его поколения предков и чему теперь учит детей он сам,— все это вы увидите тут, на Чияль-базаре!

Вот посмотрите на эти красочные домотканые ковры. Их свезли сюда десятки семей: а ведь у каждой семьи свой потомственный узор, он передавался от прапрадеда к праправнукам, чтобы сегодня порадовать и наш взор... Рисунки поражают четкостью линий, на удивление естественно сочетающих простоту и замысловатость. Переплетения этих орнаментов удивляют, я бы сказал, философской глубиной заложенной в них мысли: ты можешь, например, составить впечатление о мастере, изготовившем этот ковер из толстых суровых нитей — ковер прочный и надежный, незаменимый в дехканском быту.

Здесь вы обнаружите великое множество разноцветных бешиков, этих бесхитростных деревянных колыбелей, в которых выпестованы многие поколения узбеков и таджиков. Найдете большой выбор удобных (тоже домотканых) хурджунов — переметных сум, в которые уместится практически все, что необходимо верховому путнику...

Километры прилавков! И подавляющее большинство того, что на них выставлено — это изделия кустарей, народных мастеров. Вот тюбетейки, тысячи и тысячи тюбетеек. При взгляде на каждую безошибочно определишь, откуда прибыл продавец, где изготовлен его товар. Мягкая, зеленого бархата? Это ферганская. Черная, с белым витиеватым орнаментом? Это из Чуста, славного города мастеров близ Наманган а. Пестрая, ковровая, яркая, цветущая всеми красками? Ее вышили неподалеку, в Шахрисабзе. Но какую ни возьми — вышита любовно, сделана добротно, носить ее — не сносить!

Узбекскую тюбетейку не спутаешь ни с каким другим национальным головным убором. На каждой свой узор, своя вязь, в которой знатоки находят и растолковывают сложную символику. А мне кажется, в этих орнаментах авторы сумели выразить характер своего народа: на первый взгляд несколько загадочный и замысловатый, а глубже погляди — прямой, открытый, честный. Невелика вещь тюбетейка, а ухитрились ее создатели и в ней запечатлеть одну из самых симпатичных черт своего народа — извечную тягу к изяществу и красоте, стремленье и уменье украсить любую мелочь повседневного быта... Тюбетейка, говорят узбеки, наделена особыми свойствами. Будучи при человеке постоянно, она предохраняет его не только от нещадно палящего солнца, но даже и от глаза дурного. Пойди проверь, так ли это на самом деле. Да и надо ли проверять? Носи на здоровье легкую упругую тюбетейку, покупатель, а мы спешим дальше по базару.

Тут красуются, поблескивают под утренним веселым солнцем товары мехового ряда. По большей части это тоже шапки—красивые, добротные шапки из золотистого меха местных лисиц. Хочешь покупай, хочешь любуйся.

Прямо у ног, на аккуратно расстеленном рядне, лежит груда обуви. Старинной обуви, похожей на ту, что носили когда-то прославленные восточные скороходы. Название этой обуви—кауши, простые, бес-

хитростные, проверенные тысячами дорог, сотнями лет, миллионами ног. Кауши из грубой бычьей кожи. Грубая кожа, а работа тонкая. Такой работе позавидует любой первоклассный модельный мастер. А ну попробуй, купи в магазине вот такую пару—нету ей сноса, удобно ноге, словно по твоей мерке сработано, хотя сегодня, на этом базаре, ты да пара каушей встретились в первый раз!... Но вот звякнул металл, ты обернулся—и, кажется, уже на целые часы захвачен новым зрелищем: изделиями сельских кузнецов. Работа необычно тонкая, изобретательная, а ведь всего-то инструментов—молоток, наковальня да золотые руки, черные от угля и железной окалины. Тут всевозможного назначения гребешки, от головного до коврового—особого гребня, которым пользуются мастера, изготовляя ковер. Тут и многочисленные ураки—серпы, что входят в герб республики. Хороший урак и поныне вещь необходимая в любой дехканской семье: косят им траву, клевер убирают. Мудреные ножи—специально для рубки тутовых веток. Темир-козы—приколы для животных. Всего этого с огнем в магазине не сыщешь, а на Чияль-базаре—пожалуйста.

Как на выставке, стоят разные седла. Седло на жеребца, седло на осла, праздничное седло на скакуна.Такое седло—красочное, обито оно мягким красным сафьяном (ведь вот и сафьян отменный выделывают, не умирает мастерство в народе!). Тут же литые стремена — медные или бронзовые, чеканной работы сбруя.

Приверженность Чияль-базара к конской сбруе не случайна. Ведь он находится в центре Чиракчинской степи, а этот край прежде славился состязаниями джигитов—байгой и копкари. Именно Кашкадарья—родина знаменитого скакуна карабаира, от которого, если верить легенде, пошла порода коней этого же названия. Кишлак Карабаир — родина легендарного коня—находится в полсотне километров отсюда, по дороге на Касан. Кишлак есть, а самих карабаиров, к великому сожалению, редко-редко встретишь в этих местах... И седел настоящих, и мастеров седельного дела все меньше с каждым годом. Молодежь тянется к технике, перестает понимать коня. И уж совсем мало желающих принять, как эстафету, секреты шорников и седельников. На трактор, на автомобиль, что стоит за базарными воротами, седло не приладишь! А ведь посмотри на это седло — настоящее произведение искусства. Любовно сделано оно: каждый изгиб продуман и отточен, а лука выгнута, словно гордая лебединая шея. Удобно в таком седле, но мало осталось всадников... Тема эта бесконечна, и говорить об этом — грустно.

Что нужно джигиту, кроме коня, седла, узды и стремени? Ах да, камча! Вот они лежат, камчи—тоже целый ряд. Плести их — целая наука.Сделана она из телячьих жилок, переплетены узорными витками, у каждого мастера—своя особая вязь. Жилки он хитроумно вытягивал, а рукоятку долго вымачивал в кунжутном масле или же в масле зигиряг. Говорят, хорошую ручку камчи надо не один год выдерживать в таком масле, и тогда станет она крепче камня, туже тетивы, стройнее лука. «Но только не для того камча, чтобы бить скакуна. Плетка не должна обижать коня, а должна только направлять его, чуть касаться»,—говорил мне, показывая свой товар, его владелец, добро-

душный человек со сморщенным старческим лицом. Попрощавшись с ним, я перешел к соседям, а те торговали деревянной домашней утварью, и чего только не было у них: режут из дерева вечные, удобные и красивые ложки—чемучи, режут касы, таваки, ляганы. Подивившись на такое изобилие, спешишь дальше—и попадаешь к воспетым в тысячах газелей и рубаи умельцам: гончарам.

Они вам предложат хумы—громадные, на несколько ведер, кувшины, которые в летнюю жару сохранят воду прохладной и свежей. У них есть кубки, пиалы и ляганы, глухо звенящие под ногтем, отливающие цветной глазурью. А вот товар посовременнее: подцветочники ведерного размера. Гончар на выдумки горазд, откликается на требования дня, хотя и тут остается в рамках национальных форм. Это благодаря вот таким умельцам сохраняется и поныне, находит свое самовыражение традиция древних мастеров...

В том, что предлагает вам Чияль-базар, раскинувшийся вдали от больших дорог, и скрыта, думается мне, сила жизни. Что такое дворцы Хивы и Самарканда? Это немые свидетели прошлого, частицы истории народа. А Чияль-базар—сама история, причем живая, и не просто живая, а полная кипучей жизни. Здесь хватит материала и этнографу, и искусствоведу. Здесь неисчерпаемый кладезь тем для художника. Писателю же и поэту тут запасено безбрежное море тайн, легенд, загадок, надо только сблизиться с людьми, стать среди них своими, и тогда они раскроют тебе душу...

Покидаешь Чияль-базар обогащенный увиденным, покидаешь его с чувством, что побывал где-то за границей реальности: уж не кино ли это было? Такого уже нигде больше не увидишь! Век двадцатый запросто соседствует с восемнадцатым, пестро и шумно вертится карусель времени...

Чияль-базар... о нем всего не расскажешь, да и где взять такое перо, чтоб под силу ему оказался этот рассказ? Это надо видеть, и надо спешить увидеть, потому что эти лица, эти нравы, эти вещи могут уйти безвозвратно. Время не знает пощады...

Странное чувство охватило меня, когда я был тут первый раз, и потом узнал: оно не обмануло. Мне показалось в то утро, что здешний народ — и покупатели, и продавцы — завсегдатаи, одни и те же люди. Конечно, не все, но старики наверняка. Так думал я, и оказалось — правильно думал. Старики приходят сюда каждый выходной, словно на встречу со своим прошлым. Здесь все так, как в дни их юности, как много десятилетий назад. И еще притягательней встреча с прошлым оттого, что всегда можешь возвратиться в сегодня, в новь, которую ведь эти самые старики и построили своими руками, и защитили в двух войнах. За светлым, за лучшим, что было давно, за тем, что останется с народом всегда, как память прошлых веков, приходят они в этот странный музей, полный веселого гомона, пестроты, сутолоки; в музей, экспонаты которого покупают и продают, развозя по всему свету живые частицы красоты, воплощенной в изделиях золотых рук. Встреча с юностью — неосуществимая мечта для всех, но только не для завсегдатаев Чияль-базара.

Поспешите на Чияль-базар. Поспешите, ведь он скоротечен, не

успеешь оглянуться, ан — солнце ползет к зениту и весь товар продан!

Забрав свои хурджуны, разъезжаются торговцы по домам. Ты остаешься один на опустевшей площади. Поспешите на Чияль-базар, чтобы успеть увидеть то, чего не увидят другие, чтобы захотеть побывать тут еще и еще. А зачем? Кажется, я знаю... Эта пестрая карусель времени кружится быстро, но стойко хранит в себе невообразимо далекое прошлое. А ведь оно так нужно нам, людям сегодняшнего дня, чтобы осмыслить свое место в жизни.

ОДИН ДЕНЬ В ТАШКУРГАНЕ

Кальтакул — Короткая рука. Так называется этот горный кишлак, куда мы приехали незадолго до полуночи. Что хотел сказать тот, кто придумал кишлаку название? Быть может, так: коротки руки у тех, кто захочет на нас посягнуть, мы высоко ушли в горы, стали недосягаемы?..

Небо над кишлаком — тяжелый темный полог огромного шатра. Все усыпано звездами. Вопреки ожиданиям они были неяркими, едва мерцали.

Селение спряталось в центре горной подковы — это мы увидали поутру. А когда смотришь на небо ночью, замечаешь вдали только едва видимые контуры гребня гор, а уж над ними — тот самый полог... Или это огромная опрокинутая чаша? Или закопченный котел, изрешеченный звездной россыпью?.. Но воздух наполнен пьянящими ароматами трав, деревьев, камней, родниковой воды. Выйдя на окраину кишлака, я долго стоял, запрокинув голову, и смотрел на бездонное, черное, тяжелое и величественное небо.

Я пришел сюда (по-русски сказать — к околице) в сопровождении паренька, только что окончившего 10 классов. Ночью он провел меня за руку высоко-высоко, по тропкам, через горные террасы, на этот самый утес, откуда я мог любоваться и лежащим внизу кишлаком, и небом над головой. Потом на ощупь мы спустились по тропинке на кишлачную дорогу.

Нас встретил гвалт собак, мычание коров, блеяние овец. В нос ударил своеобразный, терпкий запах кишлака, который ни с чем не спутать, запах деревенской жизни, от которого теплеет на сердце. Кишлак словно говорит тебе: жизнь может быть полноценной всюду, где есть люди, где есть мирная тишина, где человек не знает занесенного над собой неотвратимого меча смерти, горести, безысходности.

Пока мы ходили по горам, нас уже искали радушные хозяева. Они обеспокоенно зовут в дом. Нас усадили на почетное место в красный угол айвана, дали под бок мягкие белоснежные подушки. Скрестив ноги, я уселся напротив хозяина дома и попытался заговорить с ним о легендах этих мест. Но хозяин был молодым учителем, и легенды его не интересовали (зря, между прочим). Он с удовлетворением рассказывал о работе — преподает математику в кишлачной школе. Говорил, как сильно его интересует прогресс

там, внизу,— в долине, в городах, о которых он с теплотой отзывался. А о своем кишлаке молвил:

— Ну что, живем мы тут спокойно, делаем свое маленькое дело. Делаем честно. Этим и счастливы.

Но все же потом он разговорился, поведал, как возник кишлак Кальтакул, откуда название, что за люди проживают здесь трудовую жизнь — одно поколение за другим несколько веков.

Ночь прошла спокойно, если не считать безудержного рева чабанских волкодавов, постоянного гомона в загоне на заднем дворе. Где-то блеяли овцы, спросонья кудахтали куры. Но все это не мешало наслаждаться сельской тишиной, ибо — вот ведь чудеса — было ее составной частью.

Встали рано, в пятом часу. Машины — УАЗ и грузовая — были готовы. И мы направились по петляющему в горах каменистому затяжному подъему вперед — к нашей цели, в кишлак Ташкурган.

До него всего-то двадцать пять километров. Но какие эти километры трудные! Все время крутые виражи. Дорога чудом цепляется за уступы между отвесными скалами и головокружительными обрывами. Зимой ее засыпает снегом. А когда сходят с гор лавины, они, по сути дела, уничтожают этот путь. И потому каждой весной с двух сторон люди начинают восстанавливать дорогу — от Ташкургана вниз, от Кальтакуля вверх. И сходятся наверху, у величественной горы Парус, которая стоит над вершинами Гиссарского хребта.

Преодолев подъем, мы выехали на обширное, заросшее буйной зеленой травой плато. Я не оговорился: весенней травой, хотя была вторая половина июня. А тут, в вышине, еще только март-апрель. Трава набирает свою зеленую силу, цветут алыча, урюк. По траве бегали дрофы, кеклики, носились быстроногие зайцы. Вскоре встретили мы и семейку кабанов. А справа, 500—600 метров выше, увидали пару медведей — крупных, с белым ошейничком. Говорят, они на редкость недоброжелательные и опасные.

На плато заметил родник. Попросил остановить машину. Вода была прозрачной, холодной до ломоты в зубах. Ключ бил из-под земли, и хрустальные струи устремлялись вниз. Сливаясь с другими такими же горными потоками, они донесут влагу до полей Каршинской степи... Родник этот назывался Оби-зем-зем. Кто же не слыхал о сказочном, чудотворном источнике Зем-зем! Так вот, здешний народ зовет свой родник водою Зем-зема...

А легенда гласит, что красавица Зайнаб, дочь яккабагского бека, была слепою с детства, пока мать не напоила ее горной водой, не омыла лицо дочери влагою этого самого ручья. Именно здесь (говорят так) Зайнаб впервые увидела прекрасный мир — горы, белый снег, синее небо, золотое солнце. С тех пор к этому роднику со всей округи идут люди в надежде на исцеление от недугов...

Может быть, все было и не так... Но как же не стать моложе, сильнее, веселее, окинув взором этот простор, испив этой хрустальной воды, вдохнув этого воздуха!

Не хотелось снова садиться в машину, и я пошел дальше пеш-

ком. Когда через полчаса взошел на очередное плато — усилия были вознаграждены: впереди открылась долина, а на левом его склоне расстилался кишлак Ташкурган.

Зрелище настолько меня поразило, что я не сразу поверил глазам. Позади лежал родник Оби-зем-зем. Справа высоко вознеслась скала Парус. А слева в огромной зеленой котловине лежал Ташкурган — Каменная крепость: красивое большое селение, больше трехсот дворов. С птичьего полета он казался миражем.

Снова в машину — скорей туда, в этот мираж! УАЗик быстро покатил вниз по петляющей дороге.

В Ташкурган мы спустились со стороны небольшой речушки и долго ехали по ее каменистому берегу, прежде чем из-за невысокого холма показались первые домики.

Я, кажется, испытывал не меньшее волнение, чем в незабываемый день, когда впервые побывал в Кижах. И раньше слыхал я, что Ташкурган неземной — в прямом и переносном смысле — кишлак. Но теперь увидел сам — на его улицах как бы застыла тысячелетняя история. Чего только не говорили о Ташкургане!

И надо сказать, правда все это — все фантастические рассказы. Кишлак выглядел так, словно лишь минуту назад по этим каменистым ухабам проскакал со своей охраной хромой Тимур, набирая дружину для покорения Шахрисабза, Самарканда, а затем и остального мира.

Говорили, что не где-нибудь, а именно здесь, в Ташкургане, долгое время жил и строил свои планы орошения пустынь витязь-труженик Фархад. Здесь он своими могучими плечами раздвигал скалы, освобождая путь в долину бурным рекам. И невольно думаешь: может, так оно и было? Тут все возможно, тут любой легенде поверишь.

Ташкурган нужно видеть, чтобы оценить его красоту, его величие, его строгость. Кишлак построен более 500 лет назад, но какая четкость линий, как широки улицы, как просторна площадь! И в то же время улицы петляют, замысловато кружат, как в любом небольшом восточном городке, как в любом кишлаке. Дома высокие, крыши плоские, из-за забора не разглядишь, что там, во дворе. Что ни дом — то маленькая цитадель.

Ворота... О них стоит сказать особо. Делали их прочными, из огромных обтесанных досок, вернее, не досок, а чинаровых плах. Толщина каждой плахи до 15-20 сантиметров. Такие ворота враз не откроешь, даже тараном. Суровый строительный стандарт жестокого века...

Я отодвинул мощную деревянную плаху и вошел во двор. Во дворе росло несколько урючин, множество гранатовых кустов, были надворные постройки, в углу стояла ручная маслобойка, тандыр — печь для выпечки лепешек, был виден загон для скота. Но двор был пуст и безлюден.

Безлюдным был и соседний двор. И следующий. И тот, что напротив. А в то же время кишлак оставался внешне опрятным. Домики еще

были ухоженными. Еще казались жилыми.

Но люди ушли отсюда навсегда, и как их не понять? В наше время, видимо, очень трудно жить, не чувствуя постоянной связи с миром, со всей планетой. Что ни говори, а четыре-пять месяцев в году Ташкурган отрезан заснеженным горным перевалом. Жить от земли замкнутой, обособленной жизнью? Нет, современный человек так не может.

Еще полвека назад этих детей природы, неграмотных людей устраивала такая обособленность — это была своего рода гарантия спокойствия и безопасности. А теперь, в советское время, когда так велик выбор жизненных дорог, когда внизу, на равнине каждый труженик (а ташкурганцы — вечные, прилежные труженики!) — желанный, долгожданный, нужный человек! И вот жители Ташкургана стали подумывать о переселении.

Особое рвение проявляла молодежь. Вернувшись со службы в армии или приехав в отчий дом из института, с работы в районном центре,— все чаще и чаще звали старших за собой, на Большую землю.

Соблазн был велик! Переехать в долину, где автомобили и асфальт, уверенный прием телепередач, кинотеатры, магазины и прочее! Кто же против? Но в одиночку — не решались. Это было не в правилах жителей гор. Коллективизм — характерная черта ташкурганцев. Часто поговаривали о переселении, обсуждали его на семейных сходах, за чаем толковали аксакалы, но дальше разговоров дело не шло. Куда поднимешься кишлаком в 320 дворов? Да если бы и решились переехать всем миром — ведь целый новый совхоз надо строить! А по отдельности — нет, не согласны.

Но таких земель для нового совхоза в Яккабагском районе не было.

Однако сама жизнь решила этот вопрос, когда началось освоение Каршинской степи. Как нужны здесь люди — возделывать огромные массивы целины, заселять новые поселки, новые районы! Узнали об этом ташкурганцы и однажды, собравшись на свой совет, решили переселиться в Каршинскую степь.

После недолгих хлопот они получили в свое распоряжение большой, только что отстроенный целинный агрогородок. Здесь есть все, что нужно: добротно построенные дома на бетонных фундаментах, покрытые шифером. Хорошо продуманные надворные постройки. Электричество. Газ. Водопроводная вода. Это — для каждой семьи. А для всех вместе — красивый торговый центр. Просторная типовая школа. Дворец культуры. Так что ташкурганцам заниматься строительными работами не пришлось. Разве что кого-то не устраивало новое жилище, захотел приспособить по своему вкусу. Для этих целей нашелся в достатке строительный материал, сделай милость, улучшай, только не нарушай генерального плана.

Вот и остался старый Ташкурган стоять пустым, нетронутым, не разрушенным. Я не знаю другого случая, когда целый кишлак, хранящий печать старины, остался после выезда всех людей стоять в первозданном виде. У кого поднимется рука ломать и рушить то, что построено дедами, отцами, то, что сами любовно достраивали

всю жизнь... Да и кому это надо — ломать чьи-то семейные очаги?..

Что же такое теперь — старый Ташкурган? По сути дела — это настоящий мемориальный музей узбекской старины. Он создавался веками. Здесь каждый дом хранит характерные приметы быта, культуры и обихода прежних поколений узбекского народа. Поражают любовь и тщание, с которыми сельский житель строил свой дом.

Дома в Ташкургане все каркасные, крыши укатанные, мощные. Под каждую крышу подведен деревянный долбленый лоток. Окна створчатые, двери, ведущие в жилища, резные, потолки в домах чистые, ровные, уложенные бревнышко к бревнышку. Сводчатые ниши, традиционные для восточных строений. Ниши эти заменяли местным жителям мебель: там расставлялась посуда, укладывались утварь, одеяла, ставились сундуки, чтобы комнаты оставались свободными, не загромождались и были удобными для больших семей.

В Ташкургане что ни двор — то музейная экспозиция. Люди, переселившись в долину, за ненадобностью оставили здесь высокие арбы-двуколки, чигири на окраине поселка вдоль реки, мельничные жернова. Почти в каждом доме, где содержался скот,— а скот держала каждая семья,— можно увидеть деревянные долбленые кормушки. Нелегок был труд крестьянина, но как находчиво здешние люди побеждали трудности! В некоторых дворах я видел брошенные сохи. В некоторых домах — большие хумы (кувшины для хранения зерна), деревянные долбленые ступы. Глядя на все это, получаешь полное представление о быте сельского жителя давно ушедших времен. Всего того, что сохранилось в Ташкургане, сейчас уже не найдешь в долинах не только Кашкадарьи, но и Сурхандарьинской, Бухарской и других областей. Эти вещи есть только в музеях да в маленьких кишлачках.

Все это и там скоро пойдет под снос, под нож бульдозера, сравняется с землей, канет в Лету. А правильно ли это будет?

Ташкурган — это счастливая случайность. Сравнивать с землей его незачем, и не будут. И стоит этот кишлак на радость тем, кто сюда приезжает. А за последнее время поездки в Ташкурган из долины участились. Приезжала экспедиция Московского университета. Приезжают из Шахрисабза, Чиракчи, из Карши. Посмотреть. Познать. Прикоснуться.

Побывав в Ташкургане, никто не остается равнодушным к тому, что сберегла здесь история. Многие приходят к мысли: надо сохранить для потомства все то, что сейчас еще напоминает о старине.

Ташкурган — это своего рода Кижи Узбекистана. Проведя здесь два-три часа, совершив экскурсию по этим улицам, человек духовно обогащается, прикасаясь к самой истории. И говорит эта история о том, как люди в любых условиях не только борются за свою жизнь, но еще и украшают ее, создают так много оригинального, неповторимого, характерного именно для этой местности. Можно ли тут применить термин «искусство»? Отдельно тут его не существует. Прекрасны дома, ворота, предметы утвари Ташкургана — так уж устроена душа мастеров, создававших все эти аксессуары быта...

Не скажешь, что Ташкурган совершенно безлюден. Здесь все же

осталось несколько семей, которые решили работать в Кызылсуйском заповеднике. Это его, заповедника, «население» встречали мы по дороге сюда. Обитают в горах этого района свыше 90 видов животных. И живут без страха. Становится радостно, когда видишь эту нетронутую природу, значит, мы умеем сохранять такие уголки! И за это тоже — спасибо вам, ташкурганцы!

Буквально в пяти километрах от Ташкургана находится знаменитая «тропа динозавров». Сотни миллионов лет назад ходили в этих краях гигантские рептилии, оставляя в песчанике свои чудовищно большие следы размером каждый в полметра. 23 следа подряд — где еще есть подобное чудо?

За «тропой динозавров», через два перевала, есть еще одна загадка этих заоблачных мест — Тамерланова пещера, где, гласит еще одна легенда, спрятана богатейшая библиотека Улугбека.

В самом Ташкургане тоже есть достопримечательности. Одна из них — мечеть Аль-Мадина. Строение по своему архитектурному облику очень интересное. Как говорит директор Кызылсуйского заповедника Салим Садыков, этой мечети 250 лет. Сделана она из жженого плоского кирпича. Высота ее сводов более 20 метров. Свод мечети поддерживается на редкость красивой и, пожалуй, уникальной колонной, сделанной из ствола чинары. Деревянная колонна, в два обхвата — восьмиугольник. Наверху, у самого свода,— оригинальный орнамент. Балки и потолок расписаны лазурью. Отделка, подбор цвета, резьба по дереву говорят о высоком мастерстве зодчих.

Другая достопримечательность — двор Мамарасула Ахмедова — бывшего председателя местного колхоза.

Мамарасул Ахмедов председательствовал более двадцати лет, человек был от природы талантливый. В 1947 году построил маленькую ГЭС, подарив кишлаку электричество.

А двор его примечателен тем, что здесь жила семья в... 204 человека. Скорее это была община из 21 семьи. Двор был на всех один, просторный. В центре, на небольшом холме, стоял дом главы рода. Вправо и влево по периметру располагались жилища других семейств — сыновей и внуков. В центре двора и до сей поры стоит огромный, на десять ведер, казан: не было смысла его перевозить с собой в долину. В этом казане готовили обед на всех, жили одним двором, одним хозяйством. Говорят, что это была очень дружная, трудолюбивая, уважаемая в Ташкургане семья. Ей любые невзгоды были нипочем...

В 20-е годы, когда ташкурганцы узнали, что в Бухаре победила народная революция и эмир бежал за границу, они тут же избрали свой ревком и послали ходоков в Бухару. Узнав об этом, банда повстанцев под командованием яккабагского бека решила наказать ташкурганцев. Но не тут-то было. Превратив свои дома в крепости и заняв круговую оборону, жители отбили все атаки противника. Осада продолжалась две недели. Обороняющиеся за это время изготовили более сотни самодельных пистолетов и даже сами отлили четыре пушки, которые укрепили на деревянных лафетах. Оружейные мастера здесь тоже были свои.

Мужественные люди кишлака Ташкурган выстояли и победили, ибо в них был силен дух свободы и справедливости. Вот такие они и в работе, и в борьбе.

Покидая Ташкурган, бросив прощальный взгляд на его улицы, на теснящиеся друг к другу каркасные дома, я с грустью подумал: неужели все это — сама история, созданная многими поколениями людей,— в скором времени обветшает и разрушится? Неужели погибнет такая ценность?

Нет, мы не должны допустить. Жители кишлака Ташкурган, те, что остались еще здесь, с любовью, со старанием поддерживают в порядке опустевшие улицы Ташкургана, не дают одряхлеть кишлаку. Хочется сказать этим скромным, но очень душевно щедрым труженикам большое человеческое спасибо. Но сил у них далеко не достаточно. Им нужна квалифицированная помощь, нужны люди науки, нужны специалисты, нужны средства, чтобы Ташкурган на многие годы, для многих поколений людей сохранил свой самобытный облик как памятник материальной культуры узбекского народа.

ГОРШЕЧНИКИ ИЗ КАСБИ

Ничто из сделанного предками за минувшие века бесследно не исчезает. Даже тогда, когда мы не вспоминаем о прошлом, поглощенные заботами сегодняшнего дня,— оно с нами.

Я размышляю об этом, покидая селение Касби...

Оно возникает неожиданно в Каршинской степи, вы уже готовы поверить, что видите мираж. В самом деле — просторы степи кажутся беспредельными, земля ровная, как стол, насколько хватает глаз — до горизонта и там, за ним... И кажется, сколько бы ты ни ехал, ничто не остановит взора, не будет больше ни ломаных линий, ни вертикалей. Это страна горизонталей, страна безбрежной, успокаивающей дали.

Но вот вы в Ульяновском районе, в его молодом центре — современном агрогороде с многоэтажными домами. Езжайте отсюда по новой дороге на юго-запад — туда, где заходит летнее солнце после долгого жаркого дня...

На этом пути ожидает вас удивительное зрелище. Степные горизонтали внезапно изгибаются, ломаются, рвутся. На фоне закатного неба возникают очертания холмов, на которых лежит город.

И город не простой, а древний! Крепостные стены, округлые купола мечетей, минареты, восточные дворцы. Полно, не мираж ли это? Вы останавливаете машину и долго всматриваетесь вдаль.

Нет, это не мираж, говорит вам бывалый спутник. Это действительно древний город, а вернее, все, что осталось от него. От города Касби, что лежит на границе сухой степи и Каршинского оазиса.

Даже краткие сведения из истории Касби поучительны и захватывающи — как, впрочем, сведения из истории почти всех памятников прошлого. А к тому же — Восток... Думается, спокойная мудрость этого края и его людей рождена самим образом жизни, условиями этих мест; край этот сам формировал, направлял, ваял характер здешнего жителя — учил совершенствовать себя и совершенствовать природу, не переделывая ее, не борясь с нею, а расчетливо и точно ей подчиняться, в конечном счете подчиняя ее себе...

Комплекс древних построек Касби лежит островком на окраине современного кишлака с тем же названием. По соседству с сохранившимся городищем — большой курган, и что в нем — трудно сказать, хотя который уж год археологи снова и снова возвращаются на эти склоны, к этим многовековой давности пластам.

Известно, что на кургане была когда-то крепость — ее развалины остались и посейчас, но крепость ведь стоит на поверхности...

1992 А Узб. 5387

А посмотришь на срез грунта — видны культурные наслоения, уходящие в невообразимую даль времени — утверждают, что за границу нашей эры. Под многометровой толщей вы видите слои золы. Видите кости животных. Видите многочисленные черепки — следы труда гончаров. Видите и остатки их жилья — также слепленного некогда из глины...

И если у вас есть хоть немного воображения, вы ощутите, словно наяву, как шагали эти люди по той же самой, по каршинской земле, как они трудились и боролись тут, оставив нам, потомкам, свои следы. И какие следы! Нет, не черепки и не развалины я имею в виду, хотя и это тоже удивительно интересно. Я имею в виду преемственность духовную — ту эстафету, которую один труженик передает другому через столетия. И принимая такое наследство, ты, человек двадцатого века, знакомый с совершеннейшей техникой, современник полетов в космос — ты становишься богаче и сильнее.

Вот об этой эстафете тружеников я и веду рассказ. Совершим путешествие по Касби вместе, читатель. Сперва мы осмотрели курган и оставшиеся в нем культурные пласты, которые все же больше расскажут археологу, чем непосвященному страннику. Но теперь давайте шагнем в средневековый город Касби, который еще издалека привлек наш взор.

Минареты и купола — вернее, то, что осталось от них — поражают изяществом. Видно, что строили большие мастера, что был тут не простой город. Обратите внимание на развалины этих дворцов — говоря об их прошлом, я не счел бы чрезмерным слово «величие». Ведь надо было откуда-то издалека доставить сюда мраморные колонны, а перед тем добыть этот мрамор, обточить его, обработать умелой рукой. Жженый кирпич высокого качества, цветная майолика, украшавшая здания старого Касби,— все это напоминает нам о большом, многолюдном поселении. Хорошо сохранились, почти не пострадали от времени лишь некоторые постройки. В частности — ансамбль Султан Мир Хайдар, который возводился в XI—XIV веках, и одна мечеть XVI века. Много тут мраморных, тонкой работы надгробий — по-видимому, местной знати. Умелая рука камнереза нанесла на мрамор длинные эпитафии, выведенные затейливым восточным письмом. От знати остались имена, от мастеров и имен не сохранилось... Но о них, о чудесных умельцах древнего Касби, их безупречном вкусе, твердой руке, незаурядном таланте мы можем куда больше сказать сегодня...

Конечно, дело вкуса, но многие соглашаются, что некоторые надгробия Касби не уступят в изяществе тем, что восхищают туристов в знаменитом комплексе самаркандских мавзолеев Шахи-Зинда. Там эти реликвии показывают через ажурные решетчатые двери, издали — ведь это драгоценнейшие уникумы. А тут подобные творения человеческих рук сохранились во множестве, стоят они лет пятьсот под открытым небом, и здешний люд к тому привык.

Мало что не удивит человека, впервые оказавшегося в Касби. За каждой стеной, за каждым минаретом, за каждым кирпичом — только пришпорь фантазию — разглядишь события и людей средне-

вековья. На высоком холме сохранились остатки башни. Одна была такая при дворце. Разве не охватит трепет, когда представишь, как ночами неспешно восходил на самую вершину, преодолевая неудобные высокие ступени, придворный звездочет?.. Как вглядывался он вот в эти самые звезды — такие крупные, такие яркие на черном бархате каршинской ночи, пытаясь найти в их расположении весть, которая порадовала бы правителя Касби, или по крайней мере не вызвала его гнева?..

Башни, мечети, надгробья. Да, это интересно, что и спорить. Меня, однако, захватывает иное зрелище. Тут сохранились сооружения более прозаические, построенные не для одного титулованного правителя, не для упокоившейся знати, а для сотен и тысяч живых людей.

Называются они — сардобами, то есть хранилищами воды. Сардобы, подобные тем, что есть в Касби, не встречались мне больше нигде в Средней Азии, да и слышать о подобном не приходилось. Одна из них, самая крупная, и поныне не только стоит, но и действует, продолжает исправно накапливать воду.

Немалая мудрость была нужна, чтобы выработать — без сомнения, не враз и не одному человеку — удивительно рациональную конструкцию сардобы. Это огромная емкость шарообразной формы, сложенная из кирпича и на две трети заглубленная в землю. Над поверхностью, таким образом, возвышается лишь купол; здесь, в Касби, это купол диаметром в 16 метров! И ведь выстоял, не разрушился за многие сотни лет, хотя вряд ли был рассчитан математически — строители тех времен еще не были знакомы с инженерными методами конструирования подобных сооружений...

Впрочем, как же этому куполу не простоять века, если строен он с завидным тщанием и терпением — об этом и письменные источники рассказывают, да и на глаз видно, что не халтурщик тут работал... Сардоба строилась обычно 5—7 лет, трудились над нею всего несколько человек, спешить на подобных объектах не любили: понимали уже тогда, что поспешность — враг качества; дело-то шло о жизни и смерти города, о том, надежным ли будет хранилище запасов воды.

На постройку сардобы в Касби ушло, видимо, от 400 до 600 тысяч кирпичей. Не простые это кирпичи. Глину для них добывали далеко-далеко, в низовьях Амударьи, издревле по опыту оценив ее жаропрочные, водонепроницаемые, теплоизолирующие свойства. Замешивали эту глину особым способом, с добавлением верблюжьей шерсти. Длительное время выдерживали, сразу не пускали на формовку. Отформованный, наконец, кирпич тоже не в обжиг шел, по году и больше «жарился» на солнце. Вот если после этого он не трескался, не менял формы — ну, тогда в огонь. После обжига снова строго отбирали по звуку, по форме, по другим качествам. И только прошедший все эти экзамены кирпич признавался годным и подавался на стройку... Раствор для кладки замешивали тоже не на простой воде, а с добавлением овечьего молока да верблюжьей шерсти.

В результате получалась стенка не только прочная, но и полностью исключающая фильтрацию воды, сохраняющая ее чистой, прозрачной и холодной.

Как я уже говорил, сардоба на две трети уходит в землю, лишь купол возвышается над землей. Размещали же все сооружение где-нибудь в низине, на перекрестке стоков дождевых вод. Грянул непродолжительный ливень осенью либо весной, зажурчали по степи ручейки — ан вот они и пойманы человеком, не испарились бесследно, оказались в подземной кирпичной цистерне. И вот уже город, построенный, казалось бы, в немыслимо сухом месте, вдали от рек, озер, от горных ручьев — получает возможность не только жить, но и процветать!

Потому что источником жизни и процветания Касби, основой его благосостояния, была дождевая вода, сохраняемая в сардобах. Даже и поныне единственная сохранившаяся тут сардоба за зиму и весну собирает более 20 тысяч кубометров влаги... Сказать: «вода в Каршинской степи на вес золота, особенно летом»,— значит ничего не сказать. Каким золотом оплатишь глоток воды в 45-градусный июльский зной, когда от этого глотка жизнь зависит? Вот он, этот глоток — его предлагал путнику удивительный город, где жили мастера, умеющие улавливать и накапливать воду там, где вроде бы и мечтать о ней нечего.

А путников было тут немало. Через Каршинский оазис пролегали самые удобные, самые короткие дороги из Индии в Самарканд, из Бухары в Афганистан, из России в Персию и другие страны Востока. Путь-то удобный, а где взять воду? Вот где: в Касби. Кто бы ни шел этими тропами, в какие бы края ни спешил — он останавливался тут, где ждали его сардобы, наполненные холодной свежей, чистой водой. Особый, только на жарком Востоке возможный вид торговли. Им и славился Касби, исполняя век за веком свою добрую службу.

А теперь подхожу к главному. Воду ведь здесь не только пили, но и брали с собой в дорогу. И, стало быть, в городе Касби главной профессией была профессия гончара, главным тружеником — горшечник, вторым после воды товаром — глиняный сосуд.

Как бы ни был могуществен любой завоеватель, какой бы грозной ни была его армия, каких бы свирепых планов он ни лелеял — а пить-то надо и ему, и его солдатам. Разрушивший сардобу, уничтоживший гончарный промысел в этих местах стал бы самоубийцей. Вот и жил Касби из века в век, вот и пылали, не угасая, его гончарные печи, вот и увозил отсюда путник наполненные водой большие глиняные хумы местной работы. Каждый такой хум вмещал от 50 до 100 литров воды, были и маленькие кувшины, литра на три-пять. Кочуя по караванным путям, изделия мастеров Касби расходились по всему свету. Стало быть, и разбивалось их немало в дальних дорогах, а потому постоянный повышенный спрос на эти изделия не падал никогда. А если еще вспомнить о характерной изящной форме местных сосудов, их стройных и строгих линиях (горшок из Касби не спутаешь ни с каким другим), станет ясно:

мастера свято блюли честь своей марки! Специалисты считают, что школа Касби — одна из древнейших гончарных школ в Средней Азии. По мнению других, горшечники Самарканда и Бухары, Ферганского Риштана, таджикского Карабаха немало полезного переняли у здешних умельцев.

Сколько поэтических строк сложено о горшечниках, мастерах — повелителях глины, воды и огня! Эти люди — представители, наверно, самого древнего из ремесел. Они владели и владеют, говоря по-нынешнему, множеством смежных профессий. Горшечник, если надо, может и кирпичи обжигать, и формовать их, и кладку вести, и многое другое делать. Ремесло горшечника такое простое, что, кажется, проще и нету. Еще детишками все мы лепили из глины что душа пожелает. Да только многие ли поднялись до умения сделать из глины Вещь?

Простое ремесло у горшечника, но оно и очень трудное. Потому что, как правильно говорит народная мудрость, не боги горшки обжигают. Это делают люди, делают много веков, пройдя короткий, но такой тяжелый путь от примитивной лепки до первого (по всей вероятности) механического станка — гончарного круга... Это он, гончар, судя по всему, был первым, кто превратил простые движения ног во вращательный ход круга на вертикальной оси и это вращение передал с помощью вала на другой круг — формовочный. А тут, на формовочном кругу, совершил новое чудо: приложив руку к вращающемуся куску глины, заставил эту глину жить, менять форму, становиться телом вращения, способным после обжига служить человеку для самых разнообразных нужд...

Примитивный механизм — гончарный круг, за тысячелетия он практически не изменился. Но как многим обязан этому механизму человек — и в повседневном быту, и в области техники. Ведь это лежащее плашмя колесо может служить некоей точкой отсчета, откуда пошел шагать технический прогресс! Началось от гончарного круга, а конец где? Конца не будет, никогда не застынет в своем движении круг человеческого знания и мастерства...

И никогда не будет забыто, с чего начинал человек,— напоминаний много. Одни из них приходят к нам в опосредствованной форме: из легенд, старых рукописей, изображений на пергаментах и скалах. Иногда даже и не сразу сообразишь, что, например, дирижабли, которые сейчас называют воздушными кораблями будущего,— это воплощение принципа, открытого еще Архимедом... А бывает и вот так, как в Касби: здесь гончарный круг — не памятник прошлого, а сегодня (верю, что и завтра) такое же орудие труда для десятков людей, как многие века назад. И более того: за гончарным кругом теперь добывают не кусок хлеба, а нечто большее: радость для души.

Рождались и умирали царства, проходили и исчезали армии, сменялись религии, а горшечники оставались, передавая детям свое мастерство. Сидел человек за кругом и лепил и лепил глину. Лепит и сегодня, окруженный почетом среди жителей и гостей кишлака Касби.

Тут и сейчас их немало — мастеров, считающих свой род в

глубину времен на многие поколения. Все так же честно и надежно делают они свое нехитрое дело, выставляя плоды труда напоказ и на продажу. Пусть отпала нужда строить сардобы на караванных путях, пусть и караванов больше нет, и воду мы приводим в каждый сельский дом — только кран поверни. Но как же щемит сердце, какая теплая волна охватит душу, когда, проезжая Касби, в который раз увидишь это зрелище: возле каждого дома, на кольях, перевернутые кверху дном, вдоль заборов, лежащие плашмя — два-три десятка глиняных горшков... Это мастера показывают свои готовые изделия. Размеры сосудов различные — от полулитрового малютки до пятиведерных хумов, хоть сейчас на верблюда завьючивай. Именно в таких горшках когда-то продавали воду из тех сардоб, что имелись в Касби. Следы их сохранились то здесь, то там — все же эти хранилища не пощадило время. Но самая крупная, царь-сардоба, о которой специалисты говорят, что она построена 500—600 лет назад, стоит во всей красе. Вокруг нее до сих пор видны осколки гончарной посуды — горшков, чашек, блюд. Видимо, здесь шла бойкая торговля не только водой, но и снедью, пряностями и приправами, лекарствами и прочим товаром, который был необходим путнику или скрашивал его жизнь во время стоянки каравана.

Кстати говоря, именно здесь, по местному преданию, жил и торговал водою возле сардобы отец того молодого парня, который однажды, потерев волшебную лампу, неожиданно сделался повелителем могучего джинна, исполнявшего любые желания... Да, да, здесь прекрасно знают сказку об Аладине и лампе, утверждают, что все приключения героя сказки произошли в окрестностях Касби. Знают и лампу и даже не раз показывали мне. Ну, разумеется, не «ту самую», но точное подобие ее — ведь она на протяжении многих веков светила в больших дворцах и маленьких хижинах, кибитках, землянках. Еще и сейчас во многих домах Касби вы найдете такие светильники: их делали и делают до сих пор местные гончары. Разумеется, теперь традиционный чирак, если и изготавливают, то не для того, чтобы он освещал жилье. Скорее это украшение комнаты, дань традиции, если хотите — талисман, память о жизни и мастерстве предков... Теперешние горшечники Касби живут при электричестве.

Это, однако, не мешает каждому из них иметь в своей мастерской волшебную лампу Аладина, либо собственной работы, либо сделанную дедом или отцом. Сами мастерские не блещут роскошью. Как правило, они представляют собой небольшие помещения: метра два с половиной — три в ширину и пять-шесть метров в длину. В углу такой мастерской вы найдете неизменную печь для обжига горшков. В центре — станок с гончарным кругом, рабочее место мастера. Тут он сидит и трудится, тут, не вставая с места, он принимает от прошлого и несет в будущее эстафету своего великого и вечного искусства, простого, как глина, сложного и изощренного, как изделия из нее... Грациозные, математически точные обводы кувшинов, горшков, хумов, словно выращенных в чудесном саду волшебной рукою, получены в наследство от пращуров.

Нехитрые узоры и орнаменты на посуде — тоже оттуда, из дали времен. Такими получил их мастер, такими хранит, добавляя самую чуточку собственной индивидуальности — тот неповторимый почерк, по которому истинный знаток и за тридевять земель отсюда узнает, чья работа.

Истинное наслаждение — наблюдать, как работает гончар. Особенно сегодняшний, которому нет нужды спешить, добывая себе пропитание. Неторопливо и уверенно, с чудесной легкостью действует мастер. Вот кладет он на свой круг кусок глины. Вот придал кругу вращение, а вот коснулся глины рукой. И вот под прикосновеньем этой руки — будто колдовское слово прозвучало — сама собой вырастает ваза или узкогорлый стройный кувшин... Сколько же старанья, какое усердие в учебе, сколько терпения и труда за этой кажущейся легкостью!

А бывает, найдет на мастера особо доброе настроение, улыбнется он нежданному гостю — и вместо очередного кувшина или горшка вылепит какого-нибудь фантастического зверя. Здесь все это умеют, хотя и запрещал ислам подобные богохульные действия. Возьмет мастер, да и сотворит на твоих глазах какого-нибудь козерога, тура или вообще чудовище, о котором тут же сама сочиняется сказка... И это существо тоже отправляет туда, в печь, на обжиг, а затем горшечники раздают их детям. Детям, многие из которых и сами придут к гончарному кругу, когда настанет для них день вдохновенья... Свои изделия гончары Касби выставляют у стен мастерской, которая дверьми выходит на проезжую часть улицы. Прямо из печи, едва остынет — и на улицу. Подходи, выбирай, что придется по душе, и владей. Цена — невеликая. Ведь горшечники из Касби за прибылью не гонятся, они работают не для пропитания, а скорее для души. Гончарные работы — не основной их труд. Большинство жителей Касби работают на хлопковых полях, что зазеленели в последние годы в этой засушливой местности. Они хлопкоробы-механизаторы или поливальщики, они и бетонщики, они и бульдозеристы, они и строители. Под палящим солнцем они осваивают Каршинскую степь. И некоторые из них, освоив новую, неведомую ранее в этих местах профессию хлопкороба, все же не забывают и своего дедовского дела. Они страстно берегут мастерство гончаров.

И как радостно, что остался в их душах уголок, осталась в их душах струна, которая заставляет хранить и держать теплыми гончарные печи, работающими — круги, всегда отлично замешанной — глину, всегда готовыми воспринять дедовское ремесло — трудолюбивые руки.

Сегодня в местной кашкадарьинской печати немало пишут о Касби в связи с освоением новых земель. Труднее встретить сведения о древнем Касби. Но и о нем есть интересные строки в ряде исторических источников. Например, рассказывается о Касби в «Дастуралмулюк»— наставление царям, которое написал в конце XVII века ходжа Самандар Термези. Там говорится, как хивинский хан Ануша, прослышав о великих богатствах Касби, задумал захватить его, двинулся сюда с многочисленным войском, но, простояв у стен

города более двух месяцев, осаду снял и ушел несолоно хлебавши. Упоминает о Касби летописец Востока Махмуд ибн Вали в своей книге «Море тайн». Пишут ученые — и современные, и жившие чуть раньше нас, но тоже в двадцатом веке.

А все-таки вернее всего расскажет о себе сам Касби. Расскажет тому, кто побывает здесь, кто вглядится внимательным, заинтересованным взором, как настроит свою душу на отзвук веков, как бы сохранившийся и доныне в самом воздухе этого места... А горшечники Касби — немногословный народ, говорят они мало и неохотно. Но не потому, что нрав у них хмурый. Просто работа такая — располагает к молчанию, к раздумью... Если они доверятся вам, если увидят в вас друга, расскажут добросовестно и точно все, что знают сами, что слышали от предков об этой удивительной земле.

Потом вы примете из рук гончара драгоценный подарок: кувшин, только что покинувший печь. В этом сосуде, если вдуматься,— история воды, история поколений, прочувствованная вами... И самое главное — этот кувшин можно взять с собой и увезти в дальние края, чтобы никогда не забылась эта земля и ее люди, наследники старинных мастеров.

АГАТОВАЯ ГЕММА

Этот камень — агат цвета алой крови, пересеченный белою прожилкой, был тщательно измерен и описан. Длина —16 миллиметров. Ширина —6 миллиметров. Толщина — полтора-два миллиметра. Камешек с ноготь ребенка.

Он когда-то был вставлен в перстень. И на обращенной к свету плоскости красного агата вырезан древним мастером рисунок, условно названный «воин и сокол». Предполагают, что возраст этой геммы — больше двух тысяч лет. Найдена гемма в прошлом году близ Карши.

Неужели в те невообразимо древние времена здесь, в долине Кашкадарьи (которая, скорей всего, носила иное название, да и текла несколько иным путем, чем теперь),— неужели уже тогда в этих краях столь совершенным было искусство глиптики — резьбы на драгоценных камнях? Искусство, ныне незнакомое мастерам этих мест. Искусство, достигшее расцвета совсем в других землях и в другие времена — в Европе, уже в период «нашей эры»...

Или агатовая гемма «воин и сокол» занесена сюда кем-то издалека?

Этого пока не знает никто.

А местные крестьяне, особенно старики, хранящие преданья древних веков, узнав о находке, ничуть не удивились. «Это тот самый перстень,— сказали они,— который хотел иметь и которого так и не получил Искандер Зулькарнайн»...

Расспрашивая многих, советуясь с историками и археологами, я пытался представить себе, как это было...

* * *

В 329 году до нашей эры, когда Александр Македонский предпринял свой поход в Среднюю Азию, он, как известно, нацелился и на такие богатые и прославленные города, как Мерв и Самарканд.

Без особого труда захватив Бухару, Александр двинулся было вверх по Зеравшану, но неожиданно для многих повернул вправо — на юго-восток — и направился к городу Наутаке.

Этот город находился по соседству с тем местом, где стоит сегодняшний Карши.

Почему Александр двинулся сюда?

Есть сведения, что в его свите тогда находился жрец по имени

Мельконон, который однажды на привале добился у властителя аудиенции и поведал ему важную тайну.

Будто бы Мельконон в молодости был захвачен в плен кочевыми племенами и продан в рабство правителю Наутаки. После этого он прожил в городе десять лет. Опытный врачеватель, Мельконон был приближен к царской семье, а потому хорошо знал крепость Наутаки, образ жизни дворца, богатства столицы Кашкадарьинского оазиса.

Среди этих богатств, говорил жрец Александру, есть три диковины, принадлежащие правителю Наутаки Сесимитру. Первая — золотой священный еж с бирюзовыми иглами. Вторая — зеленая лягушка, искусно вырезанная из крупного агата. За их сохранность отвечает главный жрец Наутаки. Еж и лягушка выставляются для всеобщего обозрения и поклонения во время священных празднеств и торжественных процессий.

А третья диковина — перстень с красным агатом, на котором вырезана гемма-инталия: воин держит посох, а на посохе сидит сокол. Изображение сделано с редкостным изяществом. Перстень этот украшает левую руку правителя Наутаки. Он дает своему хозяину мужество, мудрость и отвагу. Тот, кто владеет агатовым перстнем «воин и сокол», никогда не узнает горечи поражения, не уступит в бою никакому врагу.

Вот после этого рассказа жреца Мельконона, если верить легенде, Александр и разделил свою армию на две части. Одну, главную, отправил все-таки на восток, под стены Самарканда, столицы Согдианы. А сам с внушительным отрядом воинов двинулся через горные перевалы в южные степные края. Уже сутки спустя он вступил в долину Кашкадарьи и вскоре здесь, на берегу искусно проложенного канала, увидел город Наутаку и крепость при нем.

Это было величественное сооружение. На двадцатиметровую высоту вздымался крепостной вал, охватывая город кольцом. В центре города был курган, на котором высился второй вал — последний оплот огромного дворца.

Мне хочется представить, как Александр Македонский, осадив коня у этих стен, опытным взглядом полководца оценивал крепостные сооружения... Рекогносцировка убеждала: взять этот город будет непросто, тем более — без главных сил. Но оставалась еще надежда на просчеты командования осажденных, на высокий моральных дух собственного войска. Оставалась и твердая привычка всегда получать желаемое, брать силой все, чего захотелось могущественному царю. И потому он скомандовал штурм.

Войска Александра две недели сражались у стен Наутаки. Как это было? Как и при осаде других крепостей. Плотной массой бросались в атаку. Лезли наверх по шатким, колеблющимся лестницам. Мощными метательными машинами — катапультами — швыряли в город, на стены, в ворота огромные каменные глыбы.

Но ворота оставались накрепко закрытыми. На широких стенах грозно стояли мужественные воины и оттуда низвергали на врагов

рой стрел, рушили лестницы, метали каменные ядра... Город не сдавался. Александр так и не смог его взять.

А тут как раз поступили вести от главных сил, что там тоже дело не ладится: за овладение Самарканда идут тяжелые бои, и успеха завоевателям они не приносят... Такой полководец, как Александр Македонский, разумеется, прекрасно понимал, что больше медлить нельзя. И он, оставив Наутаку (думал — на время), двинулся на Самарканд и после ожесточенного боя захватил этот уже в те времена великолепный город.

Он никогда не увидел заветных трех диковин Наутаки. Судьба распорядилась так, что Александр больше не вернулся в Кашкадарьинскую долину. Золотой еж с бирюзовыми иглами, зеленая агатовая лягушка и приносящий счастье перстень с таинственной геммой так и остались в городе...

* * *

Наутака еще долго была неприступной. Около тысячи лет мирно текла жизнь за ее высокими, время от времени достраиваемыми стенами. Несколько веков спустя в плодородный, благословенный край хлынула новая волна захватчиков. На сей раз это были арабы. Огнем и кровью насаждали они свое шаткое владычество в отдаленных землях; безжалостно истребляли непокорных; повинуясь догматам пророка, сколько драгоценных произведений человеческого гения — фресок, скульптур, разнообразных изображений — уничтожили они... Каким же чудом спаслись от этой участи золотой еж, зеленая лягушка и агатовый «воин и сокол»? А то, что они спаслись, мы теперь точно знаем.

Наутака была стерта с лица земли. Немногие уцелевшие люди в ужасе бежали, покинув обжитые места. Больше никогда они не возвращались в этот город, умерший навсегда.

И только после арабских нашествий вновь пришли сюда строители, ремесленники, земледельцы. Неподалеку от Наутаки, в ближней излучине кормилицы-Кашкадарьи, они снова начали строить город с такой же мощной крепостной стеною. Это был Несеф. Он тоже стоял века.

Но столица Кашкадарьинского оазиса погибла опять... Безжалостно разгромили ее орды Чингисхана — после них на месте города остался только огромный глиняный курган. Его и сейчас можно видеть в наших краях.

А жизнь шла своим чередом. История свершила свой суд и над этой волной завоевателей; люди, искони жившие тут, оказались упорными. Новый, уже третий город, построенный рядом с исчезнувшими Наутакой и Несефом, теперь называют Карши. В самом значении этого слова — «против» — видится мне символ упрямства и свободолюбия, символ решимости не уступать злу и отстаивать жизнь...

Старожилы Карши помнят — и это подтверждено фотографиями,— что даже в начале XX века город все еще был окружен мощными глинобитными стенами, над которыми вздымались оборони-

тельные крепостные башни. Да только кого могли остановить, от кого могли защитить стены и башни уже в те не столь далекие времена? После революции стены срыли, и нет больше в Карши запирающихся ворот. Но теперь это никого не беспокоит. Зачем глиняные стены и башни мирному городу в мирной могучей стране — городу, занятому благородным делом возрождения пустыни, городу — столице целинного края?

Растет Карши вширь и ввысь, гордится сотнями тысяч роз на бульварах, зажигает цветные огни на своих вечерних проспектах, встречает новоселов из всех концов Узбекистана, из всех республик СССР. Воздушные дороги связывают его с Москвой, Ленинградом, Ташкентом, со степями Приуралья и долинами Памира...

А другие дороги пролегают не в пространстве — во времени. Они протянулись в народной памяти и связывают нас с деяниями, свершенными на этой земле в прошлых веках. Здешние люди помнят о караванных путях, что вели через Каршинскую степь в Самарканд из Афганистана, в Бухару из Индии, на север из Термеза, на восток из Мерва и Керки.

Здешние люди помнят рассказы, которые в других краях — просто строки из учебника истории, а тут частица жизни. Двухнедельный бой у стен Наутаки с отрядом Александра Македонского. Яростные сражения с завоевателями-арабами под руководством свободолюбивого воина-кашкадарьинца Муканны — его восстание было потоплено в крови, но бойцы Муканны не один год потрясали здание халифата...

Легенд много. Но самой интересной все же остается та, что повествует о перстне царя Наутаки. Том самом перстне, на котором изображен воин с соколом.

Говорят, что этот перстень, спасший город от натиска Александра, сотни лет передавался из поколения в поколение, от одного правителя другому, охраняя город от всякой беды. Но вот, наконец, настали самые грозные дни. Арабы осадили Наутаку, окружив ее плотным кольцом. Они не могли взять крепость штурмом, а жителям ждать подмоги было неоткуда. Кончились запасы продовольствия. Кончилась и вода (или, может быть, враги отвели ее от города). Впереди была смерть. Тогда все граждане Наутаки, от мала до велика, вышли на крепостную стену для последнего боя.

Они сражались храбро рядом с воинами, и никто не дрогнул перед врагом. Защитники города погибали один за другим. В последний момент, когда арабы окружили предводителя осажденных — молодого царевича,— он проглотил легендарный перстень и на глазах остолбеневших врагов «вознесся» в небо, тем самым избежав позорного плена, а может быть, мучений и казни.

Такова легенда, хоть и красивая. А вот фактом остается, что и поныне вблизи Карши сохранились руины двух крепостей. Все знают, что одна из них — Наутака, другая — Несеф. Кашкадарьинцы чтут эти места, охраняют и в меру своих возможностей стараются сберечь.

В прежние времена в этом почтении к руинам Наутаки (ее

останки носят ныне прозаическое наименование Еркурган) было даже что-то мистическое, суеверное. Например, известно, что в 1913 году царское правительство по договоренности с эмиром Саидом Мир'алимханом приступило к постройке железной дороги Бухара — Термез и магистраль должна была пройти как раз через Еркурган.

Но когда строители дороги дошли до кишлака Карабаир, рядом с которым лежат развалины Наутаки, это вызвало волнения в окрестных селениях.

Дело в том, что согласно проекту, рельсовый путь проходил как раз по центру древнего городища, расчленяя его. А потревожить прах погибшего города и его жителей — значило, по местным поверьям, вызвать несчастья. Строители врубились в крепостные стены, в исторические развалины, в многометровые культурные слои, прорезая выемку прямо по улицам Наутаки.

Жители Карабаира и других кишлаков отнюдь не были, разумеется, историками или археологами. Никто из них, как известно, и грамоты-то не знал толком. Но они, как могли, пытались сохранить Наутаку. Отправляли ходатаев к властям, подавали прошения, но все было напрасно: работы продолжались.

Тогда дехкане «приняли» свои меры. То, что было прорыто строителями за день, ночью засыпалось. Выбранная земля приносилась на старое место, насыпанная — раскидывалась.

Это длилось несколько недель, покуда эмир Бухары Миралимхан не прислал для охраны стройки отряд сарбазов. И останки Наутаки были безжалостно вспороты. Не чудо ли, что и после этого все три драгоценные диковины — еж, лягушка и перстень — опять уцелели?

По дороге пошли поезда. Потом грянула мировая война, пришла революция. Никто больше не тревожил эту землю. Хотя в планах археологов, конечно, значились раскопки Наутаки, и не могли не значиться — слишком многое в истории связано с исчезнувшим городом. Однако на земле Узбекистана десятки, сотни подобных сокровищниц — кладезей информации о прошлом. Кто знает, скоро ли дошла бы очередь до Еркургана?

Но вот в 1973 году Кашкадарьинская область стала местом освоительных работ. Мощная техника стала вспарывать залежные земли Каршинской степи, чтобы провести по ней канал и пустить по нему воду из Амударьи. И опять на пути у строителей, как и много лет назад, встал Еркурган.

Когда начали прокладывать трассу Каршинского магистрального канала, стало ясно: снова нельзя миновать Еркурган, снова земляные работы должны задеть останки старинной Наутаки. Но теперь другие времена. Забота о сохранности исторических реликвий стала государственной, народной заботой. Еще до строителей, самыми первыми, сюда пришли археологические отряды...

Медленно и кропотливо, по горсточке, по щепотке, по камешку снимали ученые пласт за пластом, а мощная строительная армия терпеливо ждала, пока закончатся труды ученых.

Одна за другой обнажались и тщательно перебирались части холма, укрывшего некогда шумевший тут город. Настал и момент, когда вскрыли участок, на котором находился языческий храм Наутаки.

* * *

Здесь было много битого кирпича — арабы рушили город дотла, до основания. Весь этот кирпич перебрали и рассмотрели по осколку, по частице.

И среди этих осколков был обнаружен тот самый золотой еж с бирюзовыми иглами. Значит, в легендах есть доля правды? Значит, и лягушку надо искать? Тем более, что люди ведь говорили — эти реликвии находились на сохранении жрецов, а раскопки-то идут как раз в храме...

Но лягушка нашлась не здесь, а в другом храме, дворцовом, рядом со святилищем. Она действительно была сделана из зеленого агатового камня. А еще там обнаружили женскую статую. Это было, как определили ученые, изваяние богини Анахиты, покровительницы воды и плодородия. В старину такую находку сочли бы добрым предзнаменованием, раз богиня воды увидела свет как раз перед началом крупнейших оросительных работ. Молодой археолог Рустам Сулейманов и его товарищи, конечно, далеки от того, чтобы верить предзнаменованиям, пусть даже добрым. Но согласитесь, это все же символично. Тем более, что Рустам, как он теперь признается, верил не в приметы, а в легенду о трех диковинах. Он пересказал ее своим коллегам, пересказал и ребятам из окрестных школ, которые пришли на помощь ученым. «Три диковины здесь,— говорил он.— Надо хорошенько поискать, и мы их обязательно найдем».

И вот еж и лягушка найдены. А перстень? Был ли он? Если строго следовать легенде, вроде бы его здесь нет, ведь с его помощью «вознесся» к небу во время сражения последний принц Наутаки... Да и как искать такой крохотный предмет в огромном кургане? Ведь Наутаку населяло, говорят, 20 тысяч человек. Здесь было несколько дворцов, большие храмы, мастерские ремесленников, склады для продовольствия, водоемы для сбора питьевой воды. И все это теперь в развалинах, да еще укрыто землей. И трудно предположить, где может быть перстень, если он вообще существует.

Археологи очистили от позднейших наслоений священный погребальный курган древних зороастрийцев, обнаружив множество оссуариев — сосудов из обожженной глины, в которых укрыты останки жителей города. И больше ничего не найдено.

Некоторое время спустя под обломками дома нашли большое хранилище гончарной посуды. Это была немалая удача. Нечасто попадались в Средней Азии в таком внушительном количестве все эти изящные, тонкой работы кувшины, фляги для перевозки воды на вьючных животных, огромные хумы — сосуды для хранения зерна, терракотовые игрушки. А ведь этой утвари — целых полторы тысячи лет. Весточка от кашкадарьинцев, населявших эту землю пятнадцать веков назад...

Археологи продолжали свое, на первый взгляд незаметное, дело.

* * *

Дворец правителя Наутаки оказался большим. Его размеры 100 на 60 метров. Стены напоминали крепостные прочностью и толщиной. Они сложены из крупного кирпича искусными мастерами, во всех четырех стенах проделаны бойницы — жестокая необходимость того времени. Дворец дворцом, роскошь роскошью, а при случае можно было и отбиваться от врага.

В центре дворца — большой парадный зал. Несколько приемных комнат. Опочивальни. Царские покои. Снова хранилища продовольствия. В них найдена посуда с остатками зерна. Как это совместить с легендой о голоде во время арабской осады? Только одно объяснение. Город и в самом деле отбивался (свидетельство тому — ярость разрушивших его врагов), город погиб в бою, но его граждане верили в победу и хранили последние горсти зерна, чтобы, когда настанет день свободы, бросить в землю свой новый мирный посев...

Но зерна их надежды пролежали в земле полторы тысячи лет. Так и не вырастили своего хлеба люди Наутаки.

Обо всем этом размышляли и беседовали не раз археологи, разбиравшие крупицу за крупицей слои Еркургана. Они уже «отработали» участок, который попадал в зону строительства. Уже течет вода в большом канале, урожай за урожаем дарит людям ожившая Каршинская степь. Но не уходят ученые со своего поста в исчезнувшем городе. Теперь им необходимо выяснить все, что можно, до последнего зерна.

И случилось так, что через семь лет с начала работ на Еркургане, в 1980 году, очередной каменный комочек привлек внимание ученых своей необычной формой — кругляш, словно нарочно сплюснутый кем-то. Так лежал он среди свободного слоя земли.

Чуткие руки и чуткие инструменты осторожно, как дыхание, касались таинственного камешка. И вот уже ясно, что не простой это камешек. И вот уже ясно, что это... агат. И не просто агат, а агатовая гемма-инталия. Вглядимся же в рисунок...

На отшлифованной стороне алого камня, по самой его середине, как бы течет белый ручеек-прожилка. Это разноцветье создает совершенно необычную выразительность и красоту. На лицевой, тщательно отполированной стороне камня, словно на миниатюрной табличке, и вырезано изображение.

Его называли в легенде воином — кто он на самом деле? Воитель? Царь? Жрец? Могучая мужская фигура, выгравированная с потрясающей тщательностью на пространстве 16×6 миллиметров, по праву может быть названа шедевром глиптики. Высота фигуры не превышает сантиметра, а при этом какая чистота и ясность рисунка, какой радостный гимн красоте и мощи человеческого тела! У атлета тщательно «выписаны» мышцы, в вытянутой упругой, напряженной руке он держит шест, на перекладине которого сидит сокол. Взгляды сокола и атлета устремлены вдаль.

Целая эпоха на пространстве в сантиметр! Сколько мыслей, сколько

чувств будит эта чудесная гемма... Восхищение гением Мастера, сумевшего тысячу лет назад найти такую меру красоты, что и сегодня она волнует нас, его далеких потомков. Преклонение перед глубиной его мысли: гимн силе, мудрости и вечности Человека видится в творении тончайшего резца. А сам этот резец? А твердость и точность державшей его руки? А верность, смелость глаза, что вел эту руку? Хочется верить — еще найдется перо, достойное этого сюжета. Еще найдутся люди, которые опишут, истолкуют, воспоют находку на холме Наутаки...

Древние геммы-инталии попадаются археологам не так уж часто. Разумеется, все они на учете, все описаны, имеются соответствующие каталоги и картотека. Ученые говорят (насколько позволяет судить первичное исследование), что подобного сюжета, гравированного на драгоценных камнях, еще не встречалось нигде. Впрочем, есть изображение Юпитера-громовержца, относящееся к первому тысячелетию до нашей эры. Говорят, фигуры похожи. Но тогда перстень еще таинственней. Где поклонялись Юпитеру, а где — Каршинская степь... Какая тут связь? И есть ли она?

Во всем этом еще предстоит разобраться. И займет это не один год.

* * *

Вот что мне хотелось рассказать о рисунке «воин и сокол» на красном агате, найденном в 1980 году в нескольких километрах от Карши, на развалинах исчезнувшего города.

Александр и все, кто шел сюда после него с огнем и мечом, не получили ничего из богатств Наутаки.

Мы пришли в этот город, к его давно умершим людям с миром и любовью к их труду и таланту, полные желанья укрепить связь времен. И потому мы по праву стали наследниками их сокровищ, которые, согласно легенде, приносят счастье.

КОГДА ИДЕШЬ ПО ШАХРИСАБЗУ

Человеческая жизнь, как видно, берет начало в долинах рек. А реки начинаются в горах. Не потому ли так тянет нас в горы, не потому ли, как мифический Антей, прикасаясь к матери-Земле, обретал могучую силу,— так и мы, прикасаясь душою к горам, закаляемся, становимся светлее и чище, и горы сохраняют нас?..

Кто не знает о величии гор Памира, с чьих склонов берут начало многие реки Востока. С этих же склонов, вероятно, берет начало и значительная часть рода человеческого — ведь не случайно именно у подножия Памира, в гроте Тешик-Таш, найдено одно из древнейших человеческих жилищ.

Бьет ключом жизнь в этих предгорьях и сегодня, сотни процветающих селений разбросаны по склонам, и тут же, неподалеку, в долине Зеравшана, шумит и сияет огнями жемчужина Востока — Самарканд.

Немногим уступает ему в известности и даже славе небольшой, но древний и своеобразный город — Шахрисабз.

Среди других городов Узбекистана Шахрисабз занимает особое место и не только потому, что здесь в свое время родился грозный завоеватель Тамерлан. Я бы сказал, не столько потому, что он родился здесь. Сколько потому, что Шахрисабз — с этим согласны многие ученые — был в свое время родиной своеобразного стиля архитектуры, более того — стиля городской жизни, который потом определил особенности и остальных городов нашего края.

Поэтическое изящество тех памятников Шахрисабза, что дошли до нас хотя бы в остатках, хотя бы в руинах, таково, что невольно вспоминаешь возникшие уже позднее самаркандский Регистан, ансамбли Бухары и Хивы, другие удивительные строения живых и мертвых городов... Взлет фантазии, радужная многокрасочность, рациональная четкость конструкций, целесообразность и простота — все это поражает воображение любого, кто видит прекрасные дворцы Шахрисабза. Словно слышишь песню, которая не устареет никогда, ни в какие времена, потому что человек вложил в нее свою душу, всю мудрость, всю силу таланта. Да притом не одного лишь своего таланта, а таланта народного.

Вы постигаете это не сразу, не в готовом виде, как, например, в Самарканде, когда стоите на площади Регистан или у ансамбля Шахи-Зинда; не как в Хиве, когда попадаешь в сказочный мир «внутреннего города»— Ичан-калы. Нет, Шахрисабз берет вас в плен постепенно, шаг за шагом, пока вы шагаете его одноэтажными ули-

цами, словно следуя по невидимой нити вдоль вереницы веков... И заставляет эта нить думать о высших ценностях, о месте Истории в жизни человека.

Ты смотришь на город, а он повествует тебе о давно ушедших днях, о людях, что оставили след в мире и завещали тебе продолжить их благородное дело, идти дальше по намеченному ими пути труда и добра.

Ты смотришь на развалины Ак-сарая — Белого дворца... Задуманный и построенный Тимуром как символ могущества и власти, Ак-сарай похоронил под своими стенами десятки тысяч жизней...

* * *

В те далекие времена, в 1379 году, здесь было голое поле — это мы, потомки, насадили розы вокруг... На это поле воины Тимура пригнали несметные толпы пленников из завоеванных стран. Говорят, что только из одного Хорезма здесь было 50 тысяч человек. А были еще из Ирана, Афганистана, Индии, других стран... По замыслу жестокого владыки дворец должен был стать неповторимым нигде и ни в чем. И он стал таким.

Мы можем об этом судить по его ничтожным остаткам — двум большим пилонам входной арки. Сохранившаяся их часть вздымается на высоту 16—18-этажного дома, а пролет арки — более двадцати метров. И в наши дни немного строится сооружений подобного масштаба... А в те времена равных ему не было, даже арка знаменитой самаркандской мечети Биби-ханым на четыре метра ниже.

Белый дворец. Белый не в смысле цвета. А в принятом на Востоке другом значении — светлый, совершенный, прекрасный, неповторимый. То, что от него осталось,— именно таково. А то, что было вначале? Об этом, конечно, никто не скажет лучше очевидца.

В 1404 году в Шахрисабзе побывал посланник испанского короля Рюи Гонсалес де Клавихо. Он писал:

«Я осмотрел большой дворец, который строился по приказанию царя вот уже более 20 лет. В этом дворце очень длинный вход и очень высокий портал. У входа по правую и левую руку стоят стройные кирпичные арки, покрытые израсцами, разрисованные разными орнаментами. Большой двор, шириной в 300 шагов, и через него вход в тронный зал, в котором высокая и широкая дверь, украшенная золотом, лазурью, израсцами очень красивой работы. Посреди над дверью изображен лев, положенный на солнце, по краям точно такое же изображение — это герб царя самаркандского. Из этой двери выходишь прямо в приемную комнату, отстроенную квадратом, стены которой разрисованы золотом и лазурью, отделаны полированными израсцами, а потолок весь позолочен.

Во дворе большой сад с многими тенистыми и разными фруктовыми деревьями. В нем много водоемов и искусно расположенных садов. При виде этого сада возникает мысль, что много народу могло бы наслаждаться, сидеть тут в летнее время под сенью деревьев».

Да, это Клавихо верно говорит — много народу могло бы наслаждаться царским садом. Но действительность была иной. Прекрасным был Восток, но Восток был и жестоким. Никогда ни один простолюдин не входил во весь рост ни в один из дворцов, никогда никто не мог посмотреть в лицо царя-правителя... Простолюдин входил сюда, лишь согнувшись в три погибели, глядя себе под ноги... Пятьдесят тысяч пригнали сюда из Хорезма, а кто знает, сколько умерло в долгом и тяжком пути? Никто не знает, потому что никому в голову не приходило считать... Представим, как гнали их через пустыню в далекий неведомый Шахрисабз, гнали под конвоем, швыряя на привалах куски черствых лепешек, позволяя кое-где перехватить глоток случайно попавшейся протухшей воды, оставляя за караванами вереницы иссохших трупов... Пятьдесят тысяч начали строительство, но кто знает, сколько из них увидели плоды своего труда, сколько из них полюбовались куполом, вознесшимся, как теперь говорят, на 50-метровую высоту?

Никто не знает. В голову не пришло бы считать.

А над аркой Ак-сарая был устроен водоем, дающий прохладу. Под куполом был ход в чудесные сады с бассейнами. И возвышалась многокрасочная громада над глиняными крышами, вселяя благоговение и страх в каждого, кто бросал взоры на Белый дворец.

Нить, которую ты держишь в руках,— нить истории,— говорит, что, умирая, люди создавали прекрасное. Может быть, в этом они находили глоток радости среди вечного рабства и угнетения? Стоит Ак-сарай, словно крик души тех, кто бросил вызов своей горькой судьбе, создав это величественное чудо.

Но предоставим снова говорить Рюи Гонсалесу де Клавихо:

«Во всем дворце пол был покрыт прекрасными израсцами. Это было сделано для того, чтобы тут сидели люди во время пребывания царя».

Испанский посланник ходил по этим изразцам, любовался хитросплетением орнаментов, и было это 600 лет назад... Никто, кроме него, не оставил нам описания дворца, и Клавихо не описал всего. Как хотелось бы больше знать об утонченной резьбе позолоченных дверей, о росписи потолков, наконец, и об упомянутом испанцем узорном плиточном полу... Ведь он пишет далее, что даже в Париже, славящемся искусными мастерами, здешняя работа считалась бы очень красивой.

Хотелось бы узнать больше, а как это сделать? Не землетрясения, не природные катастрофы разрушили Ак-сарай, а нравы того варварского, невежественного, жестокого времени. Недолго красовался неповторимый дворец в своем первозданном величии. Так бывало на Востоке не раз и до и после Тимура... Умирали правители и царства, рушились троны, и вместе с ними рушилось все созданное до прихода нового шаха, бека, эмира, султана. Новоявленные владыки крушили все подряд, силясь стереть следы прежней власти. Озверевших невежд не останавливала мысль о ценности созданного, о грядущем суде Истории, им такое и в голову не приходило. Не то что дворцы — живые люди не ценились, что уж говорить о красоте.

Те, кто после Тимура покорили Самарканд и Шахрисабз, порешили уничтожить все, связанное с памятью Железного хромца. В 1570 году эмир бухарский Абдулла-хан Второй приказал срыть Ак-сарай. И снова погнали сюда толпы людей — но теперь уже им предстояло вершить черное дело.

Оно оказалось не таким уж простым. Что говорить, если уже на памяти ныне живущих современная взрывчатка, заложенная лет пятьдесят назад ретивыми «реконструкторами», и та не взяла пилоны Ак-сарая, на наше огромное счастье... Двадцать лет строили, полгода ломали и не смогли доломать до конца. Абдулла-хан отступил.

А шесть веков спустя, в 1976 году, люди Советского Узбекистана решили прочесть, наконец, еще одну страницу истории, найти хотя бы крупицы новых сведений о легендарной красоте Ак-сарая. В тот год впервые врезались в щебенистый грунт лопаты археологов, снимая метр за метром вблизи пилонов, там, где, по свидетельству Клавихо, расстилался чудесной красоты «израсцовый» пол...

И на трехметровой глубине, под наслоениями шести столетий, этот пол был обнаружен.

Как описать его тому, кто не видел? Где взять достойное этого перо? Он и в самом деле великолепен. Площадь,— то, что уже раскопано,— превышает 100 квадратных метров. Желтая, голубая, синяя майолика сверкает на дневном свете, вселяя радость в душу, поражая чистотой и глубиной цвета. С изумительным мастерством изображены на плитках листы и ветви фантастических растений. Но одно из растений каждый узнал, и это поразило всех.

На многих плитках изображены раскрывшиеся хлопковые коробочки.

Выходит, и шесть веков назад хлопок был символом и гордостью здешних людей...

Мы пришли сюда с Куркмасом Абдурахмановичем Абдуллаевым, генеральным директором республиканского научно-реставрационного объединения «Мемор». Стоя вместе с ним на вскрытом полу тамерлановского дворца, я обратил внимание специалиста на качество самих плиток и качество их укладки — высокое, добротное, не стыжусь признать, завидное качество.

— А чего же вы хотите?— отвечал мой собеседник.— Тот, кто это строил, за качество отвечал головой. Учтите, в буквальном смысле слова головой.

И он рассказал, что в 1961 году, при раскопках городища Канка в Аккурганском районе Ташкентской области, в дворцовой части, среди кирпичной кладки на разных уровнях были обнаружены три замурованных скелета. И что примечательно — все три в тех местах, где качество кладки было похуже, чем по соседству. Где кладка похуже — там же и скелет со следами острого меча на шейных позвонках... «Не исключаю, что и здесь когда-нибудь обнаружат что-либо подобное»,— заключил Куркмас Абдурахманович.

Шагая по этому полу (сейчас он временно укрыт земляной насыпью, но уже строится навес, который защитит находку от зноя, снега и дождя; вскоре эту красоту увидят многочисленные советские

и иностранные туристы), мы вспоминали варваров и деспотов, без жалости и стыда истребивших великое творение архитектуры. Но больше, куда больше мы говорили о величии человека-мастера, о его безграничных возможностях, о том, что сквозь любые злодейства и самое черное зло красота рано или поздно достучится в сердце потомка и оставит в этом сердце свой светлый след...

Но для того, чтобы оставить этот след, одного мастерства, одного архитектурного таланта, одного строительного уменья мало. Нужна еще и свобода разума, мысли и труда. Об этом тоже говорит нам Ак-сарай — свидетель давних революционных событий на земле Шахрисабза.

В сентябре 1920 года горячий вихрь революции ворвался сюда из-за гор, с самаркандской стороны. Трещал по швам Бухарский эмират. Эмир бежал, отряды Красной Армии ушли на юг, преследуя остатки его войска.

Но через несколько месяцев курбаши местной банды, навербовав в свои ряды обманутых неграмотных дехкан, осадил крепость Китаб по соседству с Шахрисабзом. Маленький отряд — всего 13 красноармейцев — был вырезан повстанцами, после чего они двинулись на наш город.

Здесь тоже гарнизон был невелик; имелся, правда, отряд вооруженных жителей, поддерживающих Советскую власть. Контрреволюционеры, толпы обманутых людей пытались расправиться с защитниками Шахрисабза, свергнуть Советскую власть в городе. Но смелые воины вовремя выбрали правильную позицию. Этой позицией стал Ак-сарай.

На сорокаметровую высоту, почти на самую вершину пилона, красноармейцы втащили два пулемета и открыли оттуда убийственный огонь по противнику. Не было никакой возможности подавить их сопротивление, и немало бандитов сложили головы у подножия Белого дворца. А третьего января 1921 года из Самарканда через кишлак Джам прибыл, наконец, красный полк на подмогу, и часть повстанцев,— а вернее, те, кто остался в живых,— вынуждены были сдаться. В память того сражения рядом с Ак-сараем теперь стоит обелиск, на котором выбиты слова вечной благодарности потомков красным воинам, пролившим кровь при защите Шахрисабза.

Вот о чем напоминает нам Ак-сарай.

* * *

Но давайте прошагаем по городским улицам дальше, туда, где бережно сохраняется небольшой комплекс мавзолеев четырнадцатого века. Здесь находятся усыпальницы Тимуридов.

Еще в 1370 году, когда умер духовный наставник Тамерлана шейх Шамсутдин Куляль, правитель решил увековечить его память и над его могилой воздвиг мавзолей. Рабочей силы, кирпича, майолики, золота, мрамора не жалели. Мавзолей получился не просто богатым, а роскошным. Он даже сейчас, по прошествии многих веков, поражает.

А в 1374 году рядом с могилой шейха Тимур похоронил своего отца эмира Тарагая. И над саркофагом воздвигли большой купол, который спорил голубизной с лазурью шахрисабзского чистого предгорного неба.

Древние правители вообще, а на Востоке особенно, заботились о том, чтоб последнее их пристанище было заметным, а еще лучше — поражающим. Вспомним египетские пирамиды, надгробные курганы половецких князей, захоронения в Риме, недавно найденную гробницу Филиппа, отца Александра Македонского. Еще при жизни каждый сколько-нибудь значительный владыка торопился отстроить себе пышный памятник, чтобы и после смерти сохранилось свидетельство величия того, кто лежит под плитой.

Дитя своего времени, Тимур, конечно, исключения не составлял. Где бы ни умирали его родственники, он неизменно привозил их прах в Шахрисабз, где брал начало его род Барласов. Первым царь похоронил здесь погибшего в 22-летнем возрасте сына Джахангира,— в 1376 году. С именем Джахангира связывал Тамерлан будущее своей империи, и потому скорбь его о погибшем сыне была велика, как сказано в легенде, великолепно переданной Максимом Горьким: «С того дня, как умер его сын Джахангир и народ Самарканда встретил победителя злых джигитов, одетого в черное и голубое,— с того дня и до часа встречи со смертью в Отраре, где его она настигла, за все эти годы Тимур ни разу не улыбнулся. Так жил он, сомкнув губы, ни перед кем не склоняя головы, и сердце его было закрыто для сострадания 30 лет».

Мавзолей Джахангира стоит в Шахрисабзе и сейчас. Это величественное сооружение, купол которого вздымается на 18 метров. Богата и изящна отделка внутреннего помещения. Роспись золотом, по кругу замысловатая вязь надписей арабскими буквами. Не оторвать взора от чинаровых резных дверей — узор тончайший, словно не вырезанный ножом, а вышитый иглой по тончайшему шелку сюзане... Здесь же, в этом мавзолее, в 1394 году Тимур схоронил и второго своего сына — Омар-Шейха.

Дабы сделать это место священным для всех горожан, Тимур распорядился не только роскошно украсить мавзолей, но и построить рядом комплекс мечетей Хазрати-Имам. Мало того, сюда в 1384 году переносятся из Персии останки крупного исламского деятеля Имама Мухаммада Ибн-аль-Хасана Ибн-Вахида Абу Абдуллаха Шейбани.

Все эти мавзолеи — а значительная часть построек сохранилась поныне — представляют большую ценность не только для историка, но и просто для того, кто смотрит на них, кто проходит мимо, кто живет в этом городе и видит их каждый день. Это ежедневная встреча с прекрасными творениями искусства, создающая особый «эстетический климат» Шахрисабза.

Однако самым удивительным памятником нашего города я все же назвал бы склеп самого Тимура (в котором, разумеется, пусто, так как похоронен Тамерлан в Самарканде, в мавзолее Гур-Эмир).

Как видно, царь при жизни не единожды задумывался, где разместить свою гробницу. Много он их видал (и уничтожил), проходя

с огнем и мечом разные страны, завоевывая и испепеляя города. После того, как схоронил в Шахрисабзе двух сыновей, вопроса, конечно, уже не было. Отдал приказ возвести свою гробницу несколько ниже, чем у сыновей и отца, обратить входом на восток, над могилой поставить шатровое здание с традиционным куполом. Все это теперь мы знаем по результатам раскопок, ведь судьба, как известно, распорядилась иначе, намерения Тимура не исполнились.

Почему? Этого сказать точно никто не может. Можно лишь предположить, что наследники грозного царя, дабы не ослабить власть и укрепить значение Самарканда как столицы огромной полученной ими под начало страны, решили именно тут упокоить прах властителя.

А судьба шахрисабзской усыпальницы стала такой же неприглядной, как судьба Ак-сарая.

Эмир Абдулахад сравнял великолепное творение с землей, от него не осталось даже следа, вскоре на месте развалин выросли глинобитные городские постройки, и люди зажили обыденной жизнью, понемногу забывая о том, что за земля у них под ногами...

О склепе Тимура не осталось записей в летописях, о нем не рассказывали сказок, не пели бахши, ни строки не было в документах. Но вот уже в наше время, в 1959 году, в одном из дворов летним вечером играли дети. И один мальчик внезапно... провалился под землю!

Прибежавшие на его крик взрослые вначале подумали, что тут находится заброшенный колодец: открывшееся после обвала пространство уходило вниз, облицовка напоминала «сруб» водоема.

Но когда родители и пришедшие на помощь соседи пустили в ход лопаты и начали раскапывать провал, чтобы высвободить мальчика из кромешной холодной тьмы, они поняли, что имеют дело с чьей-то старинной гробницей.

Прибывшие на место находки ученые установили, что перед ними склеп Тамерлана.

Это помещение, заглубленное на много метров под землю, значительно ниже фундамента шатрового здания мавзолея. Его открытие вызвало в археологическом мире настоящую сенсацию, подобную той, что грянула в дни находки прославленным ученым Вяткиным другого забытого памятника, одного из величайших сокровищ истории науки — Самаркандской обсерватории Улугбека.

Мы можем только представить себе, но никогда не узнаем в точности, какое волнение испытывали археологи, впервые спускаясь по пятнадцати крутым ступеням в склеп Тимура. Я был там не раз, и всегда это волновало несказанно. Какие же чувства владели теми, кто шагал здесь первым, первым после того, как 600 лет не ступала по этим забытым ступеням нога человека!

Нет, не в Тимуре дело, в конце концов, не в том, что вот, мол, в этом месте должен был покоиться прах великого завоевателя. Но ведь здесь, в подземелье, ты как бы остаешься один на один с эпохой, когда все это построено. Толща земли над головой

как бы разделяет тебя и Время. В зале, облицованном белым мраморизованным известняком,— строгость и спокойствие. И та редкая возможность отвлечься от повседневной суеты, подумать о сущности бытия, о вечном ходе времени, о настоящих, а не кажущихся ценностях жизни...

В склепе по четырем сторонам арочные ниши. В центре огромных размеров саркофаг, где никто не лежит. По стенам, по камню — сплошная лента надписей изысканной арабской вязью. Ритмичной чередою тянутся тонко вырезанные на мраморе медальоны. Ни одного лишнего штриха. Строгость. Спокойствие. Молчанье.

* * *

Дорога в Шахрисабз далека и не так проста, хотя уже тут построен большой аэропорт, и, без промедления, хлынули сюда тысячи туристов. Они видят, как богат удивительными памятниками этот небольшой город с большой славой, воистину город мастеров и ценителей прекрасного. Над всеми кварталами, просматриваясь издалека, возвышается одно из самых высоких строений Шахрисабза — мечеть Кокгумбаз. Ее купол диаметром 46 метров — самый большой в Узбекистане, больше, чем купол Биби-Ханым, да к тому же целиком сохранился. Эту мечеть построил в свое время внук Тимура, великий Улугбек. Его сделали бессмертным гениальные труды по астрономии, его славное имя мы связываем с медресе и дворцами Самарканда и Туркестана, с великолепной обсерваторией, разрушенной мракобесами... А вот об этой удивительной постройке знает не так уж много людей. Между тем она заслуживает неменьшего восхищения.

Улугбек, по имеющимся сведениям, сам проектировал мечеть Кокгумбаз и сам руководил работами по ее постройке. Она выдержана в строгом восточном стиле, также украшена росписью, резьбой по ганчу и мрамору, цветными изразцами. Она сейчас реставрирована и стоит во всей красе; такая же добрая судьба ждет и другие творения зодчих, трудившихся над украшением городов на земле нынешнего Узбекистана.

О шахрисабзских древностях можно рассказывать много... Вот, например, куда бы ты ни шел, непременно или встретишь на пути, или хотя бы взгляд бросишь на торговый центр Чорсу, построенный в XV веке. Пятьсот лет миновало, а он не только стоит целехонек, но и исправно «работает», причем все в том же качестве торгового центра. Тут разместились торговые ряды большого современного универмага. Под куполом Чорсу, выложенным из плоского жженого кирпича, висят современные хрустальные люстры, а четыре его широкие двери ведут на все четыре стороны света. Отсюда и название Чорсу — Четыре потока... Не водных, а людских потока, нескончаемой вереницей, столетие за столетием, проходящих этими дверьми по своим житейским делам.

И всюду — цветные узоры орнаментов... Они живы не только в исторических памятниках Ак-сарая, Кокгумбаза, Чорсу. Эти орнаменты, составляющие одно из сокровищ культуры узбекского народа,

живы и сегодня, любимы и сегодня, нужны людям и сегодня. Ими украшены новостройки Шахрисабза — пусть не такие роскошные, но зато и возведенные не для жестоких владык, а для тысяч людей, для блага всех горожан. Синим, белым, золотым, зеленым лучом приветно сверкнет узор, украшающий новые торговые ряды и дом быта, гостиницу и автобусную станцию, чайхану и магазин, традиционную восточную баню и детский садик... Шахрисабзский орнамент любовно вяжут из узелков ловкие руки работниц фабрики «Худжум», где рождаются удивительной красоты ковры. Он же, неумирающий ритм линий, цветов и геометрических фигур, словно вырастает из-под иглы на красочных тюбетейках.

Мы любим свой город, стараемся хранить его прошлое, украсить его сегодняшний день. В этом, видимо, и есть высокий смысл уроков истории, которая в Шахрисабзе — не прошлое, а часть повседневной жизни тысяч людей.

КИТАБСКИЕ ЗВЕЗДОЧЕТЫ

Человек ходит по земле, но испокон веков его волнует небо. Испокон веков человек смотрит на звезды, и какой же рой вопросов возникает тогда в его мозгу... Мы не можем жить без вопросов, жажда знать и решимость найти ответ — вот что, наверно, и отличает человека, вот в чем, наверно, сущность его, смысл его жизни.

А звезды мерцают, а звезды манят, и вот уже космонавты видят их не заслоненными атмосферной дымкой, яркими, несущими во много крат больше ответов, рождающими во много крат больше вопросов... Как много прошло веков истории, как много было в веках пытливых, могучих умов, которым под силу было не только вопрошать природу, но и находить ответ. Послать человеческую мысль к звезде и оттуда, из невообразимой дали, получить новое знание... А может, не из дали? Может, из своей души, из своего труда, из беспримерного усилия своего мощного, свободного, раскованного разума?

Птолемей. Аристарх. Гиппарх. Коперник. Улугбек...

Улугбек, внук Тамерлана, чье имя неразрывно связано с прошлым Кашкадарьи, обрел всемирную славу, когда провел в своей Самаркандской обсерватории цикл наблюдений, удивительных по точности и полноте. В пятнадцатом веке его обсерватория, если судить по описаниям и по сохранившимся остаткам ее главного угломерного инструмента — гигантского секстанта, не знала себе равных на земле. Наблюдения, выполненные на высочайшем по тому времени научном уровне, позволили Улугбеку с беспримерной точностью определить положение сотен неподвижных звезд, и каталог этих звезд стал главным делом его жизни. Уже в 1648 году первый каталог Улугбека был издан в Лондоне, а спустя 17 лет Томас Хайд, хранитель библиотеки Оксфордского университета, подготовил и издал на персидском и латинском языках его основную работу «Таблицы широт и долгот неподвижных звезд по наблюдениям Улугбека», где содержались сведения о положении 1018 светил. И эти сведения мало чем отличаются от тех, которые дает современная наука с ее мощным арсеналом точнейших астрономических приборов.

Улугбек работал не один. Он был главой школы, окруженный целой плеядой талантливых соратников — таких, как Гияс ад-дин Джамшид Каши, а также Салах ад-дин Муса Казы-заде Руми. После их смерти ближайшим помощником Улугбека стал Ала ад-дин Али ибн Мухаммад Кушчи, которого, чтя его великий талант, звали современники «Птолемеем вторым». Как известно, Али Кушчи был родом из Шахрисабзского бекства. Этот город когда-то, еще до нашествия мон-

голов, назывался Кеш, отсюда и прозвище: Али Кешчи — «Али из Кеша», изменившееся впоследствии в «Кушчи». И сейчас еще существует невдалеке от Шахрисабза, километрах в двадцати, старинный кишлак, который в память о прославленном астрономе, сподвижнике Улугбека, носит название Али Кушчи.

По преданию, когда Улугбек, изгнанный духовниками-мракобесами, был вынужден покинуть Самарканд, он передал на хранение Али Кушчи свое бесценное богатство — библиотеку в несколько тысяч томов. Говорят, что, получив из рук учителя эти книги, Али Кушчи перевез их через Туркестанский хребет дорогою, ведущей и сегодня по перевалу Тахта-карача, и спрятал где-то здесь, в окрестностях родного кишлака.

Почему он спрятал книги именно здесь? Наверно, потому, что в те времена Шахрисабз и соседний Китаб (что означает, кстати, «книга») считались на Востоке довольно крупными центрами научной мысли. Здесь жили и работали немало видных ученых различных областей знания. Близ Китаба и поныне стоят останки величественного здания под названием Ходжа Илим-хана (нечто вроде «прибежище наук»). Это было своеобразным подобием академии, где жили и собирались ученые, где вели они беседы о своих изысканиях, обучали молодых тому, что знали сами. Одновременно Ходжа Илим-хана служила и хранилищем книг, научной библиотекой, наподобие армянского Матенадарана. Не здесь ли и укрыл книжные сокровища Улугбека его ученик Али Кушчи?

Этого пока не знает никто. Библиотеку Улугбека ищут. Будем надеяться, что найдут. Но я вызвал на эти страницы великие тени прошлого затем, чтобы напомнить: дело древних звездочетов в наших краях не прекратилось. Вблизи кишлака Али Кушчи, вблизи величественных развалин Ходжа Илим-ханы и сегодня работает научное учреждение, занимающееся астрономией. Носит оно имя Улугбека — великого сына узбекского народа, одного из крупнейших астрономов Земли.

* * *

Китабская международная широтная станция имени Улугбека. Подобных учреждений немного на свете, если точнее — пять, одна из них в СССР, в Китабе. Широтная станция является звеном Международной службы движения полюсов.

Как известно со времен Николая Коперника, Земля совершает в течение года один оборот вокруг Солнца и за сутки — один оборот вокруг своей оси. Причем, если вначале считалось (да и теперь для простоты так говорят школьникам), что Земля — шар, то на самом деле, по точным измерениям, это не совсем так. Во-первых, наша планета чуть сплюснута у полюсов: расстояние от полюса до полюса примерно на 40 километров короче, чем диаметр по экватору. Величина ничтожная, но для составителя точных карт, а также для того, кто должен с высокой точностью определять свое положение на местности, все-таки существенная. Во-вторых, и сама ось вращения

Земли не проходит постоянно через одни и те же точки, как это бывает, допустим, у детского волчка. Она словно бы «путешествует» по полярным областям, пусть ненамного, но все же перемещается. Земля как бы слегка покачивается, вращаясь вокруг оси, полюсы «блуждают». Это связано с сезонными перемещениями атмосферных масс, воды в океанах, с влиянием процессов, происходящих в раскаленных недрах нашей планеты, с другими факторами.

А от всего этого, от постоянного движения полюсов, слегка меняются географические координаты. Вернее, эти координаты, вычисленные по изданной, скажем, год назад карте, могут не совпасть с координатами того же места, но определенными непосредственным наблюдением в данный момент. А вот это уже жизненно важно для мореплавателя, пилота, геодезиста, для специалистов многих других профессий. Короче говоря, к концу прошлого столетия возникла крайняя нужда в регулярном наблюдении за перемещением полюсов Земли. В наши дни их ведет специальная международная служба, по программе которой действуют ученые в 40 странах.

Широтные станции играют особую роль в этой хитроумной интернациональной системе.

Как уже сказано, их пять: Мицузава (Япония), Карлофорте (Италия), Гейтерсберг и Юкайя (США), Китаб (СССР).

Станции эти расположены на одной и той же параллели, и, сравнивая данные своих наблюдений, астрономы дают специалистам всего мира самый точный материал для правильного определения широты, то есть расстояния до земных полюсов, а значит, и их положения на настоящий момент.

Днем рождения Китабской широтной станции можно считать 16 декабря 1925 года. В этот день Народный комиссариат просвещения Узбекской ССР проводил празднование 500-летия деятельности Улугбека и его прославленной Самаркандской обсерватории. На торжественном заседании, посвященном этому событию, по предложению профессора М. Ф. Субботина было решено ознаменовать памятную дату учреждением на территории Узбекистана международной широтной станции имени Улугбека.

Линейка, положенная на карту республики вдоль параллели, обозначающей 39 градусов и 8 минут северной широты (на которой расположены остальные четыре станции), пересекла небольшой районный центр Китаб.

Чистый воздух предгорий, благодатный климат, наконец, горячая заинтересованность правительства молодой республики в создании крупного центра международной науки — все говорило в пользу строительства станции. И его начали немедля. Предстояло возвести здание широтной станции и смонтировать в нем зенит-телескоп, приобретенный специально для этого Советским Союзом у фирмы Бамберга в Германии.

Работы велись в очень сложных условиях. И не потому, что мешали капризы стихии, не из-за нехваток (хотя и они были), не из-за отсутствия техники (хотя, конечно, ее не хватало). Самое трудное, через что пришлось пройти и победить,— яростная злоба и вредитель-

ство со стороны повсстанческих банд, свирепствовавших тогда в Южном Узбекистане.

Всюду, где могли, они вредили делу социалистического строительства, запугивали местное население, чинили убийства и разбой. И даже строителям и сотрудникам широтной станции, мечтавшим об одном — продолжить на узбекской земле священное дело Улугбека,— даже им они грозили физической расправой и осуществили бы свои угрозы, не защити ученых народ.

Бывало так, что построенное за день ночью разрушали, и тогда приходилось все начинать сызнова. Бывали злобные угрозы, случалась и стрельба. Но не смогли противники нового прервать ни постройку станции в Китабе, ни другие добрые начинания социалистического строя. А не смогли потому, что сотни тысяч, миллионы простых людей этой земли очень быстро разобрались, за кем же в действительности стоит жизненная правда и добро, а за кем — темнота и злоба.

Недоброжелательно, со снисходительной ухмылкой встретили известие о советской широтной службе и за рубежом. В газетах Запада можно было прочесть в ту пору ехидные шуточки и пророчества по поводу того, что, мол, легко догадаться, какую научную ценность будут иметь так называемые наблюдения, выполненные большевистскими невеждами.

Но вот Китабская станция «заговорила». Все международные центры слежения за полюсами получили ее первые данные и придирчиво сравнили с собственными. Дела оказались убедительнее злобных слов: научные работы в никому до того не известном Китабе проводились безукоризненно. И с той поры, вот уже более полувека, сведения, передаваемые из Китаба, успешно используются во всем мире, неизменно подтверждая высокий авторитет советской астрономической науки.

«Сверх плана», помимо наблюдений за широтой, в Китабе выполняли немало и других астрономических работ. Так, профессор Г. Н. Неуймин открыл здесь несколько малых планет. Одну из них, вошедшую в международный каталог под номером 1351, он по праву первооткрывателя назвал «Узбекистания». Имя нашей республики, таким образом, представлено на карте звездного неба в Солнечной системе.

Год за годом успешно трудится небольшой коллектив станции имени Улугбека. Ее постоянно посещают многие видные ученые. Неоднократно бывал тут, оказывал практическое содействие научной молодежи директор Ташкентской обсерватории, академик Академии наук Узбекистана Владимир Петрович Щеглов. Не раз приезжали сюда и немало помогли астрономам Китаба такие ученые с международной известностью, как академики АН СССР В. Г. Фесенков, Л. А. Арцимович, члены-корреспонденты АН СССР М. С. Зверев, Ю. Д. Буланже, профессора Московского и Ленинградского университетов. Бывали здесь директор Парижской обсерватории А. Данжон, голландский академик М. Миннарт, профессор Манчестерского университета З. Копал и другие известные зарубежные ученые.

Все визиты были плодотворными не только для хозяев станции, но и для самих гостей. Выдающиеся специалисты целого ряда стран

убедились воочию в высокой исследовательской культуре здешнего персонала, увидели, как применяют в Китабе передовые методы наблюдений и обработки полученных данных.

Китабская широтная станция принимает самое активное участие во всех научных работах по своей «специальности», проводимых и у нас, и за рубежом. Так, она внесла немалый вклад в выполнение программы Международного геофизического года. Здесь было проведено два всесоюзных совещания: в 1964 году — по проблемам широт и в 1970 году — по проблемам построения координатной системы и организации наблюдений на зенитных трубах.

Материалы обоих этих совещаний явились заметным вкладом в науку, их и поныне используют астрономы многих стран. А в заключение второго из них участники собрались на площадке близ главного здания станции, чтобы присутствовать при рождении новой достопримечательности этого края, столь богатого памятниками древней культуры.

В тот благодатный день октября здесь состоялась торжественная церемония закрепления международной параллели — всего лишь воображаемой линии, которая, тем не менее, прочной нитью сотрудничества вот уже много лет соединяет людей разных государств, несущих общую службу в интересах человечества.

Заранее был установлен прочный железобетонный монолит. В него вмонтирована мраморная плита, на которой укреплена намертво медная полоса с надписью: «39°08′».

С обеих сторон к плите примыкают две стальные полосы, обрамленные текстолитом. Это — символическое продолжение Китабской параллели. На ней отмечены крупными точками: с запада — Гейтерсберг и Карлофорте, с Востока — Мицузава и Юкайя. Место Китаба в центре мраморной доски.

А там, в глубине бетонного монолита, оставлена небольшая камера. Внутрь ее бережно уложили завинчивающуюся металлическую капсулу со следующим текстом:

«16 октября 1970 года в ознаменование 40-летия Китабской международной широтной станции имени Улугбека заложена мраморная доска с надписью «39°08′» и две направленные от ее центра к востоку и западу полосы длиною по 90 см. Они обозначают северную международную параллель. На ней отмечены места четырех других международных станций: Мицузава и Юкайя — к востоку от Китаба, Карлофорте и Гейтерсберг — к западу. Масштаб 1 см —2°.

Участники Всесоюзного совещания по проблемам построения инерциальной системы координат».

Сухие, казалось бы, слова, без единой эмоции, только голые факты, как и принято в науке. Но почему они волнуют меня и заставляют задуматься о столь многом? Наверно, дело в том, что здесь, на Китабской станции, с деловитой суховатостью, сознательно придав этому будничную окраску, ученые продемонстрировали солидарность с другими тружениками науки, работающими на благо людей. Как бы послали вдоль международной параллели от всего сердца

сигнал: «Мирное сотрудничество — норма нашей жизни, наш советский закон морали, наша вера и наше стремление. Давайте же повсюду жить и сотрудничать только так!»

И когда наступает чистая ночь предгорий, когда крупные яркие звезды восходят над древним Китабом, над горами, над кишлаком Али Кушчи, над останками старинной академии, над еще не найденным сокровищем Улугбека,— тогда, в назначенный час и минуту, широкие линзы астрономических труб устремляют свой пристальный взгляд к зениту. Наследники Улугбека приступают к выполнению программы наблюдений. Они вопрошают небо,— ответов ждет вся Земля...

КРОВЬЮ ОМЫТЫЙ ДУТАР

Есть на нашей планете уголки, поражающие воображение. Для меня это, и, может быть, больше многих знаменитых мест,— кишлак Гилян. Пока что его мало кто знает, побывало тут не слишком много людей. Но я не могу представить человека, который, побывав в Гиляне, забыл бы его. Вне всякого сомнения, о Гиляне еще заговорят во весь голос, слава его впереди. Кишлак самобытен, история его бесхитростна, величава и трагична. В этом кишлаке судьба не однажды сурово, огнем и кровью, испытывала людей. И люди выдержали испытание с честью.

Попал я сюда не намеренно, но теперь благодарю судьбу за то, что так вышло.

Мы решили у себя в Шахрисабзе создать ансамбль макомистов. По общему мнению, необходимо всячески сохранять искусство исполнения макомов — этих монументальных вокально-инструментальных циклов, повествующих о судьбе целого народа, о жизни поколений. Значит, надо собрать знатоков, любящих и умеющих петь макомы, дать им в руки инструменты, достойные песни...

Вот с инструментов все и началось. Где найти их — такие, чтоб помогали раскрыть все монументальное содержание макомов, чтобы обладали не только звучностью, но и красотой, чтобы удобны были, изящны, радовали и слушателя, и певца?

Вместе с исполнителями изучали мы инструменты, выпускаемые на фабриках Ташкента, Коканда, Бухары. Люди отнеслись к делу серьезно, а раз так — были придирчивы: у фабричных инструментов нет нужного звучания, утверждали они. Может, для чего другого, для песенного концерта, например, они и подойдут, а для макома — нет.

Мы не настаивали. Мы понимали, что инструменты, лежащие на прилавках магазинов, сошли с фабричного потока и изысканных запросов удовлетворить не могут. Не могут дать того особого звука, величественного и задушевного, который должен сопровождать исполнение макома. Нужно, чтобы пел инструмент звонко и чисто, чтобы вместе с дутаром, наем, рубабом пела душа. И не только это. Инструмент макомиста должен быть красив особой, прекрасен строгой и лаконичной красотой. Чтобы слушатель становился еще и зрителем, чтобы он, вглядываясь в узор инструмента, как бы получал дополнительный эмоциональный заряд... Всего этого, конечно, на потоке, на конвейере создать нельзя, тут нужна рука одного человека, и притом человека талантливого.

Видимо, все прекрасное, все значительное делается без спешки, с

любовью к делу и к людям. Это сказал Мавлян-бобо, в чей гостеприимный дом привели нас поиски нужного инструмента.

Мавлян-бобо, которому идет уже девятый десяток,— это сама мудрость. Он энциклопедически начитан, до тонкостей знает историю Шахрисабза и всех его окрестностей. Несмотря на преклонный возраст, аксакал с таким оживлением встретил нас, так интересно начал рассказывать о прекрасной земле Узбекистана, о народных традициях, о культуре Востока, что полностью покорил слушателей, мы вроде даже забыли, зачем пришли. Но старик не забыл. После беседы за пиалой чая он промолвил:

— Дети, не теряйте времени зря. Инструментов, которые вам нужны, вы в городе не найдете. Их делают только в кишлаке Гилян. Тамошние мастера когда-то снабжали дутарами чуть ли не весь Бухарский эмират. Туда приезжали за дутарами, тарами, наями из Коканда, Ташкента, из Афганистана. Даже из Индии и из Персии добирались музыканты в Гилян. Вот туда и езжайте.

* * *

И вот мы на пути в Гилян.

Дорога начинается от самого центра Шахрисабза, от тамерлановского дворца Ак-сарай. И бежит она по долине ровной прямою лентой. По сторонам хлопковые плантации, то тут, то там — ореховые рощи. Прекрасна эта радующая глаз долина, одна из самых плодородных житниц Узбекистана.

Но вот где-то километрах в двадцати пяти, за кишлаком Чоршанбе, на нас внезапно надвигаются горы. Они растут, закрывая горизонт и поражая путника своим природным совершенством. Нет, не ведал высшего наслаждения тот, кто не бывал в горах! Лишь здесь, на высоких склонах, ты получаешь удивительную возможность — взглянуть вниз не только на долину, но и на свою предыдущую жизнь, оценить ее высокой и правильной мерой... Но для этого надо упорно, побеждая себя, шагать по каменистым тропам, и оттого обретенное знание, завоеванная частица мудрости становится тебе еще дороже.

Но сегодня у нас есть цель, мы спешим и потому не шагаем пешком, а едем в автомобиле. Вот дорога словно споткнулась: ее пересекла небольшая речка Аксу-дарья. Она теперь будет нашим провожатым до самого Гиляна.

На Аксу-дарье когда-то, еще в первые годы Советской власти, по ленинскому плану ГОЭЛРО, было намечено построить электростанцию. Станцию построили — хотя и несколько позже, чем планировали в те времена. По нынешним масштабам она невелика, всего тридцать тысяч киловатт. Но тогда это была великая радость для жителей окрестных земель, великое торжество социалистического строя, впервые давшего людям землю, радостный труд и свет. Только две турбины вращались на Аксуйской ГЭС. Но вырабатываемого ими света и энергии хватало на всю эту часть Кашкадарьинской долины до самого Шахрисабза. А начинается Аксу-дарья от Гилянкуля, возле того самого кишлака, куда мы держим путь.

Сейчас начинается вторая глава богатой истории этой реки. В одном из ущелий, где когда-то она проточила скалы, гидростроители заложили первый камень новой плотины. За первым камнем последовал второй, тысячный, миллионный... И вот уже миллионы кубометров грунта уложены в тело плотины, которая каменной грядою взметнется на сто сорок пять метров ввысь и перегородит реку.

За плотиной соберется паводковая вода — та, что рождается в жаркую пору из тающих горных снегов; та, что тысячелетиями без пользы утекала вниз, мимо жаждущих влаги полей; та, что, вырываясь злым селевым потоком, причиняла столько несчастий окрестным жителям.

Двести миллионов кубометров этой воды соберет плотина на Аксударье. И нужно ли говорить здесь о том, что такое вода для Узбекистана? Повенчанная с жаркими лучами благодатного солнца, под золотыми руками земледельца, она совершит чудеса. Сколько еще вокруг неиспользуемой, иссохшей богары! Все это — будущие поля хлопка, грозди янтарного винограда, горы сочных, ароматных плодов. Чудесный дар природы, умело использованный человеком, родит новые дары, и примут их с благодарностью миллионы людей далеко, далеко отсюда, от этой еще не достроенной, но уже поражающей величием плотины... И мы не в силах спешить мимо без остановки, мы задерживаемся на несколько минут, чтобы еще раз порадоваться мощи человеческой мысли, мастерству человеческих рук, могуществу освобожденного труда, соединяющего горы.

А потом мы движемся дальше. Прихотливые повороты ущелья открывают взору все новые гребни, хребты, вершины. На одной из них, пока еще вдали, вырисовывались очертания старинного замка, едва ли не античных времен. Это знаменитая в здешних краях так называемая Караул-тепе, в переводе — Сторожевой холм. В глубокой древности замок Караул-тепе был построен для охраны расположенных выше кишлаков от нашествий непрошенных пришельцев. Жителям, обосновавшимся на южных склонах Туркестанского хребта, он служил верным стражем. Не знаю, верить старожилам или нет, но они утверждают, что поселения вокруг Караул-тепе, да и сам сторожевой пост на этой вершине существуют четыре тысячи лет.

Остатки крепости и поныне выглядят внушительно. Большое кольцо дворца просматривается издали за многие километры. И люди помнят, что не только столетия назад, но еще и в двадцатые годы нынешнего века замок Караул-тепе продолжал нести свою службу. Из кишлаков Гиссарского плоскогорья по очереди присылали сюда вооруженные отряды, задачей которых было — вовремя предупредить о приближении очередной повстанческой банды. Такова была суровая необходимость того грозного времени.

А сейчас это просто памятник старины, у которого обязательно задержится, остановив почтительный взгляд, любой путник, чья дорога лежит в кишлак Гилян, в кишлак Кызыл-емчак, в кишлак Якка-хана и другие селения этого края. А миновав древний замок, вы снова окажетесь перед удивительным зрелищем, увидев которое впервые, я,

признаться, не сразу поверил глазам. Вы вступите на Мраморную дорогу.

Она тянется на многие километры среди высоких скал. И называется Мраморной не условно, а буквально. Она в самом деле проложена по чистому, словно хрустальному, мрамору, на котором светятся желтизной отблески, отбрасываемые крутыми боками утесов.

Мраморная щебенка под ногами, мраморные глыбы нависают над головой. И ты словно попал в мраморный дворец, в царство благородного и вечного камня. Глядя на то прекрасное творение природы, ты поражаешься богатству этих гор — еще мало кому известному, еще не тронутому человеческой рукою. Еще предстоит взять это богатство, перенести на улицы наших городов, на радость многим и многим поколениям. Но верю, что и тогда мы (или наши потомки) оставим в целости эту чудесную Мраморную дорогу, оставим во всем ее величии и красоте.

Но вот белый мрамор внезапно сменился вулканическим пеплом и шлаком. Теперь дорога идет по застывшей лаве. Этот камень рождался иначе, чем мрамор, он не осаждался миллионы лет мельчайшими крупинками на дне первобытного моря. Не стихия воды, а стихия огня вызвала к жизни эти мрачные громады, высящиеся окрест. Содрогалась земля, вырастали и рушились скалы, раскаленные фонтаны с грохотом выстреливались в небо из многих вулканических жерл и застывали, постепенно каменея, сохраняя форму тех грозных потоков... Петляя по холодной лаве, дорога карабкается все выше, преодолевая один перевал за другим.

И вот она подошла к кишлаку Хиссарак — тут развилка. В одну сторону — Кызыл-емчак, в другую сторону — Гилян. До Гиляна от Шахрисабза всего семьдесят километров, но какое емкое, полное впечатлений путешествие! Никогда не наскучит этот удивительный путь, хоть сколько раз проезжай.

* * *

Гилян появляется из-за горной гряды внезапно. Я не видал еще путника, который не остановился бы перед этим зрелищем. Впечатление не простое, его надо пережить, свыкнуться с ним, иначе просто невозможно продолжать путь.

Причем эта передышка нужна, оказывается, не только людям вроде нас, но и самим жителям Гиляна. Даже они, родившиеся и выросшие тут, не могут не задержаться, не полюбоваться красотой своего кишлака и необычным его видом...

Широко раскрывается панорама просторной чаши, окруженной высокими горами. И в этой чаше, цепко угнездившись на ступенях террас, словно висит в воздухе, приподнятый мраморной дымкой, кишлак Гилян.

Он лежит ступеньками, он словно поднимается по ним вверх, он будто растет какими-то обращенными к небу сотами. Он поражает совершенством, красотой, выдумкой, стихийно рожденной мудрой планировкой. Впечатление такое, что Гилян так и возник весь сразу,

целиком, вместе с этими горами, что он — часть гор, а не чудо, сотворенное упорными и трудолюбивыми людьми наперекор горам...

Нас встретил гвалт детских голосов. Затерян в горах Гилян, но не пустеет, не теряет жителей, а умножает их число, здесь люди не чувствуют себя оторванными от мира.

Детишки снуют, бегают... по крышам домов, словно по тротуарам. Крыши соединены друг с другом, по ним можно пройти весь кишлак, от дома к дому, ни разу не спустившись на землю. Почему так? Ну да, ясно, это жизненная необходимость для горного селения. Осенью и весной, когда бурные дождевые потоки заливают улицы и по ним небезопасно ходить — единственным путем для передвижения остаются крыши. Крыши и лестницы между кварталами разных уровней.

Но люди не просто воспринимают дождевые паводки как неизбежное зло. Они вовсе не пассивны перед стихией. Как раз в момент нашего приезда группа сельчан, возглавляемая стариками, занималась экзотическим делом. Тут шла бойкая работа по отводу недалеких уже весенних паводков. Старики надзирали и руководили ремонтом замысловатой лотковой системы, защищающей дома кишлака от размыва. Массивные лотки, изготовленные из толстых долбленых бревен, прочно пригонялись один к другому, не оставляя будущим струям воды ни малейшего шанса на какую-нибудь лазейку. Направления потоков угаданы точнейшим образом, сечение лотков и их протяженность рассчитаны до сантиметра за долгие века. Работа шла настолько мастерски, настолько слаженно и умело, что за ней можно было бы наблюдать часами.

Но мы, поприветствовав аксакалов и справившись о здоровье, излагаем им дело, приведшее нас в Гилян: где можно приобрести самые лучшие дутары?

Нам указали маленький, но очень опрятный дом, добавив, что именно там мы найдем то, что нужно. И вот на пороге показался хозяин — человек лет тридцати пяти, моложавый, с улыбающимся добрым лицом. Он стоял, держа за руку красивую девочку лет пяти с множеством черных косичек. Малышка стеснительно пряталась за спину отца. А он, тепло поздоровавшись, пригласил нас войти в дом. И мы вошли.

* * *

Сразу же за порогом мы увидели, что здесь живет мастер, причем мастер настоящий.

Пахло свежей стружкой, на стенах висели долбленые заготовки, обрубыши дерева разных пород стояли по углам. Висели и загадочные для нас инструменты, назначение которых понятно только самому хозяину дома. Ведь эти инструменты тоже не купишь ни в каком магазине, их ни одна фабрика не выпускает, их тоже приходится делать самому... И не только делать, но зачастую и придумывать. А на что способен такой инструмент, попав в должные руки, это мы увидели, пройдя вслед за мастером в гостиную, главным

украшением которой была готовая продукция, дутары работы этого человека.

В маленькой комнате, всего лишь в одно окно, едва ли могут разместиться больше пяти-шести человек. Мы садимся на пол, на теплые пушистые шкуры козлов, лежащие мехом вверх. Тесная комнатушка, но до чего же интересно в ней, до чего уютно от сознания, что тебя словно бы окружают добрые духи труда, мастерства и вкуса... Все здесь выглядит по-особому: и домотканые ковры с замысловатыми узорами, развешанные по стенам; и разные мелкие ручные поделки, нужные в хозяйстве; и чудной какой-то шкаф для посуды, напоминающий не то сундук, не то городской сервант; и рога архара — свидетельство того, что хозяину дома не чуждо занятие охотой; и любовно уложенная в красном углу, на расписном сундуке, стопочка курпачей... И, конечно, на самом почетном месте, как мы и ожидали, висел дутар.

Это был удивительный дутар, на редкость изящной, тонкой работы. От него нельзя было оторвать глаз.

Дутар... В сотнях тысяч узбекских семей хранится вот так же, на почетном месте, этот инструмент. В сотнях тысяч семей он оживает под рукою и молодых, и старых, и мужчин, и женщин. В сотнях тысяч семей звучат песни, сопровождаемые его глуховатым рокотом, сплетающимся в тонкие, сложные, зачаровывающие ритмы. Народы Востока любят музыкальные досуги в узком кругу родных и друзей, когда звучат долгие песни, а в песнях тех — рассказы об удивительной, вечной и пламенной любви, о трудностях жизни и ее радостях, о волшебных приключениях, о сказочных красотах природы. Жизнь на Востоке непроста, она течет под испепеляющим солнцем, в постоянных заботах о глотке воды, в постоянной борьбе с суровостью гор или в кочевых странствиях по пустыням. А если еще вспомнить прошлое, с его беспрестанными войнами и набегами, нашествиями враждебных племен, то и дело разрушающих создаваемое веками; если вспомнить, что здесь людям приходилось, противостоя природе, еще и держать оружие наготове в любую минуту,— поймешь, почему так ценят они минуты покоя, позволяющие наполнить душу красотой. Тогда-то и снимался со стены кибитки, тогда-то и появлялся в войлочной юрте дутар, тогда-то и оживали его струны. И слушая дутар, люди на какое-то время забывали о трудностях и бедах, становились добрее, вспоминали о том, что человек создан не для вечного горя и нужды, а для счастья...

Но сейчас мы не думали о тех далеко и навсегда ушедших временах. Нам как-то сразу стало легче, когда мы увидели вот этот дутар, висящий над нашими головами. Мы нашли то, что искали. Вот он, на самом видном месте в этом доме, и сейчас мы приобретем у мастера этот самый инструмент.

Восток есть Восток... Не принято здесь сразу говорить о деле, с которым ты пришел. Поэтому мы заговорили с Рузыбаем Муталиевым вовсе не о предмете наших поисков, а совсем о другом. Поинтересовались, как водится, здоровьем хозяина и его семьи, благополучием его хозяйства и скота, состоянием его дел (все оказалось — тоже как

водится — в полном порядке, после чего нам были заданы ответные вопросы. У нас тоже оказалось все в порядке, спасибо). Потом мы выразили восхищение кишлаком Гилян, остроумием его планировки, его красотой, мастерством его жителей. Говорили мы все это от чистого сердца, потому что впечатление от увиденного в кишлаке не оставляло нас.

Тем временем пятилетняя красавица-дочурка Рузыбая, уже освоившаяся с гостями, принесла и разложила на дастархане свежие лепешки, горячий чай, пунцово-красные яблоки, вызвавшие новый рой вопросов: оказалось, что выращены они здесь, в горах, что это старинный местный сорт, отличающийся сладостью, ароматом, способностью долго храниться и еще многими достоинствами. Беседа все вращалась вокруг жизни в кишлаке, но чем больше мы говорили, тем сильней тянуло скорее перейти к делу, оставив обрядовые тонкости. Рузыбай это понял. Он первый завел разговор о дутарах. Взяв в одну руку чурку-заготовку, что лежала на подоконнике, а в другую хитроумно выгнутый стальной скребок, он промолвил:

— Вот видите, был просто кусок дерева... Но в нем уже видна самая главная часть дутара, откуда начинается песня. Работаю-то я учителем, а вот без этих деревянных чурок жить не могу, как будто они тоже мои дети...— Вздохнул и добавил:— А может, это так и есть. Может, и правда они мои дети, а я им больше чем учитель — отец. Что ни свободная минута — руки сами тянутся к дереву... И вот сидишь зимой, вечера-то долгие, и скребешь потихоньку, и думаешь в это время... А работать с деревом приятно, душа становится спокойной и все время чего-то ждет. Я ведь работаю, а сам слежу за узором, что спрятан в дереве. И по линиям этого узора все иду вглубь. И превращается вон такой обрубок — вот в такую красоту... Самому радостно. А послушайте, как поет!

Рузыбай резко щелкнул по наполовину выдолбленной чурке. Мы ничего особенного не услышали. А он услышал. Он поднес обрубок дерева к уху и молча улыбнулся. Потом стал серьезным.

— Все труднее находить нужное дерево. Это ведь благородное дерево, тутовник, только из него получается настоящего звучания дутар. А где взять тутовое бревно, когда каждая шелковица на учете? Это ведь корм для червей, рубить живые деревья — не поднимается рука. Да притом для дутара нужно дерево не моложе пятнадцати-двадцати лет, ему еще вырасти надо. Только у такого дерева по-настоящему сформировался ствол, оно готово родить настоящий звук... И вот брожу по горам, в долину спускаюсь, ищу высохшие тутовники. Иной раз хожу по пятнадцать-двадцать дней, ночую в пути, где придется, каждый камень, каждую тропку изучил, как вот эту комнату...

— А что, разве из другого дерева дутар сделать нельзя?

— Почему же, можно. Хоть из сосны. Но это будет не тот инструмент. А если вы хотите получить настоящий, нежный, глубокий звук, тогда — только тутовник. Но не он один. Ручку, ну вот этот гриф, мы делаем из урюка. Это дерево исключительно прочное, к тому же красивого цвета, переливается разными оттенками, если хорошо отполиро-

вать. А само сердце, дом для песни, откуда она выходит,— это из тутовника. Чудесное дерево, недаром его выбрал благородный червь шелкопряда, и больше ничего не хочет есть...

— Рузыбай, вот вы нашли подходящий сухой ствол. Как поступаете с ним?

— Он станет дутаром лет через пять. Не удивляйтесь. Все в природе должно созреть, и дутар тоже. Выдерживаем дерево при определенной температуре и влажности, и оно потихоньку зреет.

— А как узнаете, готово ли?

— По звуку, вы же слышали.

Мы вспомнили резкий щелчок по заготовке и одному мастеру слышный, одному ему поющий звук. А Рузыбай продолжал:

— Это еще не главная трудность — выдержать дерево, вырезать его в нужной форме, проявив при этом природный узор. Вы знаете, что тело дутара обтянуто кожей. Но что это за кожа?

— Особенная?

— Да, особенная. И, собственно, это не кожа. Это пленка, окружающая сердце быка. Но быка не старше трех лет. Вот и пойди поищи такой материал: кто же станет молодого быка резать? Да и притом бык быку рознь — один с фермы, а другой в наших горах вырос, вскормлен вот этой молодой сочной травой,— он кивнул за окно, где высились озаренные солнцем горы,— пил воду из этих родников, пасся на этих склонах... А когда достанешь подходящую пленку от бычьего сердца, то выделываешь и выдерживаешь ее тоже не меньше двух, а лучше трех лет. Вот и выходит, что за год я делаю не больше двух-трех дутаров, но зато настоящих.

— В чьи же руки они попадают?

— Что ж... Вот недавно последнюю работу отдал в Душанбе, для одного тамошнего ансамбля. А до того приехали из Москвы, из музея народов Востока, заказали один дутар — сделал. Еще один недавно передал в колхоз имени Ленина Шахрисабзского района, ансамблю «Шодиёна»... Вот для кого с особым удовольствием работал! Наши люди любят этот ансамбль, по радио часто звучит мой дутар, и в Италию он ездил, и по странам Востока, а теперь часто по областям Узбекистана гастролирует... Как же не радоваться — сколько народу слышало мой дутар, и сколько еще услышит...

Рузыбай, конечно, заметил, что мы все чаще бросаем взгляды на тот инструмент, что висит на стене. Он понял нас и покачал головой.

— О, нет, это не мой. И он не продается. Его сделал усто Абдулнаби-бобо. Этот дутар — родоначальник всех дутаров, которые сделаны в Гиляне за последние шестьдесят лет и разошлись по всему свету...

Рузыбай снял дутар со стены и подал нам. Ну до чего же легким он был, ну буквально граммов сто пятьдесят, не больше, и это при длине не меньше метра! Вот это работа, вот это мастерство, вот это тонкость и твердость руки! Легкий, изящный, какой-то на удивление сподручный, он словно звал к песне. Его хотелось не только держать в руках, на нем хотелось играть. Руки неохотно расставались с этой красотой.

— Для меня дутар Абдулнаби-бобо — что для скрипичного мастера инструмент Страдивари. И даже больше. Потому что он был ору-

жием революции. Он омыт кровью. Если позволите, я расскажу, как это было...

* * *

В пиалах остывал чай, и словно стихли за окошком звуки. Рузыбай бережно отложил старый дутар и тихо заговорил.

— Шестьдесят лет назад через наши горы красная конница гнала в Афганистан остатки войск эмира бухарского Саида Алимхана.

У нас в Гиляне люди сразу признали новую власть, потому что здесь все труженики, это была их власть, народная, им не в чем было сомневаться. Они сами, по собственной инициативе, прогнали казы-каляна — верховного судью кишлака, амалькадра — сборщика налогов для эмирской казны и миршаба — полицейского. После этого они выбрали сельский Совет, председателем которого был единодушно назван дедушка Абдулнаби — наш лучший поэт и сказитель, замечательный мастер дутаров, задушевный, любимый всеми человек. И зажил Гилян мирной трудовой жизнью.

Но с разных концов нашей земли ползли слухи о зверствах. В округе было неспокойно. Банды шастали кругом, и люди узнавали о все новых кровавых набегах. Однажды дошла очередь и до кишлака Гилян.

Их было немного — человек двадцать верховых. Тесной кучкой остановились они вон там, на площади, и, не слезая с коней, послали за старостой. Терпеливо ждали, пока подошел Абдулнаби-бобо.

— Нам некогда, аксакал,— сказал старший.— Мы люди Датхо Дангриева,— ты, конечно, слыхал это имя. Ваш кишлак облагается налогом на дело защиты эмира. Надлежит немедленно выдать нам один пуд чая, один пуд насвая, двести конских сбруй, двести золотых таньга. И пять девушек. Времени у нас нет, распорядись быстрее...

Дедушка Абдулнаби низко поклонился бандиту.

— Ты слишком горяч, сынок, так горяч, что забыл законы наших предков,— сказал он.— Разве ты не мусульманин, разве не знаешь, что надо сойти с коня, спросить о здоровье, войти в дом, выпить пиалу чая, прежде чем говорить о делах?

«Защитники эмира» смутились: старик был прав. Спешившись, бандиты вошли в дом и были приглашены к дастархану. Им подали чай и лепешки, и начали готовить шурпу, для чего вывели во двор барана, который кричал в страхе.

— Слышите?— промолвил дедушка Абдулнаби.— Скоро будет обед, а пока отдыхайте, воины Датхо.

И старик снял со стены вот этот самый дутар собственной работы и заиграл на нем. А прежде чем сесть с чужаками за дастархан, он велел домашним, чтобы немедля послали ходока в соседний кишлак Кызыл-емчак, где стоял отряд красноармейцев. Старик пел и играл, а тем временем поспела шурпа, но теперь пришельцы не спешили, им захотелось еще и плова.

— Будет и плов,— сказал Абдулнаби-бобо.

Дутар звенел, и песни старика были грустными, как погребальное

шествие. Это были песни о тяжкой крестьянской доле, о беспросветной жизни подневольного дехканина. Один из бандитов ткнул в бок аксакала:

— Ты, старик, не на похоронах находишься, а среди доблестных воинов эмира. Поэтому пой веселее, просим добром.

Говорят, что именно в этот момент на окраине кишлака раздался выстрел — это поднял тревогу караульный, поставленный мятежниками: он увидел, что к Гиляну спешит красный отряд. Один из бандитов выглянул в окно и увидел, что всадники окружают дом Абдулнаби-бобо.

— Нас предали! Окружают!

Пока расхватывали винтовки и щелкали затворами, старший из бандитов выхватил клинок и обернулся к председателю Совета.

— Это твоих рук дело, музыкант. Но ты сыграл плохую шутку, получи плату за нее!..

И, размахнувшись, он что было силы рубанул по локтю той самой руки, что все еще держала этот, вот этот самый дутар. Он зазвенел и загудел струнами и пленкой от бычьего сердца, он покатился по ковру, который уже был залит кровью и на который уже упала отрубленная рука аксакала. Острым был клинок, сильной и верной была рука бандита. Упав навзничь, истекая кровью, Абдулнаби-бобо потерял сознание и уже не видел, как чужаки, отстреливаясь, выбегали из кибитки.

Они повскакивали на коней, пронеслись по улицам, пытаясь уйти от преследования, но красные бойцы загнали всех в ущелье, взяли в плен, связали веревками и погнали в сторону Шахрисабза.

Несколько дней после этих событий кишлак успокаивался. А через неделю со стороны Яккабага и Дехканабада снова подступили воины эмира, и на этот раз их было уже не двадцать, а свыше пятисот. Их привел сам Датхо Тангриев — матерый, страшный, жестокий бандит. Уже более двух лет он держал в страхе все окрестные кишлаки, контролируя верховья Кашкадарьи и урочища Байсуна. Звериная злоба охватила Датхо, когда он узнал, что здесь, в Гиляне, не испугались его головорезов и в открытую позвали на помощь Красную Армию, хотя знали, что она еще не в силах обеспечить людям постоянную, надежную защиту.

Датхо не сразу ворвался в кишлак, потому что не мог: гилянцы заняли круговую оборону и были готовы к бою насмерть. Датхо через посыльного потребовал, чтобы ему выдали для расправы дедушку Абдулнаби, пославшего гонца к красным. Но ему ответили отказом.

Мастеровой люд Гиляна без страха принял бой с басмачами. У них были ружья собственного изготовления, были кое у кого наганы и пистолеты, были даже камнеметательные машины, хитроумно сконструированные местными умельцами. И они защищали свою жизнь, свои семьи, свое достоинство честных людей, готовых умереть, но не сдаться озверевшим бандитам.

Бой был неравным. На вторые сутки Гилян был взят бандитами. Они брали приступом один дом за другим и тут же поджигали, рушили стены. Когда полыхал уже почти весь кишлак, последняя

горстка смельчаков укрылась в кузнице Абдукарима-бобо, одного из самых уважаемых мастеров. Не раз бросались бандиты на приступ, но неизменно их отбивали. Но вот кончился порох, нечем стало заряжать самодельные ружья, дружина Абдукарима-бобо больше не могла сражаться. Ворвавшись в кузницу, захватчики развели огонь в горне и посадили на этот горн отважного мастера, который принял смерть в страшных мучениях.

Затем все уцелевшие жители кишлака были согнаны на центральную площадь. Сюда же выволокли из дому истекающего кровью старика Абдулнаби, с отрубленной рукой, обессилевшего, но твердого духом.

Седобородый аксакал был расстрелян на глазах односельчан вон у того старого тутовника, что и поныне стоит на нашей площади. Это был наглядный урок всем, кто еще мог сомневаться, каковы они, «воины эмира», какова их «священная война», каков облик этих зверей в человечьих шкурах. Но только давно уже в Гиляне сомневающихся не было, как не оставалось их к тому времени в тысячах и тысячах кишлаках по всей Средней Азии...

Почти двое суток полыхал огонь над Гиляном — кровавый урок продолжался. Оставалась нетронутой только кибитка покойного Абдулнаби-бобо: в ней отдыхал, покуривая кальян, сам Датхо Тангриев. Но вот его молодцы, обшарив все, что еще не сгорело, забрав все, что под силу было унести, доложили главарю, что можно сниматься. Бандиты покинули Гилян, угоняя более двух тысяч голов скота и около пятидесяти женщин и девушек. Они пошли через горы в сторону Байсуна, а вскоре после их ухода пришел сюда отряд красноармейцев.

Дело в том, что еще в начале осады через вражеские цепи сумел проскользнуть Хидир Еров, который намеревался добраться до волостного центра. И он добрался, но опоздал...

Когда отряд из Шахрисабза пришел в Гилян, то, как говорят, даже видавшие виды бойцы были поражены совершенным здесь зверством. Насчитали в те страшные дни двести тридцать пять убитых, более трехсот раненых. Сгорели все дома до единого, не осталось ни одной уцелевшей стены: что не сожгли, то разрушили. Остался один лишь дом дедушки Абдулнаби. А в доме лежал этот дутар.

Кишлак вскоре восстановили. Советская власть прислала в Гилян строительные материалы, семена, привезли и учебники для школы — той самой школы, в которой теперь преподаю и я....

С тех пор и стоит наш Гилян, стал он крепче и краше прежнего, в нем сейчас более двух с половиной тысяч жителей. В школе учатся восемьсот ребятишек, работают в ней тридцать семь учителей. У нас есть два детских сада, поликлиника и больница. Люди здоровые, довольные, радостна и проста наша жизнь, исполнена обыкновенных трудовых забот. И по-прежнему много в Гиляне славных мастеров, удивляющих своим искусством не только соседних сельчан, но и жителей далеких стран... У нас работают тридцать кузнецов, есть золотошвеи, чеканщики, ткачи. А лично я считаю самым важным, что вот этот уцелевший дутар дедушки Абдулнаби стал как бы родоначальником целого поколения музыкальных инструментов, затем — второго, а те-

перь уже и третьего. Не умирает наше искусство и не умрет никогда.

После налета бандитов целых три года никто в Гиляне не занимался этим ремеслом: просто не до того было. Но вот молодой талантливый усто Мухаммади взял дутар Абдулнаби-бобо и принялся внимательно его изучать. Он обходил окрестные селения, расспрашивал в самом Гиляне тех немногих, кто остался в живых. Месяцами он готовился к большому делу, и вот настало время взяться ему за свой первый дутар. Шло время, и слава о мастере Мухаммади перешагнула окраины Гиляна, а сам он к тому времени обучил делать дутары своих детей и некоторых сельчан. Самым способным из его учеников был Абдурали Расулов, который трудился над изготовлением дутаров сорок лет. А я, Рузыбай Муталиев,— преданный ученик усто Абдурали...

* * *

Так закончился этот рассказ, потрясший каждого из нас...

Мы сидели, не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить слово. Рядом, на простом домотканом ковре изумительной изящной работы, лежал кровью омытый дутар бесстрашного старика, у которого единственным оружием против бандитской сабли и пули была правдивая песня и струны чудесного инструмента...

Жестокая правда о кровавой, бескомпромиссной борьбе за новую жизнь только что прозвучала в этой комнате. И мы совсем другими глазами смотрели теперь на легкий певучий дутар, который снова бережно взял в руки молодой хозяин дома. Хрупкий инструмент, легкий, тонкий. Но выстоял и победил. Хрупок и человек: одной пули хватит, чтобы не стало его. Но выстоял человек и победил, потому что не жалел жизни за правое дело.

Мы больше ни слова не сказали об этом легендарном инструменте: конечно, не могло быть и речи о том, чтобы увезти его отсюда, лишить Гилян его священной революционной реликвии. Мы договорились обо всем с мастером, и, забегая вперед, скажу, что его искусный труд и талант оправдали лучшие наши надежды.

А в тот вечер мы покидали Гилян, сопровождаемые шумной ватагой ребятишек, которые вприпрыжку, с крыши на крышу, скакали за нами вслед. Доверчивые лица детей смеялись. Улыбались и мы, зная, что в этот кишлак, в другие кишлаки нашей земли больше никогда не придут горе, огонь и кровь.

Мы прощались с Гиляном, мы отъезжали все дальше, и вот, на последнем повороте, еще раз бросили взгляд на просторную чашу, окруженную горами, на многоярусные соты домов, на силуэты детей на крышах, на остроконечные скалы, хранящие вечный покой этого места.

Машина вырвалась на ровную дорогу. Мы молчали. Один из сидящих взял приобретенный у мастера инструмент и ударил по струнам. Дутар запел. Можно слагать новые песни? Можно. И пусть первая из этих песен будет о мужественном и прекрасном городе мастеров, о древнем кишлаке Гилян, который далеко не на всякой карте можно отыскать.

ЗОЛОТО ЭМИРА

Среди тех загадок и тайн на планете, что будоражат ум человека и неизменно манят его к себе, есть тайны исчезнувших когда-то несметных богатств. Уже стали добычей алчных искателей сокровищ убранство и драгоценности многих египетских пирамид. Разграблены золотые храмы Будды в Индии, на Цейлоне, прибраны к рукам ценности тибетских монастырей... Но еще не открылись людям сокровища ацтеков в Америке, золото Нибелунгов в Европе. Есть тайны кладов и в нашей стране. Награбленное в России золото Колчака весом сорок пудов скрыто где-то в лесах восточной Сибири. Вывезенная в неизвестном направлении гитлеровцами, исчезла знаменитая Янтарная комната Екатерининского дворца из-под Ленинграда. Об этом много писали, продолжают говорить в народе. Но есть еще один клад, не менее в свое время знаменитый и достойный внимания. О нем все забыли, но он лежит где-то, такой же реальный, как клад Колчака. Это золото эмира Бухары, которое он пытался вывезти с собой в Афганистан, когда пала его власть, в сентябре 1920 года.

Так уж повелось, что каждый правитель, как бы прочно он ни сидел на троне, но все же где-то втайне, подспудно готовится к тому роковому дню, когда ему придется уносить ноги из своей страны. К этому черному дню правитель копит богатства, складывает их, переплавляет золото в слитки, переводит денежные знаки в драгоценности или делает вклады в зарубежных банках, как, скажем, это удалось сделать бывшему императору Эфиопии Хайле Силасии Первому, заблаговременно, до падения режима, переправившему в банки Швейцарии ценности на несколько десятков миллиардов долларов. Сумел переправить свои богатства во Францию перед побегом с Гаити и душитель народа Дювалье. Вывез с собой миллиарды долларов и бывший президент Филлипин Маркос. Так что история большинства правителей показывает, что они, прикрываясь званием «отца народов», грабили этот народ нещадно. Не исключением были и эмиры Бухары.

Бухарский эмират — это небольшое вассальное ханство. Располагалось оно большей частью на территории современного Узбекистана, нынешних Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей, захватывая и земли Таджикистана. Чего только не видели Бухара и ее народ за свою более чем двухтысячелетнюю историю. Взлет, мировую славу, сказочные богатства — и черные дни, нашествие врагов, полное разорение и смутные времена. Окружала его армия Александра Македонского, осаждал арабский завоеватель ибн Кутейба Муслим, сжег город дотла и растоптал пепел копытами коней Чингисхан, бес-

престанно терзали Бухару и междоусобицы местных ханов. Бухарой правили династии Саманидов, Сельджуков, Чагатаидов, Тимуридов, Шейбанидов, Аштраханидов, а последние полтора столетия у власти стояли Мангыты. Первый из них, Мухаммед-Рахим-хан, пришел из Карши и сел на престол Бухары в 1757 году. Были среди Мангытов и правители-аскеты, такие, как Шахмурад, который, и став эмиром, не изменил своим привычкам. Он тратил на себя по одной таньга в сутки, одевался в самое простое и ветхое платье, ел скудную пищу, в походах ночевал вместе с воинами в палатках, не разрешал ставить ханского шатра, ни у кого из знати не бывал на пирах и не принимал от подданных никаких даров. Но именно этот правитель-аскет оказался особенно алчен, жаден до золота, принадлежавшего народам других стран. Именно он с фанатичной жестокостью стер с лица земли самый богатый и просвещенный город на Востоке — Мерв.

Разграбив этот город, он увез все его сокровища в Бухару и упрятал их в казну эмиров-Мангытов.

Мангыты, эмиры Бухары, были бездушными эксплуататорами, алчными стяжателями. За полтора столетия своего правления они накопили в подвалах Арка Бухары несметные сокровища. Население Бухарского эмирата к 1920 году, ко времени революции, составляло около трех миллионов человек. И весь народ денно и нощно работал на единственного своего властелина, эмира бухарского. С помощью своих охранников и чиновников, которых у него было более тридцати тысяч, эмир собирал со своих подданных огромные средства в виде налогов. Таких налогов не было ни в одном государстве мира. Бухарский эмир взыскивал с народа сорок различных податей, главной из которых был харадж — поземельный налог. Каждый житель ханства, возделывающий хотя бы клочок земли, обязывался пятую часть урожая отдавать в казну эмира. Второе место в числе поборов занимал зякят, то есть имущественный налог. Все подданные эмира Бухары должны были одну сороковую часть всего, что имели, отдавать правителю. Из сорока верблюдов нужно было отдать одного верблюда, из сорока баранов — одного барана и так далее. В случае войны эмиры Бухары взимали чрезвычайные налоги, называемые джул. Несмотря на то, что подати были многообразны и многочисленны, каждый новый эмир Бухары устанавливал еще и свои налоги, изыскивая таким образом способы выкачивать из населения все без остатка. Так, в 1870 году эмир Бухары Музаффар ввел новый налог, названный аминна, то есть полтора процента сбора со всех товаров, которые купцы продавали или перевозили в другие города. Как подсчитали экономисты, годовой доход эмира Бухары Саида Алимхана в последний год его правления доходил до 30 миллионов золотых тилля, а тратил он из этой суммы всего три миллиона на содержание своей армии. Выше я уже говорил, что у эмира было около тридцати тысяч различных чиновников и прислужников. Все они не получали жалованья и денежных подарков, но вся территория эмирата, разделенная на 26 бекств, на тысячи амлякдарств, была полностью отдана на откуп этим чиновникам. Они собирали налоги и для своего безбедного существования, и для подношения эмиру Бухары.

Но эмир, конечно, не только копил богатства в своих хранилищах. Были времена, когда ему приходилось раскошелиться — на пышные торжества по случаю коронации, рождения детей, и так далее. Были и другие непредвиденные траты, например, во время первой мировой войны. Будучи вассалом царского правительства, последний эмир Бухары Саид Алимхан не мог, разумеется, остаться в стороне, когда Россия объявила войну Германии. Трижды, в 1914, 1915 и 1916 годах, эмир жертвовал русской армии «для победы», как он писал в телеграммах, по миллиону рублей. Три миллиона рублей эмир подарил российскому императору для продолжения бессмысленной бойни. Такая щедрость эмира не осталась незамеченной, и в 1915 году, после того, как второй миллион оказался в российских банках, восточный властитель был императорским указом пожалован орденом Белого Орла, а в 1916 году, после очередного миллиона, эмира наградили орденом Александра Невского. Кроме того, «за заслуги перед Отечеством» Саиду Алимхану специальным рескриптом был присвоен чин генерал-лейтенанта царской армии. Так что в истории бухарских эмиров были времена, когда их казна не только пополнялась, но и убывала. Однако по-восточному сформулированный закон эмирской казны оставался незыблемым: «Не убудет до той поры серебра и злата, пока его в достатке не прибудет». И эмиры Бухары старались всеми правдами и неправдами пополнять свою казну.

Так уж бывает устроен человек, что его жадности порою нет границ, его алчность бездонна. Человек, обладающий неисчислимыми богатствами, не знает зачастую их смысла и сути, но в нем живет какое-то гигантское чудовище, которое заставляет его день и ночь бессмысленно копить сокровища, отбирая у людей самое необходимое, делая их несчастными. Для него очевидно одно: чем больше — тем лучше, чем больше — тем сильнее. А в конце концов, чем больше — тем бессмысленнее. Такова сущность всех богатств, ибо одному человеку, будь он даже расточительнейший правитель, награбленных им богатств за всю жизнь не истратить — ни на званые обеды, ни на придворные торжества, ни на слуг, ни на наряды. И задумался ли хоть один правитель, подгребающий под себя богатства,— зачем они ему, что они ему дают, какой смысл в них заложен? Вот именно от бездумья, от алчности, от неумения осознать истинные ценности правители и накапливают огромные состояния, которые затем для них становятся роковыми. Недаром великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин писал: «Там царь Кащей над златом чахнет...»

Пробил роковой час и для эмира Саида Алимхана. В августе 1920 года, когда эмир почувствовал, что народное восстание, народный гнев вот-вот сметет его, он задумался над тем, как бы ему унести не только свои ноги, но и награбленное Мангытами за столетия народное добро, огромное состояние целого эмирата. Когда эмир Бухары собрал воедино все, что хотел увезти с собой, то получился целый караван золота и драгоценностей. Увезти такое количество сокровищ в неизвестном никому, кроме него, направлении он, конечно, не мог. И эмир Бухары попросил своего старого приспешника, генерального консула царской России в Мешхеде Николь-

ского связаться с англичанами, чтобы правительство Британской империи взяло сокровища эмирата под свою защиту.

Почему именно Мешхед был выбран для укрывательства драгоценностей эмира? Да потому, что через этот город Саид Алимхан уже давно наладил тесную сзязь с англичанами. Еще в мае 1920 года англичане через Мешхед направили в помощь эмиру караван с оружием более чем в двести верблюдов. И вот, надеясь именно этой дорогой отправить свои богатства на сохранение англичанам, эмир и послал в Мешхед своего гонца. К тому же в этот небольшой заштатный городишко в Иране дорога для эмира была свободной, а на севере эмирата уже торжествовала революция.

Но когда эмир не смог разыграть карту, поставленную им на бывшего царского консула Никольского, ему спешно пришлось искать другие пути сохранения награбленного добра. Тогда Саид Алимхан послал своего доверенного человека, которым оказался предводитель дервишей Шахрисабза Даврон, в Кашгар к английскому консулу. Посланец эмира бухарского пробирался в Кашгар не прямым путем, потому что революция в Туркестане перекрыла большинство дорог, ведущих туда. Поэтому Даврону пришлось идти через Кара-Тегин, Алайскую долину и восточный Памир. И наконец после двухнедельного перехода посланец эмира Бухары дервиш Даврон прибыл в столицу Кашгара город Урумчи.

Английское консульство в то время располагалось в уютном, затененном садами местечке Чини-Баг на окраине Урумчи. Консулом был английский дипломат и разведчик Петтэ Эссертон. Передав послание эмира Бухары консулу, дервиш Даврон остался в Урумчи ждать ответа. Но события развернулись не совсем так, как ожидал эмир, когда обращался за помощью к англичанам. Он надеялся, что его старый знакомый Эссертон с радостью примет сокровища Бухары на сохранение. Оказалось, что это не так. Прочитав в послании, что состояние, которое эмир желал вверить его опеке, составляет сотню лошадей, навьюченных золотом и драгоценными камнями, Эссертон испугался падающей на него ответственности. Сосредоточить в своих руках такое богатство, хранить его у себя в консульстве было по тем временам совсем небезопасно. Кругом шли бои — революция в Туркестане, восстание в Синьцзяне, банды грабителей хозяйничали и в самом Кашгаре,— и принять у себя в консульстве без специальных сейфов и достаточной охраны сокровища эмира Эссертон счел для себя затруднительным. Но в то же время английский консул, располагая подробной информацией о событиях в Туркестане, прекрасно понимал, что эмир долго в Бухаре не продержится, и ему срочно надо куда-то переправить сокровища. Петтэ Эссертон был умным дипломатом, верным слугой Британской империи, и понимал, что дать разрешение на ввоз в Кашгар казны эмира самолично, без согласия своего правительства он просто не имеет права. В те тревожные времена никто не мог бы дать гарантии сохранности таких ценностей, даже если они и были бы благополучно доставлены в здание консульства. Невероятно, чтобы караван из ста лошадей проделал путь в две с лишним тысячи километров от

Бухары до Урумчи никем не замеченный, и так же мало шансов на то, что никому не станет известен пункт его прибытия. Так что практически любая разбойничья шайка, пожелавшая захватить сокровища, может с легкостью овладеть зданием консульства, перебить дюжину охраняющих его солдат, причем головой может поплатиться и сам консул. Идти на разгром консульства Британской империи ради богатств эмира английский дипломат не мог. Эссертон понимал, что золото — это не всегда добро, оно может, да в большинстве случаев и обращается во зло.

Но в то же время дипломат не мог и отказать, и взять на себя ответственность за отказ эмиру Бухары. Так что Эссертон направил депешу с сообщением о просьбе Саида Алимхана вице-королю Индии в Дели. Дело было нешуточное — свое состояние эмир оценивал в 150 миллионов золотых рублей.

По подсчету сотрудника Русско-Азиатского банка К. К. Юдахина сумма богатства эмира соответствовала 15 миллионам фунтов стерлингов в золоте. Так что было над чем задуматься и английскому консулу Эссертону, было над чем ломать голову и самому эмиру бухарскому.

В канцелярию вице-короля Индии запрос о том, как быть с казной эмира, Эссертон послал обычным для него, не раз апробированным порядком. Путь депеши был таков: сначала сообщение о золоте эмира пошло зашифрованной телеграммой из Урумчи на конечный путь китайского телеграфа, находящийся в кишлаке Сары-кола в восточном Памире. При этом телеграфе имелся представитель английской миссии. Так как телеграфное сообщение здесь кончалось, этот чиновник направил пешего курьера из Сары-кола через перевал Минг-теке (на местном наречии это название означает — Тысяча козлов) на Каракорумском хребте. Курьер доставил эту депешу на английскую автоматическую станцию телеграфа в селении Мызгар княжества Хунза. Княжество Хунза располагалось на территории северного Кашмира и было связано вассальным договором с кашмирским магараджей. А, как известно, весь Кашмир, вся Индия были тогда в составе английских колоний. Из Мызгара, где начиналась телеграфная линия, сообщение о золоте эмира пошло в Сринагар, а оттуда — в Симлу, летнюю резиденцию английских вице-королей. Вот такой сложный путь проделала эта депеша.

Однако Эссертон так и не дождался от своего правительства указания принять на сохранение богатства эмира. Высшие чиновники Британской империи также понимали, что взять на себя заботу о казне Саида Алимхана означало, в случае если сокровище будет похищено, обязательство возместить эмиру огромную сумму его стоимости. На это англичане не пошли.

Эссертону ничего не оставалось делать, как послать эмиру Бухары письмо с вежливым отказом. С этим письмом дервиш и пустился в обратный путь; путь тоже был не близкий, так что дервиш добрался до Бухары только где-то в середине сентября. Когда посланец эмира прибыл во дворец, оставалось всего несколько дней до того, как власти эмира суждено было пасть.

Получив отказ от англичан, эмир начал искать другие пути сокрытия богатств. Теперь это тайное, опасное и важное дело он поручил другому своему приближенному, эмирскому телохранителю — полковнику токсабе Калапушу, командовавшему его гвардией. Естественно, такое поручение эмир мог дать только самому испытанному и верному из своих прислужников. Токсаба Калапуш попытался разведать дороги, чтобы уйти с караваном через границу с Ираном или Афганистаном. Но за Каспием уже сложилась такая ситуация, что идти на Мешхед не представлялось возможным. Калапуш вернулся во дворец и доложил эмиру, что пути на Иран и Афганистан каравану отрезаны. Тогда эмир принял последнее отчаянное решение. Караван, уносящий с собой все состояние Саида Алимхана, ушел в сторону Карши. Охранял караван небольшой отряд под командой Калапуша, среди сопровождавших золото эмира был и дервиш Даврон. Этим двум своим приближенным эмир поручил спрятать сокровища где-то в районе города Карши, где он с 1898 по 1910 год, в течение двенадцати лет, был правителем Каршинского бекства. Саид Алимхан взошел на престол бухарского эмирата лишь в 1910 году, когда его отец, эмир Абдуллахад, умер от болезни почек. Тогда-то Саид Алимхан покинул Карши и стал эмиром.

А теперь Саид Алимхан отправил в знакомые ему места верных Калапуша и Даврона с поручением спрятать сокровища либо в районе города Карши, либо в горах между Яккабагом, Байсуном и Шахрисабзом. Отряд, сопровождавший караван, разделился на две группы. Впереди шли погонщики и несколько дервишей, среди которых был и Даврон. а сзади таксобо Калапуш с воинами охраны из числа эмирских гвардейцев. Караван вышел из Бухары примерно 8—10 сентября через Караул-базар, на Касан, затем в направлении на Карши, и затерялся где-то в Каршинской степи. Золото эмира везли по ночам, Калапуш не хотел, чтобы кто-то посторонний знал, куда направляется эмирский караван, хотя о его выходе из Бухары догадывались лишь очень немногие. Первоначально Калапуш намечал как место, где можно спрятать клад, сардобу возле городища Касби. Сардоба — это место сбора воды в весенние потоки и сохранения ее для путников на все лето. Та сардоба, о которой думал Калапуш, была самой крупной в Каршинской степи, недалеко от нее на большом холме (тепа) располагался когда-то средневековый город. В этих местах, видимо, были где-то тайники, куда Калапуш и хотел спрятать эмирские драгоценности. Но в тех местах люди из соседних кишлаков заметили караван и заинтересовались им. Это насторожило Калапуша, он решил здесь не останавливаться, и караван ушел дальше. Отряд прошел через Гузар, затем свернул на Яккабаг, на Лянгар, и направился дальше в горы.

В горах, оставив караван с грузом в одной из тенистых лощин, Калапуш поднялся выше, чтобы осмотреть местность. В одной из горных расщелин он увидел каньон, и решил оставить там богатства эмира. Дело это он поручил погонщикам во главе с Давроном. Этот отряд отправился в горы прятать сокровище, а Калапуш остался с охраной, не разрешив никому из воинов следовать за Давроном. Около

двух суток Калапуш ждал дервиша Даврона, но тот не возвращался. Телохранитель эмира начал тревожиться — неужели дервиш не выполнил поручения? Успокаивало Калапуша только одно — он знал фанатичную преданность Даврона Саиду Алимхану... Не раз выполнял дервиш тайные и рискованные приказы своего повелителя, не впервые шел по узким горным тропам. Калапуш понимал, что такой человек не может обмануть и скрыться с караваном, навьюченным золотом и драгоценностями. Да к тому же и скрыться с таким караваном, ускользнуть незаметно было невозможно. Но Калапуша все же беспокоило слишком долгое отсутствие дервиша, ведь для того, чтобы сгрузить сокровища, потребовалось бы часов пять-шесть, в крайнем случае около полусуток, но не больше. Однако с тех пор, как ушел Даврон, прошло уже двое суток, и наконец встревоженный Калапуш поднял свой отряд по тревоге и пошел с воинами в том направлении, куда ушел Даврон с караваном. Через несколько километров пути отряд натолкнулся на груду трупов. Погибшими оказались те люди, которые ушли вместе с Давроном. Неизвестно, с кем здесь столкнулся отряд дервиша, но было ясно, что случилось какое-то несчастье. Еще через несколько часов пути отряд Калапуша наткнулся на тела двух людей, один из которых еще подавал признаки жизни. Его привели в чувство, дали напиться. Он рассказал Калапушу, что кое-кто из погонщиков пронюхал о содержимом караванных вьюков и решил завладеть сокровищами эмира. Убитые, которых видели люди Калапуша на дороге, остались на месте схватки погонщиков с дервишами, которые сумели отстоять своего предводителя Даврона. Там же отряд Даврона разделился на две группы — желающих похитить сокровища и охраняющих их. Самого же уцелевшего погонщика, по его словам, пытались прикончить его же товарищи за то, что он уговаривал не слушаться Даврона.

Отряду Калапуша ничего не оставалось, как продолжать путь к горной расщелине. На следующий день Калапуш все же достиг того места, где находились остатки отряда Даврона. Он увидел всего трех человек, среди которых был и сам дервиш. Даврон был тяжело ранен, истекал кровью, лицо изуродовано. Однако Калапуш был рад, что ему все же удалось найти дервиша, в каком бы тот ни был состоянии. Дервиш Даврон, призывая гнев аллаха на головы предателей, рассказал эмирскому телохранителю, что ему с его верными дервишами удалось-таки справиться с теми, кто покушался на казну повелителя, и спрятать сокровища в той самой пещере, о которой говорил Даврону Калапуш. На вопрос, почему все-таки на это ушло столько времени, дервиш ответил, что не мог вести своих спутников к пещере прямым путем, так как заподозрил у некоторых из них хищные помыслы. Вот он и водил их по горам больше суток, чтобы они выказали свои намерения. За эти два дня дервишу пришлось трижды сражаться с теми, кто хотел завладеть эмирским золотом. Даже когда люди Даврона уже разгрузили лошадей и возвращались обратно, их встретили поджидавшие в засаде погонщики. Произошла схватка не на жизнь, а на смерть, после которой уцелели только два дервиша, которые понесли на себе своего израненного предводителя.

Немного передохнули. Дервишу перевязали раны, он пришел в себя, и Калапуш со своими людьми отправился в обратный путь. Отряд спустился с гор без приключений. Однако на последнем ночлеге, перед тем, как выйти в Каршинскую долину, Калапуш собственноручно прикончил двух оставшихся в живых дервишей, не пощадил он и самого Даврона. Эмирский телохранитель хотел, чтобы тайна Саида Алимхана осталась известной только ему одному. На это Калапуш имел прямое указание эмира бухарского. Отправляя своих приближенных в путь, эмир сказал, что вернуться к нему с сообщением о том, где спрятан клад, должен или Калапуш, или Даврон — других гонцов ему не нужно. Приказ гласил, чтобы больше ни один глаз не видел этого места, ни одно ухо не слышало названия этого места, ни один дух не витал бы в тех краях.

Так Калапуш по повелению эмира расправился с преданнейшим слугой властителя, дервишем Давроном. Даврон верой и правдой служил эмиру Бухары всю свою жизнь — и получил ту награду, которую жестокие властители обычно даруют за верную службу. Дервишей называют «божьими людьми», так пусть бы Даврон и оставался «божьим человеком». Но он сделался эмирским прислужником. А эмирам чувство благодарности всегда было чуждо. Ибо когда стоит перед правителем выбор — добро или собственная выгода, он всегда выбирает выгоду. Так погиб за золото эмира «божий человек» дервиш Даврон.

Наутро в отряде никто не спросил, куда делись дервиши. Лишь один солдат сказал, что видел, как дервиши покинули место ночевки и ушли в неизвестном направлении, на что Калапуш не стал возражать. Отряд двинулся дальше, в сторону Карши. Проехав через столицу Каршинского бекства, отряд на четвертые сутки подъехал к Караул-базару, последнему населенному пункту перед Бухарой. Здесь на исходе дня людей Калапуша встретил командующий эмирской артиллерией топчибаши Низамеддин. Калапуш знал, что Низамеддин не случайно поджидает его здесь. Воины Низамеддина приветствовали прибывших из Каршинской степи, и оба отряда вместе расположились на ночлег в Караул-базаре. На рассвете, когда отряд стал собираться в дорогу, выяснилось, что в живых не осталось ни одного человека из стражи, сопровождавшей караван с золотом. Все, кто был с Калапушем в горах, в ту же ночь были умерщвлены и похоронены за большими холмами.

Калапуш не стал спрашивать Низамеддина, почему он так поступил с его воинами. Телохранитель понял, что это был приказ эмира. Не должно было остаться в живых никого, кто видел караван, кто знал, куда он шел, кто хотя бы догадывался о месте, где укрыт клад. Сначала погибли погонщики, потом дервиши, потом расправились с самим Давроном, а теперь погибли и стражники, которые сопровождали караван из Бухары до горной тропы. Так что остался в живых лишь один человек, знавший обо всем,— Калапуш.

И этот единственный оставшийся в живых, Калапуш, вдруг задумался: а не сыграет ли эмир с ним такую же злую шутку, как с Давроном и его дервишами, как с воинами охраны. Однако Калапуш

надеялся, что ему, бывшему личным телохранителем эмира вот уже более десяти лет, ему, которому эмир доверял свою жизнь, властитель доверит и тайну своего богатства. Калапуш думал, что он единственный человек, без которого эмир обойтись не может — кроме всего прочего еще и потому, что он один знает, где спрятано золото эмира. Но все же это обстоятельство заставляло Калапуша время от времени вздрагивать, когда он думал о своей судьбе.

Топчибаши Низамеддин тоже не знал всей истины. За два дня до этих событий его вызвал к себе эмир и приказал, чтобы тот вместе с отрядом вышел навстречу людям Калапуша в Караул-базар. Саид Алимхан сообщил Низамеддину, что в отряде Калапуша — заговор, стражники готовят убийство Калапуша и покушение на жизнь самого эмира. Таким образом, Низамеддин должен был спасти Калапуша, вырвать его из лап злоумышленников, а отряд уничтожить. Так Низамеддин стал слепым орудием в руках эмира Бухары, не постигая истинного смысла той кровавой резни, которую он устроил в отряде Калапуша. Однако приказ эмира он исполнил в точности и через день привез Калапуша целым и невредимым в Арк.

Перед аудиенцией эмир дал своему телохранителю отдохнуть, прийти в себя, переодеться с дороги. После чего Калапуш явился к повелителю. Эмира очень интересовали все подробности поездки, он выспросил своего слугу, не встречались ли на пути каравана какие-нибудь препятствия и вообще — все ли в порядке? Видимо, под этим «все ли в порядке?» эмир подразумевал — не остался ли в живых, кроме Калапуша, хоть кто-то, кто знал бы о тайне эмирских сокровищ. Калапуш ответил, что груз спрятан в надежном месте, и ни одна живая душа, кроме него, Калапуша, не знает — где. Так что великий правитель Бухары может быть спокоен, тайна будет сохранена.Тайна при нем, Калапуше, а он — тень эмира. Говоря это, Калапуш надеялся сохранить свою жизнь. Но Калапуш ошибся. Он не знал силы золота. Он не понимал, что когда золото владеет людьми, эти люди уже сами собой не владеют.

Эмир в ту же ночь повелел убить Калапуша. Это повеление он также отдал топчибаши Низамеддину. Саид Алимхан сказал своему прислужнику, что Калапуш тоже замышлял покушение на жизнь эмира, а привезти его к себе он просил для того, чтобы иметь возможность допросить предателя.

Низамеддин не замедлил выполнить повеление, и жизнь личного телохранителя эмира Бухары Калапуша оборвалась.

Через два дня эмир Бухары Саид Алимхан со своими приближенными в сопровождении топчибаши Низамеддина бежал из Бухары и достиг округа Байсуна. Но по дороге случилось так, что лошадь под Низамеддином вдруг споткнулась, а сам всадник рухнул на дорогу с простреленной грудью. Кто и откуда стрелял, топчибаши так и не узнал. Оборвалась еще одна жизнь в цепочке, имевшей касательство к каравану, к тем, кто его сопровождал, к тем, кто их уничтожал, и к тем, кто уничтожал уничтожавших.

Оборвалась цепочка, оборвалась нить, ведущая к тайне эмирского золота. Но был еще жив сам эмир.

В 1921 году бывший эмир Бухары Саид Алимхан с небольшим отрядом пересек границу Афганистана и покинул пределы эмирата. С ним не было золотоносного каравана. Он уводил с собой всего трех тяжело груженных лошадей, среди поклажи которых было несколько хурджунов с драгоценностями и слитками золота. Вот все, что увез эмир Бухары с собой за границу. А ноша золотого каравана, который вели дервиш Даврон и телохранитель Калапуш, осталась захороненной далеко в горах между Шахрисабзом, Яккабагом и Байсуном. Горный хребет, отроги Памира хранят эту тайну. Может статься и так, что дервиш Даврон за те двое суток, что были в его распоряжении, спрятал сокровище и не в том каньоне, о котором знал Калапуш,— это неизвестно.

Подробностей дальнейших событий вокруг сокровища эмира не может рассказать никто. Но доподлинно известно, что были предприняты поиски этого клада. Кто-то упорно искал это золото, потому что в двадцатые годы стали один за другим погибать и исчезать родственники дервиша Даврона, его братья и сестры, его дальняя родня, люди, с которыми дервиш был близок. Ибо те, кто искал золото эмира, полагали, что дервиш Даврон мог успеть кому-то сообщить о местонахождении тайника с кладом. Затем стали погибать родственники тех дервишей, которые сопровождали Даврона. Разнеслись слухи о гибели родни Калапуша, вырезана была вся его семья, весь кишлак, в котором он жил. Но никто доподлинно не знает, удалось ли убийцам добраться до тайны золота. Ясно одно: все те, кто прикасался к этой тайне, кто знал о ней что-либо, кто стоял на пути искателей клада, погибли или пропали без вести. Длинен список жертв золотоносного каравана. О золоте помнил эмир, догадывались его придворные, и это золото не давало людям покоя.

Видимо, бывший эмир Бухары не раз посылал своих приближенных через границу, чтобы они проникли на территорию Узбекистана в районе Кашкадарьи или Сурхандарьи. Он, вероятно, указывал места, где могло находиться сокровище, спрятанное по его велению. Такие отряды эмира появлялись около левого берега Амударьи, принадлежавшего Афганистану. В двадцатые-тридцатые годы почти ежемесячно этим тайным путем проходили группы людей и пробирались в горы. Но затем происходило странное: сначала исчезали группы искателей эмирского золота, а затем гибли родственники этих людей. И опять тайна, как говорится, покрывалась мраком, и эта черная мрачная тайна нависала над золотом.

В 1930 году через границу Афганистана перешел Ибрагимбек, возглавлявший отряд в пятьсот сабель. Не исключено, что этот любимец эмира получил задание вывезти с территории Советской республики сокровища Саида Алимхана. Но Ибрагимбека постигла та же участь, что и многих других воинов эмира Он не успел переправиться через Кафирниган, как был задержан и арестован.

В плен попала вся его рать. Так что Ибрагимбеку не удалось добраться до золота. Но так же, как все, кто имел касательство к этой тайне, не сумел сохранить свою жизнь. Как ярый враг Советской власти, Ибрагимбек был приговорен к смертной казни, и приговор в 1931 году был приведен в исполнение. Это и был, видимо, последний человек, знавший ту тайну, которую, хочется верить, все же кто-нибудь когда-нибудь разгадает.

Но еще оставался в живых эмир Бухары. Он, видимо, денно и нощно помнил о своем сокровище. Может быть, он вновь и вновь обдумывал, как заслать своих людей на поиски золота. Но граница Советской державы после тридцатого года была уже на крепком замке, и перейти эту границу почти никому не удавалось. Так что мечты бывшего эмира о том, чтобы вновь завладеть своим добром, были тщетны.

Возможно, и сам эмир не знал истинного местонахождения клада. Ведь мог же дервиш Даврон, не доверяя Калапушу, спрятать груз каравана не там, где указал телохранитель, чтобы направить того по ложному следу. Мог и сам Калапуш, предчувствуя свою участь, обмануть жестокого властителя. Так что, может быть, некоторые из эмирских посланцев и доходили до того места, о котором говорил им Саид Алимхан, но сокровищ там не находили. Как бы там ни было, и Даврон, и Калапуш были мертвы, и тайна оставалась тайной.

Бывший эмир Бухары оказался не в силах вновь завладеть неправедно добытым богатством. Вероятно, он очень скорбел о своем сокровище, даже не раз плакал о нем. За несколько лет до смерти, которая настигла его 5 мая 1943 года, Саид Алимхан ослеп. Возможно, слепота пришла к бывшему эмиру потому, что он горько и много плакал о золотом караване. Ведь чем больше богатств похитил человек у других, тем больше они приносят ему несчастий.

Что будет дальше с золотом эмира — неведомо. По теории вероятностей это сокровище должен кто-нибудь когда-нибудь найти. Но если нашедший вздумает воспользоваться эмирским золотом в корыстных целях — я уверен, что он встанет в ту цепочку искателей богатства, принадлежность к которой несет с собой смерть. Так как золото добра не признает, но и зла не терпит.

Тайна золотого каравана жива и ждет своего открывателя. Эта история не вымысел, а подлинная жизнь. А жизнь, как известно, всегда имеет начало и имеет конец. В этом — диалектика всего живого.

Может получиться и так: если золото эмира Бухары никто из людей не найдет, то оно неожиданно проявит себя само. Ибо потекут из того места, где спрятано награбленное богатство, горькие и соленые реки — реки слез и крови. Тех самых слез, что выплакали люди, отдавая свой труд, свой пот, жизнь свою, чтобы эмир накопил это самое золото. И заструится по горному хребту кровь — кровь тех, кто погиб за это самое золото, тех, кого грабили и кого убивали, пряча это золото.

Золото... Этот светлый металл... Он создан природой для кра-

соты, для того, чтобы приносить радость и счастье. Пусть же человек не кивает на него, называя золото причиной своего горя. Пусть не винит золото в собственных злых помыслах, которые он сам в себе взлелеял и проявил в полную силу в погоне за ним.

Наверное, самое лучшее если бы этот клад никто и никогда не нашел. Слишком горькая память оживет вместе с этим золотом, слишком много скорби вернется в мир вместе с ним.

Золото — и отношение человека к нему... Золото — и отношение человека к своей совести... Золото — и отношение человека к человеку... Очень ярко проявляется все это на золоте.

Порой цена золота — жизнь. И не одна жизнь, а сотни, тысячи, миллионы, миллиарды жизней легли у подножия груды золота. Так неужели эти жизни не стоили чего-то более ценного, чем желтый металл?

Отчего так бессмысленно, по-пустому тратит свою и чужую жизнь человек? Значит, человек не так совершенен, как совершенно золото. Золото сотворено природой, а нас, людей, творим мы сами и наши взаимоотношения. Так что же дороже — золото или человек?

Неужели человек и золото не могут спокойно существовать в одном и том же мире? Могут и должны. Природе свойственно единство, она благоразумна, мудра. Природа создала и человека, и золото. Может быть, именно на золоте природа хотела испытать человека, его человеческие качества, довести его до самосознания. Что есть человек и что есть золото? И мы оказываемся перед выбором меньшего из двух зол — или потерять золото или утратить жизнь. Легче, думается, потерять золото. Но еще лучше — потерять бесчеловечность, алчность, завистливость, все те качества, которые не являются врожденными, даны человеку не природой, а приобретены им самим. И как в зеркале, худшие качества человеческой души проявляются в отношении человека к золоту.

На золото не пеняйте — пеняйте на себя. На историю не пеняйте — пеняйте на себя. На других не пеняйте — пеняйте на себя. В каждом человеке скрыто все — и природа, и история, и его собственная судьба. Личность может стать сильнее всякого золота, это азбука жизни.

Тайна золотого клада — всего лишь повод, чтобы рассказать об отношении человека к золоту, к своей судьбе и к судьбе чужой. Речь шла о том, чтобы показать, что стоит большего — человек или золото? В этой истории дороже стоило золото. А что будет стоить человек — покажет будущее.

ПОСЛЕДНИЙ КОЛОДЕЦ

Далеко в Каршинской степи, там, где прерывается ее сухоглинистое плато и начинаются страшные пески Каракумы, есть кишлак Памук.

История рождения этого кишлака неведома никому, но восходит она к незапамятным временам, к далекому прошлому. К тем временам, когда возникло ремесло скотоводов. А это, как известно, одно из самых древних человеческих занятий; старше скотоводства, наверное, только охота. И необходимость в труде скотовода, думаю, не отпадет никогда. Ведь животное — вечный спутник человека, без него немыслимо само существование людей. Животное кормит человека, одевает его, делает его душу доброй и отзывчивой. Через общение с животным человек лучше воспринимает природу, и ближе становится ему весь окружающий мир...

Люди пришли на окраину Каршинской степи не сами, их привели сюда, конечно же, овцы в поисках лучших пастбищ. Горожанам это неведомо, но чабан хорошо знает: не человек, а именно овца ищет себе корм, и найдя, уже больше никогда не уходит от щедрого пастбища. Вот и пришагали когда-то первые чабаны в эти места за своими отарами, пока не оказались в диком, словно самим богом забытом крае. И поселились тут...

* * *

Памук никогда не был внешне привлекательным. Маленькие, приземистые глинобитные домики с плоскими крышами жмутся вплотную один к другому, по цвету сливаясь с землей. Неопытный глаз издали и не различит их на сером фоне окружающей степи.

Серый — главенствующий цвет в летнюю пору знойной безжизненности. Серый — главенствующий цвет и в осенне-зимнюю слякоть. Серый — главенствующий цвет и тогда, когда вся Каршинская степь начинает буйно прорастать зеленью, чтобы в короткие недели ранней весны вознаградить себя за долгие месяцы бесплодия. Тогда все вокруг превращается в сплошной травяной ковер, и это чудесное время делает пустыню прекрасной. Куда ни глянь — то свежие ярко-зеленые поля, то необозримые алые разливы цветущих маков волнами накатываются на кишлак и лижут его, словно языки изумрудного и красного огня.

Но даже в эти дни Памук остается серым. Лишь на краткий

момент — не брызги ли бескрайнего зеленеющего моря?— прокле-вываются на крышах домов и на горбатых глиняных дувалах ростки недолговечных трав, но что они могут изменить в общей картине? Вся территория Памука, его кривые улочки, окраинные пустыри превращаются под копытами тысяч и тысяч овец в выбитую метким стрелком, измочаленную пулями мишень.

Буйство трав, разнообразие красок — недолгое зрелище, если речь идет о Каршинской степи. Пришедшие сюда с весенними дождями зелень и маки цветут недолго, а исчезают быстро и на длинные месяцы. Под свирепыми лучами солнца степь быстро выгорает и превращается в желто-серую, нестерпимо скучную для человеческого глаза равнину. И снова кишлак не виден на фоне степи...

Так было веками — но что же находили в этих краях овцы, если трава исчезала так скоро? Оказывается, степь лишь на первый взгляд производит впечатление бедного, скудного края. На самом деле она щедра и богата — причем в первую очередь кормом для каракульской овцы. За краткое время после зимы пустынная равнина успевает заготовить пропитание животным на целый год. Произрастают здесь питательная и вкусная трава изень, пышные шары перекати-поля, колючее, но очень любимое овцами растение каррак. Это растение за недолгую весну очень быстро уходит цепкими и длинными игольчатыми корнями в такие глубины, на которых и летом, и осенью находит потом живительную подземную влагу, чтобы напитать ею все стебельки. Есть в таких местах и богатые заросли саксаула. Так что овце круглый год раздолье. Только вот одна беда — нет здесь воды, а значит, хоть корм и в изобилии, нет жизни ни овце, ни человеку. И хотя всю свою жизнь человек держится за овцу и она кормит его, над обоими постоянно, как дамоклов меч, нависает угроза безводья. Человек постоянно ведет борьбу за воду — добывает ее для овец, добывает ее для себя. А как добывает? Единственно возможным путем: из колодца.

Колодец в окрестностях Памука — это сама жизнь человека. Это — богатство, счастье, здоровье, долголетие, судьба, настоящее и будущее того, кто живет в пустыне.

У здешних колодцев есть одна особенность: время от времени они имеют обыкновение пересыхать, иссякать. Видимо, таинственные подземные реки, повинуясь каким-то еще неведомым нам законам, меняют свои русла. И тогда на поверхности земли наступает пора большой беды.

Каждое поколение жителей кишлака Памук вынуждено было вести жестокую борьбу за воду, борьбу не на жизнь, а на смерть. Каждое поколение оказывалось, как гласят преданья, перед зияющим жерлом пересохшего колодца. Каждое поколение искало и находило вновь водяную жилу — ту, что дороже жилы золота, и тем спасало себя, своих детей, своих овец.

Последний в истории Памука колодец достался особенно тяжело...

* * *

В 1910 году, самом жарком, какой только помнили старожилы, в самый огненный месяц саратан (по современному календарю — конец июля — начало августа) напрочь исчезла вода в колодце кишлака Памук. Колодец этот был единственный. Пословица чабанов гласит: человеку в пустыне, потерявшему воду, попутчиком становится смерть.

Кишлак остался без воды, и смерть появилась у каждого порога — не только из-за злобного каприза стихии, но и потому, что против чабанов одновременно выступил волчий закон жизни того времени.

Вода в колодце исчезла не сразу. Люди постепенно стали понимать, что источник скудеет, покуда какая-то часть влаги еще поступала, давая возможность утолять жажду, готовить пищу, поить животных. И этой части при умелом использовании, пожалуй, хватило бы на питье, не будь в Памуке Карлыбая и его банды. Карлыбай — местный воротила, самый богатый человек в кишлаке. Его стада насчитывали более тридцати тысяч голов, у него батрачили более сотни чабанов Памука. И колодец принадлежал тоже Карлыбаю, по «священному праву собственности». Ведь великому декрету о том, что земля и ее недра принадлежат народу, еще только предстояло прозвучать семь лет спустя...

Мирабом, то есть хозяином воды, Карлыбай держал своего племянника Карахана. Никто в кишлаке не имел права взять и одного бурдюка воды, не уплатив прежде за такое право Карлыбаю через этого самого Карахана — редкого негодяя и жулика.

За воду платили и деньгами — таньга, и каракульскими смушками, а если не было ни того, ни другого, то отрабатывали на выпасе овец в отарах бая. Почти каждая семья в Памуке была должна Карлыбаю за воду и платила, платила, платила — деньгами или трудом. Сам Карлыбай редко наезжал в Памук, да и что ему там было делать, в этой серой степи? Он за счет односельчан мог себе позволить другой образ жизни. Он угнездился в богатой и цветущей резиденции Ханабад неподалеку от Карши, среди зелени, воды, окруженный роскошью, сытый и довольный. Однако прослышав, что в колодце Памука вода на исходе, Карлыбай испугался. Ведь это была угроза и его состоянию — как бы не погибли многотысячные отары.

И бай, предварительно наказав батракам угнать его отары к дальним колодцам, настрого приказал своему цепному псу Карахану: закрыть водопой для скота жителей Памука, расходовать воду из колодца только на немногих оставшихся овец хозяйского стада.

Карахан, однако, был еще более жаден, чем его именитый дядюшка. В народном несчастье он увидел возможность собственной наживы. Он все же тайно продавал оставшуюся в колодце воду. Продавал по злодейской, грабительской цене: за каждые три бурдюка — одного барана. И люди платили. Баранов оставалось все

меньше и меньше, и каждый лелеял надежду сохранить хоть что-нибудь, если не сердить хозяев.

Когда это было, чтобы злодей становился добрее от непротивления?.. Настал день, и весь кишлачный скот перешел в карахановы лапы, никто больше не мог выкупить ни глотка воды. Оставались во всем Памуке только пять овец. Это были овцы старого Кузы, который берег их для свадьбы своей единственной дочери, красавицы Бахтигуль.

А тем временем жители кишлака объединились для борьбы за существование и нашли единственно возможный выход — они решили вырыть новый, общественный колодец. Знатоки, владеющие искусством поиска водных жил, пролегающих в земле, первыми приступили к делу, и успех сопутствовал им,— все уверенно указывали одно и то же место: «Здесь надо копать, здесь вода».

Землю долбили денно и нощно всем кишлаком. Здесь же, около будущего колодца, ели, здесь и спали, чтобы, отдохнув некоторое время, подменить односельчан, упорно вгрызающихся в недра, к спасению. Работа не прекращалась ни на минуту, а путь к воде был далеким. Чуть ниже я назову вам, читатель, глубину этого колодца, вырытого, в сущности, голыми руками, и вы поймете, чего он стоил и в каком отчаянии были те, кто решился на подвиг его постройки...

Одни спускались в забой и там, скорчившись в три погибели, насыпали в кожаные бурдюки вынутый грунт. Другие вытаскивали этот грунт на волосяных верблюжьих веревках и относили в отвал. Так трудились целый месяц, а пить было уже совсем нечего: та влага, что оставалась в колодце Карлыбая, за которую платили скотом, была уже совсем на исходе. Овцы стали гибнуть, отощали и исхудали люди. Глядя на их мученический труд, отдал за воду Карахану своих овец и аксакал Кузы.

Выпив воду, купленную за этих баранов, землекопы вскоре опять остались лицом к лицу с мучительной жаждой, но теперь уже без надежды ее утолить. А между тем в забое уже появился сырой грунт — верный признак того, что вода недалека, что остается пройти меньше, чем пройдено. Понимая это, люди теряли сознание от жажды, силы их иссякали у самого порога победы, они молили Карахана, просили воду в долг, в ногах у него валялись, но все было напрасно.

Потом Карахан сжалился. Он сказал, что даст воду, если Кузы-бобо приведет к нему свою красавицу Бахтигуль. «Тогда я передам ему колодец в вечное пользование».

Ничего не оставалось делать старику, как уступить домогательствам. Он сам не простил бы себе, да и люди не простили, если б упущена была эта единственная возможность спасти кишлак.

И дедушка Кузы решился. Он собственноручно отвел Бахтигуль в дом Карахана, а сам бегом направился к колодцу, который теперь стал его собственным. Но как подло надсмеялся над ним алчный негодяй! Спущенный в колодец бурдюк поднялся наверх с подозрительной легкостью, и неудивительно: ведь он был пустым.

Когда же старик, кряхтя, сам спустился в колодец, то увидел, что вода кончилась. Лишь несколько пригоршней грязной теплой жижи оказались платой за юную девушку, отданную в лапы жадного сластолюбца. Рассказывают, что от горя и обиды старик сошел с ума.

Но воду все-таки нашли... На второй день после несчастья, случившегося с Кузы-бобо, вдруг как-то по-особому заскрипел ворот, радостно закричал изможденный верблюд, который помогал людям вытаскивать бурдюки, наполненные землей. Животное первым — конечно, после тех, кто находился внизу, в забое,— почуяло, что на этот раз не землею наполнен бурдюк, а мутной, солоноватой, но холодной водой!

Девяносто семь метров отделяли эту воду от земной поверхности! Девяносто семь метров — это немного для бурильной установки современного пастбищно-мелиоративного треста. Девяносто семь метров — это совсем ерунда для пешехода, а хороший бегун преодолеет это расстояние за каких-нибудь десять секунд. Девяносто семь метров — это один взмах богатырского плеча для удалого джигита, состязающегося с друзьями в бросании пастушеского посоха.

Но копать и долбить окаменевшую от засухи глину, затем прорубаться сквозь спрессованный галечник, копать в неизвестное, копать и ждать, копать и жаждать все эти девяносто семь метров — это надо иметь терпение и волю. Терпение и воля человека победили, борьба за жизнь окончилась успехом. Памук был спасен. Заблеяли у колодца вновь раздобытые немногочисленные овцы, потом они дали приплод, потом вновь появились отары, заиграл музыку на дутаре чабан, запел свою заунывную песню о нелегкой жизни... Самые богатые и тучные стада все так же принадлежали баю, сумевшему сохранить их с помощью наемных работников, но жизнь все-таки принадлежала труженикам Памука.

Степь нещедро делилась тогда с людьми, но бай делился с ними и того скудней. Шесть овец причиталось в конце года наемному чабану. Чабану, который сутки за сутками, круглый год пас отару в полторы тысячи голов. Шесть овец — так считал бай — должны были одеть и прокормить человека в течение целого года и дать ему возможность продолжить свой чабанский род, поддержать его семью. Шесть овец — а остальные уходили, уходили по-прежнему в сторону Карши к ненасытному Карлыбаю, который транжирил чужим трудом нажитое богатство, не задумываясь о его источнике, ибо он не знал, что такое труд. А сладкую жизнь бая, как и сотни жизней его батраков, обеспечивал колодец, вырытый в лихую годину — колодец глубиной 97 метров. Последний колодец Памука.

С тех пор, как был вырыт этот колодец, особых событий в кишлаке долго не было. Но вот революция, грянувшая где-то далеко на севере, прокатилась тревожным гулом на юге, и ее грозное дыханье коснулось окраин Каршинской степи. Красная конница, красные флаги, красный околыш на фуражке бойца, защищающего трудовой народ,— все это поразило простодушных

пастухов, когда увиделось впервые. Но они своими честными, бесхитростными душами быстро разобрались, что к чему. Потому что ведь красная конница появилась тут не случайно — она преследовала удирающие в Афганистан уцелевшие отряды эмирских войск. В обозе тащились несколько визирей и восемь жен эмира Саида Алимхана.

Здесь, в кишлаке Памук, кавалерия Красной Армии настигла это воинство, здесь состоялось впервые в истории кишлака народное собрание, на котором публично судили приспешников эмира-угнетателя. Вместе с ними предстал перед судом народа и кровожадный Карлыбай, надеявшийся было уйти от возмездия с последним эмирским обозом. Приговор был суровым и справедливым...

Но оставался еще на свободе приспешник Карлыбая, его племянник Карахан. Вместе со своими дружками, такими же злобными шакалами, он запугал, обманул, одурачил некоторых чабанов и с их помощью погнал многотысячные стада Карлыбая на юг, к берегам Амударьи, чтобы переправить в Афганистан это богатство, теперь уже принадлежащее народу.

Народ, впервые увидевший справедливость, осознавший, что новая власть превыше всего ценит честный труд, быстро понял: Карахан не кто иной, как жулик, укравший общественное достояние. У самой Амударьи байского холуя настиг с отрядом смельчаков Курбан-палван. Молодой чабан не забыл, что семь лет назад он был женихом прекрасной девушки Бахтигуль, которую за бурдюк воды забрал у старика-отца племянник Карлыбая. Курбан-палван, остановив отары у самой переправы, смело вступил в бой с Караханом и его бандой. Отважный юноша спас для своих односельчан, для всего народа десятки тысяч ценнейших каракульских овец. Но сам он в этом своем первом бою был убит наповал басмаческой пулей. Верные товарищи, отомстив за погибшего бандитам, повернули отары и пригнали их обратно в Памук.

* * *

После этих событий по-иному потекла жизнь в кишлаке, затерянном среди бескрайней степи. Впервые за многие века чабан стал сам пожинать плоды своей тяжелой и, как думали раньше, неблагодарной работы. А теперь лучшим чабанам стали оказывать всенародный почет, навсегда канули в вечность голод и нужда, угнетение и эпидемии, долговая кабала и унизительные домогательства баев.

Одно оставалось неизменным — колодец. Он по-прежнему держал на себе всю жизнь кишлака, по-прежнему был ниточкой, связывающей людей с жизнью.

По крайней мере, так оно казалось на первый взляд. Но однажды выяснилось, что перемены в жизни — еще глубже, чем 97-метровый колодец...

Однажды — это было не так уж давно — в памукском колодце снова иссякла вода.

И если бы не новая жизнь, и если бы не новая народная власть, последствия этого были бы страшными. Снова пришлось бы всем миром сначала искать наугад русло неведомо куда ушедшей подземной реки, а потом рыть яростно, рыть под надрывное гуденье крови в висках, рыть ночи и дни, рыть, проливая пот и проклиная бога, проклиная родную степь, лежащую вокруг, сожженную яростным солнцем. Рыть, безуспешно изгоняя из души тайный ужас перед неотвязной мыслью: а вдруг все напрасно, вдруг никогда не дойти до воды, и какова же будет судьба скота, судьба всех сельчан, включая детей, стариков и женщин...

Но не зря называется этот мой рассказ «Последний колодец». Он действительно последний в многовековой биографии кишлака Памук. Еще до того, как вода совсем ушла, сюда пришла другая вода,— по стальному трубопроводу длиной 150 километров ее подали могучие насосы от самого Шахрисабза, от подножия Гиссарских гор.

Воды такого вкуса — чистой, родниковой, казавшейся сладкой после привычной всем горечи и соли — в Памуке никогда не пробовали. Двадцать пять миллионов рублей затратило народное государство, чтобы проложить эту трубу метрового диаметра. Сделана труба рабочими Урала. Насосы изготовлены на заводах России. Рабочие и инженеры многих республик громадной страны с помощью хитроумных и мощных машин рыли траншеи, укладывали трубы, проводили электричество, словом — сделали свое дело умело и навсегда.

И перед этой силою братства теперь бессильна степь, бессильно злое каршинское солнце — оно сделалось добрым помощником жителей Памука. Мы говорили о сером цвете? Да, степь, как и прежде, большую часть года одета в серый цвет. Но на ее фоне теперь ярко выделяется зелень кишлака Памук, где воды вдоволь не только для людей, не только для водопоя скоту, но и для полива первых садов.

А старый колодец, хотя он напрочь иссох,— отнюдь не заброшен. Жители заботливо огородили его и хранят как реликвию. Этот беспримерный памятник могучей силе труда всегда будет напоминать о горько-соленой воде, о горько-соленой судьбе здешних людей на протяжении столетий, пока не взошла и на памукском небе алая, под цвет весенних маков пустыни, звезда свободы.

ПУЛИ-ЗИНДАН, ИЛИ «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ»

Тайное рано или поздно становится явным. Всегда ли? Я имею в виду тайны истории. Иным из них посчастливилось, они стали легендами, передавались из поколения в поколение, покуда не дошли до нас, нередко наводя ученых на следы жизненной правды, претерпевая обратное превращение—из легенды в точно выверенный, установленный и принятый наукой факт...

А сколько же тайн других, которым не повезло, они канули в Лету навсегда, и мы не знаем даже, что это за тайны... Но чувствуем—есть они, обязательно есть. Надеемся и верим в новые открытия; ведь это одно из самых сильных наслаждений среди тех, что доступны человеку,—раскрыть тайну. Затем и существует, например, такая увлекательная, беспокойная, романтическая наука, как история. Но все ли тайны прошлого раскроет она?..

Вот, скажем, это место в среднем течении Амударьи, там, где кончается Каршинская степь и начинается уже полностью бесплодная песчаная равнина южных Кызылкумов. Узнать бы все, что видели эти края за многие века — кажется, не один год жизни отдал бы в расплату. Ведь и то, что ведомо нам сейчас,— похоже на фантастический роман. А что неведомо—дознаемся ли? Хорошо бы...

Когда приедешь на окраину степи и встретишься с пустыней, кажется—нет ей ни конца, ни края, с этой точки и невесть до каких пределов. Ан нет—недолго властвуют пески, поедая степь барханами. Буквально через несколько километров их усмиряет Амударья. Глухо рокоча, катятся с юга на север мутные тяжелые волны, разрезая пустыню пополам. И на обоих берегах, заново рожденная водою, начинает пробуждаться жизнь.

А берега полны безмолвия и тайны. Правый—заболочен и порос густым камышом, кустарником—это так называемые тугаи, раздолье зверю и птице, а стало быть, и охотнику... Левый—возвышен и каменист, под обрывом расстилается глиняное плато, а дальше к западу—снова пески, снова барханы, снова пустыня—теперь уже Каракумы...

Место это у высокого скалистого порога, где Амударья совершает неожиданный изгиб, как бы отброшенная вспять после удара о могучие камни,—место это в народе называется Пули-зиндан.

Это можно перевести как «Долговая тюрьма», можно и иначе — «Мост к тюрьме». И то и другое будет правильно. Хотя моста тут никогда не было, это надо фигурально понимать. А вот зиндан, то есть тюрьма, расположенная за многие километры от каких бы то ни было

не то что городов—даже маленьких кишлаков,—тут существовала. И тюрьма необычная. О ней и рассказ.

Много веков назад эти места были не столь пустынны, как ныне. Здесь проходил знаменитый Великий шелковый путь, по которому торговые караваны из Китая, Индии, Афганистана следовали на запад и на север, достигая Бухары, Самарканда, Хивы и далее—в Европу. Добравшись до Амударьи, купцы давали отдых вьючным животным и людям-носильщикам. На берегах строились или нанимались большие плоты и примитивные суда-каюки, грузы переваливались на них и следовали водным путем вниз по течению. Достигнув Чарджоу, снова разгружались и двигались опять посуху—в Мешхед или Исфаган, затем в Турцию и даже до самой Испании... Или проплывали ниже по реке—до Хивы или Кунграда. Кто-то возле Чарджоу сворачивал на противоположный берег — их ждали Бухара, Самарканд, Коканд. Встречные караваны, возвращавшиеся домой, значительный участок пути проделывали также водой—вверх по течению с помощью весел, парусов или бурлацкой бечевы...

А вот тут, на этой скале, называемой Пули-зиндан, век за веком обитали разбойники—речные амударьинские пираты. Здесь Великий шелковый путь становился весьма опасным для торгового люда, хотя в те времена купец, само собой разумелось, был одновременно и бывалым воином, не уступающим в храбрости и опыте регулярным солдатам. Этого требовали суровые нравы тех беспокойных веков. Так вот, представьте себе события, отраженные скупо, без подробностей в старинных хрониках.

Неторопливо движутся плоты с грузами по Амударье. Слева впереди уже замаячили пустынные на первый взгляд скалы Пули-зиндана. Караванщики на всякий случай изготовились к бою, кормчие правят ближе к правому, низменному, поросшему камышами берегу. Но неизвестно, спасет ли это торговцев — ведь позиция у разбойников чрезвычайно выгодная.

Во-первых, караван плотов уже замечен тайными наблюдателями, и, говоря по-современному, группы захвата расставлены по обоим берегам. Во-вторых, мелководье правого берега—дополнительная опасность для плывущих по реке: малейшая ошибка кормчего — и плоты сядут на мель, а «джентльменам удачи» только этого и надо. А если рулевые все-таки не ошибутся и пираты увидят, что суда, огибающие скалу, благополучно проходят мелководье, тогда они, не хуже позднейших ковбоев, с помощью далеко и точно бросаемых арканов зацепят каюки и плоты и сами вытащат их на берег. А чтобы охрана не могла перерубить арканы, отразить нападающих,— имеется группа прикрытия. Она угнездилась вон там, на самой верхушке скалы, надежно защищенная от нападения, и осыпает оттуда плоты стрелами с помощью луков, тяжелыми камнями, а позднее—и обстреливает из ружей. Люди на плоту оказывались беспомощными — ведь они были открыты на водной глади, а разбойники имели укрепления, укрытия, да еще фактор внезапности: неизвестно было в точности—откуда нападут, в какой момент, вообще нападут ли или на сей раз решили пропустить караван...

Правители всех времен вели ожесточенную борьбу с этими бандитами. Десятки сражений разыгрывались у каменного утеса. Посылался отряд за отрядом; порою удавалось рассеять и разогнать «джентльменов удачи», поставить на скале военный гарнизон. Но ведь его надо было содержать, тогда как пираты содержали себя без посторонней помощи. И воины или сами превращались в разбойников, или разбегались, или становились в конце концов жертвами осады, штурма и последующей расправы. Да и власть прочная, государства крепкие были редкостью в здешних местах. Ослабевала власть очередного хана или эмира — возвращались грабители и продолжали свое лихое дело.

Самый длительный период, когда у Пули-зиндана было спокойно, относится ко времени правления Тамерлана. «Железный» эмир смолоду оценил всю важность торгового пути, проходящего этими местами. И, еще будучи правителем совсем небольшого государства, уже выставил против Пули-зиндана мощный отряд, который обеспечил надежную охрану купцам. Этот отряд в течение тридцати пяти лет поддерживал спокойствие в районе зловещего амударьинского порога с кровавой славой.

Но вот не стало империи Тимура, великое государство распалось на мелкие княжества и территории, разбойники снова заняли свое место на утесе. Теперь, вернувшись, они держали в страхе не только плавающих по реке, но и тех, кто имел несчастье жить в окрестностях Пули-зиндана. И большие поселения, и маленькие кишлаки трепетали при одном упоминании этого места. И хотя Великий шелковый путь постепенно начал терять прежнее значение с развитием мореплавания по Индийскому океану,— устрашающее влияние белой скалы не только не ослабело, но даже возросло. Наверно, именно тогда и получила она свое нынешнее название — Пули-зиндан.

Бандиты сделали это место столицей доходного разбойного промысла, несмотря на то, что заморские купцы давно перестали водить по реке свои торговые суда.

Лишившись возможности грабить караваны, пираты Амударьи стали промышлять похищением богатых и знатных особ с тем, чтобы содрать с родственников выкуп соответственно определенной ими цене.

Разведчики Пули-зиндана уходили в далекие края по всей Средней Азии, они «засекали» богатеев, правителей небольших княжеств — таких, чтобы, упаси бог, не направили снова на выручку армию регулярных войск, выкрадывали важных вельмож, членов их семейств, особенно детей. И всех захваченных привозили сюда, на скалы, где и поныне можно видеть забранные решетками пещеры — тюремные камеры. Камеры выдолблены в белом мраморизованном известняке, хорошо укрыты, защищены от взлома и, уж конечно, охранялись как зеница ока. Ни один волос не должен был упасть с головы жертвы, ее кормили и содержали в сносных условиях, покуда не прибывал гонец с назначенным выкупом. Этих гонцов, по историческим свидетельствам, тоже отнюдь не обижали, не причиняли им вреда, заложников беспрепятствен-

но отпускали. Фирма «дорожила своей маркой», дабы повсюду знали, что разбойники «порядочные люди» и им надо платить беспрекословно. Тем более, что отправляемого гонца — обычно друга или родственника похищенного — осведомляли и о другом варианте развития событий. Если выкуп не прибывал в срок, жертву все так же не трогали и не обижали — ее просто переставали кормить и поить. Кости этих несчастных и поныне можно найти в пещерах Пули-зиндана, да и тогда их нарочно не убирали из камер, где содержались заложники. И леденящие душу рассказы об увиденном, дошедшие до очередного бая, хана или бека, должны были, по расчету бандитов, разжалобить ожиревшее сердце богатея и развязать его денежный мешок.

Чаще всего так оно и было. Случались, однако, досадные промашки. Раз на караванном пути был захвачен молодой и по виду очень важный вельможа. Разумеется, его привели в Пули-зиндан и поместили в одну из келий на скале. Имя пленника ничего не сказало «джентльменам удачи», а зря. Это имя было: Захиреддин Мухаммад Бабур.

Этот человек, как известно, был не только государственным деятелем крупнейшего масштаба, основавшим впоследствии династию Великих моголов, которая правила Индией. Бабур прославлен прежде всего потому, что он был еще и прекрасным поэтом, философом, энциклопедически образованным ученым, естествоиспытателем. Именно в исследовательской, как сказали бы теперь, экспедиции и застигло его нападение бандитов. Охрана была невелика, правитель не рассчитывал на подобный оборот событий. Однако великий человек не растерялся, попав в плен. Он дал понять разбойникам, что богат и знатен, за выкупом не постоит, и немедля отправил гонца в путь, снабдив соответствующими инструкциями.

Вместо ожидаемого золота и драгоценностей «рыцари» Пули-зиндана в один прекрасный день получили возможность убедиться, что они окружены полуторатысячным вооруженным отрядом, который и истребил обитателей лихого места всех до единого. Бабур был спасен, на какое-то время воцарился на прибрежье мир. Но место, видать, стало уже притягательным, как магнит, и продолжало манить буйные головы, которые отнюдь не всегда оказывались мудрыми и вскоре снова получили жестокий урок — после того, как пленили путешествовавшую индийскую принцессу. «Выкуп» пришлось опять уплатить самим похитителям, и выкуп кровавый.

После Тимура, однако, не Бабур дольше всех держал утес под своим контролем, а эмир бухарский Насрулла-хан. Без малого тридцать лет поставленный им военный гарнизон охранял Пули-зиндан и берега Амударьи вниз и вверх по течению. Ведь хотя и перестал существовать Великий шелковый путь, местный караванный транспорт продолжал действовать. И нуждался в защите.

Но ушел с исторической арены и этот сильный правитель, и снова стал Пули-зиндан беспокойным местом. Опять посылаемые отсюда отряды нагнали страх на близлежащие селения, опять забеспо-

коились вельможи Афганистана, Персии, Бухары, Балха и других городов. Похищения продолжались, но бандиты отыскали еще один источник дохода, создавший им некоторый авторитет среди простого люда и увеличивший их безопасность.

Кто управлял пули-зинданскими шайками? Этого мы не знаем. Кто они — тактики, расставлявшие бойцов для нападения; стратеги, выбиравшие род бизнеса; грамотеи, сочинявшие шантажные письма родственникам захваченных людей?.. Неизвестно, а хотелось бы знать. Личности-то все незаурядные, это ясно по их делам. Вот, например, тот период, когда Пули-зиндан начал «прием заказов от населения», и пошла об утесе слава, подобная той, что была у легендарного Робин Гуда или же бедного, отчаявшегося дворянина по имени Владимир, по фамилии Дубровский...

Не раз и не два являлись на этот утес ходоки из близких и далеких селений. Они рассказывали ужасные истории об угнетении и произволе, о таком кровожадном разбое власть имущих, что действия самих бандитов бледнели перед этими повествованиями. Люди искали покровительства и защиты у обитателей Пули-зиндана, основная часть которых состояла ведь из богатых невольников или дехкан, в чем-то провинившихся перед богатыми чиновниками, баями, беками. И покровительство и защита оказывались. По просьбе бедных дехкан отсюда отправлялись отряды в нужное место, и титулованный злодей ощущал тяжелую руку возмездия. Разумеется, все это недаром: разбойники нуждались в снабжении и в информации, говоря по-современному, в агентурных данных...

Доставалось от местных Робин Гудов и работорговцам. Ведь известно, что в Средней Азии торговля людьми процветала даже еще и в середине XIX века, но Пули-зиндан с нею не мирился никогда. Живой товар гнали, как правило, из Индии, Афганистана, Персии на север, на рынки Бухары, Хивы и Самарканда. Такие отряды, если они попадали в поле зрения Пули-зиндана, истреблялись, имущество работорговцев, конечно, присваивалось, рабы отпускались на все четыре стороны, а желающие из них пополняли армию «джентльменов удачи». Говорят, что именно освобожденные рабы, исполненные ненависти, чаще всего и становились вожаками пули-зинданского воинства. Неудивительно.

Так или иначе, а годы шли, кровь лилась, гнездо разбоя продолжало существовать век за веком, обретя в конце концов, как мы уже упомянули, еще и славу места, где можно получить покровительство в случае обиды от сильных мира сего.

И это еще не все. Впереди была новая страница — люди, живущие на утесе, оказались втянутыми, плюс ко всему, в сложнейший переплет, связанный с мусульманскими религиозными распрями. Это было в первой половине XIX века, когда на исторической арене появилась ненадолго так называемая секта бабидов и ее предводитель, молодой персидский духовник Сейид Али Мухаммад, по прозвищу Баб, то есть «врата», через которые будто бы должна передаваться людям воля пророка-избавителя (махди). Сейид Али Мухаммад выдавал себя за так называемого двенадцатого имама, некогда взятого на небо живым, а теперь

вот сошедшего к людям, дабы проповедовать среди них благоволение и справедливость. Этот самозванец, видимо, знал толк в демагогии, хотя, скорей всего, никогда не слыхивал этого слова. В проповедях он утверждал, что послан богом, чтобы рассчитаться с несправедливостью и утвердить чуть ли не золотой век на исламский манер... Тысячи людей в Иране стали последователями Сейида Али Мухаммада, то есть бабидами. Ведь многие из числа исповедующих шиитскую разновидность мусульманства искренне верили в то, что рано или поздно придет на землю этот самый 12-й имам, взятый на небо еще ребенком. Тогда-то и наступит судный день, расчет с обидчиками, царство добра и правды. И не просто верили, а ждали. Каждый год в апреле на каком-нибудь возвышенном месте вблизи селения или городка оставлялся заранее снаряженный белый конь, специально предназначенный для использования святым имамом, который двинется впереди народа на этом коне...

Сейид Али Мухаммад, по прозвищу Баб, без колебаний заявил, что вот, мол, он явился, он и есть ожидаемый святой, и взволновал массу народа. Даже при шахском дворе нашлись последователи бабидов, и верховный правитель не сразу посмел помышлять о расправе с мятежным предводителем секты. Ведь когда Мохаммед-шах, по совету своего духовного наставника Саадра Азам-ходжи Мирзаагаси, направил в Шираз, в резиденцию Баба, доверенного человека, то этот человек не вернулся. Посланный шахом Сейид Яхъя Дараби не то уверовал в учение бабидов, не то попросту рассудил за лучшее примкнуть к нему — во всяком случае он стал ярым приверженцем Баба и проповедником его взглядов.

В конце концов полиция и войска все же занялись преследованием и ловлей Сейида Али Мухаммада и его последователей. Забегая вперед, скажем, что «Мессия» в конце концов был схвачен и около 1850 года расстрелян. Но прежде он с кучкой приверженцев бежал в Мешхед, а оттуда дальше к северу, пока не достиг гнезда мятежников — Пули-зиндана, и здесь, среди свободных людей, нашел временное укрытие. Здесь он оказался в полной безопасности и какое-то время выжидал, рассчитывая на новый взлет своего движения. Потом, сочтя обстановку подходящей, он оставил Пули-зиндан и двинулся обратно в Иран — навстречу ожидавшему его трагическому концу. А пули-зинданцы еще долго рассказывали о том, как они сохранили святого имама.

Короче говоря, место было достаточно бойкое. Кому только не досаждали «работники ножа и топора», гнездившиеся, словно горные джинны, в скалистых обрывах, в глубинах выбитых в камне пещер... Их деяния могли отразиться, скажем, в боевых сводках времен англо-афганских войн. Вот когда Пули-зиндан в достатке снабдил себя огнестрельным оружием и боеприпасами. Собравшись отрядами человек по 500-600, разбойники перехватывали англичан на бивуаках или походе, окружали, пленяли, обезоруживали, грабили и исчезали. Куда? Теперь мы знаем — под защиту Амударьи, в крепость на обрыве... А тогда, конечно, для англичан эти набеги были достаточно таинственными и зловещими событиями.

Но мы не сказали о том, что обитатели Пули-зиндана даже внутри Бухарского эмирата отнюдь не гарантировали безопасности городам и крупным поселениям. Разведав богатые усадьбы и владения, они отправлялись к ним за добычей и, захватив ее, скрывались быстро и надежно. Порой, подбив на разбой обитавшие в Каракумах туркменские племена, они отправлялись походами на Хивинское ханство, чтобы пограбить и там. Все захваченное привозилось в Пули-зиндан и тут делилось по справедливости, как это было заведено встарь среди пиратов Карибского моря...

Слава Пули-зиндана распространилась далеко по Средней Азии и за ее пределами. Все знали, что есть на свете такой зиндан, за пребывание в котором надо платить немалые деньги, звонкую монету. Во всей округе Пули-зиндан называли —«Денежная тюрьма». И если что подкосило местных гангстеров, казавшихся неуязвимыми, то это в первую очередь технический прогресс. Железнодорожные рельсы пересекли край, двинулись через пустыни и реки быстрые, хорошо охраняемые поезда. Пришли автомобили, телеграфная связь. Ремесло грабителей стало нерентабельным и по-настоящему опасным. В начале XX века «джентльмены удачи» окончательно покинули свою резиденцию.

Но их следы и поныне остаются на высокой скале. Долбленные в известняке камеры, решетки из кованого железа, черепа и кости тех, кто так и «остался должен» бандитам, не уплатив ни одного «пуля...».

В наши времена, с их новыми заботами, громадным размахом преобразования всего уклада жизни народов, населяющих Среднюю Азию, людям вообще стало не до того, чтобы вспоминать зловещую историю Пули-зиндана. Тем более, что это место постепенно оказалось как бы в стороне от событий. Тут не велось больших строек, не пролегали оживленные пути, судоходство по Аму сохранилось, но не в этих местах...

Однако есть счастливые тайны — те, которые в конце концов открываются людям. В 1975 году на берег Амударьи пришли строители. Строителям предстояло создать на этом месте головное водозаборное сооружение, с помощью которого вода Амударьи подавалась бы в Каршинский магистральный канал, для освоения миллиона гектаров целины под хлопок, овощные плантации, сады.

Поднявшись на скалу, взрывники увидали все это — камеры, кости, решетки, другие следы многовекового пребывания людей: посуду, утварь, мелкие вещи. Ничего не тронули. Расспросили ученых. Узнали частицу истории. Частицу, исполненную чуть ли не детективных хитросплетений.

В нескольких километрах от Пули-зиндана теперь вырос поселок Дустлик, что значит Дружба. Когда приезжаешь сюда в гости к целинникам, то за пиалою зеленого чая нет-нет и зайдет речь о Пули-зиндане. А уж если оказалась у дастархана молодежь, то, уступая ее просьбам, старожилы обязательно поведают в подробностях об этой странной и драматической странице человеческого бытия.

СУНДУК ЮВЕЛИРА

Огромный, кряжистый тутовник, которого теперь уж нет, памятен мне по-особому.

Рос он на окраине Карши, своеобразный монумент, сработанный самой природой,— узловатый, корявый, воздевающий иссохшие уродливые ветви к пепельно-серому небу. Одеревеневший дракон, да и только.

Он вцепился корнями в здешнюю суглинистую почву, должно быть, не два и не три века назад. Никто не мог назвать точно его возраста, но даже самые глубокие старики говорили, что в пору их младенчества этот тутовник уже рос тут и уже тогда был таким же узловатым, кряжистым, вечным.

Здесь была окраина старого Карши — одного из крупнейших городов Бухарского эмирата, и вырос тутовник на этом месте не случайно. Его посадил некто уже забытый на берегу Палван-арыка — главной водной артерии, питавшей тысячи дворов, огороды, сады, виноградники. Палван-арык забирал воду из Кашкадарьи и давал жизнь обширному оазису.

Но однажды — уже в наше время — вышло так, что очередной паводок сыграл в судьбе Палван-арыка роковую роль. Кто не знает своенравия среднеазиатских рек: случайно застрявшая коряга вызовет оседание ила в неожиданном месте, и вот уже чуть отклонилась главная струя, стрежень, и бьет с разгона в непрочный лёсс, меняет русло, уходит от привычных мест, обрушивая беду на оба берега: дейгиш — на один, засуху — на другой... Вот так и вышло, что обмелел, а затем иссох Палван-арык, пустырем стало это место, и быть бы большим несчастьям, случись такое век назад. А сейчас люди проложили новый канал, в бетонных берегах, и вода в канале есть всегда — о том позаботились инженеры-гидротехники. Но сейчас не о них речь. О тутовнике.

Он остался стоять на пустоши, зеленый и вечный, корни его за прошлые века настолько глубоко ушли, до таких пластов добрались, что уж и засуха азиатская дереву была не страшна.

С удивительной силой каждую весну, каждый год дерево боролось за жизнь. Оно вновь и вновь зеленело, затем цвело, затем созревали на нем, на радость мальчишкам, сладкие сочные ягоды глубокого черного цвета...

Уже в восьмидесятые годы, совсем недавно, подошли к дереву строители. На этом пустыре они возводят новый жилой микрорайон: Карши бурно растет. Говорят, что все-таки — и на том спасибо —

долго стояли они в замешательстве, не решаясь низвергнуть ветерана. Дерево стояло, цепляясь за жизнь корнями, и верило, что держится крепко. Ведь оно являло собой великую силу, ту жизненную силу, на которой основан мир. Силу, которая без единого звука рассказывает о чуде природы каждому, кто хочет слушать ее.

Люди испокон веков тянутся к дереву. И не только потому, что оно их кормит, греет, дает прохладу, порой — одевает. Но и потому, что шелестит листвой, потому что в его ветвях живут птицы, потому, наконец, что оно заставляет думать. Разве же это не так? Думать о существе природы, о ее мудрости, многообразии, мастерстве, великой возможности творить...

А на Востоке дерево — еще и символ великого людского труда, потому что откуда же взяться дереву в степи, как не от труда человека? На Востоке дерево — символ и пример борьбы за жизнь и торжество жизни даже в таких условиях, в которых, казалось бы, жизни быть не может.

Вода ушла, земля окаменела, а дерево стоит (пока еще стоит...). Нижние ветки мертвы, они давно не получают влаги — все, что удается корням извлечь из глубин, по неведомой нам программе распределяется так, чтобы львиная доля доставалась верхушке. Там-то и пробиваются весною почки, там-то и зеленеет листва... Говорили старожилы, что, когда еще текла в Палван-арыке вода и было по соседству жилье, — тень этого тутовника служила местом собраний, и неторопливых бесед, и отдыха. Да и потом люди нередко приходили сюда — казалось, именно их память сообщала тутовнику новые силы, и он оставался живым.

Когда наступал весенний праздник саиль, шли сюда особенно густо. Никакой легенды нет об этом месте, ни с каким «святым» оно не связано, а просто, по обычаю, каждый пришедший привязывал к ветвям небольшой лоскутик либо ленточку. Белые, красные, зеленые, желтые, синие, они представали издали диковинными цветами, каких никогда не бывает на шелковице, и все же — вот они, есть! Что это! Пожалуй, не каждый приходивший объяснил бы, почему его влечет сюда. Не каждый мог бы четко сформулировать, что значит привязанная ленточка. А мне видится в этом бесхитростный знак уважения к прошлым поколениям, и тем, кто навсегда ушел, но продолжает жить в нашей памяти, в наших поступках и думах.

Чертились линии на ватмане, размножались на синьках планы, заполнялись цифрами колонки смет, шариковые ручки выводили визу за визой, шлепали по бумагам лиловые печати. Конечно, оттуда, из тех кабинетов, не был виден старый тутовник. А потом настала пора все эти чертежи переносить на натуру. Вышли на пустырь землемеры с теодолитами, замелькали по полю рейки, врезались колышки в грунт. Тут — квартал, там — улица, там — дорога, тротуар, теплотрасса, арык... И вот экскаваторы наготове, бульдозеры команды ждут, время начинать.

Дерево стояло кряжистое и черное, все в дуплах, в узлах от многолетней стрижки ветвей на корм шелкопряду, в птичьих гнездах, воздетых к белесому небу, словно грозящие кулаки. Кто и когда их боялся, кулаков этих?.. И тут тоже, в конце концов, не по-

боялись. И попереминавшись недолгое время, подавили в себе возникший было негромкий голос, после чего положенная команда была все же дана.

Доставили к месту работ толстый стальной трос и обмотали им ствол у самого корня, чтобы выворотить, не обломав, не оставив пенька, с которым еще пришлось бы повозиться. Надежно закрепили на стволе стальную петлю, чтоб не соскользнула, не пришлось бы цеплять вторично. Другой конец, украшенный серьгой, оказался на крюке бульдозера. Бульдозерист уже выглядывал из кабины, ожидая знака: «Хорош!» Вот и знак подан. По газам! Многолошадиная сила взревела, на миг скребнули траки гусениц по сухой земле — нет, не хотело дерево сдаваться, даже крякнуло в азарте борьбы, и такой была эта борьба отчаянной, что с первого раза бульдозер не взял, пришлось дернуть еще раз. Ну тут уж, само собой, ясно стало, чья берет — дерево с шумом, с треском, нехотя, медленно, сминая ветви, повалилось на бок, переломившись при этом у самого корневища, далеко-далеко разбросав вокруг себя те сучья, которые были сухими и потому раздробились на мелкие щепки. А почему переломилось оно, несмотря на предусмотрительность корчевателей? Потому что — как увидели они сразу же — внутри ствол от старости был пустым. Взглядам собравшихся предстало отверстие здоровенного дупла.

И там, в этом уже заросшем дупле, оказывается, находился какой-то предмет.

Это был небольших размеров сундучок, окованный железом. Собственно, не окованный железом, а обитый металлом. Нет, даже не так. Украшенный узорчатыми металлическими пластинами ручной работы. Пластины эти проржавели (дерево досок оказалось прочней железа). Сундук был упрятан в дупло так, что находился ниже уровня земли, там, где ствол переходил в корни. И эти корни причудливо опутали свою необычную собственность, вросли в нее, да так, что вытащить сундук было нельзя. Дерево его не отдавало. Поддевая ломом живые, полные сока корневища, перекручивая их и раздирая в лохмотья, люди отнимали сундук. Вросшие в него цепкие земляные ручищи держались за свое изо всей мочи. Но сталь оказалась сильней, как и следовало ожидать.

Вытащив сундук, люди стали его открывать — это так естественно. Тем более, что он был очень увесистый, даже, пожалуй, неподъемный, несмотря на свой небольшой размер. Конечно, в нем клад золотых монет или других подобных ценностей — на них-то и хотел каждый поскорее взглянуть.

Но тут выяснилось, что сундук снабжен секретным запором; когда же пригляделись повнимательнее, поняли: не одним запором, а тремя. Взломать! Ну до таких пределов активность преобразователей природы не простиралась. К тому же они были людьми честными, и не было ни у кого иных мыслей, кроме той, чтоб поскорей узнать, каков он, найденный клад, и передать его хозяину — государству. Ну, с любопытством ведь можно и потерпеть, найти мастера, который сумеет открыть секретные запоры.

Сундук, окруженный людьми, с шумом несли к центру города, и там, в тиши руководящих кабинетов, в присутствии всех заинтересованных лиц, отыскавшийся специалист открыл замки, не повредив их.

Но клада в привычном понимании слова там не оказалось.

Опытный человек понял бы это и раньше. Подобный сундучок, полный золота, на руках не унести. Пришлось бы везти автомобилем.

А тут не золото было. Была куда большая, великая ценность. Инструменты мастера по металлу.

И не по простому металлу, а, как определили тут же, с помощью спешно приглашенных ученых-историков,— мастера-ювелира.

Таких мастеров называют в нашем крае заргарами.

В сундуке лежали щипцы, ножнички, молоточки, сверлышки всевозможных размеров, от маленького до малюсенького. Еще там в большом количестве были всевозможные штампы, формы, клише, чеканы — отпечатки тех украшений, которые так широко распространены на Востоке. Иные из этих чеканов сами были как бы полуфабрикатами: мастер, значит, незаурядный, он их не покупал, не наследовал, а делал сам. Еще там были образцы его незаконченных изделий и их детали; какие-то крючочки, петельки, подвески, серьги, пряжки для ремней, накладные узоры к оружию — к ножнам и рукояткам сабель и кинжалов, ложам старинных мультуков. Были непонятного назначения кусочки обработанного металла (да и какого металла? Это еще предстояло узнать). Колечки или кулончики с дешевыми алыми зернышками кораллов... В общем, полон почти доверху был сундук добром, которое, наверно, следовало разобрать, описать и оценить.

Один из специалистов тогда же прочитал на одном из клише вырезанную в зеркальном отражении надпись. Она гласила: 1241-й год хиджры. Чтобы перевести эту дату на европейский календарь, надо прибегнуть к подсчету времени по лунному календарю и прибавить еще 621 год. И получается, что найденный штамп изготовлен никак не раньше 1862 года — стало быть, и сундук спрятан в заплывшее дупло тутовника более ста лет назад.

Кто бы он ни был, неведомый мастер, что бы ни побудило его вот так захоронить орудия своего труда,— это иной вопрос. Я думаю вот о чем... Ведь мог он просто зарыть свой сундук. Мог поручить его сохранение надежным людям. Мог упрятать в своем (или чужом) доме, который с той поры, может, и канул бы в Лету, сравнялся с землей, но сохраняемое рано или поздно вот так же увидело бы белый свет... Почему именно дереву этому доверил он клад? Тутовнику, в котором уже век назад было дупло, способное вместить целый сундук.

Старый тутовник... Сколько лет ему, что повидал он на своем веку, о чем рассказать бы мог? Сколько глав истории города Карши писалось в присутствии этого немого свидетеля?

Карши — значит «против», или «напротив», и это не первое имя существовавшего тут города. Он погибал и вновь возрождался на этих равнинах и холмах, у этой своенравной реки. Здешняя земля

помнит Александра Македонского, и кровавые битвы повстанцев Муканны, и орды монголов, и походы Тамерлана, чей надгробный камень в самаркандском Гур-Эмире, как утверждают, тоже происходит из этих мест. Будто бы уже в начале XV века внук Тамерлана, Мирзо Улугбек, во время похода на Карши захватил здесь эту нефритовую глыбу, одно из сокровищ местных правителей... Захватил и отвез в свою столицу Самарканд, чтобы украсить могилу именитого деда.

Странное название для города — «против». Против кого и чего? Тот, кто дал его, может быть, имел в виду, что новая столица будет противостоять, с одной стороны, могущественным эмирам Бухары, а с другой — укрепившимся на юге афганским властителям? А может, наоборот, это был как бы форпост какого-либо из этих владык против пограничных возмутителей спокойствия?.. Как бы там ни было, Карши стоял на большой дороге, через него шли караваны в Индию, Афганистан, в монгольские степи и до самого Китая. А раз так, значит, и торговля тут была развита, и всевозможные ремесла, среди которых искусство заргаров, конечно, было не последним.

Ведь человек во все времена, с тех самых пор, как осознал себя в этом качестве, с тех пор, как ощутил в себе искру разума, не может существовать не только без труда, но и без ощущения красоты. Или нет, не в ощущении дело: не может жить, не творя красоту, не украшая свой быт и через него свою душу. Великая потребность выразить себя через художественное познание мира, великая жажда отличить себя от всей остальной Вселенной, не наделенной разумом, — ведь это, в сущности, и есть то, что делает нас людьми. Постепенно выйдя из природы, человек, оставаясь ее частью, одновременно сделался ее властелином, о чем в наши дни мы говорим даже с опаской. Потому что, увы, могущество людей растет быстрей, чем их умение пользоваться этим могуществом разумно.

Но здесь не о нынешнем моторном, промышленном, технологическом могуществе речь. Человек вместе с первыми навыками труда — и это доказано сотнями, тысячами находок во всех концах земли — ощутил могучую способность вобрать в свое сознание весь окружающий мир, осознать его, осветить пламенем своей души и таким, освещенным, показать собратьям. Такова одна из высших радостей, которая называется творчеством. Она многолика, она многообразна, но во всех своих обличьях это все та же радость жизни, торжество наблюдения и познания всего, что есть вокруг нас. Звуки и запахи, цвета и оттенки, небо и земля, живое и неживое, злое и доброе — все это части природы, и человек своим творчеством умеет сделать природу частью самого себя. Еще не научившись изготавливать себе одежду, еще голодая, еще будучи слабым перед лицом грозных стихий, диких зверей, страшных болезней, он уже не мог не творить — и творил, потому что без этого он не стал бы человеком.

В первых примитивных логовищах, в погребениях невообразимой

древности, среди окаменелого пепла доисторических кострищ находим мы теперь не только обглоданные кости, не только грубо отесанные каменные зубила, но и следы первых попыток украсить жизнь, запечатлеть раздумия и ощущения, первые взлеты рождающегося разума, первые движения души к звездам, образное познание мира.

Случайно ли, что на каменных стенах пещер, там, где удается обнаружить рисунки тех, первых людей, — это, как правило, сцены охоты? И так не в одном каком-то месте, а на разных континентах. Случайно ли?

Думается, не случайно. Специалисты пусть строят теории на этот счет, они знают лучше и точнее. Мне же хочется вообразить, что уже тогда творчество рождалось не из уныния, не из так называемой безысходной тоски, а из радости, в данном случае из радости добычи, которая ведь означала продление жизни, означала торжество не только над голодом и холодом, но и порою над грозным врагом. Рог зверя, его зуб, клык, который не раз резал и рвал человеческую плоть, в конечном счете сделался охотничьим трофеем, и разве это не повод для радости, для торжества, для самоутверждения? Может быть, первое украшение так и родилось: грозный зуб, нанизанный на жилу, стал символом победы, знаком торжества над природой, знаком величия человека, первым произведением первого заргара?..

Глухо звякают перебираемые непривычной рукой сыновей XX века позеленевшие, проржавевшие, заскучавшие от безделья инструменты для работы по металлу и камню. Камень покорился людям раньше, чем металл. И, конечно, он же неминуемо сделался материалом не только для орудий труда, но и для произведений искусства. Кого из нас и сегодня оставит равнодушным таинственная жизнь камня, его никогда не осознаваемая до конца красота? Как много можно увидеть в черных включениях и прожилках, в неспешно, тысячами лет формировавшихся гранях, в матовом теплом свечении или холодном прозрачном блеске... Стоит вглядеться в небольшой, но удачно найденный камешек — вовсе не обязательно, чтобы он был драгоценным, это может быть и голыш, выброшенный морем на пляж, и осколок скалы, подобранный на горной тропе, — как охватит тебя смутное ощущение причастности ко всем цветам, всем краскам, всем тайнам земли. И тот, кто способен испытать такое чувство, — тот, пожалуй, сможет и другим его передать. Отделывая камень, человек, может быть, еще не умел придать ему изысканную форму, он действовал примитивными, жалкими орудиями, когда еще не владел искусством плавить и ковать металл. Форма была примитивной. Но содержание уже тогда было совершенно, находки археологов не оставляют и тени сомнения в этом.

Путь к современным искусствам неразрывно слит с родословной человека, да он и есть частица этой родословной — тот многосложный, многотрудный путь, в котором отразились судьбы миллионов и миллионов безвестных творцов. Мастерство, накопленное каменотесом, ремесленником, первыми живописцами, переходило от поколения к поколению, сохраняя и прибавляя по каплям навы-

ки, приемы, формы и образы, из которых рождались уже целые школы, как море из ручейков. Но ведь морей — много, ручейков — еще больше, так и школ в искусстве было и есть неисчислимое количество. Сколько ученых ищут и находят общее в искусствах разных народов, порою отдаленных друг от друга целыми континентами или океанами. Но все равно мы не сможем спутать, скажем, искусство кельтов и египтян, индейцев и тех безвестных мастеров, что воздвигали изваяния на острове Пасхи. У всех у них свое время, свое отношение к человеку и к природе, свое понимание сущности жизни: в этом корень различия. А общее — что ж, оно неминуемо, ведь всеми Мастерами владеет одно страстное желание: выразить Человека, написать историю восхождения его к духовному совершенству. Разве не это — великое предназначение искусства в любом уголке земли, разве есть другой способ столь же ярко, столь же емко, столь же исчерпывающе рассказать об этом пути?..

Но вот что характерно. Погружаясь в стихию искусства, в стихию творчества, человек только думает, что творит он исключительно для себя, повинуясь приказу одного лишь собственного «я». Он думает так, но ведь он не один на свете... Жить в обществе и быть свободным от общества, как известно, нельзя. И на самом деле, когда человек творит, он всегда делает это по заказу, чаще всего по невысказанному словом заказу какой-то духовной общественной силы, общественной группы. Он по-прежнему мастер, он творец и, может быть, великий творец — но это далеко не все. Он еще и оружие, способное сделаться могучей десницей добра и зла, смотря в какие руки оно попадает...

Наверно, одними из первых осознали эту грозную силу искусства те, кто сделал своим промыслом эксплуатацию предрассудков. Служители религии. Религия хитроумно пытается подчинить искусство себе, потому и сама она в какой-то мере искусство. Человек так устроен: что бы он ни делал, всегда ищет что-то более совершенное, чем доступное и понятное им. Что-то такое, что лежит за пределами его бытия. И вот тут религия тонким скальпелем вскрывает психологию человека и пытается менять ее — менять посредством именно искусства. Оно и есть тот самый скальпель, наделенный великой силой эмоционального воздействия. Религия все это прекрасно понимает и использует искусство, чтобы держать человека в своих тисках.

Попытки такого рода, увы, нередко приводили к успеху... Сколько раз за многие века, у скольких племен и целых народов, уже миновавших этап первобытного искусства, такого бесхитростного в своем простодушно-реалистическом отображении бед и радостей, друзей и врагов — сколько раз лучшие мастера, лучшие творцы прилагали свои золотые руки к созданию предметов устрашения, единственным подлинным назначением которых было: сеять ужас в душах. Заронить в души не гордое стремленье к постижению Неизвестного, а страх перед ним.

Сколько чудовищных масок и образов, безмолвно грозящих идолов, полных зловещей тайны, испепеляюще-молниеносных фигур создано за долгие века с помощью резца и кисти, слова и

музыки, танца и пения... Воистину, история о том, «как бог создал человека», нуждается в коррективах. Она должна писаться совсем о другом — «как человек создал бога».

Силы темные и недобрые, которым выгоден человек раболепствующий, подчиненный, фанатичный,— усердно формировали религиозную направленность искусства. Как правило, мастер искренне верил в то, что создавал, находясь под неосознанным влиянием этих сил. Он рассмеялся бы в лицо тому, кто стал бы утверждать, что в лучших, вершинных произведениях всех эпох настоящие Мастера, сами того не зная, восставали против темной силы религии. И даже в облике ритуальных идолов ухитрялись они отобразить и воспеть живой, реальный мир природы и трепетный, не каждым уловимый, мир ищущей души.

Искусство, сформированное религиями, все же отражало эпоху, отражало реальную жизнь. Правда, «зеркала» — верования, довлевшие над человеком — были различными в разных концах света. Различными были и возникавшие в этих «зеркалах» отражения. Различными до непохожести, и все-таки едиными в главном.

Буддизм... Он оставил нам многочисленные изваяния, иные из которых и сегодня поражают воображение своими размерами. Над созданием этих колоссов человек не мог работать в одиночку — только коллективно. И притом не год, не два, а десятки лет. Сотни и даже тысячи людей требовались порой, чтобы сработать одну такую статую Будды. Эта религия без дальних затей, впрямую «потребляла» искусство, от которого требовались статуи божества и украшения для этих статуй и храмов, в том числе ограненные драгоценные камни, золотое шитье и другие произведения мастеров. Цель, обычная для религии: приподнять бога над человеком, направить дух человека в нужное русло, сделать его управляемым. Можно искренне поражаться красотой и тонкостью работы людей, создавших «инструменты» этого управления, статуи и прочее... Мы можем не принимать и даже отвергать цели тех, кто давал мастерам «социальный заказ», конечной задачей которого было — превратить человека в манкурта, наподобие не сознающих своей трагедии существ, описанных в книге Айтматова. Но стоя сегодня у этих алтарей, перед этими изваяниями, как не поклониться — отнюдь не богам индуизма, а людям, давно ушедшим из мира, и все же оставшимся бессмертными благодаря своим золотым рукам? В творчестве человек становится равным богу и общается с великой силой, которую в боге искал... Но ведь она — в нем самом, в человеке. Это сила искусства, сила творчества.

А сколько великолепных творений возникло там, где владычествовало христианство. Здесь исполнялся тот же «социальный заказ» — чаще всего живопись. Христианство, как мы знаем, рождалось и крепло на фоне более позднего развития общества, когда человек стал более совершенным, шагнул вперед от примитивной техники и в хозяйстве, и в творчестве. Великолепная плеяда мастеров, веками передававших друг другу эстафету вдохновения, рисовала бога в его трех ипостасях, рисовала святых угодников, изображала эпизоды Священного писания.

Но что они рисовали на самом деле? Мы теперь понимаем это. Что рисовали на самом деле Леонардо да Винчи, Андрей Рублев, Босх, Рафаэль и многие, многие другие гениальные творцы?.. Что бы ни говорили сами «заказчики» всех времен, от факта не уйти: на их картинах — яркий отпечаток гражданского вдохновения, на них запечатлены человеческая страсть к знанию и добру, на них — вечный гимн состраданию, справедливости, правде; на них — утверждение правоты света и исторической обреченности тьмы. Оттого эта живопись близка и понятна людям всех времен и всех стран, неважно — в какого бога верующих и верующих ли вообще. Это искусство само стало одной из граней судьбы человечества.

Своей особой дорогой пошло искусство Востока, возникшее под влиянием исламской религии, созданной Мухаммедом на Аравийском полуострове около полутора тысяч лет назад.

Борясь с христианством за влияние на людей, стремясь «отличиться» от иных верований, противопоставить себя им, исламская религия, как легко понять, проводила свою линию в искусстве. Возможно, именно в этом стремлении выделиться скрыты истоки запрета на изображение бога в человеческом облике, да и самого человека, как и вообще всего живого. Нельзя без сострадания смотреть на раскопанные недавно фрески Афрасиаба: захватив Самарканд, «воины ислама» кинжалами, копьями, мечами выковыривали глаза, отрезали головы всем существам, изображенным на стенах дворца гениальными мастерами домусульманского периода. Безглазые рыбы, страусы, слоны, люди. Разгул фанатизма. Возможно, завоеватели поступали так не со зла, а искренне веря, что оказывают изображенным существам немалую услугу: ведь нарисованный человек, переселившись в иной мир (считали они), не будет иметь своего лица, которое отнято у него художником и навсегда останется на картине...

Можно запретить изображать человека. Можно вообще запретить человеку творить — и такие примеры бывали в истории. Но не бывало никогда, чтобы подобный запрет возымел действие. «Выключить» могучий творческий потенциал человека не дано никому. В конечном счете и мусульманское духовенство стало это понимать, и мусульманам все же было дано «разрешение» живописать природу...

В результате всех этих противоречивых попыток подчинить неподчинимое, замкнуть в жесткие рамки безбрежный океан творчества искусство стран, где ислам сделался главенствующей религией, пошло своеобразной, интересной дорогой, дорогой очень утонченного описания природы. Удивительные памятники этого искусства говорят нам о многом. Изящество и тонкость резьбы по камню и дереву пробуждают в воображении многообразный и диковинный растительный мир; и среди стеблей, стволов, цветов и листьев в причудливой чаще переплетения — вязи арабского письма. Яркие и богатые краски изменчивой природы запечатлены в цветных плитках майолики, устилающей замысловатым орнаментом стены, пол, купола дворцов, мечетей и гробниц. Просто пора-

зительно, как много чувств, ассоциаций, мыслей может быть выражено даже таким путем — при посредстве столь лаконичного, а в сущности — искусственно обедненного творческого арсенала. Да, все дело в самом человеке, в его неуемной и непобедимой жажде творить.

Далеко заводят мысли, возникающие при знакомстве с сундуком безвестного каршинского ювелира... Что побудило его сто лет назад спрятать от чужого глаза самое драгоценное — орудия своего мастерства? Этого мы, скорее всего, уже никогда не узнаем. Но зато как много говорят эти вещи о внутреннем мире их владельца!

Да, это целый мир — инструменты, с помощью которых усто совершал свою неспешную, кропотливую работу. Это целая эпоха, запечатленная в вещах. Нам ничто не мешает предположить, что и сам сундук, с его тонкими коваными украшениями и хитроумными секретными запорами, этот мастер тоже сделал сам. Как же долго он учился, этот скорее всего неграмотный, не читавший книг и не умевший писать человек? И у кого он учился? У отца, перенявшего дедовские секреты? Или у мастера соседней махалли, к которому родители отдали мальчишку в надежде устроить его судьбу?.. Как бы то ни было, а в том, что хозяин сундука знал и умел, сосредоточился опыт многих столетий, десятков поколений. Не исчезала, не терялась в веках тоненькая ниточка, пока не дошла до века XIX и тут оборвалась. Да, оборвалась, иначе мы не нашли бы сундука в дупле.

Наш XX век, к сожалению, почти похоронил этот вид искусства. Нам не до тонкости, не до кропотливости, без которой не может быть настоящей ювелирной работы. Само это слово теперь употребляем больше в фигуральном значении. Мы заменяем — надо сказать, все «успешнее» заменяем — ювелирное дело машинной штамповкой, массовыми тиражами. Иной раз можно даже встретить в прессе залихватскую, лишенную смысла фразу, что, мол «мастерская нынче отправит в магазины большую партию таких уникальных украшений...» И прекращает свой извечный бег эстафета творчества и мастерства. Правилью ли это, не лишаем ли мы чего-то очень важного не только самих себя, но и будущие поколения?

Заргары Востока находили свой особый ответ на запрещение ислама изображать живые существа. Они как бы заявляли самим характером своего труда, делами своих рук: если нельзя украсить материал, воплотив в нем образ человека, мы украсим самого человека, поможем ему выявить и выразить в своем собственном физическом и духовном обличье все, чем он богат. И найдется ли где еще, кроме как на Востоке, такое разнообразие форм, богатство выдумки и вкуса, проявленное при создании ювелирных работ, особенно женских украшений? Говорят, их более тысячи видов — всевозможные брелоки, серьги, подвески, диадемы, амулеты, перстни, бусы, ожерелья, браслеты и многое-многое другое. Словно искупая жестокую власть шариата над царицей и дарительницей жизни, словно выступая наперекор ей, мастер-заргар созда-

вал вещи, говорящие о женственности, о красоте и совершенстве, о человечности. Причем ему для этого совсем не обязательно было иметь дело с такими материалами, как золото, бриллианты или изумруды, хотя, конечно, ювелир есть ювелир. Но как многое вы встретите и посейчас в иных семьях оставшихся от прабабушек простеньких и недорогих, но вместе с тем поражающих тонкостью замысла, изяществом исполнения изделий, где всего-то и драгоценностей, что немудреный беленький сплав, осколок сердолика либо коралла да бессмертное тепло рук Мастера.

В этом сундуке была для заргара его судьба, его жизнь и жизнь его семьи, если таковая имелась. Ведь на Востоке, как мы помним, далеко не каждый мужчина имел возможность завести семью. Это было привилегией имущих, потому что за право взять девушку в жены следовало заплатить, и заплатить немало. И кто знает, по карману ли было безвестному ремесленнику (пусть не обманет нас его профессия ювелира, ведь наверняка не собственное золото брал он в работу, если вообще случалось иметь с ним дело) стать мужем и отцом, продолжить свой род. И кто знает, как тосковал он по женской ласке — тот, кто с таким удивительным мастерством отливал, вырезал, чеканил, гранил прекрасные свои произведения, украшавшие многих женщин... Эти красавицы становились еще краше благодаря его таланту, но оставались недосягаемыми для того, кто давал высшей драгоценности мира — женщине достойную ее оправу. Так вполне могло статься, и скорее всего так и было.

Сундук этот порою всплывает в моей памяти. Мысленно я иногда его раскрываю, извлекаю на свет дремлющее там добро. То маленькие, простенькой конструкции, но надежные тисочки. То массивные ножницы для кройки тонкого листового металла. То молоточек — легкий-легкий, требовавший точной и верной руки и, судя по истертой рукояти, хорошо помнящий и поныне ее прикосновение. То набор маленьких зубил, напоминающих, вопреки своему грубому названию, об изяществе и безупречном вкусе. То какой-нибудь из многочисленных чеканов, с помощью которых усто наносил на металл первичный набросок, чтобы затем гравировкой придать ему завершенный вид, индивидуальность, вдохнуть в него частицу своей души. То, наконец, миниатюрное клеймо — замысловатый «фирменный знак», который он ставил на своем изделии вместо подписи.

Вещи, найденные в сундуке, свидетельствуют, что этот человек умел все. Наряду с женскими украшениями он много и интересно работал над узорами для кумганов и подносов, хотя это скорее дело чеканщика, а не ювелира. Из его рук выходили изящные кальяны, другая утварь. Любил он заниматься отделкой оружия: сабель, кинжалов, ножен, старинных ружей и пистолетов. Чтобы оружие стало воину верным другом, узнаваемым с первого взгляда по неповторяемому узору. И кто знает, размышляю я дальше, может быть, злая судьба распорядилась так, что оружие, на кото-

рое нанес свою филигранную насечку этот мастер, однажды настигло его и прервало его жизненный путь...

И еще вот что хочется сказать. Жизнь народа круто повернулась с тех пор, как в 1920 году сюда, на окраину Бухарского эмирата, пришла социалистическая революция. Каждый знает — она дала трудящимся землю и воду, дала право свободно трудиться, покончила с невежеством, фанатизмом, эпидемиями, угнетением бедняков, неравенством женщин. Все это так. Но люди, отмеченные печатью таланта, получили от революции еще больше. Они получили свободу творить. Над ними больше не довлеют искусственные запреты — и посмотрите: словно ждал и готовился к этому народ! Сколько родил он замечательных творцов в тех видах и жанрах искусства, которых не существовало никогда здесь. Сколько появилось талантливых живописцев, скульпторов, мастеров драмы и балета... Разве это не прекрасно?

Мастер свободен в своем выборе темы, жанра, материала. Но может ли он быть свободен от своего долга? А долг — в продолжении пути к совершенству, в том, чтобы понести дальше факел, опущенный ослабевшей рукою этого безвестного заргара. Долг в том, чтобы мы, свободные люди, сказали за него то, что сам он бессознательно хотел, но не сумел и не смог сказать и свершить.

Так думаю я порой, когда вспоминаю сундук ювелира, перебираю мысленно его инструменты. И в ответ мне чудится глухое звяканье металла, уже целое столетие тоскующего по теплой человеческой руке. Моя рука не в счет. Тут нужна рука Мастера.

МОГИЛА ТАХИРА И ЗУХРЫ

Так уж повелось, что в каждом крае есть свои поверья или какая-то особенная история, рассказываемая всем приезжим, повествующая о чем-то необычном, что отличает эту местность от других. Видимо, это закономерно, оправдано тем, что где живет человек, там он и создает свою историю. Историю, которая лучше чем что-либо другое характеризует время, общество, социальные отношения людей, а также эпоху, в которой они живут. Этим и интересен край, этим он и запоминается. Но иногда эти истории бывают не только необычными, но и загадочными, потому что принять их на веру не позволяет чистый вымысел, а начисто отвергнуть — факты. Вот с одной из таких странных загадок я столкнулся в Кашкадарьинской области.

Время было позднее. Мы, несколько человек, на машине возвращались из города Шахрисабза по дороге, ведущей в Карши. Путь был не из близких, до областного центра почти сто двадцать километров. И поэтому перед тем, как выехать нам из колхоза, где группа писателей и корреспондентов республиканского радио и телевидения встречалась с колхозниками на полевом стане, председатель колхоза и секретарь партийной организации отговаривали нас от этого дальнего пути; тем более что впереди была ночь. Но водитель нашей автомашины, молодой симпатичный парень с красивыми тонкими чертами лица, в котором угадывался житель Ферганской долины, с большой убежденностью в своем мастерстве шофера позвал нас в дорогу. И мы решились отправиться в путь. Действительно, поездка в ночное время имеет свою прелесть. Стоял теплый осенний вечер, в открытые окна врывался ветер, занося в автомобиль пряные запахи полей и успокаивающий аромат сельского очага. Вдали проплывал огнями и уносился от нас кишлак. Разговор невольно зашел о жизни людей этого края, об их умении трудиться, о том, сколько им приходится вкладывать сил в то, чтобы растить хлопок, заниматься животноводством, а также воспитывать своих детей, то есть делать жизнь ради жизни. От впечатлений от посещения колхоза постепенно разговор перешел на дорогу, по которой, шурша шинами, стремглав, в ночи неслась наша машина. Нашим вниманием полностью овладел водитель. Оказалось, что он недавно демобилизовался из Афганистана, где служил полных два года. Парню было о чем рассказать, да к тому же он оказался разговорчивым, смышленым. Он одну за другой рассказывал нам истории из

своей армейской жизни, и мы, естественно, охотно задавали ему вопросы, поддерживая тем самым живой разговор. Это было оправданно. Тот, кто ночью пускался в дальнюю дорогу на машине, знает, что лучшее лекарство от сна — это поддержать силы водителя, не дать ему остаться один на один с дорогой, остаться один на один с самим собой. Так за разговорами проехали большую часть пути, и когда миновали Камашинский и Гузарский перекресток, встречного транспорта нам больше не попадалось, водитель умолк, да и мы стали как-то менее активны. Но вдруг впереди показались огни кишлака, и водитель словно встрепенулся и сказал:

— Хоть бы пронесло!

На наш вопрос, в чем дело, парень рассказал следующую историю.

— ... Этот кишлак Ковчин, чьи огни видны впереди, просто какое-то дьявольское место на дороге. Все водители Кашкадарьинской области, да и не только Кашкадарьи, а и ближайших Бухарской, Сурхандарьинской, Самаркандской областей, хорошо знают это место, ибо здесь по необъяснимым причинам часто случаются внезапные аварии. Место ровное, дорога широкая, хорошо заасфальтированная, никаких нет поворотов, никаких препятствий, но — вот на тебе!— каждый год именно на этом месте совершается несколько дорожных катастроф, и каждый раз — с человеческими жертвами. На этом самом ровном месте, как бы водитель ни старался спокойно и уверенно ехать, обязательно происходит авария.

Рассказ парня мы расценили просто как вымысел, желание как-то возобновить разговор. Кто-то пошутил:

— Так что ж, на этом самом месте джинн живет, что ли?

— Не знаю, джинн или не джинн, но в беду здесь машины попадают одна за другой, это точно,— сказал водитель, а сам крепче взялся за руль и стал еще внимательнее всматриваться в дорогу, сбросив при этом скорость.

Машина шла спокойно, вокруг была темь непроглядная, лишь луч от фар высветлял впереди дорогу на сто — сто пятьдесят метров, вырывая из темноты кусок асфальта. Постепенно волнение водителя передалось и нам. В машине стало как-то неуютно, тихо, и кто-то спросил водителя:

— А ты, парень, не шутишь?

На что тот откликнулся:

— Мне сейчас не до шуток. Вот слева от нас сейчас будет могила Тахира и Зухры, а потом начнется это самое злополучное место, где всегда происходят аварии,— и, сказав это, водитель еще напряженнее вцепился в руль, и машина, дернувшись несколько раз, будто бы не по его воле ускорила движение.

А затем... Последовал такой сильный удар, что водитель, пробив стекло, вылетел из машины, а сам автомобиль закрутился на месте и несколько раз, грохоча, перевернулся вокруг своей оси. И лишь спустя мгновение мы поняли, что и с нашей

машиной тоже произошла трагическая авария. Всем нам, объятым страхом, пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы выбраться из-под перевернутой, изуродованной машины. Осмотревшись, ощупав друг друга и убедившись, что все живы, мы тут же бросились на поиски водителя. Парня мы нашли метрах в пяти поодаль, лежащего в канаве и уткнувшегося лицом в мягкую придорожную пыль. Осторожно подняв его с земли, мы убедились, что парень жив, только от сильного удара о почву потерял сознание.

Вскоре водитель пришел в себя, и первыми его словами были:

— Ну что, убедились, что здесь сатанинская сила?— Произнося это, он как-то неестественно засмеялся, а потом, чуть помолчав, с явным сарказмом сказал:— А вы говорили, что я вас пугаю! Такая история и с нами все-таки произошла.

Глядя на парня, мы, для того чтобы снять напряжение, начали шутить, подбадривать его, да и себя тоже — дескать, хорошо, что все так благополучно кончилось, и что мы все остались живы. За этими натянутыми шутками и сутолокой мы не заметили, как к нам из кишлака прибежали люди, освещавшие себе дорогу самодельными факелами, а у двух-трех подростков в руках были электрические фонарики.

Жители кишлака, услышав грохот перевернувшегося автомобиля, поспешили на место происшествия. Люди Ковчина, должно быть, уже привыкли к таким странным историям около их домов, такие аварии для них были не в новость. Первое, о чем они спросили — все ли мы живы и нет ли среди нас тяжелораненых. А затем, убедившись, что с нами ничего страшного не случилось, они повели нас к себе в кишлак. По дороге один из аксакалов произнес:

— Не вы первые здесь попали в беду, такое случалось и раньше. Видимо, здесь уж такое место. Вон там, за могилой Тахира и Зухры, похоронено еще несколько человек. Родственники погибших не хотят увозить их отсюда и предают их тела земле возле нашего кишлака, рядом со святой могилой влюбленных.

Затем аксакал пояснил, что так бывало и раньше, когда люди еще и не слыхали об автомобилях, когда мимо кишлака проходил караванный путь из Самарканда в Бухару, Термез и Афганистан. Тогда здесь, на верблюжьем караванном пути, тоже случались несчастья: спотыкались верблюд, лошадь, падала поклажа, валился замертво всадник и люди тоже смотрели с недоумением — почему ни с того ни с чего на ровной дороге животное спотыкается и падает? Погоревав над покойником, путники хоронили его, и караван двигался дальше. Так уж повелось, что всех тех, с кем здесь случалось несчастье, не увозили в родные места хоронить, а оставляли здесь, около святой могилы Тахира и Зухры...

Ночь в этом кишлаке прошла для нас кошмарно. Вначале не замечая болей, рождающихся то там, то тут в нашем теле, мы затем стали жаловаться друг другу — у кого-то болела рука, кое-кто начал прихрамывать, у кого-то была ссадина на лице... Особенно пострадал наш водитель. Лицо у молодого парня было

все в порезах, в кровоподтеках, да и настроение у него было намного хуже, чем у нас,— ведь ему нужно было нести ответственность еще и за машину. А от нее, видимо, осталась лишь груда металла, которая лежала при дороге и ждала нашего утреннего появления.

Ночевать мне привелось в доме того самого аксакала, который рассказывал о людях, похороненных около могилы Тахира и Зухры. Бурибай-ака — так звали этого семидесятилетнего старика, для своих лет очень подвижного, жизнелюбивого, сохранившего неподдельный интерес ко всему происходящему. Бурибай-ака участвовал в Великой Отечественной войне, был бригадиром в колхозе, ну а теперь уже несколько лет находится на пенсии. У него была небольшая отара овец, он возделывал огород — это было главным его занятием. Но, кроме всего остального, он, оказывается, был и местным табибом — собирал в окрестных горах лекарственные травы, коренья, собирал разных полезных насекомых, делал из них настойки, ловил скорпионов... В общем, как говорится, взял на вооружение старую медицину и пользовался ею для того, чтобы лечить людей.

Когда я вошел к нему в дом, он усадил меня, осмотрел, смазал каким-то снадобьем все мои ссадины, а перед сном дал мне выпить какого-то зелья, сказав: «Сынок, это тебя успокоит, это тебе поможет, сейчас твоему телу нужно, чтобы в нем наступило равновесие». Эти слова, по-моему, на меня подействовали гораздо больше, чем все его снадобья. Мне было приятно беседовать с этим стариком. Когда мы сели на курпачах в скромном доме Бурибая-ака, где не было европейской мебели, а лишь лежали стопками одеяла, а на небольшом паласе был разостлан дастархан с лепешками, сушеными фруктами, сладостями, хозяин угостил меня чаем и стал рассказывать о своей жизни, о работе, о своей семье, о том, что волнует каждого человека.

Я не прерывал Бурибая-ака, на Востоке не принято перебивать старших и что-то выспрашивать самому. Но когда выпал удобный момент, я все-таки не выдержал и спросил:

— Скажите, пожалуйста, отец, почему в разговоре об аварии вы так часто упоминали могилу Тахира и Зухры? Неужели здесь действительно есть такая?

Старик взглянул на меня с таким удивлением, как будто я пытался отменить ночь или день, самые незыблемые законы, данные нам природой. А затем, помолчав, сказал:

— Да, сынок, эти двое влюбленных, эти два прекрасных сердца, озарившие своим светом любовь многих миллионов людей, покоятся сейчас здесь, возле нашего кишлака. Если это тебя интересует, я расскажу все, что я слышал от своего отца, а тот — от деда, и так — из поколения в поколение в нашем краю передается эта удивительная история, не имеющая границ, которая позволяет нашему кишлаку жить и верить в будущую нескончаемую жизнь. Ибо только в вере сила человека. Не будет веры во что-то святое, во что-то прекрасное, во что-то вечное — и жизнь становится

неинтересной, и борьба за нее тогда тоже никому не нужна. Ну, вот что, сынок, я тебе поведаю то, о чем знаю сам — а там уж твое дело, верить или не верить...

Любовь и жажда жизни, любовь и продолжение жизни — это вечные сокровища. Эти сокровища движут человеком, его поступками, их бережет, сохраняет и приумножает народ. И если народ их ценит — в этом сила жизни народа. Об этом и поведал мне в тот незабываемый вечер Бурибай-ака, который приютил меня на ночь.

Старик потянулся рукой к стенке и снял с гвоздика дутар. Дутар был невзрачный, небольшой, казавшийся каким-то замасленным, сделанный, видимо, вручную, может быть, и не этим стариком, а его отцом, дедом или прадедом, бывший, может быть, семейной реликвией этого дома. Возможно, под звуки этого же дутара ту же легенду, то же предание о Тахире и Зухре поведал Бурибаю-ака его отец, может быть, та же музыка вдохновляла на рассказ и его деда, и прадеда. И как было изумительно и чудесно слушать это передающееся из поколения в поколение сказание из уст старого Бурибая-ака.

Он сел, скрестив ноги, как сидели и его предки, и своим хрипловатым старческим, но все же благозвучным голосом запел:

Поет бахши для молодой страны
Сказания далекой старины.
Его дутар, векам ведущий счет,
Большую песню о любви поет.*

Пропев эти строки, старик посмотрел на меня многозначительно, отпил глоток чая из пиалы, а затем, склонившись к дутару, произнес следующее четверостишие:

Родилась дочь у шаха Бабахана.
Краса ее была благоуханна.
И люди то сокровище земли,
Ту девочку Зухрою нарекли.

Старик помолчал, всмотрелся в темное окно, которое было проемом в тот мир, где с грохотом перевернулась наша машина, где бегали люди с факелами, а сейчас за стеклом была темнота, и жизнь продолжалась в тиши. И старик, словно осмыслив в молчании появление на свет прекрасной дочери земли Зухры, продолжил свою песню:

Родился сын у визиря Бахира,
Он был прекрасней всех младенцев мира.
На званый пир придворные пришли
И мальчика Тахиром нарекли.

---

* Перевод С. Сомовой.

Пропев это, старик посмотрел на меня и сказал:

— Вот так, сынок, рождаются на свет все дети. Все дети хотят быть счастливыми. Все родители мечтают об их счастье, хотя порой ради счастья своих детей они делают несчастными чужих. Жизнь многолика. Поступки любящих родителей тоже могут нести добро, и они делают его не только своим детям, но и детям чужим. Цена поступка — это добро. Слушай, сынок, какую клятву дали однажды родители, обрадованные рождением детей:

Когда бездетны шах и визирь были,
Детей у бога жалобно молили.
А дали клятву вместе их растить,
А после меж собою поженить.

Да, клятва родителей... Клятва людская, она не всегда выполняется. По-разному относятся люди к своим клятвам. Одни клянутся быть верными, другие клянутся быть честными, третьи клянутся быть смелыми, четвертые клянутся... Но клятвы не всегда соблюдаются. Потому что зная, кто дает клятву, можно заранее сказать, а выполнит ли он ее. Когда клянется себялюбец, клятва его никогда не сбывается, если в ней он желает добра другому. Если клятву сделать народ счастливым дает правитель, который думает в первую очередь о себе, о своем благе, об утверждении собственной личности, никогда такой правитель не сделает счастливым народ. Но претворение клятвы в жизнь зависит не только от того, кто дает клятву. Многое зависит от того, кто ее слышит, того, кто должен сделать эту клятву жизненной правдой. Хан Бабахан дал клятву, но соблюсти ее этот алчный, корыстный правитель не мог, так же, как свои клятвы не соблюли и подобные ему правители прошлых времен... Ну а если, сынок, говорить о Тахире, то в его судьбе роковую роль сыграла смерть его отца...

Произнеся эти слова, певец продолжил сказ:

Но умер визирь, а неверный шах
Промолвил:— В смерти волен лишь аллах.
А я, султан, вершу над миром власть,
И волен я обратно клятву взять.

Бахир — из рода Карачаев хан.
Тахир — такой же, как и он, цыган.
Зухру свою я не отдам ему,
Бездомному кочевнику тому.

Вот видишь, как поступил этот нечестный правитель. Обманщик, он нарушил свою клятву, он нарушил обет, данный своему другу, сотоварищу. Но эта клятва для него не стоила ничего, потому что он сам тоже не стоил ничего. Но дети росли. Росла

Зухра, рос Тахир, они играли вместе, не зная, что над ними навис приговор судьбы...

И снова руки старика ударили по струнам, и Бури-бобо напел стих, рассказывающий о том, как Тахир и Зухра вместе познавали жизнь:

Однажды вечером в знакомый сад
Зухра вошла,— слезами блещет взгляд,—
И говорит Тахиру:— Мой джигит!
Отец с тобой встречаться не велит...

Вот так обошлась судьба с этими влюбленными. Им суждено было пройти испытания: испытание на верность, испытание их права на любовь. И Тахир оказался не из слабых людей, он был сильным юношей, чистым, светлым, настоящим рыцарем...

И в подтверждение этих слов старик пропел еще один стих — слова Тахира:

Мне в горе нет услады без тебя.
И сколько б я не исходил дорог,
Все приведут меня на твой порог...

Это была клятва Тахира, клятва в верности своей возлюбленной. Эти слова прозвучали в устах старика странно, словно то была его собственная клятва, будто он клялся в верности правде жизни. Это настолько сильно на меня подействовало, что я сам как-то внутренне прочувствовал не только силу клятвы Тахира, не только силу клятвы старика, но силу и правду самой жизни. Старик горестно, прочувственно за судьбу молодых сердец опустил голову и, уже преобразившись, продолжил песню, аккомпанируя себе на дутаре. Это были слова Зухры:

Зухра в ответ:— Душа моя горит,
На твой огонь, как мотылек, летит.
На свете нет мне друга без тебя,
От скорби нет досуга без тебя.

Мы до рождения обручены.
Мы друг для друга оба рождены.
И пусть отец нарушил свой обет,
Обет любви он не нарушит, нет...

Да, слова эти вечны, как жизнь. Не раз они звучали в юных устах. Мы знаем, что подобные слова произносили и Ромео и Джульетта, и Лейли и Меджнун... Этим словам в устах Тахира и Зухры суждено было обрести вечность. Для нас, живущих сегодня, это яркий символ преданности человека человеку, чистоты помыслов и всесилия клятвы. Человек, дерзнувший на великое

дело — а любовь иным и нельзя назвать,— он никогда не думает о том, каков будет исход его дерзания, принесет ли он ему выгоду, не грозит ли беда человеку, который приносит такую клятву.

Закон жизни гласит, что вечным становится только то, что достойно уважения человеческого разума. Любовь порождает разум, разум порождает любовь, в этом и заключена сила вечности. Эпос донес до нас повесть о тех испытаниях, которые пришлось перенести Тахиру во имя любви. Тахир стал для нас олицетворением любящего, олицетворением стойкости любви.

Эпос рассказывает, что хан Бабахан решил расправиться с Тахиром и приказал посадить его в сундук и бросить в волны реки. Когда Бурибай-ака запел о страданиях Тахира, на его глаза навернулись слезы, а голос зазвучал еще прочувственней:

Волна седая над волной встает,
А средь воды большой сундук плывет.
Тахир во тьме, он связан, словно раб.
От бури, от кручины он ослаб.

Вот волны подняли сундук, и вот
В бездонный мчат его водоворот.
Большое было море, без конца.
Швыряли волны бедного пловца...

Старик пел и о страданиях Зухры, повествовал о том, что она не поддалась ни на уговоры, ни на угрозы отца, ни на сладкие слова красавца шаха Кара-Баходыра. Она была верна своему возлюбленному Тахиру, она знала, что наступит день желанной встречи.

Однако волны прибили сундук к берегам другого края, где юная и красивая, но жестокая царевна, увидев прекрасного юношу, захотела его обольстить и сделать своим.

Она сейчас же посылает слуг,
Чтоб выловить диковинный сундук.
Встречает гостя на своем дворе,
А гость рассказывает о Зухре:
Косичках тонких из пяти прядей,
Запястьях звонких из цветных камней...

Это приводит молодую царевну в гнев, и она тоже угрожает Тахиру...

Судьба долго играла юными влюбленными, прежде чем они вновь встретились на своей родной земле. Но им снова грозила разлука. Шах Бабахан надменно заявляет Тахиру:

— Безумец! Предо мной склонись!
От своеволья отрекись!

А Зухре говорит:

— Несчастная! Забудь Тахира,
Иди за Кара-Баходыром.
Пред волею отца склонись.
От нечестивца откажись...

В жизни часто бывает так, что перед угрозами человек пасует. Но не Тахир и не Зухра. В этом было их величие, в этом была сила их любви. Влюбленные без страха слушали речи шаха Бабахана, даже когда гнев его перешел все пределы и он, топая ногами, закричал им:

— Не подчинитесь, вас убью,
По капле вашу кровь пролью...
Они взглянули друг на друга
Без колебаний и испуга.
Тахир ответил твердо: — Нет!
Зухра сказала гордо: — Нет!

Старик пел об угрозах шаха с таким чувством безысходности, словно опасность нависла над ним самим. А поведав о величавом ответе влюбленных, певец умолк, судорожно сглотнул, подкативший к горлу комок мешал ему продолжать сказ. Оторвавшись от дутара, он тяжело вздохнул. Было видно, как глубоко переживает этот человек трагедию, происшедшую с легендарными Тахиром и Зухрой.

Глядя на него, я тоже проникся состраданием к молодым влюбленным, как будто их судьба вершилась сейчас, вот здесь, в этой маленькой глинобитной комнатке, в этой реальности, перед этим темным оконным проемом окна, за которым была жизнь не пятнадцатого столетия, а нашего двадцатого века, где только что произошла эта ужасающая дорожная катастрофа.

Старик еще раз вздохнул и, горестно вглядевшись в ночь, сказал:

— Вот сегодня, сынок, с тобой там случилось несчастье: перевернулся ваш автомобиль, и вы чудом остались живы. Но в те далекие годы на том же самом месте случилось страшная беда. От руки врага пал влюбленный Тахир.

Ты уже слышал о визире Бахире, который служил хану Бабахану. Служил он ему верно, честно, до конца. Но такова сущность всех алчных правителей — как бы преданно им ни служили, они не в состоянии оценить истинное благородство...

Так вот, визирь Бахир был родом из наших мест. Недалеко отсюда, ближе к Карши, есть кишлак Ханабад, в переводе — «ханская ставка», место, где жил хан. В том кишлаке и родился Бахир. Там когда-то обитали племена, откочевавшие сюда из Индии. Их за темный цвет

кожи называли цыганами. Вот потому-то Бабахан с презрением говорил, что раз цыган умер, я не обязан держать данное ему слово. Но друзья и земляки визиря Бахира помнили клятву Бабахана, и когда себялюбивый шах изменил клятве и стал угрожать юноше, они решили спасти Тахира, вызволить его из темницы, вырвать его из рук палача. Тайно приехав в столицу ханства, темной ночью они освободили Тахира и предложили ему вместе с ними бежать из этой страшной страны. Но Тахир ответил им: «Друзья! Я благодарен вам за освобождение. Но для меня нет ни свободы, ни жизни, пока рядом со мною нет моей возлюбленной Зухры. Помогите мне вызволить ее из шахского дворца, чтобы мы могли вместе с ней уехать в мои свободные родные края». Друзья вняли мольбе Тахира, но уговорили его немедленно уехать и ждать на родине, пока они освободят его возлюбленную и с нею явятся в дом Тахира, в Ханабад. Тахир со своими друзьями отправился в путь, а небольшой отряд вернулся к шахскому дворцу, где жестокий отец держал в заточении свою дочь.

Через несколько дней, когда Тахир был уже здесь, почти у себя дома, на том самом месте, сынок, где с вами случилась авария, его настиг с большим войском жестокий Кара-Баходыр, и между ними завязалась битва. В этом неравном бою Тахир был смертельно ранен.

А его любимая Зухра была уже близко. А ее спутники, те, что освободили девушку из заточения, узрев мощь врага и тревожась за Зухру, не решались ввязаться в сражение. Но когда она увидела, как ее возлюбленный, истекая кровью, упал на горячую, раскалившуюся под солнечными лучами землю, она, презрев опасность, бросилась к нему. Приподняв голову Тахира и положив ее к себе на колени, девушка нежно шептала: «Любимый мой, любимый мой, я здесь, я здесь, твоя Зухра...» Как ни тяжелы были раны Тахира, он все же почувствовал близость возлюбленной и, открыв глаза, превозмогая страдание и саму смерть, тихо проговорил:

Тахир сказал: — О друг моей души!
Еще со мною рядом подыши.
Еще со мною рядом пострадай,
И от меня очей не отрывай.

Пока живу, мне силу в грудь вдохни.
Когда умру, меня похорони.
Но саламандра не горит в огне.
И нам не страшно — ни тебе, ни мне...

Сколько силы было в этих словах!..— оторвавшись от дутара, сказал старик и вновь поглядел на темный проем окна.— Сколько силы, отваги и мудрости было в этом юноше. Именно поэтому он живет и посейчас в наших душах,— Тахир бессмертен для нашего народа...

Тахир умер, его похоронили на том самом месте, где он сражался с Кара-Баходыром. Но Зухра не могла вынести разлуки. На рассвете следующего дня она надела белое платье, красиво заплела свои косы и направилась к могиле Тахира...

Снова зазвучал дутар, и старик, горестно прикрыв глаза, запел:

Она к могиле друга подошла.
Она кинжал над грудью занесла.
И было некому ее за руку взять,
Помочь в беде, от смерти удержать.
Зухру водою розовой омыли
И около Тахира схоронили...

Эта вечная, прекрасная история любви живет в нашем народе уже пять веков, передается из уст в уста и придает народу силу...

И Бурибай-ака завершил свой сказ такими стихами:

О чем еще? О том, что Баходыр
Недолго жил, и, оставляя мир,
Он завещал:— Пусть труп холодный мой
Между Тахиром ляжет и Зухрой,
Чтоб эти двое и в земле страдали,
Чтоб друг о друге вечно горевали.

Прошли года. И новою весною
Куст белых роз поднялся над Зухрою.
Куст красных роз поднялся над Тахиром.
А над жестоким Кара-Баходыром
Уродливый репейник поднялся...

Старик окончил свое повествование и замолчал. Ничего не говорил и я, не хотелось нарушать эту благородную тишину. Размышления наши, одухотворяя этот дом, уносились сейчас к Тахиру и Зухре...

Я и раньше слышал эту трагическую историю и знал, что она записана поэтом Сейиди в Бухаре, в шестнадцатом веке. Но вариант легенды, который поведал мне тогда в своем маленьком глинобитном домике аксакал Бурибай-ака, я слышал впервые...

На следующий день с рассветом мы все, потерпевшие вчера аварию, словно сговорившись, встретились около нашей разбитой машины. Стояли и с запоздалым страхом смотрели — что же осталось

от нашего автомобиля? Горка металла. И еще острее волновала мысль о том, что никто из нас серьезно не пострадал, и все мы живы. Рядом с нами был и Бурибай-ака.

Место происшествия оказалось действительно, как и говорил нам водитель, ровным, никаких поворотов, отрезок асфальта был хорошо укатанным, с широким полотном, и казалось, ничего не должно было предвещать, что здесь может произойти авария. И тем не менее искореженная машина лежала на обочине дороги как свидетельство разыгравшейся вчера поздним вечером на этом отрезке дороги драмы.

Осмотревшись, немного придя в себя, я попросил Бурибая-ака показать, где же все-таки находится могила Тахира и Зухры. И старик повел нас всех назад, в сторону Шахрисабза. Пройдя небольшое расстояние, мы еще издали увидели огромный холм, а на нем — заросли кустарника высотой примерно с двухэтажный дом.

Подойдя к этим зарослям, я остановился, присмотрелся. Действительно, здесь росла непролазная колючка, ощетинившиеся кусты, примерно такие, какие можно было себе представить, слушая об уродливом растении над могилой жестокого Кара-Баходыра. Я попытался пройти и посмотреть, что же там, за этими колючими кустами, чтобы воочию увидеть могилу Тахира и Зухры, но сделать этого не смог. Колючки росли очень плотно, сцепившись друг с другом, шипы были огромные, и нигде не было видно просвета. И я довольствовался тем, что обошел вокруг этого кургана, поросшего кустарником, и посмотрел на него со всех сторон — и везде были заросли колючки. Лишь где-то на вершине холма просматривался островок, и на нем мне почудился алый блик — роза на могиле Тахира, и белые блики — цветы над могилой Зухры. А вокруг — колючая непроходимая стена. Все как в жизни... Вокруг благородства и любви — суровая проза жизни, суровая и жестокая жизнь, которая не позволяет забываться в блаженстве, которая напоминает, что за право быть любимым, за право быть свободным и за счастливую жизнь нужно бороться, постоянно бороться.

Когда я обогнул курган и снова вернулся на дорогу, меня там поджидал Бурибай-ака. Он стоял и о чем-то по-стариковски размышлял, но, увидев меня, спросил:

— Ну как, сынок, убедился, что здесь могила Тахира и Зухры?

Я не стал разубеждать старика, хотя прекрасно понимал, что это лишь легенда, но если она и сегодня сохранила жизненную силу, так пусть она считается действительностью. Словно прочитав мои мысли, старик сказал:

— Я вижу, ты не веришь мне. Ну тогда посмотри вон в ту сторону. Видишь, рядом с могилой Тахира и Зухры растет одинокий карагач?

Я посмотрел туда, куда указывал старик, и действительно увидел карагач.

— Так вот, если это легенда, как ты говоришь,— укоризненно

сказал старик, хотя я ничего ему и не говорил,— то вон там — действительность. Это дерево в годы войны посадил старейшина нашего кишлака Максум-бобо.

А случилось это так... У одной из самых красивых и добрых наших женщин погиб на фронте молодой муж, и звали его, как и легендарного влюбленного, Тахиром. У нас большинство мужчин носит это имя, потому что родители очень любят называть так своих сыновей. Так вот, Тахир погиб на войне, а жил он со своей молодой женой не больше года. И Бибигуль, убитая горем после того, как получила «черное письмо» с вестью о смерти мужа, не находила себе места, не знала, как превозмочь тяжесть скорби. Днем и ночью она тосковала о своем любимом, погибшем где-то вдалеке, за несколько тысяч километров от родных мест. И кто-то из наших земляков, видя, как мучается и тает на глазах Бибигуль, посоветовал ей: «Сходи, вдовушка, к старейшине нашего кишлака Максуму-бобо, и он тебе подскажет, как дальше жить».

И молодая женщина пришли к Максуму-бобо. Он по-отечески пожалел ее и сказал: «Доченька, я знаю о твоем горе. Мы все скорбим о наших героях, которые легли на поле боя, защищая великую Родину. Беда у тебя двойная, оттого что ты не видела, как погиб твой муж, не знаешь, где он похоронен, где лежит его прах. Так вот, чтобы облегчить твою душу, давай пойдем с тобой к могиле Тахира и Зухры и посадим дерево около той святой могилы». И старейшина кишлака взял молоденький побег карагача, кетмень, ведро с водою, и пошел вместе с Бибигуль к этой могиле. И вот здесь в сорок четвертом году Максум-бобо посадил карагач, полил его водой и сказал: «Вот теперь, доченька, ты можешь каждый день приходить на это место и оплакивать своего мужа».

С того самого дня Бибигуль встречала каждый восход солнца у этого карагача, оплакивая своего любимого Тахира. Все в кишлаке знали об этом. Этот карагач у нас называют карагачом Тахира, за ним любовно ухаживают, поливают его. А если вы придете сюда в день Победы, девятого мая, то вы увидите здесь множество цветов. Живые цветы растут на могиле Тахира и Зухры, цветы ложатся и под этот карагач, карагач памяти о всех тех, кто ушел из кишлака воевать и не вернулся к себе домой.

Вот вам истории о могиле Тахира и Зухры, что жили пятьсот лет назад, и о Тахире, который жил в нашем кишлаке в середине двадцатого столетия, и отдал свою жизнь в боях за отчий дом, за свободу Родины.

И хотя история, которую рассказал мне Бурибай-ака, была грустной, но оттого, что человек хранит память о великой любви, о великом мужестве, история это обогрела мою душу, и мне невольно тоже захотелось, стоя здесь у дороги, поклониться и могиле Тахира и Зухры, и этому дереву жизни, которое несет в себе память о сыне этой земли, погибшем на чужбине, чтобы уберечь нашу страну от порабощения.

Так и покинул я в тот день место, которое называют могилой Тахира и Зухры, в раздумьях о том, как живет легенда о прекрасной и мужественной любви в сознании народа. Может быть, жизнь эта истинна, и не стоит допытываться, соответствует ли эпос исторической правде. Если народ считает, что это могила Тахира и Зухры, пусть будет так, никто этого отменить не вправе...

А рядом была вторая действительность — место, где часто случались аварии, катастрофы, где автомобили вдруг ни с того ни с сего прекращали свой бег по асфальтовой дороге. И никто не знал, что за сила там. Одни говорили, что здесь магнитное поле, которое как-то влияет на мотор. Другие говорили, что это дух Кара-Баходыра губит водителей. Третьи говорят, что сама жизнь диктует: не нужно спешить в жизни, не нужно мчаться на бешеной скорости мимо могилы Тахира и Зухры, а обязательно следует сойти и поклониться этим влюбленным. И тогда можно спокойно ехать в том направлении, в котором ты держишь свой путь...

ПЕЩЕРА ТИМУРА

Тимур, известный европейцам под именем Тамерлан, родился 19 апреля 1336 года в селении Ходжа-ильгар близ города Шахрисабза в семье небогатого бека Тарагая из тюркоризованного племени барласов. На страницах истории он занимает место рядом с такими завоевателями, как Александр Македонский, Ганнибал, Чингисхан...

О Тимуре писали много — его современники, затем ученые и литераторы. В течение долгих лет над летописью деяний грозного правителя трудился историк Шарафиддин Али Язди. Он оставил потомкам большой многоплановый труд, рассказывающий о Тамерлане как государственном деятеле и человеке, о его походах. Интересное жизнеописание Тимура принадлежит перу испанца Рюи Гонсалеса де Клавихо, ходившего в 1403—1406 годах с посольством в Самарканд ко двору Тимура. Труд этот называется «Жизнь и деяния великого Тамерлана, с описанием земель под его владением и господством, написанные Рюи Гонсалесом де Клавихо, камергером великого и могущественного государя Генриха Третьего, короля Кастилии и Леона, вместе с записками о том, что случилось во время посольства, которое от имени этого короля совершил он к этому государю, назвавшемуся нынче Тамурбеком, года от рождества Христова 1405».

Не прошли мимо личности Тамерлана и литераторы. В XVII веке английский драматург Кристофер Марло написал трагедию «Тамерлан великий». Она почти три столетия не сходит со сцены Лондонского Королевского театра и пользуется неизменным успехом. Особое место среди летописцев жизни Тимура занимает писатель Сергей Бородин, создавший роман «Звезды над Самаркандом». Это произведение получило широкое распространение не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира.

Однако, несмотря на такое обилие литературы, многие стороны жизни Тимура остаются еще не освещенными, скрытыми пологом тайны. Одна из них связана с пещерой в западных отрогах Памира. Об этой пещере — наш рассказ. Но предварительно нелишне вспомнить некоторые факты из жизни завоевателя, оценки его деятельности мастерами искусства.

Одним из самых ярких, запоминающихся произведений о Тамерлане, а точнее рассказывающем о его жестокости как завоевателя, является картина русского художника Верещагина «Апофеоз войны». Живописцу в наиболее емкой форме удалось на небольшом

полотне показать, как страшна война, как она губительна, как она античеловечна. За грудой черепов — а их на картине тысяча, а может быть, и больше — зритель явственно воспринимает трагичность судеб людей и невольно задает вопрос: «А какое право имел завоеватель на уничтожение себе подобных?»

Война и смерть — вечные темы искусства. Как хотелось бы, чтобы никогда и никто, ни писатель, ни художник, не имел бы возможности изображать с натуры войну — чудовищное изобретение человека.

Тамерлан оставил нам не только воспоминания об ужасах войны, завоеванных странах и покоренных городах, но и целый ряд великолепных, изумительных по красоте и неповторимых по архитектуре дворцов в городах Самарканде, Шахрисабзе, по всему Туркестану, построенных по его непосредственному указанию. Он оставил также своеобразный письменный трактат под названием «Уложение Тимура»— объемный документ о государственном устройстве. В этом документе Тимур попытался обобщить мысли о том, каким должно быть управление державой от верха до самого низа, заложил для своего времени основы учения о государственном устройстве. Большой интерес для историка представляет и военное искусство Тамерлана, проведшего из всей своей сознательной жизни почти тридцать лет в походах. В них он находился по два-три года вместе со всем двором, с женами, с детьми. На родину возвращался лишь на несколько месяцев.

Тамерлан, ведя беспрерывные войны, сокрушил двадцать шесть больших и малых стран. Он победил Золотую Орду, взял Хорезм и Багдад, покорил Сирию, завоевал Индию. Эта страна нужна была ему для того, чтобы, разграбив ее сокровища, приготовиться к еще более сокрушительным походам.

Тамерлан, видимо, хорошо знал и умел применять к делу правила римского полководца Юлия Цезаря. На сокровища, награбленные в Индии, он смог вновь хорошо вооружить свое воинство, выплатить ему вперед жалованье. В это время армия Тамерлана состояла почти из трехсоттысячной конницы, имела двадцатитысячный отряд воинов на верблюдах, особый отряд на боевых слонах.

Следующая война — с турецким султаном Баязетом. В битве с ним была выставлена четырехсоттысячная армия. Вот как военные специалисты описывали бой: «Поутру, полагают, в пятницу восемнадцатого июня тысяча четыреста второго года, Тамерлан вышел из лагеря и построил свои войска в боевом порядке. Боевой порядок его войск состоял из правого и левого крыла с их авангардами и центром. Впереди были поставлены тридцать два слона в несколько рядов, на них посажены стрелки и метатели грегорианского огня. Позади центра был расположен резерв, составленный из сорока полков отборнейших войск, над которыми начальствовал сам Тамерлан». Из истории известно, что Тамерлан разбил Баязета, захватил его самого в плен и в течение нескольких лет возил бывшего властителя в железной клетке, показы-

вая его ради устрашения других народов. Этот эпизод запечатлен на живописном полотне, находящемся в Германии в галерее Целлендорф города Потсдама. Художник изобразил Тамерлана сидящим на троне, а у его ног стоит железная клетка. В ней влачит жалкое существование бывший турецкий султан Баязет, который когда-то был грозой для многих европейских стран, наводил ужас на целые народы. Баязет в бой на Тамерлана в тот день вывел почти четырехсоттысячную армию и, несмотря на это, проиграл. Потерпел поражение, хотя сражение разворачивалось на его родной земле, в Анатолии.

После того как Тамерлан разбил Баязета и захватил его несметные богатства, он решил осуществить давнюю мечту — пойти войной на Китай. Шестидесятивосьмилетний Тамерлан торопился, он знал, что жить ему осталось не так уж долго, а мечта была у него заветной. Эта война занимала его мысли еще до похода в Индию, и он несколько лет исподволь готовился к ней. Тамерлан считал, что для похода на Китай ему будет достаточно двухсот тысяч отборного войска — конницы и пехоты. Правое крыло войска было расположено на зиму в Ташкенте и Сайраме, левое — в Яссах. Сам же Тамерлан с оставшимися войсками предполагал провести зиму в Отраре и его окрестностях. По расчетам, которые сделал по картам Тамерлан, его войску предстояло пройти путь в три тысячи пятьсот верст. Путь неблизкий. Для двухсоттысячной армии и обозов нужно было взять достаточно провианта, фуража. Поэтому за армией Тамерлана двигалась целая армада возчиков с различными грузами. Тамерлан был многоопытный полководец, не раз водивший войска в походы, и его заботы не ограничились только запасами продовольствия на ближайший срок, а, как свидетельствуют историки, завоеватель думал и о завтрашнем дне, поэтому приказал, чтобы за армией еще следовало несколько тысяч повозок с зерном, предназначенным для посева в удобных на пути местах, чтобы при возвращении было чем накормить войско. Кроме того, за армией вели и тысячи жеребых верблюдиц, чтобы их молоко также могло послужить пищей. Ни Шарафиддин Али Язди, ни другие историки не могли объяснить той торопливости, с которой Тамерлан готовился к походу на Китай. У него были какие-то свои расчеты. О них до нас не дошло никаких сведений. Известно лишь, что Тамерлан, развернув свое боевое знамя, выехал из Самарканда в конце ноября 1404 года и, несмотря на суровую зиму, продолжал путь безостановочно, располагаясь для ночлега среди степи, в шатре, обнесенном камышовыми загородками. В окрестностях города Зеркина он перешел по льду через Сырдарью. Зима была так холодна, что, по уверению Шарафиддина Али Язди, лед был в том месте толщиной от двух до трех локтей, этот лед всюду выдерживал пешее и конное войско. Местами на пути лежал снег глубиной в две пики. От холодов и буранов погибло много людей и лошадей. В конце февраля Тамерлан прибыл в город Отрар (располагался на тер-

ритории нынешней Казахской ССР) и стал готовиться к броску на Китай. Этому броску не суждено было состояться — Тамерлан заболел и 28 февраля 1405 года умер. Родственники и военачальники властелина приостановили поход, повернули войска назад.

Полководческое мастерство Тамерлана после его смерти повсеместно стало изучаться. В 1875 году в Петербурге был издан труд, который назывался «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане, сочинение М. И. Иванова, генерального штаба генерал-лейтенанта, члена военно-ученого комитета Главного Штаба, с семью картами и шестью чертежами. Издано военно-ученым комитетом Главного Штаба под редакцией генерал-лейтенанта князя Голицына». Труд это основательный, в нем почти триста страниц, действительно прилагаются семь карт и шесть чертежей, которые показывают, как, прежде чем начинать сражение, выстраивал свои войска Тамерлан. Глядя на эти чертежи, поражаешься, что этот полководец, судя по имеющимся о нем сведениям, был человеком, не имеющим какого-то систематического образования. Видимо, природа дала ему большой талант, умение собирать вокруг себя непобедимую силу.

Сведения о завоеванных странах, городах, уделах, которые Тамерлан раздал своим приближенным, дошли до нас в исторических памятниках, книгах, его боевые действия — в чертежах. Но в нашем повествовании не об этом речь. Нас занимает один из самых загадочных и интересных объектов — пещера в отрогах Памира. Располагается она среди каньонов близ кишлака Ташкурган на территории нынешнего Яккабагского района в Кашкадарье.

Прежде чем рассказать об удивительной пещере, необходимо поведать легенду о рождении Тимура. Она гласит, что эмир Шахрисабза Бекбува как-то вечером пригласил к себе астролога и спросил: «Скажи мне, ученый гадатель, кто заберет из моих рук власть над этим краем?» И ученый астролог, которого Бекбува специально выписал из Персии, погадав вечером по звездам, сказал: «О повелитель! Ты погибнешь от руки сильного воина по имени Тимур». Тогда правитель спросил: «Где сейчас живет тот воин, от руки которого мне суждено погибнуть?» На это звездочет ответил: «Этот воин еще не родился, он появится на свет только через два месяца. Мать ребенка живет в кишлаке Ильгар вблизи столицы твоего бекства». Правитель решил погубить еще не родившегося младенца. В кишлак послали солдат, чтобы захватить беременную женщину и уничтожить во чреве того, от чьей руки беку на роду было написано погибнуть.

Разговор правителя с астрологом подслушала служанка. Она приходилась подругой детства матери Тимура. Служанка оседлала скакуна и кратчайшим путем добралась до дома Тарагая, рассказала об угрозе. Тогда хозяин дома направился навстречу воинам бека, а свою жену в сопровождении служанки и двух слуг, одним из которых был богатырь Хаккул, отправил в дальний путь.

После нескольких часов быстрой езды беременная женщина почувствовала себя плохо, стала умолять батыра Хаккула остано-

виться. Но тот об этом и слушать не хотел, так как боялся, что их могут настигнуть преследователи. То ли от быстрой езды, то ли от волнения у молодой женщины начались преждевременные роды. Тогда батыр Хаккул решил остановить свой маленький караван. Невдалеке путники увидели мерцающий огонек. Это оказался одинокий домик хлебопашца. Здесь и нашли приют беглецы. Вскоре молодая женщина разродилась. На свет появился мальчик. Ему дали имя Тимур. А место рождения назвали Чиракчи, то есть «Светильник». В наши дни Чиракчи — небольшой город, насчитывающий десятки тысяч жителей, является центром одноименного района.

Хлебопашец, приютивший у себя ночных путников, увидев мальчика, сказал: «Этому младенцу суждено вырасти в большого воина и стать покорителем многих земель. Хотя я, как хлебопашец, кормилец людей, и не хотел бы, чтобы велись войны, но так распорядилась судьба, и от нее никуда не уйти». Прав оказался звездочет, предсказывая беку, что родится такой воин, который победит его. Прав оказался и хлебопашец. Но Тамерлану к своей славе еще предстояло идти через многие преграды, бороться за свою жизнь, за место среди сильных мира сего.

На следующий день, как повествует легенда, роженица, чтобы спасти младенца от грозящей ему беды, вместе со спутниками на каюке, бревенчатом плоту, спустилась вниз по реке Кашкадарье до самого города Карши. Там она нашла приют у местного правителя и прожила вместе с Тимуром целых три года. Потом она вернулась в родные края. Но правитель Шахрисабза Бекбува не забыл о предсказании звездочета. Он старался любыми средствами сжить со света Тимура.

Мальчик рос бойким, очень любил играть со сверстниками в военные игры, а уже с десяти лет стал ходить в походы со своим отцом, султаном Тарагаем. Джигитовке, владению копьем, саблей обучил подростка палван Хаккул. Мальчик был старательным, выносливым, мог целые сутки обходиться без пищи, долго не покидать седла, не уступал взрослым в дальних переходах и в боевых вылазках.

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, состоялась его встреча с эмиром Шахрисабза. Последний у себя во дворце специально устроил состязание борцов. По обычаю они проводились при дворе в дни больших праздников. Народ на такие состязания стекался отовсюду, победитель получал почетный титул и награду.

Вначале проходили состязания джигитов младших возрастов. В этих схватках всех борцов обычно побеждал сын бека Шахрисабза Хусейн. Он был физически развитым, крепким и выносливым. В те годы правители старались с малых лет готовить сыновей к нелегкой жизни, потому что быть правителем значило постоянно доказывать не только свой ум и образование, но и свое

право на власть. Когда желающих бороться с Хусейном не нашлось, на схватку с ним вызвался выйти Тимур, хотя был он на два года младше соперника.

За борьбой двух царевичей — наследника престола шахрисабзского бека и сына султана Тарагая — с особым волнением наблюдали все присутствовавшие на спортивном празднике. Тимур вел поединок с одержимостью и вышел из него победителем. За это он должен был получить почетное звание батыра, а в награду — шкуру леопарда. Но эмир Бекбува, разгневанный исходом борьбы, велел воинам схватить и казнить Тимура. Юного батыра связали и подвели к трону. Однако народ начал возмущенно кричать: «Несправедливо! Победителя не судят!» Эмиру ничего не оставалось делать, как отпустить Тимура.

Но не таков он был, чтобы просто так отпустить смельчака. По приказу правителя Шахрисабза Тимуру переломили ноги, чтобы он никогда больше не смог выходить на единоборство. С тех пор и стал Тимур хромать на правую ногу. Позднее, когда он стал властелином мира, в Европе прозвали его Тамерланом — от тюркского «Темирленг», то есть «Железный хромец».

Но и став хромым, рассказывает легенда, юноша не сломался, не захирел,— он еще больше окреп физически и духовно, стал с завидным упорством заниматься самосовершенствованием, упражняться в джигитовке, тренировать тело для будущих походов и битв. К шестнадцати годам равным Тимуру по силе молодцов не было во всей округе.

Однажды Тимур вместе с отцом, собрав большую дружину, направился к эмиру Шахрисабза, напал на его дворец. И в этом бою, как и предсказал звездочет, от руки Тимура погиб Бекбува. Но в той же битве Тимур потерял и своего отца — султана Тарагая.

Победитель не стал казнить сына шахрисабзского бека Хусейна, а решил подружиться с ним. В знак дружбы он дал Хусейну клятву, закрепив ее кровными узами,— взял в жены сестру бека — Ульджай Туркан-ага. Шахрисабзом стали вместе править новый бек Хусейн и молодой султан Тимур. За короткое время они значительно укрепили город, собрали сильное войско, подчинили своей власти всю округу.

В то время в Самарканде правил потомок Чингисхана Казаган-хан. Он, видя, что в Шахрисабзе к власти пришли два молодых сильных правителя, решил сделать их своими сторонниками, пообещав им власть во всех уделах, прилегающих к Шахрисабзу.

Казаган-хану не суждено было долго быть у власти — его разгромил еще один потомок Чингисхана — хан Туглук-Тимур. Ему не понравились два молодых правителя из Шахрисабза. Новый властитель Самарканда отдает письменный приказ своему сыну Ильяс-хану захватить и убить Тимура. Но, верные последнему, воины перехватывают гонца с этим приказом. Так Тимуру становится известно о нависшей над ним угрозе. С верными друзьями

он уходит в горы. В пути их с большим войском настигает Ильяс-хан и разбивает небольшой отряд беглецов.

Остатки отряда Тимур приводит к своему старому учителю — палвану Хаккулу. Тот, выслушав рассказ молодого султана, говорит: «Сынок, я думаю, сейчас тебе не время выступать против Ильяс-хана. Ты еще не обрел силу, за тобой еще не пошел народ. Считаю, что тебе нужно стать крепким, сильным, неуязвимым. Тогда ты покоришь Самарканд. Сейчас тебе нужно собрать хорошую дружину, подготовить ее к битвам, научить воинов мастерски владеть оружием, навыкам ведения боя в горах и степи, у городских стен...»

Тимур же спросил учителя: «Где мне готовить воинов? Ведь об этом сразу узнает вся округа, тут же донесут правителю Самарканда, а он, конечно, поспешит с нами расправиться». На это Хаккул-палван ответил: «Я знаю в горах древнюю пещеру. В ней можно разместить целый отряд».

Тимур внял совету. Через пять дней пути вместе с отрядом юношей из окрестностей Шахрисабза он уже был в горах на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Здесь в одном из каньонов Тимур нашел пещеру, указанную Хаккул-палваном.

Местность оказалась удивительной. Она словно специально была предназначена для того, чтобы втайне готовиться к будущим битвам. Горы отгораживали этот район от всего мира, пути в который через тайные перевалы знали лишь местные дехкане. Да и ближайшее от пещеры поселение было на расстоянии в целых три дневных перехода.

Пещера, находившаяся на развилке многокилометрового каньона, расположилась тоже очень удобно. Саму ее не было видно, а из ее входа вся местность просматривалась далеко вокруг. Внутри пещеры легко мог укрыться большой отряд. Она для него становилась и надежной крепостью, и удобным домом. В отдаленных каменных пустотах, где температура воздуха оказалась довольно низкой, имелась возможность создать хранилища значительных запасов еды.

Вход в пещеру имел размеры двенадцать метров в высоту и до пятнадцати метров в ширину. Вошедший внутрь через несколько шагов попадал в большой зал. Затем пещера уводила по переходам еще в несколько залов. Здесь было удобно не только жить, но и вести в любую погоду обучение воинов. Да, лучшего места для лагеря невозможно было вообразить.

Конюшню Тимур наметил построить неподалеку от входа в подземелье. Стены конюшни можно было сложить из грубо отесанных горных камней. Это делало постройку совершенно незаметной со стороны.

Тимуру было всего двадцать три года. Но он уже умел серьезно оценивать положение дел. Молодой предводитель небольшого войска, придя к пещере, осмотрев ее, убедился в правильности полученного им от Хаккул-палвана совета.

Тимур, приняв окончательное решение, разослал своих воинов

по окрестностям, чтобы они подобрали в дружину молодежь. Через два месяца в пещере собралось уже почти полторы тысячи юношей. Это были сильные, мужественные молодые люди. Их разбили на отряды и группы. Учили джигитовке, владению копьем, метанию каменных снарядов.

Из конца в конец каньона протянули волосяные веревки. По ним юноши стремительно спускались с гор, внезапно обрушиваясь на воображаемого врага. Это был, можно сказать, прообраз современных десантных войск. До Тимура в мировой практике подобного воинского подразделения, где солдат обучали и скачкам на лошади, и владению самым разным оружием, и бою в горах, не было. Кроме того, воины тренировались в плавании, преодолении бурных потоков. Люди подготавливались к битвам и психологически.

Более года стоял Тимур лагерем со своим войском в районе пещеры. Молодой предводитель присмотрелся к людям, выявил среди них способных управлять другими, а из них выделил будущих командиров войска. И, что очень важно, всю подготовку ему удалось провести скрытно, вдали от любопытных глаз.

В 1363 году Тимур подошел к Самарканду. Силы противника превосходили наступающее войско. Но Тимур был уверен, что он преодолеет врага. Так и произошло. Воинское искусство и мужество маленького отряда обеспечили успех. Тимур стал правителем Самарканда.

Можно только дивиться отваге и уму Тимура, располагавшего полуторатысячным отрядом, но не побоявшегося выступить против двадцатитысячной армии потомков Чингисхана. В их распоряжении было еще восемьдесят тысяч воинов, находящихся в крепостях между реками Амударья и Сырдарья. От сражения к сражению укрепляя свою армию, Тимур сокрушил противника и стал повелителем всего Мавераннахра.

Это произойдет позже, а после победы в битве за Самарканд, свидетельствуют историки, Тимур собрал вокруг себя воинов и обнаружил, что все полторы тысячи человек вышли из сражений живыми. Из этих испытанных бойцов он назначил сто для начальствования десятками, сто — сотнями, сто — тысячами. Еще тридцать человек Тимур назначил на более высокие должности. Избранные им предводители, без сомнения, способствовали введению в войсках дисциплины, боевых порядков, которым Тимур обучил их далеко в горах в пещере — месте подготовки костяка будущей армии.

Сама жизнь Тимура не загадка, она ясна нам почти до предела. Но не совсем понятными остаются мотивы, которые толкали его на совершение ужасающих побоищ. Ушли из жизни многие тираны, ушел и Тимур, но осталась немая свидетельница начала его кровавого пути — пещера. Немая ли?

Пещера располагается на территории современного Яккабагского района, в ста двадцати километрах от поселка Яккабаг. Путь к ней труден — через горный перевал, по бездорожью. Но сюда проложена туристская тропа, при желании пещеру можно увидеть. Она привлекает многих любителей странствий и походов своей необыч-

ностью, связанным с ней преданием. В пещере почти ничего не изменилось, все, как во времена Тамерлана. Остались ступеньки, по которым человек взбирался к пещере, тот же неизменный вход в нее. В годы революции в подземелье скрывались отряды местных грабителей. Но после того как была окончательно установлена Советская власть, в пещеру, кроме туристов, никто не входил.

Пещера находится в заброшенном состоянии, ее по-настоящему не изучила ни одна экспедиция. Я думаю, что впереди большая работа по постижению всех тайн пещеры. Помогут в этом короткие записки Мирзы Салимбека, которого в 1910 году эмир Бухары Абдуллахан назначил правителем Шахрисабза.

В то время в пещере еще были целы сооружения, не дошедшие до нас. Поэтому сохранившиеся дневниковые записи бека — Мирзы Салимбека — имеют, несомненно, историческую ценность. Вот отрывок из этих записей: «После обеда и отдыха мы, двадцать человек, пошли осматривать крепость Тимура. Мы поднялись наверх примерно на сорок-пятьдесят шагов. Там стояли остатки больших ворот, через которые мы вошли в крепость. На расстоянии около ста шагов находилось закрытое сверху помещение наподобие конюшни. Все оно было вырублено в горе. Разрез помещения равнялся тридцати гязам. По обе стороны были сложены из обтесанного камня стены. Между ними были вытесанные из мрамора столбики, некоторые из них стояли еще на месте, а прочие отломаны или полусломаны. Высота помещения была такова, что если всадник держал в руке меч, то не доставал им до потолка. Все помещение было отстроено из горной породы. Осмотрев место, мы вышли и оказались у больших ворот наподобие городских. Но створок на месте не было, а следы их были еле заметны...»

Если Салимбек в то время, почти восемьдесят лет тому назад, кое-что застал, как говорится, живьем — и ворота, и крепость, то до наших дней из того, что видел он, ничего уже не дошло. Осталась сама пещера, не тронут временем вход, ступеньки, вырубленные в камне для подъема в пещеру. Сохранились полностью конюшни, ее стены. Но от мраморных столбов-подпорок и следа нет. Запись бека, доносящая до нас описание пещеры почти в том первозданном виде, в каком она была после того, как здесь потрудились воины Тимура, видимо, последнее документальное свидетельство очевидца.

Салимбек писал, что когда группа вошла в ворота, то обнаружила лестницу из камня. Ворот этих сейчас нет, но лестница из камня пока цела, и по ней можно подняться в пещеру. Далее бек сообщал, что когда он поднялся вверх в пещеру по ступенькам, то увидел престол и несколько широких суф из обточенных камней.

Дневного света, когда входишь в пещеру, хватает всего на двадцать-тридцать шагов. В одной из стен можно заметить выемку. Видимо, об этой нише и писал Мирза Салимбек как о месте, где стоял трон. Но автор записок не отмечал, что это трон Тимура,— об этом свидетельствует лишь предание.

Однако проследим далее за путешествием Мирзы Салимбека: «Отсюда мы двинулись в глубь пещеры. Высота потолка равнялась высоте первой конюшни. Верхний разрез помещения равнялся при-

мерно двадцати гязам. Верх — закрытый, крыша и окружность кажутся высокой горой. Внутренние стены были сплошь покрыты рельефными изображениями...»

До нас, конечно, эти рельефные изображения полностью не дошли, остались лишь смутные контуры, которые предстоит исследовать, для этого нужна специальная аппаратура. По-видимому, понадобятся мощные электронагреватели, чтобы высушить стену, затем снять наслоения, и лишь потом можно будет увидеть, что же там было изображено.

Мирза Салимбек повествует далее: «В обеих стенах были вырублены большие и малые ниши. Большая часть ниш была с каменными решетками. В разных местах стояли выточенные из камня светильники. Кое-где лежали сделанные из камня ручные мельницы. Некоторые люди, живущие в степи, пастухи, видимо, приходили сюда, чтобы стащить их с места и разбить, но не смогли этого сделать до конца. Засветив факелы, взяв с собой хлеб, мясо, воду и другую провизию, мы прошли примерно двести шагов и оказались на просторном месте с проходами, похожими на купола ювелирных мастерских в Бухаре. Посреди стоял большой стол из белого мрамора с яхонтовым оттенком...»

Об этом столе сейчас и помина нет. Я ничего подобного там не нашел. Здесь валялись лишь какие-то обломки скальных пород, явно отвалившиеся от стен пещеры.

Но вернемся снова к рассказу Мирзы Салимбека: «В этом зале мы просидели приблизительно полчаса и осмотрели все. Отсюда хотели направиться дальше вперед, но дорога туда постепенно сужалась...»

На этом заканчиваются записи Мирзы Салимбека, достаточно полно повествующие о следах работы в пещере Тимура. Я продолжил путь дальше, туда, куда Салимбек не пошел. Пещера местами действительно сужалась по ширине до двух-трех метров, затем через двадцать-сорок шагов снова расширялась, переходила в небольшой зал, размером примерно пятьдесят на сорок метров. Дальше опять следовал узкий коридор шириной шесть, восемь, местами десять метров. И затем я выходил снова в зал. В одном из них, в нише, я заметил большое углубление с водой. Дальше я идти не решился — вокруг было сумрачно, холодно, все навевало страх. Дальше того водоема, который я видел, никто за последние годы в пещеру не углублялся. Об этом свидетельствуют жители кишлака Ташкурган, находящегося в двадцати километрах от пещеры Тамерлана.

Думается, что разгадка тайны пещеры впереди. Эту тайну она может раскрыть любому, кто отважится прийти сюда, пройти по подземным лабиринтам, а значит — и по лабиринтам истории...

АРАБЫ ИЗ ДЖЕЙНАУ

К необычным местам Кашкадарьинской области можно отнести и кишлак Джейнау, находящийся в Ульяновском районе. Незауряден этот кишлак потому, что из двенадцати тысяч населяющих его человек десять тысяч — арабы, тогда как основное население в окрестностях — узбеки. Здесь Средняя Азия,— арабский Восток находится на расстоянии более трех тысяч километров от этих мест. И все же факт остается фактом. Кишлак Джейнау, крупный населенный пункт, расположился в центре Каршинской степи и значится на географических картах вот уже более тысячи лет. И население этого кишлака, вне зависимости от каких-либо коллизий в окружающем мире, живет здесь оседло, разговаривает по-арабски, соблюдает свои обряды, имеет свою культуру, сохраняет многие черты жизненного уклада своих предков, основавших этот кишлак.

Вдумываясь в этот факт, поражаешься: что за сила позволяет сохранить на таком огромном расстоянии, таком длительном отрезке исторического времени обособленность языка и традиций, сохранить этническое единство этой небольшой общины, волею судьбы оказавшейся вдалеке от родины предков. Такой силой, позволяющей совершить чудо, видимо, является слово. Вершина творчества природы — это человек, но второе по значимости ее создание — это слово, речь. Ведь ни одно существо на земле, а может быть, и в космосе — всего мы еще не знаем — не способно вот так свободно передавать свои мысли, познавать окружающий мир, отображать познанное в символах, сообщать их себе подобным. Кто знает, может быть, через слово-символ нам когда-нибудь и удастся передать мысль тем разумным существам, которые, возможно, и встретит человечество на своем пути. Это-то слово как раз и удерживает человека на достойном его уровне культуры, позволяет ему сознавать силу этого самого слова. Ведь слово — это не просто звук, сотрясение воздуха и не только передача информации, в слове заключены конкретные размышления конкретного человека на конкретном языке, принадлежащем конкретной нации. Конечно, если смотреть в целом, то разделение человечества на народы и народности, выделение национальных групп и национальных меньшинств — это в конечном счете условно. Ведь сам человек, как природное существо, живет, заботится о потомстве, борется за лучшие условия существования чисто индивидуально, и поэтому национальная принадлежность — это лишь одна из характеристик его бытия, а не критерий оценки качеств его личности. Продолжительность существования человечества

с момента возникновения разума, по мнению ученых,— около пяти миллионов лет. За время расселения по планете человек прошел много этапов развития, приспособления к окружающей среде, пережил много внешних и внутренних перемен. Но выдающимся событием в судьбе человека явилось произнесение им первого слова, сочетания звуков, которое он запомнил и при помощи которого стал общаться с себе подобными. Трудно сказать, что это было за слово, как оно родилось, в какой обстановке, но, видимо, весь процесс доисторического развития человека вел его к этому удивительному событию. Люди жили в больших и малых общинах, совместно участвовали в труде, охотились на диких зверей, выращивали домашних животных, приспосабливали к своей жизни природу, и вот эта совместная деятельность привела постепенно к более или менее оседлому образу жизни. Так, видимо, происходило и обособление языков. Может быть, и существовал когда-то один общий для всех людей язык, праязык — это еще никем не доказано и не опровергнуто. Ну а может быть, на каком-то определенном временном отрезке (конечно, не за один год), жизнь зарождалась в разных частях света, и каждая крупная община людей сама себе вырабатывала мыслительный знак, то самое слово. Трудно себе представить, что человечество имело лишь один язык, однако в мифологии говорится о праязыке, который уничтожил господь бог, когда человек попытался создать нечто сверхъестественное. Мне кажется, что ученые-богословы боялись самой возможности возникновения единого языка. Возможно, когда человечество заговорит на одном языке, на языке понятий и символов сохранения мира, оно дойдет до высшего осмысления факта своего существования. Многое в нашем современном мире подталкивает к идее такого общего для всех языков. Сейчас народы земного шара говорят почти на четырех тысячах языках, причем имеются в виду только основные языки, то есть государственные языки, языки общения народов, языки, на которых ведется преподавание, языки, имеющие собственную письменность. А если учитывать различные диалекты и наречия — человеческая речь на планете звучит на десяти тысячах языках.

Мифология повествует, что люди, говорящие на одном языке, перестали довольствоваться окружающим их земным миром, им захотелось увидеть, что же там, выше облаков, выше звезд. И они решили соорудить такую башню, которая достигала бы космических высот. Действие мифа разворачивалось в Мессопотамии, в местах обитания ныне исчезнувшего народа шумеров, а выдвинул идею такого строительства вавилонский царь. Он решил построить башню до небес. И вот шестьсот тысяч человек принялись лепить кирпичи, мешать раствор, и их постройка поднималась все выше и выше. Каждый день с утра до ночи люди тащили кирпичи вверх по восточной стороне башни, потом спускались по ступеням с западной стороны за новой ношей. Так шло строительство сорок два года подряд, пока башня не поднялась чуть ли не до небес. От земли до вершины башни люди несли кирпичи целый год — такая она была высокая. И тогда бог понял, что необходимо что-то предпринять, чтобы

уберечься от незваных гостей. И господу пришла в голову мысль, что если помешать людям работать сообща, то они не сумеют достроить башню. Во исполнение своего замысла бог послал на землю семьдесят ангелов, которым было велено отобрать у людей единый язык, затем разбить людей на кучки, и пусть каждая кучка говорит на новом, только ей понятном языке. И вмиг строители разделились. Те, кто лепил кирпичи, уже не могли разговаривать с теми, кто их носил, а подносчики кирпичей не могли ничего втолковать тем, кто складывал из этих кирпичей башню, начальник плотников не мог сказать своим подчиненным, что им делать дальше. Все перепуталось, и каждый обвинял остальных в том, что они ничего не понимают. И началось то, что теперь по-русски называют «вавилонским столпотворением». Работа заглохла, строители разбрелись по свету, и каждая группа осталась при своем новом языке. Так и получилось, что в разных частях света говорят сейчас на разных языках.

Но это миф. А действительность, видимо, была совершенно иной. Почти всеобщим становился язык того народа, который обретал особую силу и могущество и мог крепко держать в своих руках власть. Мы знаем, что история изобилует фактами массовых перемещений народов с континента на континент, знаем об открытиях новых земель, порабощении мелких народностей более сильными народами. Одним из главенствующих факторов таких событий было распространение и трансформация языков, основным языком становился язык той нации, которая приобретала власть.

Как же обстоит дело с предками арабов, проживающих ныне в кишлаке Джейнау Кашкадарьинской области?

Всемирная история хорошо запомнила тот век, то время, когда Мухаммед (а это конкретная историческая личность) в 632-м году нашей эры провозгласил ислам новой религией мира, основал арабский халифат — мощную феодальную державу. Преемники Мухаммеда поняли, что через новую религию они получали возможность усилить свою власть, овладеть новыми землями, приобрести еще большее могущество. Они усиленно насаждали ислам среди других народов, но, согласно законам истории, распространить свою религиозную идеологию им легче всего было там, где государственность была слабее, народы были разобщены. Распространение ислама шло из Аравии в Сирию, из Сирии в Ирак, через Ирак в Персию, и лишь затем сюда, в Среднюю Азию. Ислам не пошел в Европу; не укоренился там, потому что в то время, в VII веке до нашей эры европейские народы в своем развитии поднялись на ступень выше, были сильнее, организованнее, да и их религия, христианство, по своей мировоззренческой основе была несравнима с идолопоклонническими верованиями малых народов, ни в чем не уступая исламу. Так или иначе, в VII веке ислам охватил Мавераннахр, Согд и достиг берегов Волги. Видимо, в то время и пришли на эти земли в числе первых арабских завоевателей предки нынешних жителей отдельных кишлаков в Кашкадарьинской области. Здесь есть несколько кишлаков, где население считает своими предками арабов. Это

не только Джейнау. В Касанском районе есть большое селение Пулаты, жители которого также считают себя выходцами из арабских стран. В Гузарском районе есть Араб-кишлак, в том же Ульяновском районе, где располагается Джейнау, в совхозе III Интернационала есть кишлак Камашы, где также живут арабы. Видимо, арабы, основавшие эти кишлаки, появились здесь не в одно и то же время. В кишлаке Джейнау еще сравнительно недавно говорили исключительно по-арабски. Я беседовал с председателем Джейнауского кишлачного Совета Авазназаром Махматназаровым, и он рассказал, что его мать Угилби Мирзаева до самой своей смерти могла говорить только на арабском языке, других языков она не знала. А вот арабы из кишлака Камашы говорят по-таджикски, а арабы из кишлака Пулаты общаются между собой исключительно по-узбекски. Так что, по всей вероятности, кишлаки эти появились здесь в разное время. По преданиям, среди арабов Кашкадарьи есть ведущие свое происхождение и из Дамаска, и из Багдада, и из Палестины. Но все они — арабы. Кто-то из их предков шел в обозах за Кутейбой ибн Муслимом, наместником халифата в Хорасане, который, ведя постоянные войны, все расширял и расширял сферу влияния арабских халифов. В 704-м году войска Кутейбы стояли под стенами Бухары, затем подошли к Самарканду, поднимались и выше — к Ташкенту. По обычаю военных походов за отрядами воинов-завоевателей следовали обозы их соплеменников, которые часто оседали на завоеванных землях, получали земельные наделы и оставались там навсегда. Но с арабами происходили и другие, если можно так выразиться, метаморфозы, не связанные с великими арабскими завоеваниями в Средней Азии. В XIV веке, когда Тамерлан в свою очередь завоевал арабские страны, взял Дамаск, в числе захваченных им пленников были и арабы, которых он пригнал в Мавераннахр и расселил здесь. Таких пленных было несколько десятков тысяч человек. Так что трудно сказать, были ли предки жителей кишлаков Пулаты, Джейнау, Камашы победителями или побежденными. Одни могли прийти с завоевателем Кутейбой ибн Муслимом, а другие быть военной добычей Железного Хромца.

Но, повторяю, это были арабы и говорили они на арабском языке. Достоин удивления тот факт, что арабы Кашкадарьи сумели пронести сквозь тысячелетие или, как минимум, сквозь шестисотлетний период истории и сохранить неискаженным свой язык, свою культуру. Они не ассимилировались с окружающими их народами, не растворились в них. Это — загадка, загадка жизнестойкости слова, принадлежащего конкретному национальному языку.

Я провел в Джейнау несколько дней, посетил несколько семей и был поражен тем, с какой трепетной и пристрастной любовью эти люди хранят свои обычаи. Это обычаи родины их предков, которую не видели уже многие поколения жителей Джейнау. Эти люди словно несут на себе печать той далекой эпохи, когда жили их прародители.

Одна из сложнейших на Земле загадок — загадка национального единства, национальной обособленности каждого народа. На примере этого сравнительно небольшого, в десять тысяч жителей, кишлака

мы видим, насколько живуча идея национального единства, какую силу души обретает человек, сознающий свою принадлежность к той или иной нации, будь она большой или малой. Ну что такое кишлак, отброшенный на тысячи километров от места происхождения своих жителей? По сути дела это песчинка в море кишлаков, населенных людьми другой национальности, и в этом море так легко затеряться. Но бережно хранимые в Джейнау традиции придают людям этого кишлака индивидуальность, делают их мужественными, позволяют им сохранить единство. В этом, вероятно, суть мировоззрения человека, который с гордостью называет свою национальность, сохраняет, сберегает, приумножает ее и борется за нее, если это нужно. Если это необходимо, он отдает за нее свою жизнь, как это происходит с арабским народом Палестины, который вот уже на протяжении четырех десятков лет воюет за свое существование, за свое право обладать национальной территорией, за право говорить на своем родном арабском языке. Это великая трагедия, вызывающая чувство сострадания к народу, лишенному возможности спокойно трудиться на своей земле, сознавать свою национальную неприкосновенность, чувствовать себя свободным народом.

Хотя арабам, живущим в кишлаке Джейнау, территориально никто не угрожает, не пытается выселить их из обжитых мест, в каждом из них мне почудилась некая настороженность, стремление сберечь свою индивидуальность от возможных покушений. Эта верность обычаям и охрана их придает жизни Джейнау неповторимый колорит. В соседних кишлаках, где живут узбеки, татары, русские, такого нет, там общение гораздо непринужденнее, к традициям относятся спокойнее и свободнее. А в Джейнау народ показался мне более сплоченным, здесь ревностнее относятся к поступкам друг друга, общему для всех укладу жизни. Я подметил за этим даже черты некоего, я бы сказал, консерватизма.

Шариат позволяет мусульманину иметь до четырех жен. Мы знаем, что в старые времена здесь, в Средней Азии, в Бухарском эмирате, в Самарканде, в Ташкенте, небогатому мусульманину создать семью было очень сложно, потому что калым за невесту был очень велик, и позволить себе «роскошь» иметь подругу жизни мог лишь богатый человек или сын богача, который покупал для своего наследника будущую жену, причем цены на невест колебались в зависимости от сословия, к которому принадлежала девушка. Ну, а бедняк долгие годы был вынужден оставаться в одиночестве, а порой мужчина за всю свою жизнь так и не становился отцом, главой семьи, потому что так и не мог накопить денег, чтобы купить себе жену. Бывали и такие случаи, когда бедняк лишь к старости, к шестидесяти-семидесяти годам зарабатывал себе на невесту, и лишь в таком преклонном возрасте становился «молодоженом». А вот в кишлаке Джейнау, как мне рассказали аксакалы, была совершенно иная картина: даже бедняк имел три-четыре жены. Получалось это потому, что в кишлаке было гораздо больше девушек, чем мужчин. Мужчины гибли в военных походах, подвергались опасностям пастушеской и кочевой жизни, ну а так как выдавать девушку «на

сторону» не разрешалось, невест хватало на всех. Жених мог быть только из Джейнау, на худой конец — из Камашы, Араб-кишлака, Пулаты, но мужем арабки мог стать только ее соплеменник, но ни в коем случае не узбек и не туркмен. Даже если у бедного араба не было денег на калым, он мог жениться — так как старейшины кишлака, чтобы женщина не оставалась без потомства, отдавали ее замуж даже за бедняка. До Октябрьской революции многоженство здесь считалось нормальным явлением. Рассказывают, что в Джейнау и после революции жил один человек, имевший девять жен. И хотя после установления Советской власти эти женщины уже не считались его женами, но тем не менее у всех них были дети именно от этого человека, и он оставался главой этих девяти семей. Законодательство могло запретить многоженство, но не могло разрушить родственные узы такого рода.

При запрете на браки с иноплеменниками ассимиляция для арабов Джейнау была невозможна, и кишлак жил по законам, вывезенным предками его обитателей с арабского Востока. Наибольшей жизнестойкостью, конечно, отличается сам язык. До 60-х годов нашего столетия население Джейнау говорило исключительно на арабском языке. Потом появилась молодежь, которая дома говорила по-арабски, а в школах обучалась на узбекском. Начиная с 60-х, как утверждают старожилы кишлака, строгость в отношении общения между собой только на арабском языке поуменьшилась, и теперь есть семьи, где и дома говорят как по-арабски, так и по-узбекски.

Уклад жизни кишлака, конечно, изменился. До революции основным занятием жителей Джейнау было скотоводство. Здесь жило несколько богатых баев, хозяев огромных отар овец. У некоего Махматнаби-бая, например, была отара, насчитывавшая более двадцати тысяч голов. Второй богач кишлака, Юсуф-бай Куса, имел десять тысяч овец. Были богатеи помельче, были и наемные пастухи, которые пасли байские стада. Во время революции богачи, разумеется, не захотели добровольно отдать свои стада народу. Махматнаби-бай угнал свою отару подальше в степь, надеясь, что там ее не отберут ни красные, ни белые. Там, в степи, среди своих овец, богач из Джейнау и умер. Отару нашли пастухи, пригнали овец в кишлак, и байское стадо стало частью отары созданного здесь колхоза «Мехнат-рохат». Стали колхозными и овцы других богачей кишлака.

Животноводство долго оставалось основной формой деятельности в кишлаке, пока в конце 60-х годов в кишлак Джейнау не пришло хлопководство. Здесь был основан совхоз, которому присвоили имя Ульянова. Жители Джейнау быстро освоили профессию хлопкороба и стали выращивать высокие урожаи. Увеличился достаток в семьях, стали строить больше жилья.

Но чем бы ни занимались арабы Джейнау, их быт оставался таким же обособленным, носящим на себе печать национальной принадлежности. Если араб из Джейнау поехал на базар в Карши, или даже в Самарканд, или в Ташкент, там его сразу можно узнать по внешнему виду. Особенно выделяются женщины. Они обычно очень строги с виду, одеты в одежды темных тонов, неулыбчивы. На их черных или темно-бордовых одеяниях — мониста или различные

металлические украшения. Еще в середине 70-х годов нашего столетия многие арабские женщины носили кольца в носу. Кольца из золота, серебра или просто железные, а в кольцах — драгоценные или полудрагоценные камни. Арабы знали, что их легко можно отличить от людей других национальностей, и гордились тем, что они не растворяются в толпе.

По-своему устраивали арабы и свое жилье. Хотя они, конечно, использовали местные строительные материалы, но их постройки сохранили свои особенности. Арабы часто применяют панджару, сделанную из асбеста и покрашенную в белый цвет. Украшая свои жилища, они помещают панджару над окнами, в проемах между стенами, на верандах, в верхней части самих окон. Так подчеркивается строгость канонов восточной архитектуры, в соседних кишлаках такого не увидишь. Обязательным элементом внутреннего устройства жилища является так называемый уралык. Это ниши в стене, возникновение которых связано, вероятно, с тем, что дерева на Востоке очень мало. Уралык красиво оформлен, с применением ганча, лепнины, орнаментовки из панджары. В уралыке складывается посуда, а в больших нишах — и постель. Так устраивают свои дома арабы.

Во дворе арабы ставят так называемую «баланд-суфу»— высокий топчан с балдахином. Суфа — характерная деталь и узбекского дворика, но там она скромнее, ниже. Баланд-суфа ставится в центре двора, у людей обеспеченных она больших размеров, на ней может расположиться десяток, а то и больше гостей. Бывает баланд-суфа и поменьше, на три-четыре человека, только для своей семьи. Если есть возможность, суфа ставится рядом с бассейном,— отдых «над водой» считается одним из величайших наслаждений у жителей Востока. Действительно, в степи в летнюю жару сидеть на затененной баланд-суфе и чувствовать прохладу воды в бассейне очень приятно.

Жилье арабов обычно разделяется на так называемые «ак-уй» и «кара-уй»—«белый» и «черный» дома. Каждая семья, имеющая взрослого сына, старается выделить для него отдельное жилище, «белый» дом. В старые времена, пока для мужчины не был выстроен «ак-уй», он не мог приобрести себе невесту и создать свою семью. А если родители юноши-бедняка, пасшего овец у бая, не могли построить сыну новый дом, «ак-уй» для своего пастуха строил сам бай, и он же платил калым за невесту для юноши. Однако в качестве благодарности за такое благодеяние бедняк должен был всю оставшуюся жизнь работать на бая, не получая за труд ничего, кроме пропитания для своей семьи. Может быть, поэтому среди арабов, которые разделяются на племена, существовали противоположные по смыслу названия племен: «катта-пой», то есть «большой шаг», и «кульлар», то есть «рабы», племя рабов. Таковы были обычаи арабов до самого установления Советской власти.

Сейчас, разумеется,, жизнь Джейнау определяется новыми законами и несет на себе печать нашего времени. Но этот кишлак отмечен еще и печатью арабской национальности. На обособленность Джейнау никто не посягает, уважается право арабов на свой образ жиз-

ни. В этом — щедрость узбекского народа, доброта Советской власти, внимательное отношение к национальному чувству даже такой небольшой группы людей, как арабы Джейнау.

Конечно, у кишлака есть свои проблемы, и связаны они в первую очередь с национальной обособленностью, замкнутостью Джейнау. На десять тысяч населения — две с половиной тысячи учащихся, которые получают среднее образование в шести школах. Учатся они нормально, та же программа, тот же уровень преподавания, как и везде по республике. Но вот одна деталь. Среди девочек-выпускниц школ почти нет таких, которые уезжали бы из кишлака, чтобы получить высшее образование. Родители своих дочерей отпускают в город очень неохотно, и на такой огромный кишлак всего лишь одна женщина-врач и одна женщина-медсестра, остальные медработники — мужчины. И среди педагогов та же картина: меньше десяти женщин-учителей. Это проблема, над которой следует задуматься и жителям Джейнау, и старейшинам кишлака. Когда я беседовал с председателем кишлачного Совета А. Махматназаровым, он говорил, что такое малое количество женщин-арабок с высшим образованием становится уже как-то обидно для всего Джейнау. Он заметил, что это, в основном, вина самого кишлака, сейчас делаются в этом направлении определенные шаги, однако не так просто переломить существующее в арабских семьях консервативное правило, согласно которому девушка, достигшая пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста, ни в коем случае не должна покидать родные места — ей нужно как можно быстрее выйти замуж и начать строить семью. Боятся родители и того, что их дочерям, воспитанным строгими, скромными, замкнутыми, будет трудно в большом шумном городе, в студенческом общежитии.

В 1967 году, когда я работал в Кашкадарье вторым секретарем обкома комсомола, в моей практике был случай, связанный именно с этой проблемой. Тогда мы совместно с облотделом народного образования проводили кампанию по привлечению девочек из дальних кишлаков на учебу в Каршинский педагогический институт. В то время это было проблемой даже для узбекских семей, но там эта проблема активно решалась, девушки-узбечки почти изо всех кишлаков обучались и в Каршинском пединституте, и в медицинском техникуме, несколько человек поехало учиться в Самарканд и Ташкент, несколько — даже за пределы республики — в Москву, Киев, Ленинград. А вот из арабских кишлаков не было в то время ни одной студентки. Помню, как однажды мы поехали в Джейнау, собрали там актив, пригласили руководителей кишлачного Совета, старейшин, поговорили с ними и уговорили шестерых из них отдать своих дочерей учиться в Каршинский пединститут. Вот тогда мы стали свидетелями любопытной сценки... Когда директор школы уговаривал родителей отдать девушек на учебу в Карши, один из родителей заявил: «Если ты свою дочь отпустишь, тогда мы тоже это сделаем. А то ты хитрец, хочешь за свою дочь взять двадцать тысяч калыма, а мы чтобы бесплатно послали своих учиться, да еще посылали им на житье туда. Нет, так дело не пойдет!» Директор смутился,

но ему ничего не оставалось делать, как тоже пообещать, что отпустит свою дочь вместе с другими девушками на учебу. И в том же году шесть девушек-арабок поступили в Каршинский педагогический институт. В общежитии им выделили три отдельных комнаты, поселили их всех вместе, поручили секретарю комсомольской организации института взять шефство над этими девушками, следить, чтобы их никто не обижал, чтобы им было уделено особое внимание. Однако когда через месяц я поинтересовался, каковы успехи этих девушек, мне сказали, что четверых из них, в том числе дочку директора школы, забрали родители. Остались учиться две девушки, впоследствии окончившие этот институт и вернувшиеся в Джейнау. Одна из них сейчас работает учительницей, а вторая — секретарь партийной организации совхоза. Это боевая, энергичная женщина. Она-то и напомнила мне всю эту историю во время моей недавней поездки в Джейнау.

Конечно, у Джейнау еще много проблем. Впрочем, много проблем и у нашего общества в целом. Кишлак Джейнау — составная часть нашего общества. Сейчас у нас в стране перестройка, и наша задача создать условия жизни, соответствующие лучшим идеалам человечества, для каждого члена нашего общества, какой бы национальности тот не был. Со времени появления кишлака Джейнау прошло тысяча лет, впереди у этого кишлака — бесконечный отрезок истории. История пишется людьми, в том числе и арабами из Джейнау.

ЖИВАЯ ВОДА

Среди безбрежной мудрости Востока есть пословица, единственная на все времена: «Вода — это жизнь». Не случайно такая пословица принадлежит именно мудрецам Востока, ни в Европе, да и ни в какой другой стороне света возникнуть она не могла. Здесь, на Востоке, вода — это главное, что дается природой человеку. Есть вода — есть радость, есть благополучие, есть смысл продолжения жизни.

Ученые определяют воду, как окись водорода, формула которой — «аш-два-о», простейшее химическое соединение. Вода бесцветна, лишь толща ее свыше двух метров приобретает голубоватый оттенок. Вода — основная составная часть гидросферы,— то есть водяной оболочки Земли — океанов, морей, озер, рек. В виде водяного пара вода содержится в воздухе. Вода — вершитель так называемых «нептунических» процессов, во многом обусловивших нынешний облик нашей планеты. Вода входит в состав почвы, а также многих минералов и горных пород. Например, глина содержит до четырнадцати процентов химически связанной воды, гипс — до тридцати одного процента. Вода — непременная составная часть всех живых организмов, жизнедеятельность их без воды невозможна. Тело человека более чем на шестьдесят процентов состоит из воды. В организмах наземных позвоночных животных — до шестидесяти процентов воды, рыб — около восьмидесяти процентов, в водорослях — около девяноста пяти процентов, в наземных растениях — от пятидесяти до семидесяти пяти процентов. Недаром в преданиях народов древнего Востока: вавилонян, египтян, финикийцев, персов, индусов — вода представлялась первоисточником всего сущего. Подобный же взгляд высказывал в шестом веке до нашей эры древнегреческий философ Фалес из Милета, который утверждал, что вода есть начало всех вещей. Древнегреческий философ Аристотель в четвертом веке до нашей эры в учении о четырех элементах, или стихиях,— огне, воздухе, воде и земле — считал воду началом всего живого. И сейчас не зря мыслители двадцатого века, спохватившись, стали бить в набат — с водой на земном шаре творится неладное.

Мировой океан стал подвергаться небывалому загрязнению, принимая в себя промышленные отходы. Это последствие человеческой деятельности, следствие вмешательства его в жизнь природы. На глазах одного поколения стали исчезать целые моря, как это случилось с нашим Аралом. Тревогу испытывает человечество по поводу воды не напрасно, ибо от ее существования и состояния зависит

состояние и существование всего живого на Земле, всего того, что живет водой, что потребляет воду, что держится на воде. А ведь все мы больше чем наполовину состоим из этого чудодейственного вещества, все мы живем его соками.

Древние мудрецы говорили, что в воде содержалась чистота человека, человек жил чистотой воды. Мудрец древнего Востока, основатель тибетской медицины Жуд-Ши, который, по преданию, лечил самого Будду, учил, как пользоваться водой, и этому посвятил отдельный трактат, в котором писал:

«Вода бывает дождевая, снежная, речная, ключевая, далее по качеству хуже.

Дождевая вода не имеет вкуса, легко утоляет жажду. Она мягка и имеет прохладительные целебные свойства.

Вода, быстро текущая с гор, очень полезна, прохладительного свойства.

Вода, текущая медленно, заражает организм паразитами и служит источником цингового расстройства и расстройства сердечной деятельности.

Вода, протекающая по чистой местности, доступная солнечным лучам и ветрам, годна для употребления...»

Вот так великий ученый за три тысячи лет предупреждает современное человечество, учит его вниманию к воде и ее свойствам.

Приведу слова нашего великого земляка, основоположника восточной медицины Ибн Сины:

«В родниковой воде содержатся частицы золота, частицы неба, частицы жизни, и человек, пьющий такую воду, становится сильнее и мудрее».

Вода нужна не только человеку, но и всему сущему на Земле и в первую очередь самой Земле. Земля для человека — кормилица. Пословица «Вода — это жизнь» родилась именно на Востоке, потому что здесь бескрайние просторы плодородных земель становятся ничем, если нет влаги. Средняя Азия расположена в самом центре Евразийского материка и захватывает зону субтропических широт и южную окраину умеренных широт. Здесь находятся материковые пустыни, этот край удален на тысячи километров от морей и океанов. Такое географическое положение создает четко выраженную континентальность, сухость и связанную с этим гидрографическую сеть и режим рек. Можно добавить к этому, что для Средней Азии характерно высокое стояние солнца в течение года. Продолжительность дня летом здесь — около пятнадцати часов, а зимой — не менее девяти часов. Во всех равнинных районах средняя продолжительность солнечного сияния в году изменяется в пределах от двух тысяч четырехсот до трехсот тысяч часов. Так, в Фергане и Китабе эта цифра составляет две тысячи шестьсот часов, в Ташкенте — две тысячи девятьсот часов, в Термезе — три тысячи пятьдесят девять часов, в Карши — также около трех тысяч часов, что примерно вдвое больше, чем в Москве. По продолжительности солнечного сияния в период с мая по октябрь Средняя Азия значительно превосходит такие регионы, как Средиземноморье и Калифорния. Здесь продолжительность солнечного сияния

довольно плавно изменяется от месяца к месяцу, возрастая к июлю до трехсот девяноста пяти часов и уменьшаясь к декабрю до ста четырех часов. С солнечным сиянием непосредственно связано количество тепла, поглощаемое землей. Земная поверхность в Средней Азии значительно нагревается, а это, при наличии воды, благоприятно сказывается на развитии растительности.

На благотворность сочетания солнечных лучей и влаги еще в древние времена обратил внимание человек. Он задумывался о способах своего существования, о путях приобретения пропитания. Наряду с охотой изначальным его ремеслом было земледелие. Вначале оно было стихийно: первые попытки человека получить урожай растений, пригодных в пищу, были осуществлены на землях, регулярно затапливаемых паводками и водами рек. Посев производился — при спаде воды — в отложения ила. Это позволяло выращивать растения без обработки почвы. Так зародилась первобытная форма орошаемого земледелия, при которой осваивались лишь небольшие участки земли, применялись лишь примитивные орудия труда. Но все же и такое земледелие приносило плоды, кормило занимающихся им людей. Наличие значительных затопляемых площадей, пойм рек способствовало в дальнейшем переходу от мотыжного огородничества к полевому земледелию. Стихийный режим рек не обеспечивал регулярного затопления одних и тех же участков или же приводил к чрезмерно длительному их затоплению. Поэтому первобытные земледельцы ограждали свои участки земельными валами или подавали воду к своим участкам по каналам. Так создались первобытные системы орошения затоплением, сохранившиеся в Верхнем Египте, Индии и Средней Азии.

Это был качественно новый скачок человека в своем развитии, потому что он от стихийной жизни перешел к организованному труду. К этому его позвала земля.

При раскопках древних поселений обнаружено, что первые следы орошаемого земледелия появились в таких жарких и сухих странах, как Египет, Мессопотамия, Закавказье, Мексика и страны Средней Азии.

В этом очерке пойдет речь о землях, находившихся в Мавераннахре, на территории между азиатскими водными артериями, Амударьей и Сырдарьей. Ученые доказывают, что в начале четвертого тысячелетия до нашей эры в предгорных районах юга Средней Азии происходит переход от лиманного земледелия к ирригационному, зона которого постепенно расширяется во второй половине четвертого — начале третьего тысячелетия до нашей эры, охватывая дельтовые районы равнинных рек юга Средней Азии. Один из уникальных памятников древнейшей ирригации — оросительная система четвертого-третьего тысячелетий до нашей эры — обнаружен археологами с помощью аэрофотосъемки в дельте реки Теджена. Эта древнейшая оросительная система — единственная сохранившаяся до наших дней на территории Средней Азии, состояла из двух каналов и прослеживалась на протяжении свыше двух с половиной километров. Эти каналы были проложены от русла почти под прямым углом. Первый канал имел ширину между отвалами до трех с половиной метров, глубину до полутора

метров. Второй — ширину пять с половиной метров, глубину метр тридцать сантиметров. Перепад канала на одном километре составлял не более пятидесяти сантиметров, что говорит об очень высоком, по тем временам, уровне строительной техники. Да и подобное сочетание каналов, их разбивка говорит о том, что и землю возделывали, и злаки выращивали здесь достаточно квалифицированно. Что это были за злаки, что именно выращивали тогдашние земледельцы, теперь трудно выяснить. Примерное представление о зерновых той эпохи дают лишь отдельные археологические находки. В 1975—80 годах близ города Карши, в местечке Еркурган, ученые под руководством профессора Сулейманова вели раскопки древней столицы Каршинского оазиса — города Наутаки, и в одном из помещений среди глиняной посуды был найден кувшин с семенами пшеницы, которой исполнилось более трех тысячелетий. Так что известно, что в этих местах пшеницу люди уже в то время выращивали. Можно предположить, что культивировали здесь также ячмень, горох, кунжут, джугару и рис. Думается, что выращивался в то время и хлопок, маленькие коробочки —«гуза». В 1978 году при раскопках Ак-Сарая в Шахрисабзе в одном из залов дворца на майоликовых плитках пола было обнаружено изображение хлопковой коробочки, выращенной скорее всего на полях Мавераннахра.

Для человека, живущего в Средней Азии, вода была основой жизни, река — прародительницей. Все поселения и города древности размещены вдоль водных артерий, в основном — вдоль великих рек Амударьи и Сырдарьи, рек Зеравшана, Кашкадарьи, Пянджа, Гузардарьи, Карадарьи, Акдарьи и других. Реки несли свои воды не только для того, чтобы поливать землю и кормить человека древнего мира — они использовались также для судоходства, соединяли один край с другим. По рекам плыли торговцы со своими товарами.

Через Среднюю Азию еще в глубокой древности пролегал путь мирных международных сношений. Сказочные аргонавты стремились в нынешний Крым, Колхиду, за «золотым руном»— так античные греки именовали, по всей видимости, доставляемые туда из Средней Азии сокровища Востока. В песнях Гомера встречаются намеки на плавание финикян по Черному и Каспийскому морям, а отец истории Геродот в 1458 году до рождества Христова повествует о том, как колхидяне ездили в Индию и Среднюю Азию за товарами и доставляли их в Европу. По свидетельству великого античного географа Страбона и римского историка Плиния, драгоценные товары из Индии и Китая: пряности, индиго, сандал, слоновую кость, алмазы, жемчуг, благовония, шелк, фарфор доставляли в Византию через Среднюю Азию. Страбон, со слов Аристобула, переправлявшегося вместе с Александром Македонским через Амударью вблизи Бактрии, рассказывает, что «Окс очень удобен для плавания судов. Индийские товары сплавляются по этой реке в Гирканское море и по рекам доставляются к Эвскийскому Понту». Под «Гирканским» Аристобул подразумевает Каспийское море, а «Эвскийским Понтом» именовалось море Черное.

Движение диких орд через Среднюю Азию на Запад временами пресекало этот путь, когда же Египет был отнят у Византийской империи арабами, по свидетельству Рамузио, путь, указанный Страбоном, был

восстановлен греками. Великолепное Греко-Бактрийское царство, роскошная Колхида, богатые греческие колонии, кольцом охватывавшие Черное море, даже Царьград, несомненно были обязаны значительной долей своего процветания среднеазиатскому водному пути. На ярмарках Фазиса и Диоскурии, куда стекались торговцы из многих стран, слышалось до трехсот наречий. Римляне содержали там сто тридцать переводчиков. Судя по находкам куфических монет, торговля Азии с Европой во времена могущества арабов шла через Среднюю Азию и Россию, к морям Черному и Балтийскому. Этот путь принес Новгороду Великому, Трузо, Юлину и многим другим городам прибалтийских славян богатства, которым удивлялись западные летописцы. Видимо, тем же путем попали в Майнц индийские пряности, которые видел там в конце XI века испанский араб Тортуши. Арабский писатель Хордабе сообщает, что русские купцы возили бобров и чернобурых лисиц по Волге и Каспию через Среднюю Азию в Индию и Китай. По рассказам Масуди, прозванного «Геродотом Востока», в Волгу входили большие суда с хорезмийскими товарами, направлявшиеся к балтийским берегам и далее в Европу. В средние века торговым путем на Восток по Черному и Каспийскому морям владели итальянские республики Венеция и Генуя. Марко Поло, посетивший Золотую Орду в 1272 году, упоминает, что незадолго до того генуэзцы начали плавать по Каспию. По указаниям итальянцев Фра Паскаля (1337) и Пеголетто (1340), генуэзцы сносились с Китаем через Тану, Сарай, Астрахань, Ургенч, Отрар и Куль-Джу. Индийские товары, по словам историка Франциско Лопеца де Гомера, в 1551 году поднимались по Инду, перевозились на верблюдах в Балх, спускались по Оксу в Каспий, морем доставлялись в Астрахань, далее волоком до берегов Дона, вниз по Дону, а затем уже морем в Каффу. Скудость сведений о восточно-итальянской торговле объясняется тем, что генуэзцы и венецианцы, подобно древним финикиянам, сохраняли втайне свои сношения с Востоком, боясь соперничества со стороны других народов. Несомненно, что благодаря путям на Восток через Среднюю Азию процветали черноморские колонии Генуи — Салдайя, Керчь, Тана и другие, а Каффа, прозванная «крымским Константинополем», приобрела столь же блестящее положение в восточной торговле, как сама Генуя — в торговле западноевропейской. Но случилось так, что этот веками торимый торговый путь был нарушен. Тимур в 1395 году взял Астрахань, а в 1397 году — Азов. Так был перекрыт доступ международной торговле через Среднюю Азию, с тех пор так и не восстановившуюся в прежних объемах. К тому же великий мореплаватель Васко да Гама в 1498 году открыл морской путь в Индию вокруг Африки, вследствие чего среднеазиатский торговый путь был почти совершенно оставлен. Но реки, утратившие свое значение для торговли, от этого, конечно, вспять не потекли. Они по-прежнему служили людям, поили водой поля и сады, по-прежнему были судоходны. Историки установили, что в то время в междуречье Амударьи и Сырдарьи росли такие плодовые деревья, как урюк, абрикос, персик, яблоня, алыча, айва, несколько сортов граната и винограда. Река была кормилицей, и к воде люди относились очень рачительно. Конечно, в те времена, когда власть принадлежала эмирам, ха-

нам, бекам, вода была собственностью какого-нибудь властелина края, и тот продавал ее земледельцам-дехканам. На территории Мавераннахра, а затем Бухарского и Хивинского ханств существовал институт арык-аксакалов, которые ведали водой, по указанию эмира распределяли ее, а полученную мзду передавали в казну. Временами взимались налоги на восстановление оросительной системы, на строительство новых каналов. Для таких работ каждый кишлак выставлял определенное число дехкан, чьими руками и строились каналы, дамбы, оросительная система содержалась в хорошем состоянии. Разумеется, до Октябрьской революции больших инженерно-технических сооружений на территории современного Узбекистана не существовало, если не считать канала имени Николая Первого, который был построен в конце XIX и начале XX веков в Голодной степи.

Однако в древности, как предполагают историки, здесь производились очень крупные ирригационные работы. Самой глобальной из них считается отвод рек Амударьи от Каспийского моря к Аральскому. В связи с последними событиями, вызвавшими волнение нашей общественности,— угрозой гибели Арала, представляется своевременным изучение исторических источников, содержащих данные о том, что некогда Амударья впадала в Каспийское море, и лишь затем была направлена в Арал.

Трудами ученых и путешественников всех времен и народов создана богатейшая литература об Амударье, равной которой не имела ни одна река земного шара, исключая Нил. По единодушному свидетельству древнегреческих и древнеримских писателей, в их времена Окс нес свои воды в Гирканское, то есть Каспийское море. Об этом писали и Геродот, и Аристобул, и Плиний, и Птолемей. Античный мир имел смутное представление о Средней Азии, но некоторые его представители могли получить сведения об этом крае от участников похода Александра Македонского в 329 году до нашей эры. Сведения шли и из Греко-Бактрийского царства, существовавшего до 126 года до нашей эры, и от торговых людей, приезжавших с Востока. Об этом крае существовала богатая древнеиранская и бактрийская литература, погибшая для ученого мира во время захвата воинами Александра Македонского Вавилона и Согда. Византийская и китайская литература об Оксе не упоминает, сведения восточных летописцев средних и новых веков разноречивы и сбивчивы. Большое уважение вызывают арабские источники, созданные учеными, пришедшими в Среднюю Азию вместе с войсками завоевателя Ибн-Кутейбы. Арабские писатели IX века Хордабе в 865 году, Якуби в 891 году и хорасанская рукопись 1417 года сообщают о впадении Джейхуна-Аму в Каспий. Упомянутая рукопись, приписываемая одному из сановников Шахруха, сына Тамерлана, султана Гератского, гласит:

«Во всех старинных книгах говорится, что озеро Хавразм (т. е. Арал) вбирает в себя Джейхун (т. е. Амударью), но теперь озеро это не существует, ибо Джейхун снова проложил себе путь в Персидское море (т. е. в Каспий)».

Многие восточные писатели с X по XVII век говорят, что Джейхун впадает одновременно и в Аральское море, и в Каспийское. Об этом пи-

сали Хаукал в 950 году, Якут в 1224 году, Димишки в 1325 году, Мустауфи в 1330 году, Джурджани в 1450 году, Челеби в 1650 году. В 1221 году Угедей, Джагатай и Джучи, сыновья Чингисхана, осаждали столицу Хорезма Джурджанию. По словам летописца Димишки, монголы разрушили плотину, преграждавшую отток Джейхуна на запад, высвободившийся поток разрушил дома и стены города, и на месте красивой столицы появилось болото. Три года спустя Якут, один из добросовестнейших исследователей Востока, сообщает, что Аму потекла в Каспий. Персидский же географ Настуфи в 1330 году говорит, что вследствие нового впадения Аму в Каспий, происшедшего в XII веке, в эпоху основания Великого Монгольского государства, уровень моря за сто лет возвысился настолько, что гавань Аббесугун была затоплена. Из исследований Ленца-старшего известно, что именно в 1400 году уровень Каспия достиг наибольшей высоты. Однако некоторые писатели XI — XVII веков говорят о впадении Джейхуна в Арал, причем упоминают также о водном сообщении между Аралом и Каспием. Среди них — Балхи-Истахри в 920 году, Масъуди в 943 году, Досте в 970 году, Идриси в 1150 году, Абдуль Феда в 1321 году, ибн Халдун в 1399 году и другие. Араб Мукаддаси в 1000 году сообщает, что много лет назад Аму текла в Каспий, но была искусственно переброшена в Арал при основании Хорезма, возникновение культуры которого ал-Беруни относит к 1292 году до нашей эры. В эпоху Беруни вода Аму не доходила до стен великолепной столицы Хорезма Джурджании, Куня-Ургенча, удерживаемая плотиной из бревен и хвороста, создание которой, по словам Мукаддаси, поистине достойно удивления. Вся страна от Ургенча до Балха была поразительно плодородна и густо населена. Оба берега реки до моря были покрыты виноградниками, садами и возделанными полями. В 1575 году воды Аму были отведены к Аралу, и вся страна к западу от Ургенча обратилась в пустыню. Рюи Гонсалес де Клавихо, испанский посол при Тамерлане, в 1404 году дважды переправлявшийся через Амударью в сопровождении тамерлановских сановников, утверждает, что Амударья в его время впадала в Каспий. Англичанин Дженкинсон в 1559 году замечает, что Аму прежде текла в Каспий, но вследствие расхода воды на орошение перестала его достигать. Адам Олесарий, секретарь гольштинского посольства в Персии в 1637 году пишет, что при нем Окс впадал в Каспий. Английские купцы Элитон и Вудроф в 1743 году слышали от туркмен, что Аму перестала течь в Каспий сто лет назад. Таких указаний очень много. Конечно, они не вполне достоверны, потому что при написании вышеупомянутых трудов порой использовались слухи, переписывали сведения из предшествовавших источников, трактовали события так, как это было угодно их государям. Однако исследования, проведенные современными специалистами, показывают, что в районе Узбоя, недалеко от Хивы, имеется пересохшее русло, по которому когда-то несла свои воды Аму. Возможно, правы и те авторы, которые говорят, что Амударья одновременно впадала и в Арал, и в Каспий.

А вот что об этом рассказывают старые географические карты. На всех европейских картах, начиная с Римской 393 года до картографии Петра Великого, Амударья показывается впадающей в Каспий. Самая

достоверная из этих карт, составленная на месте генуэзцами — это карта Портулано Медицео 1351 года. Она, равно как и карты Пицигани 1367 года, Каталона 1375 года, свидетельствует о впадении Аму в Каспий. В старинной русской книге приводится большой чертеж конца XVI века, где Средняя Азия изображена по расспросным сведениям и говорится:

«Из Синего моря вытекала река Арзакс и протекала в Хвалынское море, а в реку Арзакс с востока впала река Амударья. А против Бухары протекала река из озера Бык в Хвалынское море».

Хвалынским морем именовался тогда Каспий.

Император российский Петр Первый в пору своей зрелой государственной деятельности, уже успевший «прорубить окно в Европу» на Черном и Балтийском морях, усиленно искал ключ и врата ко всем азиатским странам «со стороны киргизских и туркменских степей». Связь с Востоком он надеялся установить при помощи великой среднеазиатской реки Амударьи и не раз обращал к ней свои взоры. В 1713 году от именитого туркмена Нефеса и хивинского посла Ачерби Петр узнал, что хивинцы, опасаясь набега русской вольницы, преградили русло, по которому Амударья впадала в Каспий. Петр Первый решил выяснить, нельзя ли возвратить этой реке ее прежнее течение. Царь немедленно отправил отряд под командой князя Бековича-Черкасского «для приискания устья Дарьи-реки». Высадившись на восточном берегу Каспия в 1715 году, ехавший с отрядом Черкасский узнал от своих разведчиков, что в туркменской степи есть суходол Куня-дарья, который тянется от туркменской степи до Каспия. «По обе стороны того дола видны каналы копаные, старинные жилища, пустые городки. Знатно, в том долу напредь сего вода бывала,— доносил Черкасский Петру. — Суходол загорожден земельным валом более аршина вышины, три сажени ширины и пять верст длины. Если тот вал перекопать, вода пойдет в Каспийское море». Таково было мнение князя Черкасского. В 1716 году, выслушав в Либаве личное донесение Черкасского о его поездке, Петр вторично послал его в Хиву, на этот раз с шеститысячным отрядом. 14 февраля царем был дан князю следующий наказ:

«Надлежит над гаваном, где было устье Амударьи-реки, построить крепость человек на тысячу. Ехать к хану хивинскому послом, путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако же и плотины... Ежели возможно, оную воду паки обратить в старый ток, к тому же прочия устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей. Осмотреть место вблизи плотины на настоящей Амударье-реке для строения же крепости. Послать водою по Сырдарье-реке вверхь до Иркети-городка (китайский Яркент) для осмотрения золота. Пустить купчину по Амударье-реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, описывая водный и сухой путь, а обособливо водяной к Индии. Из морских офицеров Кожина и навигаторов человек пять послать, которых употребить в обе посылки: первая под образом купчины, другая к Иркети».

В конце наказа император собственноручно написал:

«Господам сенаторам с лучшею ревностию сие дело как наискоряе отправить, понеже зело нужное».

В инструкции же Кожину сказано:

«Ехать ему водою Амударьею-рекою сколько возможно до Индии под образом купчины, а настоящее дело дабы до Индии путь водный сыскать».

Кроме того, в письме Черкасскому 13 мая того же года Петр Первый еще раз поручал разорить плотину, преградившую старый ток Амударьи, плыть по реке насколько возможно вверх и проследить ее течение. Отряд Черкасского, ходивший с ним «отпереть реку», погиб в Хиве в 1717 году. Один из немногих, уцелевших в этом походе, туркмен Ходжа Нефес осенью 1717 года в Казани дал боярину Салтыкову следующее описание старого русла Аму:

«Река, которая выпала в Хивинской земле из Дарьи-реки, значит, что из древних лет шла она через степи меж гор и устьем пала в Каспийское море выше красных вод, езды три дня. И тою же реку хивинцы запрудили в дальних летах и сделали плотину, которая плотина от Дарьи-реки ходу версты с две, и водяного-де ходу ныне в море нет, а от той плотины степью между гор суходолом, а в других местах и нанесенными песками, где прежь сего шла река, сухим путем ходу до Каспийского моря двенадцать дней. А подле тех суходолов в степи и поныне значат древнего строения городы каменные, городища земляные и селища, оставленные пустые. А про оную-де плотину наперед сего и ныне в походе слышал он, Нефес, от хивинцев и туркменцев, а сам-де он на той плотине не был, и сколько велика та плотина сделана, не знает. А казаки-де, которые в походе посылаемы были от князя Черкасского для ловли рыбы, сказывали, что они на той плотине были сами, и та-де плотина невелика, разрыть ее можно».

Гибель Черкасского надолго остановила стремление Петра Первого к дальнейшим поискам. Свои соображения по поводу донесения князя Черкасского Петр сообщил французской Академии наук и ученым Делилю, Витцену и Гомману. Однако, несмотря на то, что русский царь довел до сведения европейских мужей науки, что Амударья более в Каспий не впадает, на некоторых европейских картах эта река по-прежнему изображалась впадающей в Каспийское море, как, например, на карте Хааза 1744 года. Ханвей, английский торговец, первым из европейцев нанес на карту прежнее сухое русло Амударьи в 1753 году.

По всей видимости, в словах этих путешественников, летописцев, историков все же содержится правда. Амударья, вероятно, временами впадала в Каспий, временами в Арал, опять возвращаясь в свое старое русло. Не исключена возможность, что временами она несла воды одновременно и Аралу, и Каспию.

Вот такая непростая история у великой среднеазиатской реки Амударьи, кормившей и поившей людей, возившей на себе их товары, служившей им заслоном от вражеского нашествия. И куда бы ни текла Амударья, она всегда приносила людям влагу, всегда приносила людям жизнь. У нее был свой закон, которому она подчиняла труд земледельца, труд дехканина.

Однако в наше время, время великих перемен, время социальных, политических и технических преобразований, когда на землю бывшего Согда, бывшего Мавераннахра, бывших Бухарского и Хивинского эми-

ратов пришла Советская власть и передала в руки народа все богатства этой земли, человек в первые послереволюционные годы приложил все усилия для того, чтобы земля обеспечила ему наибольшее благополучие, стала как можно более плодородной, чтобы лучшим образом использовать естественные источники воды. Молодое Советское государство с первых лет своего существования стало вкладывать большие средства в ирригационные сооружения, чтобы получить наибольшую отдачу как от земли, так и от воды.

Но желание получить больше от природы без учета ее законов кончается для человека иногда плачевно. Так, в 1950 — 60-х годах по предложению ученых-водников и гидростроителей была задумана величайшая стройка века на территории Советского Союза. А еще в 1947 году началось строительство Большого Каракумского канала, который брал большой объем воды из Амударьи и уводил эту воду в сторону песков. Канал за пятилетие был построен, и по его руслу пошла амударьинская вода, до двенадцати кубокилометров в год, то есть почти одна четвертая годового объема стока реки. Но природа не прощает человеку ошибок, природа всегда права. И вода, пущенная в Каракумский канал, текла не по вековому естественному руслу, а по тому пути, который приготовил для нее человек. Рукотворная трасса не была готова к приему воды — вода уходила к песок, исчезала в грунтовых разломах, а затем внезапно, через несколько десятков километров, выклинивалась в разломах почвы и затапливала обширные плодородные земли. Треть влаги, попадавшей в Каракумский канал, испарялась или уходила безвозвратно в бездонную песчаную чашу Каракумов. Уклад жизни Амударьи, остававшийся неизменным по меньшей мере последние триста лет, был грубо нарушен. Человек обеднил великую реку, она утратила былую мощь. Ну а с 1971 года здесь стали строить Большой Каршинский машинный канал, который также забирал до пяти кубокилометров воды в год. Насосы, качавшие воду из Амударьи, потребовали электроэнергии столько же, сколько вырабатывает Днепрогэс, поднимали воду на сто пятьдесят метров над руслом Амударьи. Шесть насосных станций со скоростью двести сорок кубометров в секунду подавали воду на земли Каршинской степи. По плану там предполагалось освоить миллион гектар целины, в основном под хлопчатник. Но человек не все учел, когда строил Каракумский и Каршинский каналы, а затем выше по течению реки возводил Аму-Бухарский канал и Туямуюнское водохранилище, которые также отбирали воду у все слабеющей Амударьи. В конце концов началось обмеление Амударьи, река высыхала, не доходя до Арала, и ни одного грамма воды не приносила в море. И Арал также двинулся навстречу собственной гибели. С 1960 года до настоящего времени он потерял треть своего объема. Море ушло от своих прежних берегов на одиннадцать — семнадцать километров, уровень воды понизился на тринадцать метров на всем протяжении водной глади. Это — катастрофа или, по меньшей мере, ускоренное приближение к ней. Оголился участок дна в два миллиона квадратных километров. Где была вода, остался соленый песок, и налетавший ветер поднимал соленую пыль и разносил ее по окрестнос-

тям. Арал из благодатного источника жизни превратился в смертоносное чудовище. Так древняя пословица: «Вода — это жизнь» приобрела горько-соленый привкус. В горько-соленой воде Арала погибли водившиеся там в изобилии рыбы и морские животные. Вода гибнущего моря из источника жизни превратилась в источник смерти.

Человек, которому гибнущий Арал также приносит немало страданий, начал задумываться, смутно чувствуя свою вину. Да, насилие над природой может обернуться против насильника. Прежде чем что-то совершить, человеку необходимо глубоко задуматься над возможными последствиями своего свершения. Вода — чудо, дарованное нам, но мы пользуемся им и относимся к нему довольно равнодушно, потребительски, забывая, что без этого чуда не можем обойтись и дня.

Здесь, в Средней Азии, где вода раньше была лишь источником радости, она властно потребовала от человека исправления содеянных им ошибок. Даже там, где воды оказалось в избытке, начали происходить тревожащие события. Мы забыли, что вся территория Средней Азии когда-то была океанским дном, и памятью о тех доисторических временах остался соленый панцирь, залегший под почвой всего региона. Толщина его от шестисот метров до пяти километров. И там, где вода соединяется с этим панцирем, она размывает его и выносит соль наверх. И там, где поливают неумеренно, происходит засоление верхнего плодородного слоя почвы — человек теряет эту землю, и уже безвозвратно. Так преступление против воды становится и преступлением против земли. Почва в таких местах покрывается беловатым налетом, становится неживой, и вода там тоже делается мертвой. Так наказывает природа людей, которые торопились урвать у нее как можно больше, взахлеб, не думая ни о природе, ни о собственном будущем. А ведь природа регулирует жизнь на Земле так, чтобы и этому поколению, и следующему, и рожденному еще через тысячу лет было чем заняться, чтобы всем на множество лет вперед хватило радостей, щедро даруемых природой. А тут лишь одно поколение, поколение пятидесятых — семидесятых годов возомнило, что имеет право забрать себе то, что принадлежит многим поколениям,— и горько ошиблось это поколение. Оно взяло себе слишком много воды, слишком много земли — и то и другое погубило.

Мне пришлось быть свидетелем тому, как погиб Шахрисабзский массив Каршинской степи. Это земли площадью пять тысяч гектаров близ города Мубарека. Человек начал возделывать Шахрисабзский массив без подготовки — без продуманной поливной системы, дренажной системы, коллекторов и прочего. В угоду всесильному плану руководители хозяйств отхватили у природы эти «даровые» пять тысяч гектаров и залили их «даровой» водой. Да, этим колхозам был «спущен сверху» завышенный план по хлопку, на освоенных уже землях собрать столько хлопка-сырца было невозможно, вот и начали «поднимать целину». К гладкой ровной степи подвели канал от Каршинского магистрального канала и со скоростью 30 кубов воды в секунду затопили эти земли. В первом году сняли урожай всего по 8 центнеров хлопка с гектара, во втором — пятнадцать, в третьем — по двадцать, а на четвертом году варварской эксплуатации началось засоление почвы. Зем-

ля, которая веками лежала и ждала человека, чтобы плодоносить, человеком была на скорую руку использована, испорчена. Сейчас Шахрисабзский массив тяжело болен. Вот так неразумно, всего за три года растранжирили люди копившееся веками богатство земли, брать которое с налету, наспех не имели права.

Но в то же время десятки раз я наблюдал совсем иное отношение к природе — не только в Кашкадарьинской области, не только в Китабском, Шахрисабзском, Яккабагском районах, где мне чаще всего доводилось бывать по долгу службы, но и во многих других уголках Узбекистана. Я видел, как бережно и разумно дехкане обращаются с водой. Выходишь ранним утром на поле и видишь работу поливальщика — умного, доброго дехканина, знающего и цену труда, и цену земли, и цену воды. У него струйки воды — словно сорок косичек, вплетенные в грядки. Воды столько, сколько нужно, нет ни затоплений, ни заливов, ни переполивов — нет болота. Каждый кустик хлопчатника получает ровно столько воды, сколько ему необходимо для развития. Когда смотришь на труд такого человека, испытываешь радость, понимаешь, что человек — это часть природы, лучшая ее часть, наделенная добрым разумом. Он делает природу хозяйкой жизни, и сам в этой жизни становится сопричастен тому прекрасному, что природа подарила человеку.

Вода и земля... Это вечные спутники человека. Это две мощные силы, два праэлемента творения, которые человек должен понимать, разумно соединять их вместе — чтобы они были для человека благом, чтобы был взращен злак, чтобы для жизни на планете была пища. А если эти два элемента сочетаются неразумно — вместо пищи получается отрава, сулящая гибель и воде, и земле, и самому человеку.

Разумное существо человек, в двадцатом веке обогащенный достижениями технического прогресса, должен бережно, нежно, умно, благородно подходить к использованию живительной влаги — на радость себе, на радость окружающему миру, на радость самой природе. Только в этом случае сохранит значимость вековая мудрость человека: «Вода — это жизнь».

Вода — ради жизни. Вода — для продолжения жизни. Хочется верить, что человек наконец поймет преподанные ему гибнущим Аралом, мелеющей Амударьей, загрязненными реками, озерами, морями и океанами уроки. Хочется верить, что люди, очнувшись, перестанут отравлять природу и начнут ее лечить — лечить воду, лечить землю, лечить самих себя от торопливости, от опрометчивости, от жадности. Человек должен отучиться брать у природы больше, чем ему нужно, брать впрок. Впрок — это значит на погибель.

Вода — это жизнь. И если мы хотим сохранить жизнь на Земле для себя и для потомков, нужно эту мудрость помнить всегда. Ибо мудрость познает природу во имя жизни.

ХАНЫМ-КУРГАН

Загадка появления человека на Земле остается пока неразгаданной. Кто-то считает, что человек, продукт эволюции, борьбы видов за выживание, последовательного перехода от вида к виду, и последней ступенью эволюции перед появлением человека была обезьяна — такова теория Чарлза Дарвина. Мировые религии — буддизм, мусульманство, христианство, иудаизм — настаивают на божественном происхождении человека. В последнее время все больше занимает умы гипотеза, гласящая, что человек — существо, пришедшее на Землю из космоса. Но каковы бы ни были эволюционные, теологические или космогонические теории, разгадку сущности человека, носителя мыслительных и духовных процессов, мы должны искать в тех материальных и культурных памятниках, которые оставлены человеческой деятельностью на Земле, будь то древние книги, руины городов или исчезнувшие цивилизации,— все, что досталось нам в наследство и может рассказать о долгом, многотрудном пути человечества за десять-пятнадцать тысячелетий обозримой истории.

Есть много памятников, исторические условия возникновения которых вырисовываются перед нами достаточно явственно. Среди них так называемые «чудеса света»— египетские пирамиды, индуистские храмы, дворцы майя и ацтеков, древние города Средней Азии. На этих памятниках лежит печать времени, они — слепок творчества, образа жизни человека той или иной эпохи, того или иного государства. Иногда знаки истории читаются легко, хотя и возникли много веков назад — нам понятны развалины Акрополя в Афинах, те же пирамиды Египта или дворцы Тамерлана. Но есть и памятники истории, смысл которых нам еще предстоит постигнуть. К их числу относятся курганы...

Курганы есть в Волжской степи, есть на Кавказе, но особенно много их здесь, в Средней Азии, в том числе — в долине реки Кашкадарьи. Когда едешь из района в район, из селения в селение, то слева, то справа возникают невысокие холмы, которые местные жители называют «тепа». Диаметр этих круглых возвышенностей от двадцати пяти до пятидесяти метров, высота их обычно восемьдвенадцать метров, и лишь самые высокие достигают двадцати метров. На тепа, как правило, нет ни построек, ни деревьев, ни посевов — лишь изредка на них можно увидеть водонапорную башню или геодезический указатель. Но каждый раз, когда проходишь или проезжаешь мимо такого холма-тепа, возникает будоражащий

сознание вопрос — что же здесь было в старину: что это — естественный холм или рукотворная возвышенность, свидетель истории? Путник может предположить, что это сторожевой курган или место захоронения каких-то вождей и вельмож древних племен. Но наука точно установила, что это курганы-крепости. Их только в Кашкадарьинской области насчитывается более ста пятидесяти. Один из таких холмов, особо заинтересовавший меня, стоит в Яккабагском районе, на территории, ныне принадлежащей колхозу имени Энгельса, в кишлаке Ханым-курган. Этот кишлак взял свое имя от глиняного тепа, который называется с давних пор Ханым-курганом.

Курган имеет около пятидесяти метров по периметру, высота — двенадцать метров. Стоит он вблизи магистральной дороги, идущей из Шахрисабза в Карши, постоянно привлекая внимание проезжающих. Да и сам курган почти никогда не бывает безлюдным, поскольку возвышается в центре кишлака, на нем часто играют дети. Надо сказать, что у детей узбекского села не так уж много времени для игр. Они не только учатся в школе, но и много трудятся, помогают по хозяйству. Во многих кишлаках нет водопровода — дети носят воду, не подведен газ — они собирают хворост для растопки, в многодетных семьях старшие — няньки для младших, ухаживают они за скотом — часто коровы, козы, бараны оказываются на попечении кишлачных детей. Конечно, насыщенное трудом детство помогает ребенку лучше познавать природу, делает его полноправным согражданином кишлака, воспитывает чувство хозяина окружающего мира. Однако во всем нужна мера. С той поры, как в Узбекистане хлопок начал становиться монокультурой, детям приходится очень много своего личного и учебного времени отдавать работе на хлопковых полях, особенно весной, когда идет прореживание молодых побегов, требующее больших затрат ручного труда. В эту пору детей всей школой могут снять с уроков, и они по четыре-шесть часов под палящим солнцем работают на поле, выдергивают ростки так, чтобы на одном метре грядки оставалось не больше десяти кустиков хлопчатника — количество, обеспечивающее наилучший урожай. Используют детский труд и при борьбе с сорняками. Детей не всегда берут со школьной скамьи и вместе с учителями выводят на поля — иногда и родители-колхозники злоупотребляют их трудом, сами отрывают детей от занятий и вместо себя посылают на выполнение полевых работ. Самое трудное для села, а значит, и для детей, начинается осенью — это сбор созревшего урожая хлопчатника. Это очень трудоемкая работа, на каждом кусте — от восьми-десяти и более раскрывшихся коробочек хлопка, а каждая коробочка весит 3—4 грамма, на одном гектаре до ста тысяч растений, урожай нужно собрать, используется в основном ручной труд, и это обуславливает и привлечение городских помощников — «хашарчи», и использование детского труда, так как колхозники и рабочие совхозов просто не справляются со сбором урожая. Период сбора хлопка-сырца длится от первых дней сентября, когда начинается массовое раскрытие коробочек, и до ноябрьских праздников, а иногда даже и до декабря — все зависит от того, какая стоит погода. Если осень

выдается сухой, то раскрытие коробочек хлопчатника идет интенсивно, сбор урожая тоже идет относительно быстро, и в удачные годы сельские труженики заканчивают сбор хлопка где-то в двадцатых числах октября. Но бывают «затяжные» годы, когда осень дождливая, погода неустойчива. Все это увеличивает и объем труда «маленьких хлопкоробов». Но когда дети кишлака Ханым-курган свободны и от полевых работ, и от хлопот по хозяйству, и от школьных занятий, они с удовольствием резвятся на тепа — это излюбленное место их игр.

На Ханым-кургане дети играют в мяч, бегают или затевают популярную в Узбекистане игру в ашички — кости. При виде играющих детей у человека почти любого склада характера становится радостно на душе, ибо детские игры — это проявление гармонии жизни.

Ни дети, играющие на холме, ни сами жители кишлака никогда глубоко не задумывались над историей Ханым-кургана. Они привыкли с самого раннего возраста слышать от своих родителей, от старших название кишлака, и не задумывались о том, какая история скрыта за этим названием, и лишь некоторые любознательные и мудрые люди проявляли к тепа интерес. К счастью, в любом селении, крае, стране всегда находятся люди с пытливым умом, и они-то вникают в суть прошлого и настоящего, вглядываются в то, к чему остальные равнодушны, и становятся хранителями знаний и преданий, истинными продолжателями истории. Старожилы кишлака сберегли память о событиях, связанных с Ханым-курганом. Один из них, Мавлян-бобо, рассказал мне историю этого тепа, правда, наверняка претерпевшую трансформацию в памяти поколений. Каждый прошедший век, конечно, привносил в эту историю свои краски, характерные для каждого отрезка мимотекущего времени.

Мавлян-бобо говорил, что история Ханым-кургана начинается давно, давным-давно, еще когда здесь не было магометанства, процветало идолопоклонничество, люди еще не молились аллаху в мечетях. Точной даты он, разумеется, назвать не мог. Так вот, в те незапамятные времена один из могущественнейших вождей края по имени Шашпир возвел здесь курган-крепость и поселил в ней свою свиту и воинов. В то время, рассказывал аксакал, жизнь здесь была очень опасной, частые набеги соседних властителей тревожили мирных людей, местные вожди вели междоусобицы за владение землей и охотничьими угодьями, водами Яккабаг-дарьи. И Шашпир, заботясь о безопасности дехкан, собрал вокруг себя сто пятьдесят больших родовых семей и построил вместе с ними высокую земляную насыпь, мощную крепость. Внутри цитадели размещались склады, где хранилось зерно, принадлежащее всем этим общинам, сельскохозяйственные орудия и другая общинная собственность. При угрозе вражеского нападения все окрестные жители по знаку собирались семьями и уходили под прикрытие крепостных стен. У каждой семьи за насыпью тепа было свое помещение, хранилось продовольствие. Старики, женщины, дети были под охраной крепостных стен, а мужчи-

ны на время нашествия становились воинами дружины Шашпира. Сюда же в тревожные времена сгонялся общинный скот — за крепостным валом был сооружен загон. Естественно, когда в крепости скапливалось такое количество людей и животных, для них вопросом жизни и смерти становилось наличие воды. Вода часто была основным условием обороноспособности тогдашних крепостей. По словам Мавляна-бобо, источник живительной влаги в Ханым-кургане был. Воды хватало и ста пятидесяти семьям-родам, и домашнему скоту, и воинам Шашпира. Крепость могла выдерживать многомесячную осаду. Эта крепость была самой мощной, самой непреклонной цитаделью края, и за все время правления Шашпира ни один враг не проник за ее стены. Народ с любовью относился к Шашпиру, видел в нем хорошего хозяина и надежного защитника края. Вожди соседних племен не раз пытались взять крепость приступом, но стены ее были крепки, защитники мужественны, да и взять Ханым-курган измором не удавалось — здесь были и запасы пищи, и источник воды. Завоеватели пытались узнать, откуда же берется в крепости вода, чтобы перекрыть ее источник и заставить томящихся жаждой защитников цитадели наконец сдаться. Но их старания всякий раз оказывались тщетными, тайна источника оставалась нераскрытой.

Мавлян-бобо рассказал, что таинственный источник брал свое начало в выбивающемся из-под скал, надежно укрытом зарослями сае — ручье, вытекавшем из высокогорного озера. От этого самого сая, находившегося в нескольких километрах, от селения, люди Шашпира тайно провели по подземным глиняным трубам воду в крепость. Тайной воды владел лишь сам Шашпир и смотритель источника, живший в крепостном подземелье и никогда не сообщавшийся с людьми, видевший изредка лишь служанку, приносившую ему в место уединения необходимую для поддержания жизни пищу. Так по правилам крепости один человек из числа мудрецов посвящал свою жизнь источнику воды. Это была почетная должность, и это была жертва. Смотритель источника жертвовал собой во имя жизни народа.

Вожди соседних племен не могли примириться с неуязвимостью крепости Шашпира. Они знали, что в племени Шашпира много умелых мастеров, изготовлявших оружия, выделывавших кожу, упряжь для лошадей, создававших драгоценные украшения. Были у Шашпира и мастера-кузнецы, выковывавшие металлические наконечники для сельскохозяйственных орудий,— соха, снабженная такими наконечниками, была гораздо лучше и долговечнее обычной деревянной; делались здесь и превосходные мотыги для обработки земли. В мирное время Шашпир снаряжал торговые караваны, нагруженные изделиями местных мастеров, и прибыль от торговли увеличивала благосостояние племени и самого Шашпира. Все знали, что Шашпиром накоплено большое богатство, и это не давало покоя завистникам.

Приступом взять крепость, в открытом бою одержать верх над Шашпиром не удавалось, и его враги решили пойти на хитрость. У Шашпира не было сыновей-наследников, была у него единствен-

ная дочь, красавица Зумрад. Она была храброй, воинственной девушкой. Шашпир, не имея сына, который мог бы после его смерти стать вождем племени, готовил на роль правительницы дочь. Он учил Зумрад верховой езде, владению оружием, приемам владения дротиком и пикой — словом, хотел сделать из нее настоящего воина. Шашпир понимал, что встать во главе племени может лишь человек, способный в битвах вести за собой защитников крепости. Только в этом случае народ признает своим вождем наследника, вернее, наследницу Шашпира. Наиболее ценными человеческими качествами здесь были отвага, трудолюбие и честность, и скрыть отсутствие этих качеств было невозможно, так как в цитадели жизнь каждого проходила у всех на виду.

Законы жизни этой цитадели были такими же, как и в других крепостных поселениях. Место для крепости выбиралось на какой-либо возвышенности, чтобы с ее стен можно было видеть всю округу и вовремя заметить приближение неприятеля. Крепость обычно строилась не «с ходу», для строительства собирались всем племенем, от двухсот до шестисот семей, и сообща решали, как и где строить укрепления. Все крепости того времени, I — V веков нашей эры, строились примерно одинаково. На высоком холме сначала возводилась внешняя главная стена, высотой от десяти до двадцати пяти метров — в зависимости от того, какой силой обладало племя. Большая часть жизни племени протекала за стенами крепости, где каждая семья или род имели свои дома, пахотные земли, пастбища, загоны для скота, и время протекало в мирных занятиях. Крепость нужна была только на время вражеского набега, служила укрытием и спасением. Племя Шашпира сумело возвести стены высотой почти двадцать метров, настолько мощные, что по верхней их кромке могли разъехаться две повозки с впряженными в них лошадьми или волами, развозившими по крепостной стене метательные снаряды и пищу для воинов. Часть крепости внутри стены называлась рабат. Вокруг внешней стены был, как правило, выкопан ров, наполненный водой. Крепость Шашпира также опоясывал ров с водой, и подойти к крепости было не так-то просто. За крепостной стеной находился большой двор, где жили во время опасности члены племени, здесь стояли дома, размещались запасы продовольствия, содержался скот. В глубине цитадели, в центре ее была еще одна крепостная стена, но меньших размеров — так называемый шахристан, сердце крепости. За стенами высотой в десять-двенадцать метров размещались казармы воинов, оружейные мастерские. В случае длительной осады, взятия противником внешней стены рабата все племя укрывалось уже за второй стеной, уходило за окованные железом ворота шахристана и продолжало борьбу. Здесь также хватало места для того, чтобы сопротивляться, чтобы жить здесь длительное время. Но этим устройство крепости еще не исчерпывалось. Посреди шахристана высился арк-дворец, окруженный стеной не ниже восьми метров и настолько плотной и гладкой, что не было видимой возможности отыскать хоть где-то место, по которому можно было бы на эту стену взобраться. Здесь, как правило, жил сам вождь племени со своей семьей, здесь же жил и верховный жрец, здесь же нахо-

дилась и святая святых цитадели — колодец, тот самый источник, который утолял жажду всех в крепости. Из колодца вода поднималась вверх бурдюками, отсюда по желобам текла в шахристан, а оттуда уже в рабат, где находилось большее число обитателей крепости. Так была устроена в те времена крепость. Это была необходимость, продиктованная суровой жизнью края. Да и во все времена человечество в первую очередь думало о своей безопасности, о сохранении рода человеческого, о продолжении жизни. И во всех странах люди думали о том, как обезопасить свой дом, как защитить своих детей, свою семью, свой народ.

Эта мысль волновала людей две тысячи лет назад. Прошло столько времени. Какие колоссальные изменения, как возвысился уровень знаний, как далеко мы ушли в постижении природы, какие механизмы мы изобрели, какую технику создали, сколько власти и могущества приобрели! Но до сих пор человек не обрел спокойствия за сохранность своей жизни, своего домашнего очага, своей семьи, своего, если так сегодня можно выразиться, рода и племени. Уверенности в будущем и спокойствия за него у нас нет. Цивилизация пришла, а цивилизованность не состоялась. Высшая цивилизация подразумевает и гуманное отношение к человеку, любовь к человеку, бережное отношение к его достоинству. Нельзя оправдать ни одно общество, ни один народ, ни один род, ни одну группу людей, желающих смерти другим людям. Прошло две тысячи лет с того времени, когда люди жили в шахристанах и рабатах, когда люди прятались в крепостях, скрываясь от себе подобных и пытаясь уберечь свою семью и свое племя. У нас почти ничего не изменилось. Весь мир сейчас в опасности. Да, принимаются меры к защите человечества, нужные меры. Мы напряженно следим за развертыванием «большой» политики. Но там лишь с глобальной точки зрения решаются вопросы безопасности человечества. Ну а вопрос безопасности семьи, личности не имеет даже перспективы решения. Ни одна семья, живет она в городе или на селе, не застрахована от покушения чьей-то злой воли на ее целостность и существование. В давние времена люди строили крепости, сейчас мы крепостей не строим, но, как и тогда, зачастую беззащитны перед злом. Это тягчайшая нравственная проблема, это духовная болезнь человечества. Значит, суть не в том, чтобы создавать укрепления, а в том, чтобы разбудить в человеке чувство, которое навсегда бы открыло ему глаза на самого себя. Таким чувством является совесть. Необходимо, чтобы совесть заговорила, чтобы совесть сказала человеку: ты не имеешь права покушаться ни на одного себе подобного, это для тебя табу, запретно...

Но вернемся к Шашпиру и к его дочери Зумрад, которую вождь готовил на роль своей преемницы. Девушка должна была возглавить цитадель, встать во главе дружины, защищая свой народ. Не случайно эта крепость, этот курган на многие века приобрел имя Ханым-кургана. Название это связано с той ролью, которую сыграла Зумрад в истории крепости.

Завистникам Шашпира, соседним князькам и царькам не давала покоя мысль о богатствах Шашпира и о неприступности его крепости. У одного из таких князьков был сын-наследник, красивый юноша Умид. И отец поручил Умиду под видом паломника пробраться в крепость Шашпира, втереться в доверие к вождю и попытаться завоевать сердце его дочери. Умид был юноша ловкий и статный, настоящий воин и герой романа. Этому хитрецу удалось вместе с группой паломников войти в цитадель Шашпира. Паломничество в те времена было обычным явлением, в то время люди разных селений поклонялись самым различным божествам — идолам, у каждого идола были свои святыни, и представители разных религий не притесняли друг друга, позволяя каждому верить в то, во что он хочет, и поклоняться тому, чему он хочет. Паломники, ходившие из селения в селение и проповедовавшие свою религию, считались неприкосновенными. Делали это и идолопоклонники, и зороастрийцы, делали это впоследствии и бродячие дервиши-мусульмане. Никто не возражал против совершения столь богоугодного дела, и паломник легко мог проникнуть в любой рабат или шахристан.

Умид к тому времени уже успел принять мусульманство, а люди Шашпира оставались огнепоклонниками. И юноша начал ходить по домам, проповедуя ислам, он пел суры корана и растолковывал пророчества Магомета, читал проповеди. Он обладал хорошей памятью, незаурядным умом, звучным голосом, и когда он пел стихи из Корана, послушать красивого юношу собиралась толпа. Однажды подошла послушать его и Зумрад. Ее поразили красота и обаяние этого юноши, одетого как бродячий дервиш, она почувствовала какое-то несоответствие между его одеждой и обликом. И Зумрад попросила своего слугу, после того как юноша окончит песнопение, отвести его в сторону, чтобы она могла с этим юношей поговорить. Как водится в древних преданиях, Умид и Зумрад с первого взгляда полюбили друг друга и тут же объяснились друг другу в любви. Умид не скрыл от девушки ни своего настоящего имени, ни своего истинного социального положения. Зумрад узнала, что перед ней законный наследник одного из соседних правителей. Но объяснившись в любви и открыв свое имя, Умид все же умолчал о возложенной на него разведывательной миссии. Ведь целью его появления здесь было проникновение в тайну источника, знание которой обеспечило бы удачный штурм цитадели Шашпира. Но Зумрад, конечно, не открыла бы тайну источника даже возлюбленному, ибо это была тайна жизни целого племени.

Умид прожил в крепости Шашпира около месяца, а затем исчез так же внезапно, как и появился. Но через некоторое время во дворец Шашпира прибыли гонцы соседнего правителя с предложением выдать Зумрад замуж за принца Умида. Шашпир не стал им отказывать — он посоветовался с Зумрад, со старейшинами племени, со жрецом цитадели. И все вместе они решили — довольно бесполезной вражды, бессмысленного кровопролития, пусть узы родства соединят два племени, пусть люди этих племен вместе строят мирную жизнь. Странным Шашпиру показалось лишь высказанное

державным сватом пожелание, чтобы Умид после свадьбы остался жить в крепости Шашпира. Хотя это предложение и заставило мудрого вождя насторожиться, ему все же было приятно, что дочь, и выйдя замуж, останется рядом с ним, не покинет его владения. И Шашпир согласился. Обрадовалась и Зумрад, которой тоже не хотелось покидать родительский дом, хотя она и крепко полюбила красавца Умида, увидев в нем отражение своей молодости и красоты. Свадьба была пышной, радовались ей и люди Шашпира, и люди соседнего племени. «Наконец-то,— думали они,— настанет в этом крае мир и благодать, мы сможем вздохнуть свободно и жить счастливо, не опасаясь набегов соседей...»

Но предложение соседнего правителя было не проявлением миролюбия, а коварной уловкой. Умид, живя в крепости Шашпира, неустанно стремился к овладению тайной источника, и в конце концов это ему удалось. Он проследил за служанкой, носившей пищу смотрителю источника, и дошел до той заветной двери, где находилась святыня крепости. Но царевич не знал, что вслед за ним, заподозрив неладное, шла его Зумрад. Она бесшумно следовала за своим любимым мужем и когда наконец поняла, куда он идет, ее как громом поразила мысль: его пылкие клятвы, его любовь, их свадьба — все это было ложью, направленной лишь на то, чтобы выведать тайну крепости. И Зумрад без колебаний выхватила кинжал и нанесла удар в сердце своему возлюбленному. Теряя сознание, Умид произнес: «Зумрад! Ты же меня любила...» И она ответила: «Да, любимый, и поэтому я себя тебе отдала. Но никто не должен предавать свой народ, предательство не окупишь даже ценой любви». Так Зумрад собственной рукой казнила любимого, но осталась верной своему народу.

После смерти отца она стала правительницей цитадели и долго и славно правила своим народом, оберегая его от всех невзгод.

В таком виде история мужественной Зумрад, правительницы крепости, передаваясь из рода в род, дошла до наших времен. Человечество не равнодушно к деяниям своих предков.

По свидетельству историков Страбона и Геродота, на территории Бактрии и Согда было более тысячи городов. Это были поселения, подобные цитадели Шашпира, города-крепости, таковы были все поселения Средней Азии. Без городов-крепостей не могли чувствовать себя в безопасности окружавшие их сельские общины, занимавшиеся охотой, земледелием, скотоводством. Каждая крепость представляла собой как бы государство в миниатюре, поэтому каждая община старалась сама производить для себя все необходимое, не ожидая помощи со стороны. Как показали археологические раскопки, в каждой крепости можно было найти и печи для выплавки металлов — бронзы, золота, железа, печи для обжига кирпича, мастерские гончарной посуды, выделки кожи, изготовления домашней утвари. В некоторых городищах найдены остатки печей, где обжигалась тончайшая керамика, фарфор. Все это говорит о высоком уровне мастерства ремесленников городов-крепостей. Сделанные тогда огромные хумы для хранения зерна, всевозможные кувшины,

кубки, блюда даже сейчас доставляют людям эстетическое удовольствие, говорят о любви древних мастеров к своему делу. Они заботились не только о полезности и удобстве пользования, но и о красоте предмета, как мы сейчас говорим, о товарном виде, о качестве. Кувшин объемом в шесть литров весит не больше четырехсот граммов, глина тонкая, близка к фаянсу или фарфору. А стеклянные изделия сделаны настолько изящно, что диву даешься — можно подумать, что они созданы людьми, знающими все секреты лучших современных технологий и обладающими соответствующей техникой. Но увы, эти шедевры прикладного искусства созданы полторы-две тысячи лет назад, и ключа к тайнам древних мастеров мы не имеем.

Удивительна окраска древней керамики, сохранившая яркость и свежесть, изумительно разнообразие и изощренность орнамента, отражающее духовное богатство, высокоразвитое чувство прекрасного, свойственное людям того времени и, вероятно, явившееся следствием тесного общения с природой. В те времена у человечества не было средств массовой информации — газет, журналов, радио, кино, телевидения — но мысль человеческая и его нравственное богатство отображались на созданных им предметах материальной культуры. Человек не портил окружающее, а привносил в него красоту своей души. Он любовно относился к внешней и внутренней отделке своего жилища, к каждому предмету своего обихода. Время кое-где сохранило для нас изумительные по тонкости исполнения росписи внутренних покоев дворцов-крепостей, среди них — роспись в Афрасиабе под Самаркандом, настенные фрески в Варахше под Бухарой, фрагменты фресок, обнаруженные в курганах Кашкадарьи. Настенные росписи донесли до нас сцены из жизни давно прошедшей эпохи, стали бесценным свидетелем истории. Таким свидетелем оказался и Ханым-курган, где счастливый случай приподнял завесу многовековой тайны, дотоле скрытой под пластами земли.

В 1978 году один из мальчишек, гонявших мяч на вершине Ханым-кургана, неожиданно провалился в какую-то дыру, а следом полетела и вся ватага. На зов детей прибежали родители, обнаружившие огромное отверстие в центре кургана. Были принесены шесты, веревки, лестницы, и детей благополучно извлекли из ямы. Под провалом оказалось овальное помещение диаметром около шести метров. Когда это помещение стали расчищать, выяснилось, что оно уходит в глубь кургана на целых двенадцать метров. Это и был водоем, который некогда питал таинственный источник Ханым-кургана. Стены и дно были облицованы фигурным кирпичом, видимо, специально изготовленным для постройки водоема. Обжиг был превосходен, глина — крепка, как кость, кирпич звенел, как легированная сталь. Водоем, который почва скрывала полтора тысячелетия, выглядел и сейчас внушительно и добротно. Вот что такое качество, во все времена сохраняющее свой смысл. Нынешние исследователи раскрыли наконец тайну цитадели, узнали, каким путем в этот водоем поступала живительная влага. Здесь могло накапливаться до восьмисот кубических метров воды, той самой воды, которая позволяла защитникам крепости выдерживать длительные осады, сохранять жизнь и достояние народа. Как показали дальнейшие раскопки,

водоем находился в самом центре Ханым-кургана, а сам холм являлся дворцовой частью цитадели. Остальные постройки крепости время давно сравняло с землей.

Теперь каждый, проезжающий по магистрали Шахрисабз — Карши, может посмотреть на этот исторический памятник. А задержавшись здесь, он может услышать от местных жителей историю, которую пытаюсь сейчас пересказать я. Ханым-курган — это лишь крохотная частица нашей истории, это лишь малая толика пути, пройденного человечеством. Но и эта частица истории очень ярко показывает, что человек в любом краю и в любую эпоху обладал мудростью, цепко держался за жизнь, с умом распоряжался природными богатствами и умел не требовать для себя слишком многого, довольствуясь тем, что было рядом — чистой водой и плодородной землей. Ханым-курган — это та страничка истории, в письмена которой полезно вчитаться и нашему поколению, и поколениям отдаленного будущего. Разум человека создан для будущего, но для того, чтобы достигнуть будущего и проникнуть в вечность, он должен научиться оглядываться на прошлое и извлекать из него уроки.

СМЕРТЬ МУКАННЫ

С тех пор, как в мире главенствует человек, существо, которое познало свою исключительность, бытует и вера в высшие духовные силы — вера в бога. Пока мы не знаем ни одного государства, ни одного общества, ни одного народа, которые не имели бы своей религии.

Хотя эти религии были непостоянными — одни держались столетиями, иные быстро уступали место другим,— закономерным было одно — у каждой религии был свой пророк, зачинатель этой веры.

У древних зороастрийцев таким пророком был Заратустра, у жителей Индии, Китая, Монголии, Японии, отдельных областей Средней Азии на долгие века пророком стал Будда. Затем к народам Европы и других стран мира от Иисуса Христа пришло христианство, которое вот уже почти две тысячи лет своими крепкими объятиями удерживает людей в этой вере.

Самым молодым, но весьма распространенным верованием на земле является мусульманство. Его пророк Мухаммед родился и жил на Аравийском полуострове почти 1400 лет тому назад. Летопись народов знает и такие исторические личности, которые пытались противопоставить себя новой вере, приостановить ее, не дать ей развиться, или же сами выступали новоявленными пророками. Такими были на пути у христианства — Понтий Пилат, у мусульман — Муканна.

Жизнь последнего непосредственно связана с такими историческими городами Средней Азии, как Несеф, Кеш, Шахрисабз, Бухара и даже Багдад. Год рождения Муканны неизвестен, но согласно историческим данным о его гибели, которые относятся примерно к 783 — 785 годам, можно определить примерную дату его рождения, исходя из того, что все историки, которые описывают его жизнь и борьбу, указывают на то, что Муканне было примерно 38—40 лет, когда он ушел из жизни. А значит, и датой его рождения мог быть примерно 740—742 год. Ну что же, на сегодняшний день это не столь уж важно, однако важно то, что Муканна остался в истории, значит, он совершил для истории человечества что-то такое, что не могло не обратить на себя внимание ученых-летописцев.

По свидетельству выдающегося среднеазиатского ученого и исследователя Мухаммада Наршахи, Муканна был человеком рода из окрестности Мерва, из селения, которое называется Каза, имя его было Хашим сын Хакима, он раньше занимался прачечным ремеслом, затем предался изучению наук и собирал сведения всякого рода:

изучал фокусничество, науку в способах обмана и талисманах. Хорошо изучив фокусы, он начал также выдавать себя за пророка. Он прочел множество книг по древним наукам и приобрел большое искусство в волховании. Прозвание Муканна (покрытый белым саваном) получил потому, что ходил с покрытым лицом и головой, что, по свидетельству Наршахи, явилось следствием того, что у него (Муканны) было очень безобразное лицо, его голова была покрыта паршой и лысая, при этом он был крив на один глаз. Эти уродства и было призвано скрывать носимое им белое покрывало. Но скорее всего эти свидетельства нельзя считать полностью объективными. Нельзя забывать, что они давались мусульманином, жившим позже самого Муканны лет на 300, отсюда, по-видимому, и исходит желание Наршахи видеть в Муканне — борце против мусульманства, некоего урода, человека, обиженного природой, и тем самым перенести его физическое уродство на мысли и деяния Муканны. Исторически получилось так, что Хашим получил имя Муканны оттого, что он носил белое покрывало, и все политическое движение, руководимое им, называлось «Люди в белых одеждах». Он создал в Мавераннахре партию людей в белых одеждах; все сторонники Муканны, которые вместе с ним выступили против ислама, называли себя «людьми в белых одеждах».

Но почему именно Муканна выступил против религии ислама и в чем же тут, как говорится, сама жизненная суть?

На территории Средней Азии, и в частности в долине между Зарафшаном и Кашкадарьей, население за свое многовековое существование пережило много религий. Первыми, но примитивными видами религии в этих местах стало идолопоклонничество. Оно было широко развито, разумеется, не только среди народов Средней Азии, но все народы мира, как указывает история, прошли через это раннее религиозное самосознание, когда люди, не понимая окружающий мир, не понимая его космогоническое устройство и взаимодействие с человеком, пытались определить, в чем же суть самого факта существования человека, в чем же суть существования окружающего его мира? Не имея точных знаний о мировом пространстве, о самих себе, люди искали выход в своем отношении к богу, поэтому их первыми идолами стали животные, либо устрашавшие людей, либо такие, которым приписывали благородство. Такими идолами-божками для людей становились временами то тигр, то осел. Иногда таким идолом становился баран, или же люди провозглашали священной корову,— подобное отношение к этому животному сохранилось и до сих пор во многих городах Индии. Но от примитивного идолопоклонства люди постепенно переходили к высшим существам и стали соединять в идолах образы людей и животных. Об этом свидетельствуют раскопки многих городищ на территории современной Кашкадарьинской области. Вот как описывает ученый-археолог найденного идола при раскопках земляного кургана к северу от города Шахрисабза... Идол представляет собой фигурку человека, держащего в руках булаву. Его голову венчают рога. Этот идол уже символизирует и зверя и человека одновременно. Это

уже была новая ступень в религии, в то время, когда произошло абстрагирование от поклонения только самому животному, когда человек попытался соединить в этом культовом объекте своего верования и саму личность человека и природу зверя. Это уже был шаг вперед, потому что от культовой скульптурки человек постепенно переходил уже к новому божеству, где соединил человека и зверя и тем самым сделал шаг вперед к пониманию бога. Это тоже было очень важно, потому что затем, постепенно, человек от понимания бога перешел к пониманию космоса, что на сегодняшний день является очень важным моментом осмысления всего того пути развития человека, по которому он прошел от примитивного восприятия мира до высшего сознания своего существа, сознания существования всего объемного космоса, который окружает нас во всей этой многообразной жизни, так что религия была тоже своего рода толчком в познании и понимании своего места в природе. И ступени, которые проходил человек в своем развитии: идолопоклонничество, затем бог, затем космос, затем вселенная — это, видимо, закономерный путь той большой, многосложной эволюции в познании человеком своего места среди природы.

Народы Средней Азии прошли через многие религии и в том числе через зороастризм, который родился здесь в VI—VII веке до нашей эры и его основателем считается пророк Заратустра. Он, по предположению ученых, был родом из Хорезма и проповедовал религию, взяв за основу культ огня. Характерными чертами зороастризма были представления о борьбе в мире двух начал: добра и зла, почитание огня, осуждение массовых кровавых жертвоприношений. Дело в том, что в религиях многих стран мира того времени — это где-то за 1000 лет до нашей эры, среди различных верований было очень широко распространено жертвоприношение, причем массовое — домашнего скота, диких зверей и что самое страшное — в жертву богам приносились люди, в большинстве случаев молодые девушки и парни самого красивого телосложения. Их отбирали специально и на виду у всей толпы на ритуальном помосте расчленяли и, вытащив сердце, отдавали его символически высшему божеству.

Зороастризм встал на пути у этого зверского жертвоприношения, заменив его другими ритуальными обрядами. Зороастризм также выступил против захоронения людей в земле, заменив его помещением людских тел на специальные помосты, где их могли достать дикие животные и птицы. И когда от трупа оставались обглоданные кости, их складывали в специально отведенные места, в «ассуарии»— глиняные сосуды, которые ставились на могильники. Мы знаем, что на Востоке были и другие примеры погребения человека, в Индии, к примеру, трупы предавались огню, а пепел затем развеивался по белому свету. В этом есть что-то такое, что говорит о смысловом отношении, потому что действительно, лучше, чтобы человек после его смерти не предавался какому-то съедению червям и не был распространителем инфекций, а чисто сжигался на костре. Сей-

час во многих городах, особенно европейских, принята кремация трупов, но все это носит уже не ритуальный характер, а другой — чисто гигиенический и чисто утилитарный, потому что для захоронений в городах с большим количеством населения требуется много места и поэтому считается целесообразным сжигание трупа, так как сам пепел занимает небольшие объемы и его легче предать захоронению, не отводя для одного человека много места. Но вот надо вспомнить в истории такой факт, когда такой великий мыслитель XIX века, как Ф. Энгельс, соратник К. Маркса, потребовал, чтобы его тело после смерти предали кремации. Просьба Ф. Энгельса была выполнена, и его тело было кремировано, а пепел развеян над миром. Что же касается такого верования, как зороастризм, то нельзя сказать, что он доминировал в Средней Азии полностью. Наряду с зороастризмом у отдельных народов и в отдельных микрогосударствах, в родовых общинах были и другие религии, в том числе и идолопоклонничество, то есть многообразие веры, и все это длилось включительно до VI в. н. э., вплоть до того, когда в Аравии возникло мусульманство и когда оно постепенно стало завоевывать многие окрестные страны и в VII веке докатилось до Средней Азии. Здесь главным постулатом явилось то, что Мухаммед и его вера выступили против языческого многобожия и был провозглашен единый бог, которому должны поклоняться все народы, и кто не признает единого бога, тот является противником веры, то есть нечистым — кяфиром. Как видно из истории, по-видимому, первым, кто перешагнул Амударью и принес ислам на территорию Средней Азии, был Убайдулла-ибн-Зейд, посланный сюда халифом Муавийей в 674 году христианского летосчисления. Он со своими войсками осадил и взял Пайкент, затем подошел к Бухаре и одержал победу над бухарской царицей, имя которой в источниках не сохранилось и которая вошла в историю как мать Тахшады. Тахшада — правитель Бухары, правивший в период арабского завоевания. Убайдулла вывез из Бухары и Пайкента большую добычу: оружие, одежду, золото и серебро и множество пленных. Так что мы видим, что арабы-мусульмане приходили в другие страны не только за тем, чтобы насаждать свою религию — религию Мухаммеда, но и грабить, подобно представителям других мировых религий. Выше было сказано, что принес с собой, придя на землю Средней Азии, первый проповедник ислама. В Бухаре, согласно источникам, правила мать Тахшады, она сначала испугалась и запросила мира у завоевателей, но когда к ней на помощь пришли войска владетелей Согда, Кеша, Несефа, она решила дать бой арабам. Судя по рассказам Наршахи, арабское войско произвело на согдийцев столь устрашающее впечатление, что они ушли с поля битвы, оставив Бухару на произвол судьбы. Но после этого, как указывают историки, арабы неоднократно вновь вторгались на территорию городов Средней Азии, привнося свою веру и привлекая местное население какими-то особенностями, даже предлагая тем людям, кто будет посещать мечети, за каждый приход по 2—4

драхмы, назначили другие вознаграждения, чтобы тем самым вовлекать людей в новую религию. Итак, на протяжении 5—6 десятков лет с переменным успехом войска арабских халифов приходили на новые для них земли, снова откатывались восвояси, потом опять возвращались, но этот процесс давал свои результаты, и население постепенно переходило в новую веру. Последнюю, что называется, основательную точку в распространении ислама в этой местности поставил наместник Хорасана Кутейба ибн-Муслим. Он, начиная с 704 года и на протяжении многих лет, стал на путь прочного и окончательного завоевания Средней Азии, он за эти годы подчинил себе города Пайкент, Керки, Бухару, Несеф, Кеш и другие, а затем после 710 г., вплоть до 715 покорил Согд и Фергану. И вот, анализируя эти события, и оглядываясь на прошлое, изучая историю народов Средней Азии, было трудно понять, почему такие воинственные племена, как жители среднеазиатских городов — вольнолюбивые, умеющие владеть оружием, — и вдруг они уступили арабам. По-видимому, это объясняется тем, что в Согде и в других городах, также как и в бухарском владении и других местах Средней Азии, не было единой власти и к моменту прихода арабов в эти места имелось множество мелких владений, каждое из которых, несмотря на свое могущество, не были объединены в единое централизованное государство. Но в то же время нельзя и сказать, что арабам не было оказано сопротивления, что среднеазиатские города беспрекословно покорились арабским завоевателям и их новой вере. Нет, об этом говорит тот факт, что города Средней Азии на протяжении целых 60—70 лет упорно сопротивлялись арабскому завоеванию.

В летописи борьбы против завоевания арабами городов Средней Азии прочное и видное место занимает народное восстание, которое возглавил Муканна. Народное движение, во главе которого стоял Муканна, охватило весь Мавераннахр и было крайне разнообразно по составу участвующего в нем населения. Основу составляли крестьяне, принимали участие также и местные баи-землевладельцы. Они тоже не желали иметь над собой какую-то верховную власть, чтобы не делиться той частью отнятого у крестьян труда и не передавать его наверх каким-то там далеким халифам. Как и все народные движения того периода, движение Муканны по форме носило религиозный характер. Муканна объявил своим приверженцам, именовавшимся «одетыми в белые одежды», что в нем воплотилось божество. Вот как об этом пишет в своей книге «История Бухары» Наршахи: «...этот Муканна во время правления наместника Хорасана Абу-Муслима стал выдавать себя за пророка и некоторое время упорствовал в этом, так что, наконец, Абу-Муслим послал за ним человека, привел его из Мерва в Багдад и на много лет заключил в темницу. Впоследствии Муканна избавился из заточения, снова явился в Мерв и, собрав людей, сказал им: «Знаете ли вы, кто я?» Народ отвечал: «Ты Хашим — сын Хакима». Муканна возразил: «Вы ошибаетесь. Я ваш бог и бог всего мира. Я себя называю каким хочу именем, я тот, что явился народу под видом Адама, а потом в виде Ноя, а потом — в виде Аврама, а потом — в виде Моисея, а потом — в виде Иисуса, а потом — в виде Мухаммеда». Как видно из этого повество-

вания, Муканна признавал все предыдущие веры и называл поочередно пророков для того, чтобы не отвергать их, а для того, чтобы приобщиться. Потому что к этому времени в Мавераннахре, да и в соседних государствах эти религии были достаточно распространены. Наряду с буддизмом, зороастризмом в городах Средней Азии прочно вошло в обиход и христианство. Так в Самарканде на центральной площади в V — VI веках был сооружен огромных размеров христианский храм, и жители города поклонялись Иисусу Христу и приняли его веру. Об этом пишут историки в своих трудах со слов тех купцов, которые ходили в город Самарканд. И потому Муканна, проповедуя себя как бога, соглашался и признавал всех тех пророков, которых знал народ. Но,— по словам Наршахи,— народ не принимал слова Муканны, сказав ему: «Другие люди выдавали себя за пророков, а ты выдаешь себя за бога». На это он ответил: «То были люди с земной душой, а я проникнут божественным духом. Я был с ними и властен показаться в том виде, в каком захочу». В этих словах Муканны проявилась как раз та часть его характера, та часть его образа, о которой выше говорил Наршахи в книге, что он «...познал многие науки, читал многие книги и старался изучать науки о фокусниках». Видимо, действительно Муканна был всесторонне образованным человеком, очень находчивым и не без выдумки, не без, как говорится, божьей искры и не без умения привлекать на свою сторону людей, то есть был талантливым человеком. И, может, суждено ему было действительно стать основателем новой веры, стать настоящим пророком той религии, которую он проповедовал. Как показывают книги и произведения, в которых упоминается деятельность Муканны, за Муканной пошли многие тысячи людей, встали в его отряды люди, «одетые в белые одежды». На его сторону перешли многие города. Во всяком случае всё Междуречье, то есть в рамках границы Мавераннахра, а также близлежащих городов. Муканна, как показывает история, не сидел «сложа руки». Он написал письма по всей области и раздавал их своим эмиссарам. В этих письмах он писал: «Во имя бога милостивого и милосердного, я Хашим сын Хакима сеидов, слава богу, кроме которого нет другого. Подлинно Муканне принадлежит сила, владычество, слава и свидетельство. Присоединяйтесь ко мне и знайте, что мне принадлежит царство, мне принадлежит слава и достоинство создателя. Кроме меня нет другого бога. И всякий, кто за мной последует,— будет в раю, а кто не последует — попадет в ад». И эти письма Муканны, видимо, имели свое действие. Об их силе говорит такой факт, что в городе Мерве даже один из знатных арабов по имени Абдулла Амар последовал за Муканной и выдал за него замуж свою дочь. Как об этом повествует в своей книге Наршахи: «... этот Абдулла перешел через Джейхун — Амударью, прибыл в Нахшеб и Кеш и везде уговаривал народ перейти в веру Муканны, и многих людей совратил с истинного пути. Если в городах Мавераннахра действительно так стала меняться позиция, и люди переходили, оставляя веру ислама, в веру «людей в белых одеждах», то, видимо, проповеди Муканны

были чем-то привлекательны. Они призывали изгонять арабов и низвергать ненавистное ярмо чужеземцев. Эти проповеди поднимали население на борьбу с завоевателями, и, видимо, призывы Муканны были успешными, потому что города один за другим переходили на его сторону. Как опять же повествует Наршахи, в Кеше и окрестностях этого города последователи Муканны были особенно многочисленны. Первым селением, присоединившимся к их вере и открыто ее исповедовавшим, было селение Суббах около Кеша, где наместником был Амр. Они подняли восстание и убили своего эмира — благочестивого человека, который был из арабов. В области Согд большая часть селений перешла в веру Муканны, и из селения Бухары многие стали неверными и открыто предавались неверию. Эти смуты приняли обширные размеры, и для мусульман настало время жестокого испытания. Реальная власть арабов во многих городах перешла в руки Муканны и его сторонников. Ему подчинились города Согд, Бухара, Кеш, Несеф и другие города и многие соседние государства. Его верование дошло до Нишапура. Слава Муканны так быстро росла, что это не на шутку начало тревожить халифа, который и отправил против него свою армию, а муэдзины и муллы стали пугать в мечетях народ появлением невиданного зверя, который покарает их. Этот зверь должен подняться из земли, или в храме Мекки, или на горе Саффа, или на территории Таифа, или же в каком-либо другом месте, а может быть, даже и в самом Мавераннахре. Одни говорили, что этот зверь будет иметь 60 локтей в вышину, однако другие, не довольствуясь таким «незначительным» ростом, говорили, что он достигает головой неба и что срок его пребывания на Земле будет продолжаться всего три дня и при этом он покажет всего третью часть своего тела. Мусульманские проповедники, описывая по преданиям вид этого животного, говорят о том, что оно составлено из разных видов и пород и имеет голову быка, глаза свиньи, уши слона, рога оленя, шею аиста, грудь льва, цвет тигра, спину кошки, хвост барана, ноги верблюда и голос осла. У него длинная шерсть и два крыла. Беглец не спасется от него, и тот, кто захочет к нему приблизиться, не сможет этого сделать. Говорят, что будет три его выхода. Первый раз он появится в дальнем имении, после чего скроется на некоторое время. Второе появление — будет в Мекке, после чего он опять скроется на долгое время. В третий раз он наконец появится в ограде священной мечети в городе Бухаре. Его появление наведет ужас на народ. Некоторые в ужасе будут пытаться убежать, а некоторые останутся и будут ждать, что при первом появлении зверя у него будет посох Моисея и печать Соломона. Посохом он будет касаться лба правоверного и лицо его станет необыкновенной белизны, печать же зверь будет прикладывать к лицам неверных и они будут чернеть. Зверь будет говорить по-арабски и его говор будет проклятием для хулителей веры ислама. Он возвестит ничтожество всякой веры, кроме веры Мухаммеда. Когда зверь вернется на свое место, то после этого в течение 6 часов будет землетрясение, все со страхом лягут спать и тут явится глашатай, который будет кричать, что на следующий день

явится Даджах. При прикосновении посохом Моисея зверь будет ставить метку «муммин»,— что значит «верный», а печатью будет ставить метку «кяфир»—«неверный». Далее проповедники мусульманства говорили, что когда приговор, произнесенный против них, будет близок к своему исполнению, мы заставим выйти из земли чудовище, которое крикнет им: «Истинно говорю вам, люди,— не имейте твердой веры в чудеса наши. Будет война с греками и Константинополь будет взят, победа эта будет нелегкая, так как город этот будет долгое время противостоять нападению войск, и долгое время 70 тысяч потомков Исака не смогут взять его силой оружия, но стены падут при их дружном крике: «Нет бога кроме бога, бог — величайший». Об этих событиях население оповещалось потому, чтобы показать, какой силой обладают воины-арабы, как велико и сильно само учение Мухаммеда, что достаточно одного слова, чтобы покарать врагов. В то же время проповедники ислама, чтобы показать обреченность веры Муканны на погибель, повсеместно распространяли такие слухи, будто бы сам Мухаммед говорил о том, что в то время, когда его сторонники будут повсеместно отмечать победу, в это время к ним придет известие о появлении антихриста. Вслушиваясь в описания антихриста, нетрудно догадаться, что речь идет о самом Муканне. Вот как проповедники, муллы и муэдзины в мечетях описывали этого антихриста: «Появится антихрист, которого не приемлят народы. Он будет одноглазый, с меткой «кяфир» на лбу, он принесет горе и страдание всем народам, не только мусульманам. Каждый добропорядочный человек должен отвергнуть того антихриста. Он будет всюду разъезжать и везти за собой горы хлеба, но этот хлеб будет не настоящий, а мнимый, и все, кто последует за ним, будут бедствовать. Его будут сопровождать демоны, которые будут проповедовать людям для того, чтобы ввести их в заблуждение. Он совершит великие чудеса, он прикажет небу послать дождь — и будет дождь, по крайней мере так будет казаться людям. Тогда он скажет: «О, люди! Разве кроме бога кто-нибудь может сделать то, что я делаю?» И люди убегут тогда из городов Мавераннахра в Иран, Сирию и другие страны. Он придет тогда туда и будет осаждать их и мучить. Тогда и появится Мухаммед и спасет всех людей».

Судя по всем способам, которые арабы применяли для борьбы с Муканной — от военной до проповедей мулл, все это говорит о том, что Муканна и его сторонники были сильными и по-настоящему тревожили арабов.

Но и сторонники Муканны тоже не обходились в борьбе с арабами одним оружием. Они пытались опровергнуть злопыхательство мулл о том, что Муканна — страшный, паршивый и одноглазый человек. Они говорили, что он надел белые одежды в знак протеста против нашествия арабов и поклялся носить до тех пор, пока на его земле не останется ни одного завоевателя. Сторонники Муканны говорили людям, что своим именем «Ал-Муканна» он был обязан тому обстоятельству, что вечно ходил с закрытым лицом. А делал это он потому, чтобы не ослеплять людей блеском своего лица. Но среди народа ходили и другие слухи о причинах, из-за которых Муканна закрывал

Автопортрет

Черные яблоки

Держащий две половины

Посвящение в дьяволы

Беспечность

Итог

Торговка плодами

Готовый на все

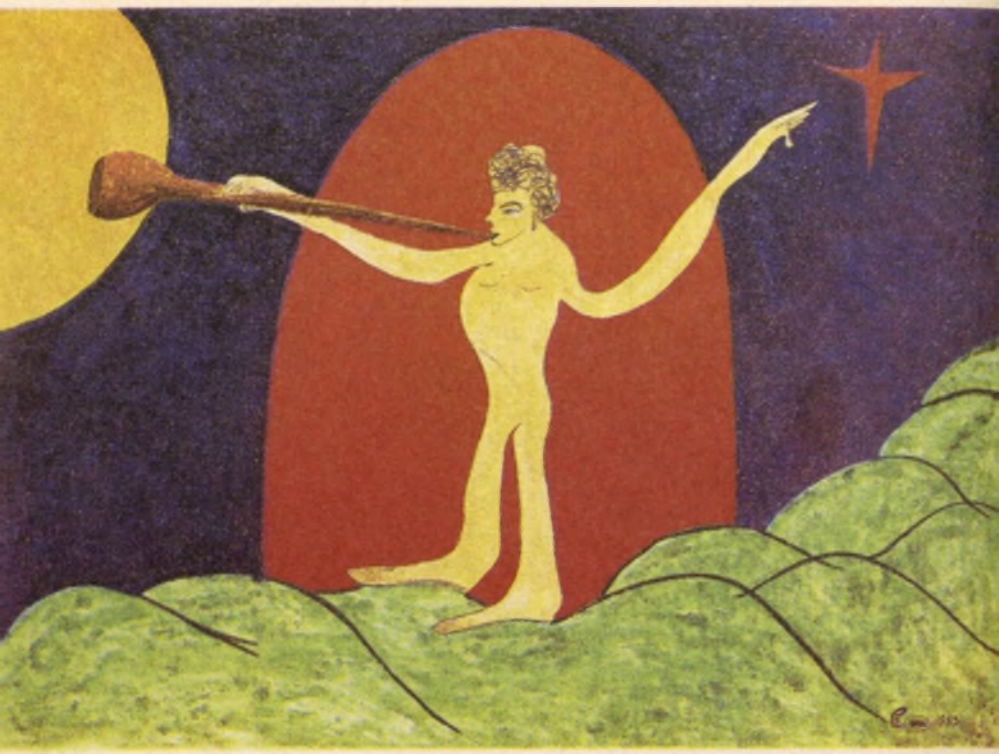
Дума о вечности

Мудрец и его верные стражи

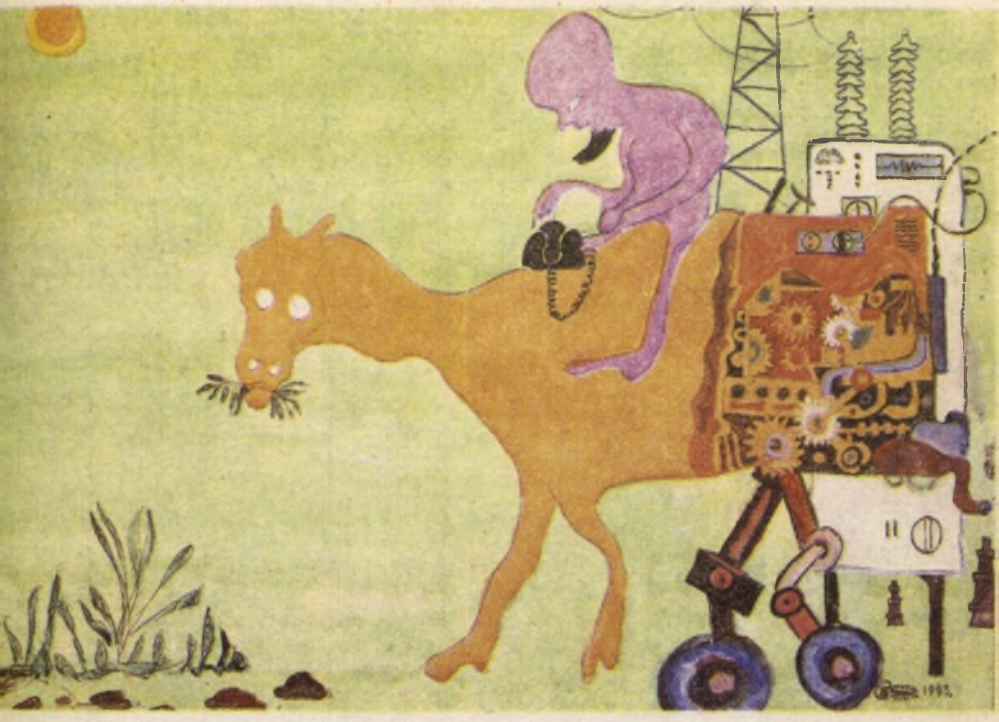
Три коня

Вечность

Ослик у озера



Трубит



Прощание с природой

Солнечный человек

свое лицо. По их мнению, он делал это потому, что оно было изуродовано сабельным ударом, полученным на войне в защиту своего народа от арабов, причиной тому была также потеря одного глаза, а еще люди говорили, что Муканна во имя народа способен делать чудеса. В то время, в одном из боев, когда он сражался вместе со своими воинами близ селения Кеш с арабами, успех в боевых действиях был не на его стороне, так как мешала темная ночь, и в это время Муканна, для того чтобы осветить своим воинам поле битвы, извлек из колодца луну и поднял ее высоко в небо, осветив всю окрестность, и после этого выиграл бой. Муканне приписывались и другие мистерии и всякие способности делать чудеса от имени бога, этим самым подтверждалось, что он действительно пророк и бог вселил в него чудодейственные силы и способности творить чудеса. В силу чего нашлось много приверженцев, которые поверили в его божественность. И такая слава Муканны шла из города в город и стала реальной опасностью для всего мусульманства, которому он предсказывал исчезновение с лица земли. Как показывает история человечества, проповеди любого пророка достигают цели и захватывают умы людей, потому что они в них от имени бога даруют людям власть над землей и всем тем, что их окружает, говорит о том, что каждый человек равен на земле и имеет право пользоваться всеми ее дарами. Конечно, психология каждого живущего человека такова, что ему хочется быть равным среди других, хочется владеть тем же самым, чем владеют и другие. Но мы знаем, что все пророки приходили к людям в то время, когда для них наступали тяжелые времена, когда они видели богатство одних и бедность других и в это время, пророчество мессий всегда достигало цели. Видимо, так же было и с пророчествами Муканны. Они нацеливали жителей Мавераннахра, Согда, Хорасана и других государств на то, чтобы изгнать завоевателей и избавиться от их гнета. Объективно оценивая исторический период в то время, когда происходили описываемые события, нужно сказать, что успех Муканны был не только потому, что население не принимало ислам как религию, но и потому, что сами завоеватели — арабы, которые пришли на земли Междуречья, по своему культурному и образовательному уровню стояли на низшей ступени, нежели население этих небольших государств. Здесь, еще со времен греко-бактрийского государства, была высоко развита культура, была согдийская письменность, искусство, литература, архитектура, было высоко развито мастерство ремесленников и кустарей. Так, в частности, было высоким мастерство мастеров, которые изготовляли всевозможную утварь, предметы обихода, широко применяя изображение человека, зверей или сцен из жизни.

На высоком уровне было мастерство ювелиров, которые изготовляли различные поделки, украшения для обихода и украшения для местных красавиц, и для украшений применяли такие орнаменты, в которых отражались и окружающий мир, и животные, и сам человек, и его деятельность. Высоким также было и мастерство литераторов, было множество рукописных книг, в которых отображался дух культуры народа. Но во время прихода арабов они на

все наложили свой запрет, так как по учению Мухаммеда нельзя было изображать людей, животных. Все это соответственно вызвало протест у населения, этим самым и воспользовался Муканна со своими сторонниками, тем самым быстро завоевывая симпатии поверженных арабами городов. И поэтому люди шли охотно за Муканной и его проповедниками, создавали боевые дружины, изгоняли арабов и продолжали строить свою привычную жизнь именно в том русле, как они жили до арабского завоевания. И все же противостоять по-настоящему силе арабов Муканна не смог, так как одними проповедями удерживать наступление сильной и мощной армии врагов — это бессмыслица, а создать собственную армию из своих сторонников Муканна не смог, так как в этих краях не было единого централизованного государства, а власть находилась у правителей каждого города. К тому же, оставшиеся в живых солдаты разбитых воинских гарнизонов арабов достигли Багдада и там стали сеять панику, говоря, что идет новый пророк Муканна, возглавляющий партию «людей в белых одеждах», которые грозят уничтожить мусульманство. Эти сведения не на штуку встревожили халифа, который отправил против Муканны свою армию, вскоре халиф и сам прибыл в Нишапур для подавления смуты. Здесь он убедился, что движение новоявленного пророка приняло такие размеры, что существовала реальная опасность, как бы ислам не исчез, совершенно вытесненный верою Муканны, не только в государствах Средней Азии, но чтобы смута «людей в белых одеждах» не перекинулась на арабские страны. И халиф решил действовать напористо: он послал для войны с Муканной своего визиря Джабриилаcы Яхи. Так для Муканны и его сторонников наступили трудные времена. Пришлось не только отстаивать свою веру, но и защищать собственные жизни. Вот как последние трудные бои Муканны с арабами описывает Наршахи: «Джабриил пришел в Бухару и расположил свое войско около самаркандских ворот, чтобы отправиться на войну с Муканной. Хусаин сын Мааза пришел к нему и сказал: «Ты окажи мне помощь в борьбе с «людьми в белых одеждах». Сначала окончим это дело, а потом я пойду с тобой на Муканну». Хусаин был правителем в то время Бухары. Джабриил согласился двинуться с войсками и дошел до селения Наршах, он приказал вырыть вокруг селения ров, поместил в него войско и приказал ему бодрствовать, чтобы «люди в белых одеждах» не напали на них врасплох. Как предполагал Джабриил, так и случилось. Как только наступила ночь, «люди в белых одеждах» вышли и нанесли им большой урон. Хусаин сын Мааза, который был эмиром Бухары, увидев это, оказал много любезностей Джабриилу и попросил его остаться в Бухаре и не ходить в Кеш, пока здесь не будет покончено с делом».

Это повествование историков указывает на то, что хотя армия арабов была и сильной, но «люди в белых одеждах» под предводительством Муканны не так быстро сдавали свои позиции, потому что их поддерживало коренное население — жители среднеазиатских городов и кишлаков. Но постепенно арабы брали верх. Вначале они взяли город Несеф, затем Кеш и после этого Джабриил двинул

свои войска на Самарканд и ему пришлось много сражаться с воинами Муканны. Вот почти все города, которые были на стороне Муканны, были уже завоеваны арабами, тогда Джабриил дал команду своим войскам на штурм последней крепости, где жил Муканна. Пророк «людей в белых одеждах» построил свою крепость высоко в горах за Кешем. Он эту крепость укрепил высокой стеной, а внутри этой крепости у него было большое, хорошо вооруженное войско, много продовольствия и запасы воды. Ключ бил прямо из-под земли, и поэтому сколько ни старались арабы взять крепость приступом, у них ничего не получалось, потому что стены этой крепости были высотой до 100 локтей. По преданию историков, войска арабов простояли у стен этой крепости целых 14 лет, но так взять ее приступом не могли. Осада для Муканны кончилась неожиданно — предательством военачальника этой крепости, который, открыв ворота, вышел из крепости и заявил мусульманам о своей покорности и о том, что он принимает их веру. Войска арабов зашли в крепость, но пленить Муканну они не смогли, так как внутри крепости была еще и другая крепость на вершине горы. Никто не мог войти в эту цитадель. Муканна там жил со своими женами и своим верным слугой. А сама крепость, где был дворец Муканны, хотя и казалась маленькой, но на самом деле оказалась неприступной, и арабы не могли ею завладеть, хотя несколько раз пытались штурмовать эту цитадель. Джабриил решил прибегнуть к хитрости: он собрал всех своих воинов и жителей окрестных сел и приказал им приблизиться к крепостным воротам Муканны и взывать к нему с тем, чтобы он удостоил их своим ликом, но не получили никакого ответа. Тогда воины и население стали настойчиво умолять Муканну, говоря ему: «Мы не уйдем, не удостоившись лицезрения нашего господина!» У Муканны был раб по имени Хаджиф, и Муканна сказал ему: «Скажи моим рабам, что Моисей просил удостоить его моего лицезрения, и я не явился ему, потому что он не смог бы перенести этого. Каждый, кто меня увидит, не выдержит и тотчас же умрет». Но народ усиленно продолжал молить и высказывал желание увидеть Муканну, как их подучивали арабы. Они говорили: «Мы желаем удостоиться лицезрения. Если придется после этого умереть, то и на это мы согласны». Наконец Муканна дал свое обещание, сказав: «Приходите завтра на восходе солнца, и я дам возможность лицезреть мое лицо». И как только на следующий день стало всходить солнце, вокруг крепости расположилось несколько тысяч воинов-арабов и жителей окрестных сел, Муканна дал указание своему слуге по имени Хаджи открыть ворота цитадели. И в это самое время Муканна приказал своим женам, чтобы каждая взяла по зеркалу и вышла на вершину крепости и чтобы они держали зеркала один против другого. Когда лучи солнца упали на землю, все женщины взяли в руки свои зеркала и держали их ровно одно против другого. И как только лучи солнца коснулись их, то вследствие отражения вся окрестность была залита светом. Тогда Муканна крикнул слуге: «Скажи моим рабам, что бог покажет им мое лицо. Пусть смотрят!» Подходя к описанию этого момента, историк говорит: «Посмотрели

они и увидели, будто весь мир как бы залит светом. Испугались они и все разом упали ниц, восклицая: «О господи, этой силы, этого величия, что мы видели, довольно. Если больше такого увидим, то наши сердца разорвутся от страха». И так они лежали распростертые ниц до тех пор, пока Муканна не приказал тому слуге: «Скажи моим приверженцам, чтобы они подняли свои головы от поклона, потому что бог доволен ими и простил их прегрешения». Люди подняли головы от поклона, но смотрели со страхом; тогда Муканна сказал: «Все области я сделал для вас дозволенными. Теперь кто хочет моей смерти, пусть войдет в цитадель». Да, момент по описанию историка драматичен, тем более если учесть, что полторы тысячи лет назад люди были гораздо восприимчивее к мистицизму, чем сейчас. Хотя и в XX ве́ке таких примеров тоже немало. После того, как воины Джабриила, увидев блеск зеркал, приняв его за лик Муканны, они так и не смогли оторвать своих колен от земли. И сколько бы им ни приказывал их предводитель, ни один из них не перешагнул черты ворот цитадели. На это и рассчитывал Муканна. Но состояние оцепенения вскоре прошло, и тогда Джабриил приказал своим воинам и населению вновь пойти на уловку и просить Муканну показать свой солнцеподобный лик вновь. Но Муканна понял, что Джабриил разгадал его хитрость, и через слугу передал всем присутствующим, чтобы они приходили на следующий день и он вновь выйдет к народу. За это время, что было у Муканны, он приказал своим женам и слуге растопить самую большую печь, что была сделана в цитадели прямо в скале. В жерло этой печи он приказал покидать все имущество для того, чтобы постоянно поддерживать в ней огонь. И когда печь оказалась раскаленной докрасна, а это случилось перед рассветом, Муканна собрал своих жен, посадил их в круг и сказал им: «Мои любимые, дорогие жены, я вас хочу угостить сладким пьянящим вином». Когда он подавал кубок, то опускал в него крупинку яда. Одна из жен Муканны это заметила и потихоньку вылила содержимое своего кубка на землю. Вслед за этим все женщины, выпившие отравленное вино, попадали замертво на землю, а та, что вылила содержимое, притворилась и упала рядом с ними. Увидев, что все вокруг мертвые, Муканна крикнул своему слуге, чтобы он открывал ворота цитадели. И как только мощные ворота, заскрипев, начали открываться, Муканна подошел к печи, снял свое одеяние и бросился в раскаленное чрево печи. После этого из печи взвился большой клуб дыма, и когда слуга подбежал к печи, никаких признаков Муканны он там не заметил. Слуга не задумываясь тут же последовал в раскаленное жерло за своим хозяином. Ворвавшимся в крепость воинам Джабриила навстречу вышла только одна женщина. Она поведала всем людям о последних минутах Муканны. И оценивая сегодня, по прошествии стольких веков, поступок Муканны, дивишься героизму этого человека, смелости, силе его духа. Решившись на такую смерть, Муканна, разумеется, не хотел, чтобы над его телом глумились арабские завоеватели.

И пусть Муканна не стал пророком, но отдав себя огню, он остался навечно в истории, так как его жизнь — это пример борьбы за свободу своей Родины, яркий пример самопожертвования во имя своего народа.

БЫЛ ОКЕАН

Ходит человек по тверди Земли, и неописуемая толща под его ногами. Толща Земли — это прожитые годы планеты. Да, Земля, как и человек, зарождается, живет и старится. Годы Земли неподвластны нам, но вот знать о них человек хочет. Планета Земля — называем мы ее, а она на самом деле больше похожа на планету Воды. Если точнее сказать, то из пятисот десяти миллионов квадратных километров поверхности Земли на океан приходится триста шестьдесят один и две десятых миллиона квадратных километров. Возраст нашей планеты по примерным подсчетам ученых превышает четыре миллиарда лет.

Ходит человек по Земле, и перед ним рано или поздно возникает вопрос — что же есть наша планета? Что же такое то небо над головой, которое он видит каждодневно с того дня, когда он впервые открыл глаза и осознал свое существование? Но, несомненно, еще больше его волнует вопрос: откуда взялся сам человек? Какова природа его возникновения? И эти размышления, независимо от того, имеет ли человек высокую степень образования или живет лишь непосредственным общением с природой, неминуемо приходят к нему. Эти вопросы будоражат его мысль, заставляют его искать ответы на них и на Земле, и в контакте с космосом.

Общение человека с природой и космосом дает ему возможность приблизиться к разгадке тайны вселенной и тайны своего существа. В первую очередь привлекает внимание человека устройство мира вокруг него, затем — в тех дальних краях, в которых ему суждено побывать в течение жизни. И он начинает спрашивать себя: а всегда ли планета Земля выглядела так, как при нем? И его знания подводят к мысли, что земной шар за свою историю очень сильно менялся. Смешно говорить об устройстве земного шара — ведь это не автомобиль, который по-конструкторски можно как-то переделать. Земной шар — это космическое, природное создание, но тем не менее опыт человечества, его разум постиг, что земной шар когда-то выглядел по-иному. Когда-то на Земле был единый суперматерик, который мы называем Пангея. Этот единый континент был окружен океаном Панталассом, залив которого — море Текис, прообраз современного Средиземного моря, вторгался в то время в сушу между современными Европой и Африкой. Материк Пангея располагался юго-восточней своего нынешнего положения, так что площади суши, находившейся в северном и южном полушариях, были примерно равны. Как свидетельствуют данные науки, разлом Пангеи на отдельные континенты начался

примерно двести пятьдесят миллионов лет тому назад. Можно себе представить, как отразилось это гигантское передвижение континентов на всем живом, что существовало на планете. Научно доказано, что к тому периоду жизнь на планете была уже в расцвете, имела многообразный животный и растительный мир. Этот мир подготавливал возникновение на планете такого высшего творения природы, каким явился человек.

Читатель, возможно, удивится: почему автор, пишущий о легендах и тайнах Узбекистана, вдруг взялся за исследование планеты, забрался в глубины истории на двести пятьдесят миллионов лет. А удивляться нечему, ибо все, что писалось выше, имеет прямое отношение к кишлаку Джаус, который находится на территории Китабского района Кашкадарьинской области. В 1969 году геологическая экспедиция обнаружила уникальную точку на Земле — палеонтологический разрез, структура которого раскрывает перед нами процесс возникновения и развития жизни от кембрийского и почти до юрского периода, то есть на протяжении двухсот пятидесяти миллионов лет подряд словно на гигантской киноленте показывает развитие всего живого на Земле. Это период, начавшийся пятьсот миллионов лет тому назад и длившийся до происшедшего на планете катаклизма, заставившего Пангею сдвинуться и разделиться на континенты. Мифология и наука единодушны в утверждении, что катаклизмы на планете происходят периодически, и ученые даже вычислили временную шкалу таких событий. Так, с периодичностью в двадцать две тысячи лет Земля сталкивается с небесным телом, диаметр которого шестьдесят пять метров, и этот метеорит поражает площадь более двадцати квадратных километров, сжигая и превращая в пепел все находящееся на ней. Раз в сто тридцать тысяч лет на Землю падает метеорит диаметром до ста пятидесяти метров. Раз в двести шестьдесят миллионов лет с Землей сталкивается уже не метеорит, а астероид или малая планета диаметром в пять километров, и, видимо, именно такой астероид упал на Землю двести пятьдесят миллионов лет тому назад.

На Земле мы видим много следов столкновения с небесными телами — таких следов десятки. Один из самых больших рубцов такого рода находится в Южной Африке. Долгое время гигантскую чашу диаметром сорок километров считали кратером погасшего вулкана, однако при тщательном исследовании выяснилось, что эта чаша не вулканического происхождения, а представляет собой результат падения какого-то большого небесного тела. Приблизившись к поверхности Земли, тело это взорвалось с мощностью, в двадцать раз превышающей взрывную силу самой крупной из современных водородных бомб. Случилось это около двухсот пятидесяти миллионов лет назад, именно тогда, когда начался разлом праматерика и передвижение континентов. Но, как указывают геофизические исследования, континенты на планете могут двигаться не только из-за того, что Земля сталкивается с небесными телами. Такое движение возможно и вследствие процессов, происходящих в недрах планеты, когда с наибольшей активностью действует расплавленная магма. Од-

новременно массовые извержения магматического характера могут даже привести к изменению полюсов Земли. Как полагают некоторые исследователи, шестьдесят миллионов лет тому назад Северный полюс находился в южной части Тихого океана. Сейчас происходит медленное перемещение его в сторону Канады. Таким образом, положение нашей планеты в пространстве совсем не стабильно, и из этого факта вытекает возможность самых неожиданных климатических и экологических последствий для ее обитателей. И не случайно, когда полюс шестьдесят миллионов лет назад изменил свое местоположение, погиб такой высокоразвитый и широко распространенный вид животного мира, как динозавры. Мы знаем предания о Всемирном потопе, об исчезновении целого континента — Атлантиды. Все это говорит о том, что Земля, этот огромный космический корабль, живет по своим законам, законам материи. Она то сталкивается с небесными телами, то сама извергает из себя стихию, меняющую ее лицо. Как бы там ни было, палеонтологический разрез неподалеку от кишлака Джаус указывает, что двести пятьдесят миллионов лет тому назад на месте этого кишлака был мировой океан. Границы древнего океана простирались до самых Уральских гор, воды покрывали территорию нынешнего Казахстана, Узбекистана, Туркмении, шли на юго-восток, в сторону Китая.

Сейчас трудно представить себе, что там, где стоят города, возделываются поля, проложены железные дороги, в общем — живет человек, было когда-то дно океана. Видишь зеленеющие деревья, слышишь щебет птиц, глядишь на дела человеческих рук — и плохо верится в то, что над этим краем была четырехкилометровая толща воды. И тем не менее это факт.

Чтобы воочию убедиться в исторической достоверности этого факта, я решил съездить в кишлак Джаус. Самый короткий путь туда — самолетом. С 1983 года от Ташкента до Шахрисабза проложена авиационная трасса. Я вылетел в Шахрисабз ранним утром, и уже минут через сорок — сорок пять самолет подруливал к зданию аэропорта.

На самой окраине Шахрисабза находится управление Кашкадарьинской геологической экспедиции, где я встретился с начальником экспедиции Халимом Хакимовичем Гадаевым и продолжил свой путь к кишлаку Джаус уже вместе с ним. Мы проехали Шахрисабзский район, Китабский район до самого дальнего кишлака Паландара, а затем по укатанной дороге повернули в сторону горного массива, к кишлаку Джаус. До Джауса от Паландары дорога очень сложная, каменистая, вся в рытвинах, ухабах, поскольку дорога эта проложена по горным отрогам, а там выбирать особо ровные площадки не приходилось. Наш «газик» постоянно подпрыгивал, то нырял вниз, то взмывал вверх по горному перевалу. И пока мы ехали в Джаус, Халим Хакимович рассказывал мне историю произошедшего там палеонтологического открытия.

Начало истории Джаусского палеонтологического разреза восходит к 60-м годам, когда геологи Узбекистана начали проводить широкомасштабные исследования территории республики, и в первую

очередь были обследованы горные массивы, выносившие на поверхность полезные ископаемые. С тех пор ими разведаны богатые залежи меди, золота, свинца, цинка, серебра, вольфрама и других редких металлов. Узбекистан по количеству запасов редких металлов в нашей стране стоит на втором после РСФСР месте. В ходе геологических изысканий и был обнаружен уникальный комплекс окаменевших пород около кишлака Джаус, разместившийся в отрогах Зеравшанского хребта, входящего в горную систему южного Тянь-Шаня.

Если самые старые горы в СССР — Урал, то Зеравшанский хребет — самый молодой. Двести пятьдесят миллионов лет назад в процессе формирования горной системы Тянь-Шаня пласты пород, образовавшихся на дне океана, были приподняты над поверхностью Земли, и вскрылся уникальный разрез, составленный за двести пятьдесят миллионов лет из океанических осадков, из ила и живых океанских существ. Джаусский пласт — это своеобразная летопись Земли. Из года в год на протяжении двух с половиной сотен миллионов лет земная кора фиксировала здесь развитие растительных и животных организмов, все преобразования, которые происходили в течение этого периода. Подобного пласта нигде в мире больше нет, хотя имеются разрезы, зафиксировавшие меньшие периоды — пласт на юге Франции за сорок миллионов лет, пласт в Чехословакии, под Прагой — более двадцати пяти миллионов лет. Обнаружены подобные пласты и в других точках планеты, даже гораздо старше по возрасту — и миллиард, и два миллиарда лет, однако уникальность Джаусского пласта в том, что он зафиксировал период наиболее активного развития жизни в мировом океане, когда появились новые виды организмов, переходные от примитивного ко все более сложному строению. Примерно в тот же период из океана на поверхность суши стали выходить первые живые организмы. Например, в Соединенных Штатах близ Нью-Йорка в горных породах зафиксирован выход на сушу паукообразных, датированный 408—410 миллионом лет тому назад. Именно тогда живое шагнуло из воды на землю, и начала распространяться жизнь на поверхности Земли. Мы знаем многообразие живой природы, вплоть до ее высшей формы — человека. Ну, это так просто принято говорить — человек является высшей формой проявления природы. Да, на Земле это, может быть, и так, но вот в космосе, во всей вселенной — трудно сказать, возможно, есть существа, намного превосходящие человека по диапазону своей деятельности, по своим способностям, они могут обладать такими мыслительными, аналитическими, структурными функциями, которые ставят их на высшую по отношению к человеку эволюционную ступень. Но это — из области догадок, из области если не фантазии, то предвосхищения тех открытий, которые когда-нибудь предстоит сделать человеку. В своих размышлениях я отталкиваюсь от, так сказать, сравнительного анализа. Например, попробуем сравнить две таких живых структуры, как человек и муравей. Человек в своем восприятии окружающего мира трехмерен, в то время как муравей — двухмерен. Муравей так же реально существует, ведет активную и организованную, нужно сказать, жизнь. Но в то же время муравей даже не подозревает о существовании рядом с ним каких-то гигантских животных — человека, быка, слона, даже может быть, и мыши. Четвертое измерение жизни человека —

развитие и изменение форм существования человечества во времени, муравей же живет раз и навсегда установленным укладом жизни муравейника. Эти и подобные им мысли приводят меня к предположению, что, поскольку человек живет в четырех измерениях, от него может быть скрыто что-то, находящееся за пределами этих измерений, что просто-напросто недоступно его восприятию.

Таким образом, в тот день я совершил мысленный переход от паукообразного насекомого, впервые вышедшего из воды на сушу, через миллионы лет к высшему существу планеты — человеку. И вот я, человек, высшее существо, в этот день направлялся к Джаусскому палеонтологическому разрезу, чтобы заглянуть в глубину многих миллионов лет и посмотреть, откуда же начиналась жизнь, где ее микроскопическое начало, то первое изначальное живое существо. И когда я увидел первый окаменелый, а в прошлом живой организм, это меня потрясло настолько, что я долго не мог прийти в себя, разглядывая этот сизо-серый след, оставленный океанической жизнью, спрессовавшийся с песком и ставший кусочком скалы Зеравшанского хребта. И этот кусок скалы, который я держал в своих руках, рассказал мне, быть может, больше, чем все прочитанные мною книги. В этом слепке далеко ушедшего времени были раковины отмерших брюхоногих моллюсков, трилобитов, головоногих хищников. Непосвященному в геологические тайны показалось бы, что это обыкновенный ракушечник, строительный туф, из которого в Армении строят дома, которым облицовывают фасады зданий. Когда я поинтересовался, в чем же разница, Гадаев объяснил мне, что армянский туф — это самое молодое образование, ему примерно шестьдесят миллионов лет, а тому ракушечнику, который я держал в руках,— более четырехсот миллионов. Казалось бы, два таких похожих куска серой горной породы — а такая эволюционная пропасть между ними. Схожесть природных явлений на Земле порой обманчива, и все далеко не так просто, как нам кажется.

Сама эта поездка — из Ташкента в Шахрисабз, оттуда через Паландару в Джаус — словно раздвинула во мне временные рамки, разбудила осознание того, что человек развивался от простейшего к нынешнему величию, способности действенно влиять на окружающую его действительность. Я ехал в тряском «газике» по океаническому дну, над которым миллионы лет тому назад шумела водная стихия. И лишь вследствие планетного катаклизма океанское дно здесь обнажилось и стало земной поверхностью. Горы были следствием вулканических процессов, и молодые горы Зеравшана — это тоже свидетельство продолжения жизни самой планеты. Процесс этот неостановим; пока существует планета Земля, на ней будут происходить постоянные преобразования, свершаться переходы из одного состояния в другое, меняться природная среда, возникать срезы все новых природных, экологических, биологических, физиологических уровней развития.

Поездка в Джаус для меня оказалась не только путешествием в отдаленнейшее прошлое планеты,— здесь я столкнулся с социальной болью нашей сегодняшней жизни. Эта боль в кишлаке Джаус словно обострилась, проявилась неприкрыто.

Название «Джаус» в переводе означает «неочищенный орех». И то, с чем я здесь столкнулся, показалось мне поистине «неочищенным орехом» нашей общественной и политической жизни. Кишлак растянулся на целых три километра по правому берегу реки Джинныдарьи, то есть в переводе на русский— «сумасшедшей реки». Джинныдарья пробивается сквозь горную теснину Зеравшанского хребта, унося с собой талые воды с ледников в долину, где впадает в реку Кашкадарью. Домишки стоят лесенкой, один над другим вдоль этой горной речушки, примостились то под скалой, то на склоне, то на прочной базальтовой площадке. Люди здесь добродушные, приветливые и удивительно открытые.

Мы подъехали к тому месту, где раньше была мечеть и где росли два огромных чинара, возраст которых превышал пятьсот лет, а диаметр стволов был более четырех метров. Мне подумалось, что возраст этих деревьев говорит о древности самого кишлака. В восточных селениях всегда можно узнать, когда здесь впервые появилось человеческое жилье, по таким вот чинарам. Потому что с тех пор, как сюда из Аравии пришло мусульманство, в каждом селении появились одна-две мечети, строившиеся по определенному обычаю. Около мечети копался хауз, наполнялся водой, и по всем четырем сторонам этого хауза обязательно сажались чинары. Это — неотъемлемый атрибут каждого восточного кишлака того времени. Встречали нас, вернее — Гадаева, два человека, один из них — директор местной школы, другой — бригадир отделения совхоза «Паландара», к которому принадлежал кишлак Джаус. В кишлаке жило более тысячи трехсот человек, но, по рассказам стариков, до войны здесь было две тысячи жителей, и на территории кишлака располагались три колхоза, выращивавшие пшеницу, ячмень, бравшие высокие урожаи горного гороха, из которого можно приготовить очень вкусные блюда. Было здесь несколько животноводческих ферм, и три колхоза сдавали государству до тысячи тонн мяса в год. Но если Джаусский палентологический разрез — это слепок древнейших времен, то сам кишлак Джаус явился как бы слепком тех «застойных» лет, которые пришлось пережить нашему обществу.

Меня пригласили посетить школу. На триста учащихся — всего девять классных комнат, учились в три смены, причем в одной комнате одновременно обучались дети разных возрастных групп—и шестой, и седьмой классы, и урок ведет один и тот же преподаватель. Можно понять, какие знания даются детям. Я спросил, почему же школа работает в таких условиях. Мне ответили, что школа была построена в 1932 году, это низкое глинобитное зданьице с глиняными полами, с маленькими подслеповатыми окнами. С тех пор о строительстве здесь школьного здания никто не думал. Клуб кишлака Джаус построен в 1934 году, а баня — в 1935 году. С тех пор ни один кирпич не был положен в постройки так называемого «соцкультбыта». Все застыло на тридцатых годах. «Застойный» дух семидесятых годов отбрасывал кишлак на сорок лет назад. В знак протеста против равнодушия районных и областных властей к нуждам Джауса аксакалы кишлака, посовещавшись, собрали деньги, и в 1974 году, в самый разгар «застойного периода», здесь после тридцатилетнего молчания вновь была открыта мечеть. Ветхое

здание жители кишлака отремонтировали, были пристроены новые помещения, и в мечети воцарился мулла. Шесть лет он усердно исполнял религиозные обряды. Однако деятельность эта была все же прекращена, и даже не потому, что кому-то не понравилось появление новой мечети, а лишь потому, что в 1980 году здесь был создан Джаусский палентологический заповедник, а на 1984 год намечалось проведение международного симпозиума ученых на месте уникального пласта горных пород. В связи с этим, как у нас водится, сюда сразу же понаехали высокие чиновники, стали интересоваться — что это за кишлак, чем он живет, и выяснилось, что жизнь здесь в самом расцвете «застоя». Люди по сути дела здесь предоставлены сами себе, и социального прогресса нет никакого. По плану Министерства геологии сюда от Паландары протянули одиннадцатикилометровую дорогу, мечеть «по решению совета старейшин» отдали под магазин, запланировали строительство новой школы, но дети до сегодняшнего дня обучаются в старом здании. Да, построили-таки новую баню. Вот и все перемены, да и те— «в свете подготовки к международному симпозиуму», не по требованиям жизни, а по желанию показать иностранцам «новую» жизнь в кишлаке. Наши советские люди очень отходчивы и понятливы. Они очень быстро поняли, что раз приедут иностранцы, то неудобно показывать им теневые стороны нашего бытия. И жители кишлака сами как-то подтянулись, стали ремонтировать свои дома, приводить в порядок приусадебные участки, на домах появилось несколько оцинкованных крыш, шифер, около домов — подобие мостовой. И когда в 1984 году сюда на симпозиум прибыло несколько делегаций из-за рубежа, кишлак Джаус выглядел уже более-менее прилично, приблизился несколько к уровню тех «показных» кишлаков, которые охотно демонстрируют приезжим, и в особенности иностранцам.

Этот симпозиум был первым только для Джауса, а вообще-то он проходил в рамках XXVII-го международного геологического конгресса. В Джаус приехали ученые из разных стран, в том числе из США, Италии, Канады, Франции. Среди гостей нашлись такие, которые скептически отнеслись к показному благополучию кишлака и попытались выяснить истинное положение дел. Одной из таких гостей была дочь знаменитого генерала Джорджа Паттона, одного из командующих американских армий во время встречи с советскими войсками на Эльбе, одного из ярких событий в борьбе с немецким фашизмом. Так вот, эта дама была консультантом геологического департамента США. Однажды она встала рано утром и сама, без сопровождающих, направилась в кишлак Джаус и там стала разговаривать с местными жителями, выяснять, как им живется, что за последнее время делает Советская власть в этом кишлаке. Но, как я уже говорил, наши люди в таких случаях редко подводят — да и не из-за страха, а из-за того, что они искренне переживают за наш строй и дорожат им. Конечно, они не все рассказали американке — сказали, что о кишлаке проявляется забота,— вот, дескать, построена дорога, проведен электрический свет, что касается плохонькой школы, то планируется новая большая — в общем, живут они хорошо и всем довольны. Так что американка ушла, так и не узнав всей правды. Но можно ввести в заблуждение иностранца, а жизнь-то

не введешь в заблуждение. И кишлак Джаус остается живым укором в том, что мы не обращаем внимание на такие вот селения, где живут наши советские люди, терпеливые, без претензий, скромные, живут или, можно сказать, влачат существование на уровне XVIII — XIX века. В кишлаках, подобных Джаусу, почти ничего не изменилось. Им, конечно, предлагают переселиться на новые целинные земли, где предоставят благоустроенное жилье, где есть электричество, есть определенные учреждения культуры. Но, видимо, это не рационально, потому что из кишлака Джаус по предложению разных организаций выехало на целинные земли за последние пятнадцать лет около пятисот человек, но большинство из них вскоре вернулось в свои родные края. Человек, родившийся и выросший в горах, привыкший к чистому воздуху, к ломящей зубы вкусной воде, к открытой и свободной природе, никак не может привыкнуть к жаркой долине. Горцы там болеют, тоскуют по своей родной стороне. Так надо людям, которые живут в горных кишлаках, чьи предки жили там тысячелетиями, создавать условия для нормальной жизни. Я уже говорил выше, что кишлак Джаус до войны давал стране тысячу тонн мяса, зерно, горох, собирал до двадцати тонн орехов в год. На сегодняшний день его продукция составляет одну десятую довоенного объема. Конечно, люди на своих приусадебных участках собирают овощи, фрукты, содержат личный скот, часть этого продают в целинных совхозах, на базаре в Шахрисабзе, в Карши, возят через перевал в Самарканд, но все равно они не производят того, что могли бы производить, если бы им отдали землю в собственность. Так что слепок жизни, существовавшей двести пятьдесят миллионов лет тому назад, соседствует в Джаусе со слепком «застойного периода», который пережила наша страна за последние сорок лет.

И все же рассказ о Джаусе будет неполон, если я не поведу читателя в сам палеонтологический заповедник, который находится за два с половиной километра от кишлака, в разломе высокого горного хребта, в местечке Ходжа-курган-сай. Отъехав от кишлака на километр, мы достигли места, где расположены корпуса и службы заповедника, гостиница для приезжих, большая стоянка автомашин, опрятная столовая с чистыми занавесками и чистыми столами, а также небольшой палеонтологический музей. Это место — последний пункт перед походом собственно в заповедник. Немного передохнув после дорожной тряски и осмотрев музей, в котором выставлены окаменелые ракушки, срезы морского дна и другие экспонаты, мы вместе с директором заповедника Юрием Николаевичем Опекиным отправились дальше в горы. Этот отрезок пути нашей небольшой экспедиции из пяти человек пришлось преодолеть верхом на лошадях — дорога, пригодная для автотранспорта, здесь кончалась. Мне достался низкорослый жеребец, на которого я глядел с опаской, так как, когда я сел на него, он закряхтел и даже присел от тяжести. Мне стало как-то не по себе, стало жалко бедное животное, и я подумал: как же сможет этот слабосильный жеребец везти меня, такого тяжелого, по горным тропам? Но вскоре я убедился, что мой скакун привык к таким переходам, освоил этот крутой путь. Впереди ехал Юрий Николаевич, за ним — я, дальше — остальные. Мой конь постоянно предпринимал попытки обогнать директорскую

лошадь, вырваться вперед. Это меня удивило, я понял, что у моего коня — свое настроение и свой норов. Однако за поведением скакуна я наблюдал недолго, меня увлекло зрелище окружающей природы, величественный вид горного ущелья, по которому мы поднимались все выше и выше. Здесь пышно разрасталась зелень, сверкали яркими красками цветы. Я заметил на зеленой полянке следы каких-то зверей. На мой вопросительный взгляд Юрий Николаевич ответил, что здесь, вероятно, недавно побывало кабанье семейство, кабанов здесь много, есть и волки, доставляющие много беспокойства работникам заповедника. Когда мы проехали около полукилометра, Юрий Николаевич указал мне на группу каких-то фигур на склоне горы, метрах в трехстах выше нас. Я решил, что это люди вышли на сенокос, но наш провожатый сказал — нет, это медведи, они сейчас выкапывают ревень и лакомятся им. Эти встречи наводили меня на мысль, что края эти не только прекрасные, не только интересные, но и опасные — здесь и кабан, и волк, и медведь, все в первозданном виде. Так что городской житель, вместо того, чтобы любоваться природой, стал тревожиться, пугаться этой природы. Да, мы действительно отвыкаем от многообразия окружающего нас мира, отчуждаемся и уходим от него все дальше, нас уже устраивает асфальт, стекло, бетон, электрические провода, грохот поездов, а этот дикий горный край, этот пряный воздух, цоканье лошадиных подков не на шоссе, а на горной дороге заставляет насторожиться. В общем, я оказался в непривычной для себя среде. А тут еще пошел дождь, и скалы намокли, стали скользкими, лошадь начала звонче стучать копытами об омытый водой грунт, меня это обеспокоило. Потом — резкий спуск, потом — крутой подъем, потом мы переходили бурную речушку, разбухшую от дождевых потоков, и тревога моя все усиливалась. Но дождь вскоре кончился, и над ущельем как-то сразу выглянуло солнце, и я вновь увидел красоту той природы, которая только что меня пугала. Выходит, мы уже не дети природы, мы дети привычки. А привычка — это, как говорят, вторая натура, которая заставляет тебя жить по своим законам, по своей прихоти.

В это время Юрий Николаевич обратил мое внимание на появившийся за поворотом горный массив, очертания которого напоминали силуэт лежащего динозавра. Горная порода на этом «динозавре» словно ощетинилась. Наш провожатый сказал: «Это и есть тот знаменитый горный срез, где на поверхность вынесена структура длиной в четыре километра, зафиксировавшая, как шкала, год за годом, период в сто десять миллионов лет. Другой срез находится за полтора километра отсюда». Услышав слова директора заповедника, я тут же забыл о всех опасностях горной дороги, пришпорил своего конька и заторопился к горному массиву. Но не тут-то было,— в горах спешить нельзя. Один неверный шаг — и лошадь может сорваться в пропасть. Пропасть пролегала справа от нас, а слева бурлила горная речушка, своим шумом словно предупреждавшая об опасности. И Юрий Николаевич предупредил: «Не нужно торопиться. Время терпит. Оно застыло там, периодом в двести миллионов лет, так что оно от нас никуда не уйдет». Я послушался доброго совета и без спешки продолжил путь по горной тропинке.

Мы спешились около кряжистой урючины, привязали к ней своих лошадей и двинулись дальше пешком, карабкаясь вверх по мокрым от дождя скалам. Видя, как ловко взбирается на скалы Юрий Николаевич, я старался перенять его навык, но это мне не удавалось. Так же, как житель гор неуютно чувствует себя на городских улицах, так же и горожанину трудно освоиться с горной тропой.

Когда мы наконец приблизились к горной породе, казавшейся мне издали вздыбившимся панцирем динозавра, Юрий Николаевич сказал: «Вот мы и у подножья среднего ордовика. А четыре километра по горному кряжу вверх — это и есть те сто десять миллионов лет, отделяющие средний ордовик, отстоящий от нас на четыреста семьдесят миллионов лет, от среднего девона, от которого мы удалены на триста шестьдесят миллионов лет. Дорога жизни — длиной в сто десять миллионов лет». После этих слов я притронулся к скалистому выступу рукой, и меня охватило волнение. Я стал вглядываться в серые каменные плиты, спрессованные временем и тяжестью, но ничего, кроме обыкновенного камня и сыплющейся щебенки, не смог увидеть. Видимо, так же, как невежда при виде золотого самородка не поймет, какое сокровище перед ним. Так же, как неграмотный, листая книгу, не разбирает слов. Везде нужно знание. И тот человек, который указывает пути развития нашего общества, должен так же свободно читать Книгу жизни, как читает геолог каменную летопись. А порой считаем, что человеку достаточно поверхностных знаний, чтобы мановением руки указывать другим правильную дорогу. И порой именно по такой указке мы заходим в тупик, не можем ни прочитать историю, ни понять время, ни заглянуть в будущее.

Волнение мое постепенно улеглось. Юрий Николаевич объяснял: «Посмотрите на эту серую плиту. Это — морские отложения, здесь и прицеполы, и пластинчатые, и жаберные. А присмотритесь к тому шарообразному камню. Это не что иное, как колония кораллов, возраст которой никак не меньше четырехсот пятидесяти миллионов лет. Ведь мы с вами находимся у самого подножия среднего ордовика». Я присел на корточки, тронул шершавую поверхность камня, и когда вгляделся по-настоящему, то понял, что это действительно не просто какой-то базальт. Камень имел организованную структуру, был памятником существования и деятельности живых организмов. «Ну что, увидели что-нибудь в этой каменной глыбе?»— спросил меня директор заповедника. В ответ я только кивнул головой. Юрий Николаевич посмотрел вверх, туда, где едва просматривался горизонт, и сказал: «Вон там, выше,— коралло-раковое сообщество, табулеты, ругозы, брахманы, прочие раковины. Если нам удастся доказать непрерывность этого времени, то Джаусский заповедник станет всемирным эволюционно-палеонтологическим эталоном, по нему будут сверять геологическую стратографию».

Обратного пути я не запомнил, мои мысли унеслись в ту дальнюю эпоху, когда зарождалась жизнь на земле. Ехал я на своем коньке и думал: «Все-таки здесь когда-то был океан. Было море, море тайн, море жизни, переходившей из одной формы в другую и выходившей на поверхность. И вот теперь здесь твердь, здесь суша, и я еду по этой су-

ше, я, человек двадцатого столетия, того общества, которое хочет построить самую справедливую жизнь на Земле. И это — тоже продолжение той океанической жизни, то, во имя чего она была создана природой... Сейчас у нас — эпоха перестройки. Но самого себя человек перестроить не может. Он — природное существо, созданное последовательной поступью органического, биологического развития жизни на Земле. Человек сегодня должен лишь глубже вникнуть в суть и смысл своего существования, своего существа, и тогда он сможет найти те прекрасные природные силы и качества, которые позволят ему построить свою жизнь так, чтобы она не противоречила ни природе, ни собственной его сущности».

Геологический заповедник остался позади. Он за моей спиной. Океан ушел, унес свои воды за многие тысячи километров. А впереди у всех нас новая, неизведанная жизнь, и строить ее нужно так, чтобы слепок с этой жизни, оставшийся после нас на суд грядущих поколений, явил им чистоту наших помыслов и дел, чтобы мы строили свою жизнь только по-человечески, чтобы мы своими делами не подвели природу, не опозорили ее, ибо мы — высшее ее достижение. Ну а природа оставляет нам слепок своей жизнии — в назидание. И очень хочется, чтобы каждый гражданин планеты посетил Джаусский заповедник, увидел эту бездну, великую лабораторию времени, в которой созданы мы — люди планеты Земля.

Я совершил путешествие по времени, и в моем сознании произошел какой-то сдвиг понятий. Еще сильнее я почувствовал долг перед природой и еще яснее понял — не все то, что мы делаем сейчас на Земле, хорошо, отвечает тому великому предназначению, которое природа заложила в нас, в людях. Отрадно, что сейчас люди начинают излечиваться от чумных замыслов милитаризма и собираются заключить договор об уничтожении ядерных ракет. Ибо если произойдет атомная катастрофа, она будет последним катаклизмом на Земле, означающим крах всей длившейся миллиарды лет созидательной работы природы, трудившейся над появлением человека, для нас и на нас. Неужели мы, люди, взявшие в свои руки власть над природой, не можем управлять сами собой? Неужели разум человека после миллионов лет развития все-таки окажется недостоин существования? Пусть Джаусский заповедник рассказывает людям и двадцатого, и двадцать первого, и двадцать пятого, и тридцатого века историю нашей планеты, историю нашего разума. Мне хочется верить, что так оно и будет. Будет Джаусский эталон. И будет эталон жизни для всех разумных людей на планете.

Вечером я вернулся в долину, и в городе Шахрисабзе меня ждала суета сует. Шла повседневная жизнь, люди ходили и ездили по дну океана, даже не подозревая, что над этими местами когда-то была толща воды. Природа не мельтешила, не суетилась, а делала свое дело. Она создала разумное существо, и вдохнула в него самое себя. А мы, не поняв в ней доброе начало, пытаемся вывернуть весь мир наизнанку, подчинить окружающее своей воле, хотя и не уверены, выйдет ли из этого что-нибудь путное.

Там, где был океан, сейчас живут и работают люди. Они растят детей, строят, сеют злаки. А сам океан ушел далеко. И там, где был ког-

да-то материк, сейчас властвует он. Но природа когда-нибудь вернется на свои круги, в этом нет никакого сомнения. Лишь бы человек не подвел ее, не нарушил этого великого вселенского круговорота.

Уезжая в тот же день в Ташкент, я увозил с собой кусочек горной породы из Джаусского заповедника. В нем, как в капле воды, был целый мир — мир, уснувший пятьсот миллионов лет тому назад. Микромир, макромир — они едины. Без части целого не бывает. Так и в жизни человека. Если человек не считается с целым, то он пропадает, как часть. Если он в целом не признает целого, от тоже теряется. Джаусский заповедник научил меня лучше понимать природу, жизнь — такую, какова она на самом деле, без наших условностей, без тех «объективных» обстоятельств, на которые мы ссылаемся, когда у нас что-то не получается. Нужно учиться у природы знанию закономерностей жизни, и мне напоминает об этом кусочек горной породы, в котором запечатлено начало всех начал земной жизни. Этот камешек напоминает мне, что придет время — и мы все снова станем частицей неживой природы, и это будет закономерно. Но закономерным это будет лишь тогда, когда придет для того естественное время. И не нужно это время торопить, не нужно его искажать, не нужно противиться логике его течения.

Мы, дети двадцатого века, должны оставить после себя такой слепок, чтобы и через пятьсот миллионов лет люди смогли узнать в нас свое разумное начало, разумное продолжение геологического пласта, чья история длится миллиарды лет.

Был океан, а сейчас здесь твердь земная, и по ней идет человек, оставляя свой разумный или неразумный след, по которому потомки будут судить о нашем времени. Был океан — стала твердь. Была твердь — стал океан. Таков круговорот природы. Мы — дети ее и должны подчиняться ее законам,— и подтверждение тому — Джаусский заповедник.

ХЛОПОК

Эссе

Среди злаков, сотворенных природой, для человека самым драгоценным является хлеб. Без зерна, которое родит Земля, жизнь наша непредставима. Но даровано нам растительным миром еще множество чудес, и среди них — хлопок, белое чудо, нить, сотканная из солнца. Народная мудрость, величайшим из благ провозглашающая «хлеб наш насущный», говорит также: «Хлопок — наше одеяние». Мы должны быть вечно благодарны природе, величайшей субстанции бытия, ибо она не только сотворила человека, но создала вокруг него удивительно многообразный мир, позволяющий ему существовать богато и полнокровно. Но хлопок во всем этом многообразии занимает особое место. Политики говорят, что хлопок, как и нефть, командует мировой экономикой. Однако такое определение значения хлопка относится только к нашей эпохе. Было время, когда ни Европа, ни Африка не знали о выращивании хлопчатника. Ни у Гомера, ни в трудах историков европейского античного мира мы не находим упоминаний об одеждах из хлопка. В то же время пряжение шерсти и изготовление из нее тончайших тканей столь часто упоминается в этих источниках, что становится несомненным — если бы во времена Гомера или Соломона существовало бы что-то подобное хлопчатобумажным тканям, до нас дошли бы сведения об этом. В пятом веке до нашей эры Геродот в сочинении, заключающем в себе почти все познания древнего мира, впервые упоминает о хлопке и описывает его как дерево, растущее в Индии, «приносящее вместо плода руно несравненно более нежное и прекрасное, чем руно овцы».

Путь хлопка, как технической культуры, в Европу, Африку и ряд стран Азии был непрост. Сведения о хлопке мы находим у летописцев, сопровождавших Александра Македонского в его походах на Восток, в том числе и в Индию. Два полководца Александра, вернувшись из Индии, сумели впервые подробно рассказать о хлопке и о тех тканях, которые делают из хлопка индусы. Многие из тех индийских тканей действительно были изумительного качества и поразили воображение европейцев. С того времени Индию все чаще стали посещать европейские купцы, вывозящие оттуда среди других товаров и ткани из хлопка. Мало-помалу хлопчатобумажная ткань стала одним из основных товаров на европейских рынках. На рубеже новой эры римляне, по-видимому, ввозили такие ткани уже в очень значительных количествах, так что Веррес, современник Цицерона, во время своего пребывания в Сицилии мог даже делать из этой ткани шатры. По свидетельству Тита Ливия, в 63 году до нашей эры Лентулл покрыл весь римский форум навесом из

хлопковой ткани, а тридцать лет спустя Цезарь раскинул такой же шатер надо всей улицей, ведущей от его жилища к Капитолию, что поразило римлян более, чем все зрелища, которыми он забавлял народ. Ткани, ввозимые из Индии, приобретали все большую популярность, так что предприимчивые купцы стали подумывать: а нельзя ли и в Европе заняться выращиванием хлопчатника? Однако из-за холодного европейского климата эта затея, разумеется, провалилась. Тогда эти предприимчивые торговцы попытались увеличить ввоз хлопкового волокна до таких размеров, чтобы в Европе можно было бы создавать мануфактуры по производству тканей. Однако оказалось, что и в самой Индии объем производства хлопкового волокна недостаточно велик, и там почва и климат не благоприятствуют получению высоких урожаев. В Индии деление года на два периода — дождливый и сухой, и быстрый переход от одного к другому — это совсем не идеальные условия для выращивания хлопчатника, который нуждается во влажной теплой весне для всходов, в продолжительном жарком лете, в сухой и долгой осени для полного сбора созревшего урожая. Убедившись, что Индия не сможет полностью удовлетворить европейский спрос на хлопковое волокно, купцы и промышленники обратили свои взоры на Африку, в первую очередь на Египет. Настоящий хлопковый бум в Европе начался лишь после того, как в середине XV столетия Христофор Колумб открыл Америку. В Новом Свете, как нарекли европейцы этот континент, изготовление хлопчатобумажных тканей, по-видимому, было известно коренным мексиканцам и перуанцам задолго до появления Колумба. Этот мореплаватель увидел посевы хлопчатника на острове, получившем название Эспаньол, а позднейшие путешественники обнаружили хлопковые плантации даже в дельте реки Миссисипи. После колонизации Америки на европейский рынок мощным потоком хлынули «колониальные» товары, в первую очередь хлопковое волокно. Крупнейшим потребителем сырья из Америки стала Англия. Выращиванию хлопчатника на юге Америки способствовал и климат, и наличие дешевой рабочей силы — на хлопковых плантациях трудились в основном негры-рабы, торговля этим «живым товаром», ввозимым в английские колонии из Африки, была массовой. Но даже приток хлопкового волокна с американского континента не удовлетворял все возрастающий спрос на хлопчатобумажную ткань. Переработка сырца была несовершенна. В 1793 году американец Уитней изобрел машину, отделяющую волокно от семян. Это изобретение стало революцией в хлопковом производстве, позволив во много раз увеличить количество волокна и темпы его производства. Хлопкоочистительные машины появились всюду, где выращивался хлопчатник,— и в Египте, и в африканских странах, и в Индии. К середине XIX века в мире производилось около пяти миллионов тюков волокна. Количество волокна измерялось в тюках, один тюк соответствовал ста шестидесяти килограммам или четыремста сорока фунтам. К тому времени страны — производители хлопка вырабатывали волокно в следующих объемах: Вест-Индия (континентальная Индия) — немногим более 4 тысяч тюков, Бразилия — 5 тысяч тюков, Египет — 86 тысяч

тюков, африканские страны —440 тысяч тюков, Соединенные Штаты —3 миллиона 880 тысяч тюков хлопкового волокна. Более половины этого количества волокна поступало на текстильные предприятия Англии и там перерабатывалось. Много сырца перерабатывалось в Соединенных Штатах Америки, и лишь незначительная часть производства тканей из хлопка приходилась на другие страны. На долю текстильных предприятий России выпадало не более 7% мирового производства хлопчатобумажных тканей.

И вот прошел целый век. К 80-м годам XX столетия производство хлопчатобумажных тканей в мире увеличилось более чем в десять раз, производилось более 40 миллиардов метров ткани. Крупнейшим производителем тканей стал Китай — до 12 миллиардов метров, СССР —7,5 миллиардов метров, США —3 миллиарда 600 миллионов метров, Индия —2 миллиарда 200 миллионов метров, Япония —2 миллиарда метров, ФРГ —1 миллиард 200 миллионов метров, Италия —1 миллиард 100 миллионов метров, Польша —900 миллионов метров, Франция —900 миллионов метров, Румыния —700 миллионов метров. Таков был объем мировой текстильной промышленности в 80-х годах. Но хлопок — это не только сырье для производства нужных человеку тканей: батиста, ситца, шифона, вельвета и других. Хлопок служит сырьем и для многих других продуктов, как пищевых, так и бытовых. Хлопковое масло обладает высокими питательными свойствами. Промышленным способом из семян и стеблей хлопчатника вырабатывается мыло, стеарин, лаки, олифа, кинофотопленка. Хлопок служит основой для производства сильнейшего взрывчатого вещества. Отходы хлопкоперерабатывающей промышленности, жмых и шроты после производства хлопкового масла являются ценнейшим кормовым продуктом для животноводства. Так что хлопок — это уникальное растение, способное принести человеку очень много пользы. Естественно стремление каждой страны к расширению посевных площадей под хлопчатник и увеличению производства хлопка. На землях всего мира площадь под посевами хлопчатника — примерно восемь миллионов гектаров. Общий валовый объем получаемого за год хлопка-сырца — примерно 32—35 миллионов тонн. В мировом производстве хлопка-сырца Узбекистан занимает одно из ведущих мест. В течение последнего пятилетия ежегодно здесь получают 5—5,5 миллионов тонн этого ценнейшего сырья, то есть от одной шестой до одной седьмой количества сырца, производимого во всем мире, до 75% количества этого сельхозпродукта в СССР. В целом по нашей стране урожай хлопка — от 7,5 до 8,5 миллионов тонн. Значительное количество, если учесть, что Болгария и СССР — самые северные зоны выращивания этой капризной сельхозкультуры.

Значительную долю производимого волокна СССР поставляет на мировой рынок, в первую очередь восточноевропейским странам. Взамен страна получает машины и оборудование, зерно и мясопродукты. По мнению экономистов, самое главное достижение этой отрасли нашего сельского хозяйства — это тот факт, что СССР сейчас имеет хлопковую независимость и может не только полностью обеспечить сырьем собственную промышленность, но и экспортировать его. Так было не всегда. В XIX веке, во время всемирного хлопкового

бума, в России также начали возникать хлопковые мануфактуры — в Москве и Петербурге, в Ивано-Вознесенске строились текстильные предприятия. Однако российским предпринимателям приходилось туговато, так как на землях империи хлопок не произрастал, волокно приходилось закупать в Соединенных Штатах, перевоз стоил дорого, удорожая и производство тканей. Стали искать возможность выращивания «отечественного» хлопчатника, обратили внимание на земли южнее оренбургских степей, где с Россией граничили малые среднеазиатские государства — Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират. И раньше в эти земли хаживали российские купцы, но хлопковый голод заставил их уделить торговле со Средней Азией еще больше внимания. В 40—50-х годах прошлого века в Бухару, Ферганскую долину, Хорезм один за другим пошли караваны за хлопковым волокном. И хотя закупаемое в азиатских ханствах волокно оказалось ниже качеством, чем американское, но зато цены на него были в несколько раз ниже заокеанских. Важно было и то, что это волокно можно было получать и путем обмена на товары из России,— большим спросом в Средней Азии пользовался российский сахар, мед, фарфоровая посуда, скобяные изделия. Ввозились из России ткани, которые благодаря машинному способу производства были намного дешевле производившихся в местных мастерских кустарно. Торговля между Россией и среднеазиатскими ханствами активизировалась, затрудняли такую торговлю лишь разбойничьи нападения на караваны. Россия, приглядываясь к своим степным соседям, приходила к мысли, что хорошо бы прибрать к рукам эти богатые земли с дешевой рабочей силой, приобщить к империи среднеазиатские малые государства. Нужно было торопиться — с юго-востока к этим странам подбиралась Великобритания. Она уже завладела Индией, присматривалась к Афганистану и южным районам Персии. В 1864 году русские войска под командованием генералов Черняева, Скобелева и Головачева пересекли российскую границу и выступили в поход на Кокандское и Хивинское ханства. В 1868 году русскими войсками были взяты Ташкент и Самарканд, покорены Коканд и Хива. Вслед за завоеванием этих территорий последовало присоединение к российской империи киргизских и туркменских племен, Бухарский эмират оставался независимым. Но после сражения между русскими и бухарскими войсками на Зирабулакских высотах в 1873 году был подписан договор, по которому Бухарский эмират признавал над собой протекторат России. После того, как на завоеванных землях ханств возник российский Туркестан, темпы развития хлопководства здесь значительно возросли.

Хотя дехкане Средней Азии были знакомы с выращиванием хлопка с давних времен, эта сельхозкультура родилась, по всей видимости, не здесь, а пришла через Персию из Индии. Но возможно, что миграция хлопчатника проходила и в обратном направлении: из Средней Азии в Индию. Ясно одно: на территории Средней Азии и Афганистана хлопчатник произрастал еще много веков тому назад. В 1221 году следовавший за Чингисханом китайский историк

и летописец Чань Чунь пишет о больших хлопковых плантациях Бухары и Самарканда, что было для китайского ученого в диковинку, так как Китай того времени хлопка не знал. «Купил несколько мотков растительной шерсти,— пишет Чань Чунь,— а также семь кусков ткани для зимней одежды. Ткань очень чистая, красивая, мягкая. Кроме одежды, из растительной шерсти здесь делают нитки и веревки». Из летописей мы узнаем, что Тимур всю свою многотысячную армию одевал в ткани из хлопкового волокна. Так что хлопок в Средней Азии производился издревле, но, разумеется, большей частью для удовлетворения потребностей местного населения, а не на продажу. Лишь небольшое количество волокна могли приобрести здесь купцы пограничных стран или торговцы, проезжавшие по знаменитому шелковому пути. Настоящая хлопковая лихорадка охватила среднеазиатские ханства лишь после завоевания их Российской империей, когда вслед за войсками сюда хлынуло купечество, чуявшее легкую наживу, а отсюда потоком двинулись караваны с хлопковым волокном. Купцы платили населению за волокно больше, чем дехкане получали за него на местных рынках, и это стимулировало интерес к хлопководству, увеличение площадей под хлопчатник. Купцы также начали брать поля в аренду, устраивать русские поселения с тем, чтобы самим выращивать это ценное текстильное сырье. Больше всего в этом деле преуспели такие «текстильные воротилы», как князь Рябушинский, имевший на среднеазиатских землях концессию, дававшую право на сбор урожая с плантаций в 65 тысяч гектаров. Текстильный фабрикант Савва Морозов имел концессию на 45 тысяч гектаров, засеянных хлопчатником. Даже царь Николай Второй не удержался от соблазна получить легкий доход. Он имел Мургабскую концессию на 35 тысяч гектаров хлопковых плантаций. Примечателен факт, что самодержец всероссийский искал за пределами России дополнительных доходов. Все мы знаем, что царь — эксплуататор, человек, использующий государственный механизм в своекорыстных целях. Но разве не то же эгоистическое корыстолюбие диктовало в совсем недавнее время поступки отдельных руководителей районного, областного, республиканского и даже общегосударственного масштаба в нашей социалистической стране. Эти люди, пользуясь данной им властью, без зазрения совести обворовывали народ, перепутав собственный и государственный карманы. Лишь правовое государство сможет положить конец произволу таких «правителей», стремящихся к личной наживе.

Однако вернемся к временам русских первых хлопковых концессий на территории Средней Азии. Вслед за расширением посевных площадей под хлопчатник здесь стала быстро разрастаться сеть ирригационных сооружений. Концессионеры вкладывали значительные средства в улучшение основы хлопководства. Строились здесь и хлопкоочистительные заводы, чтобы отпала необходимость возить сырец вместе с семенами на далекие расстояния. Очистка сырца производилась на месте, семена шли в маслобойни, а в Россию направлялись партии уже очищенного волокна. Ко времени Октябрьской революции 1917 года на территории современного Туркестана хлопок-сырец производился уже в объеме около 400 тысяч

тонн за сезон, из них более 60 тысяч тонн — на землях Бухарского эмирата. В Бухаре того времени было уже 26 хлопкоочистительных заводов, два из них принадлежали самому эмиру Саиду Алимхану, два — местному купцу и заводчику Мансурову, остальные — предпринимателям из России. За время присоединения среднеазиатских земель к России производство хлопка здесь возросло почти в двадцать раз, однако доминирующей сельскохозяйственной культурой хлопчатник в те времена здесь еще не стал. На землях Ферганской долины, Ташкентского и Сырдарьинского оазисов, в окрестностях Самарканда наряду с хлопчатником сеяли ячмень, рис, горох, пшеницу. Особое предпочтение в Средней Азии отдавалось садам, виноградникам, плантациям бахчевых. Сады, где росли абрикосовые, персиковые, сливовые деревья, яблони, культивировалось много сортов граната, айвы, инжира, занимали самые лучшие земли. Плоды этих садов заполняли рынки. Все знают, что такое восточный базар. Базары Средней Азии славились прежде всего обилием винограда, фруктов и овощей, которыми щедро одаривала дехкан земля. Большие площади плодородных земель здесь занимали также пастбища. Только в Бухарском эмирате отары овец насчитывали более пяти миллионов голов. Несмотря на щедрость азиатской природы и трудолюбие дехкан, население края жило очень бедно. Плодами труда народа пользовались в первую очередь местные властители, баи, духовенство, чиновники. Поэтому революцию 17-го года народ здесь воспринял как желанное событие, освобождение от непосильного гнета. Первые послереволюционные годы, озаренные ленинским гением, были приходом свободы в эти края. Народ почувствовал себя хозяином жизни, земля была распределена между теми, кто ее обрабатывает, фабрики и заводы объявлены народным достоянием. Революционный порыв проявлялся в те годы не только в мироощущении, но и в трудовых свершениях. Дехкане, откликнувшись на призыв пролетариата России, значительно расширили посевы хлопчатника и увеличили производство сырца. Пролетариат России щедро расплачивался за волокно; по контрактации шло сюда зерно, мануфактура, сахар, масло и другие необходимые товары. Сюда направлялись станки и машины для будущих заводов, строились железные дороги. Но к 30-м годам эти отношения начали деформироваться. Плановые органы из центра, да и местные руководители в угоду центральному правительству стали без учета реальных условий волевым методом увеличивать планы хлопкозаготовок. Вступил в действие тот же хозяйственно-административный механизм, который функционировал уже во всей стране. Командно-бюрократические методы управления экономикой менее всего отвечали интересам народа, основное внимание уделялось лишь «вниманию» все более высоких плановых показателей в ходе громкогласных сталинских пятилеток. Таким образом, перед войной, к началу 40-х годов в республике хлопчатником было засеяно более восьмисот тысяч гектаров, а валовый сбор доходил до полутора миллионов тонн сырца. Разразившаяся затем война диктовала свои законы — фронту нужен был хлеб, нужно было мясо, поэтому в республике приостановили рост посевных

площадей под хлопчатник. Но почти сразу же после достижения победы над фашизмом перед республикой была поставлена задача увеличения производства хлопка более чем в два раза. В 1946 году на ташкентском курултае была принята клятва Сталину, текст которой огласил тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов. От имени узбекского народа он обещал к 1953 году довести производство хлопка-сырца в Узбекистане до двух миллионов четырехсот тысяч тонн, увеличив при этом посевные площади под хлопчатником на 220 тысяч гектаров. Гонка за увеличением хлопкового вала велась без учета состояния сельского хозяйства республик. Но обязательство, данное «отцу народа», надо было выполнять. Вырубали сады, уничтожали виноградники, чтобы лучшие земли отдать хлопчатнику. Уменьшались площади под кормовыми культурами, под пастбищами. Но, несмотря на самые отчаянные усилия, республика к намеченному сроку не смогла выйти к запланированным рубежам, и, невзирая на это, еще большую задачу — произвести к 1960 году три миллиона тонн хлопка-сырца поставил новый Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Он неоднократно приезжал в республику, проводил здесь большие совещания, лично выезжал в колхозы — словом, делал все, чтобы развитие хлопководства в Узбекистане шло ускоренными темпами. Затем — новая задача: довести производство хлопка до четырех миллионов тонн. И вновь во имя этого задания под плуг трактора, под кетмень дехканина ложились те земли, где раньше были сады, виноградники или бахчи. Осваивались новые площади. Желаемые 4 миллиона тонн сырца республика дала осенью 1964 года, когда Н. С. Хрущев был освобожден от занимаемого поста. К руководству пришел новый лидер партии — Л. И. Брежнев. Вкупе с первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Рашидовым он поставил перед республикой задачу: во что бы то ни стало довести производство хлопка-сырца в Узбекистане вначале до пяти миллионов тонн, а затем был брошен лозунг — дать стране шесть миллионов тонн хлопка-сырца. Во имя претворения в жизнь этого лозунга на карту была поставлена судьба республики, судьба всех людей, живущих в Узбекистане, какой бы национальности они не были. Однако выполнить годовое обязательство в 6 миллионов тонн сырца было немыслимо. Практически все земли, которые можно было изъять из сельхозоборота и отдать под хлопчатник, были уже использованы. Все меньше становилось садов, на базарах все меньше становилось овощей и фруктов, дынь и арбузов, все скуднее становился дастархан тружеников. Но обязательства взяты, и их надо выполнять, невзирая ни на что, во что бы то ни стало... И как показалось руководству республики, выход из положения был найден. Под предлогом похода за повышение культуры на селе на Бюро ЦК Компартии Узбекистана, а затем на Пленуме ЦК были приняты постановления об укрупнении сельских населенных пунктов. Постановлением предусматривалось сселение жителей мелких кишлаков в одну большую центральную усадьбу, строительство там многоэтажных домов. Кишлаки шли под нож бульдозера, а на их месте возникали хлопковые поля. В одну центральную усадьбу свозились люди пятнадцати-двадцати

кишлаков, времени на выселение давалось очень мало. Если население отказывалось покинуть родной кишлак, появлялась милиция, «выкуривавшая» людей из их родовых гнезд. Графики ликвидации малых кишлаков были жесткими, отчеты о ходе этой «работы» постоянно заслушивались на бюро районных, областных комитетов партии, а в ЦК Компартии Узбекистана был создан штаб, который возглавлял лично первый секретарь ЦК. Никого не интересовали судьбы тех людей, которые были привязаны к обжитым местам, где у каждого был свой домик, маленький садик, любимый арычек, дающий прохладу. И вот якобы для блага этих людей разрушали их быт, насильно свозили их в кишлаки с населением в десять тысяч человек, где были широкие пыльные улицы, стояли бетонные типовые дома, и в этих неуютных строениях никто из дехкан жить не хотел. Рядом с этими домами лепились глиняные мазанки, и люди селились в них, поскольку при жарком климате человек не может жить в раскаленной бетонной коробке. В таких крупных «культурных поселениях» не было нормальных условий жизни. Хотя дома строились по плану и в каждой квартире имелись «удобства»— ванная и санузел с унитазом, однако к этим поселениям зачастую «забывали» подводить водопровод, газ. В одном из таких домов «со всеми удобствами» я видел, как один из жильцов приспособил ванну для хранения зерна, а другой сообразительный квартировладелец соорудил в унитазе гнездо для курицы — вода ведь в дом все равно не поступала. Вот уж поистине образчик «высокой культуры», «культуры» тех, кто выселял дехкан из родных кишлаков. Вот таким оказался этот прообраз будущих агрогородов, образчик псевдокультуры, идущей вразрез с жизнью. Однако несмотря даже на кампанию по укрупнению, несмотря на все потуги и старания руководства, республика не смогла выйти на рубеж шести миллионов тонн хлопка, обещанные Брежневу, щедро раздававшему ордена местным головотяпам. Ведь это именно он бросил расхожий лозунг: «Золотые руки создают белое золото». В 80-е годы республика была наводнена огромными портретами Леонида Ильича и этим его изречением, вырезанным автогеном в металле или выложенным из мрамора. Такая «наглядная агитация» украшала кишлаки и райцентры, областные города, столицу республики Ташкент, но, наверное, самый большой портрет Леонида Ильича висел в городе Карши на главной площади — высота портрета была около пятнадцати метров. Помнится, когда Генеральному секретарю в очередной раз было присвоено звание Героя Советского Союза, портрет снимали с помощью двух автокранов, а затем водружали на место, но уже с новой звездой на груди «героя». Одному из тогдашних районных руководителей принадлежала идея водружения в райцентре портрета Брежнева высотой в двадцать метров — такого, чтобы его было видно со всех концов района. Но этот ретивый руководитель, желавший особо отличиться в восхвалении Генерального секретаря, немного запоздал. Его опередили ЦК Компартии Азербайджана и руководитель бакинской городской парторганизации, водрузившие при въезде в Баку со стороны аэропорта портрет Брежнева высотой в двадцать метров. Когда по телевидению показывали приезд Брежнева в Баку, совпровождающий его эскорт

машин, тысячи рукоплещущих горожан, объектив телекамеры на несколько мгновений задержался на гигантском полотне, с которого широко и слащаво улыбался Генеральный секретарь, сияли его высокие награды, разместившиеся на могучей груди шириной в восемь метров.

Но делу с узбекским хлопком не помогли ни призывы, ни лозунги, ни щедрые награды. А на награды Леонид Ильич действительно не скупился: раздавал золотые звезды героев, ордена и почетные звания. Но и это не помогло. Обещанных шести миллионов тонн хлопка Родина не получила. Не вышло. И не потому, что плохо трудились узбекские хлопкоробы, а потому, что цифра эта была попросту нереальной. Из трех с половиной миллионов гектаров посевных площадей Узбекистана два уже были заняты хлопчатником, хотя по сводкам на этих землях сеяли и люцерну, и кукурузу, и овощи. Множились «неучтенные» посевы хлопчатника, помогавшие дотягивать до пресловутых миллионов тонн, обещанных Генеральному секретарю ЦК КПСС. Но и это не помогло. В ход пошли приписки не только посевных площадей, но и физических объемов, несуществующее волокно. Ежегодно во время сбора урожая обманом государства занимались сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Обман был общегосударственным.

Лозунг «шесть миллионов тонн хлопка Родине» для Узбекистана стал трагедией, похоронным лозунгом. При подведении итогов года десятки тысяч счетчиков на хлопкоприемных пунктах, хлопкоочистительных фабриках, текстильных комбинатах составляли и принимали фиктивные накладные на миллион тонн несуществующего хлопка-сырца. Все это надо было просчитать, закалькулировать, выплатить деньги за несуществующий сырец. Большинство людей, задействованных в этих операциях, отчетливо сознавали, что они являются соучастниками в преступлении. Для республики после смерти Брежнева и состоявшегося XVI Пленума ЦК Компартии Узбекистана была раскрыта гигантская ложь и огромный ущерб, нанесенный государству приписками в хлопководстве. Люди, которые грели руки на несуществующих тоннах хлопка, наживая реальные миллионы в рублях, золоте, драгоценностях, были вынуждены расстаться и со своими богатствами, и со своими постами, отправиться в тюремные камеры. И самое страшное, что одна неправда породила другую — бросила тень на целый народ. Это не только трагедия людей, стоявших у власти. Это трагедия общества, духовная трагедия поколения.

Однако на усвоение горьких уроков прошлого уйдет, по-видимому, немало времени. И сегодня в административных, плановых, статистических органах есть люди, цепляющиеся за старые методы и пытающиеся желаемое выдать за действительное. Их деятельность может привести к возрождению былой преступной круговой поруки. Находятся и горячие головы, которые протестуют против того, чтобы Узбекистан производил хлопок в количествах, необходимых стране. Они заявляют, что плановой цифрой для республики должен стать лишь один миллион тонн сырца. Другие говорят — достаточно четырех

миллионов тонн, остальные земли следует отдать под развитие животноводства, под сады и виноградники, говорят о правильном распределении земель и научно обоснованном севообороте. В этих рассуждениях есть логика. Видимо, не стоит волевым методом определять, какие площади республика должна засеять хлопчатником. Пусть этим займутся ученые, плановые органы. Ясно одно при этом: необходимо точно определить — сколько выдержит земля, на сколько хватит воды, какие земли засеивать другими культурами, чтобы выдерживать разумный баланс производства всех видов сельхозпродукции на душу населения республики не ниже расчетных общепринятых норм. Только в этих условиях хлопководство Узбекистана будет благом и для народа, и для государства.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Как только человечество стало осознавать свою общественную значимость, то есть стало выделять себя из категории животных, осмысливая свое особое предназначение, когда оно от животной стадной жизни перешло к сознательному объединению в общины, стало жить племенами, родами, как только оно стало понимать великую пользу такого общежития, то одним из первых естественных стремлений стало, видимо, стремление к тому, чтобы познать, что же там, за пределами сегодняшней досягаемости, за пределами уже освоенной и в какой-то мере понятой территории, ощущаемой своей родной землей. И тогда пришло осознание неодинокости, неединичности каждой малой общности людей. Мир велик, понял человек. Но кто же они — те, живущие в других, неизведанных землях. Какие они? Так ли они похожи на меня, как братья мои? А если нет, то чем отличаются и почему? Человека всегда преследовали вопросы — от самых простых до масштабов вселенских. На то он и человек, чтобы задавать бесконечные вопросы себе самому, собратьям своим, всему миру.

Через страх незнания, через сомнения и ошибки различные человеческие общности тянулись друг к другу, обнаруживая свое сходство и различие, обусловленное многими причинами: физиологическими, климатическими, опережением или отставанием в развитии. И все больше рос интерес к иным землям, иным представителям человечества у каждой определившейся географически, территориально этнической группы. Сначала случайные, контакты постепенно обретали постоянство, осознавалась очевидная польза их.

Сейчас, с колокольни пройденных человечеством тысячелетий, конечно, хочется видеть все эти процессы в каком-то облагороженном виде. Однако, рассуждая о том, как и почему люди находили друг друга, что двигало ими, что толкало их к взаимным контактам, нельзя забывать и о том, чем являлся человек на первом этапе своего развития. Дитя природы, он еще целиком управлялся ею и жил по ее законам. И, видимо, все-таки первоначальная тяга к общению диктовалась чисто природными, животными еще инстинктами. Не от желания познать, скорей всего, а от желания либо защититься, обезопаситься, либо, наоборот, отхватить себе, как говорится, больше в жизни раздвигали люди границы своего обитания. Это был инстинкт выживания, инстинкт самосохранения, который лишь на последующих, более зрелых этапах развития человечества переходил уже в инстинкт общения -- сначала интуитивное, а затем осмысленное действие.

Так вот, на первых этапах этот инстинкт самосохранения побуждал человека постоянно находиться в каком-то соперничестве с себе подобными. Отсюда, видимо, произошли первые, говоря современным языком, войны, когда человек или защищал себя от нападения, или сам был в числе нападающих на соседнее поселение, племя, народ.

Первые захваты чужих территорий, искусственное внедрение в иную местность. Иных форм расширения сферы своего влияния, кроме насильственных, человек пока не знал. Но он умнел, «взрослел», осваивал окружающий его мир и себя в нем. Он постигал азы скотоводческой и земледельческой науки. Три вида деятельности человека — воин-добытчик, скотовод, земледелец — выделили из своих рядов четвертую категорию людей — людей торговых. Тогда и появилась потребность в вояжах совсем иного рода — мирных, для обмена продуктами, товарами, для обмена взаимовыгодного. Обменять то, что имею, на то, чего у меня нет — вот что стало движителем человеческого общения.

Первые робкие шаги в формировании законов торговых отношений между племенами, родами, между поселениями, выраставшими в результате и собственно торговли в города... И чем оседлей становилась жизнь, тем больше преимуществ видел человек в торговле, нежели в войнах. Так торговля становится одним из ведущих факторов общения между отдельными группами людей, между городами, государствами, между общностями народов.

История человечества знает несколько таких великих, проторенных на многие столетия путей мирных торговых контактов. Легендарный путь «из варяг в греки», довольно длительное время действовавший между Русью и скандинавскими (в сегодняшнем понимании этого названия) странами. Об этом пути «из варяг в греки» были осведомлены многие страны и народы, не связанные с этим путем сами в силу своей удаленности географической и иных торговых интересов. Даже в арабских источниках, например, Балтийское море называется Бахр эль варак, то есть созвучно слову варяги, которым называли на Руси все народы, проживающие в таких странах, как Швеция, Норвегия и Дания — в странах Скандинавии.

Известен в истории и соляной торговый путь, который проходил по Африканскому континенту, пролегая в основном через пустыню Сахару.

Но самым значительным, так сказать, по возрасту, по древности и по масштабам, широко известным в мире, разумеется, являлся Великий шелковый путь, который прорезал весь Восток, протянувшись через весь Азиатский континент — от Японских островов до Средиземноморья, перекрыв расстояние почти в 12 тысяч километров.

По нашим сегодняшним земным меркам даже это гигантский путь, тем более если учесть, что преодолевался он не так, как сегодня, скажем, на поезде, автомобиле или самолете. Ведь речь идет о глубокой нашей истории. Мы знаем, что шелковый путь возник где-то во втором тысячелетии до нашей эры. А тогда средством передвижения служили исключительно вьючные животные, такие,

как верблюд, лошадь, в каких-то местностях осел. И в основном как говорится, человек топал на своих двух. Так что уж по тем временам путь этот был весьма и весьма внушительных, гигантских размеров.

Так вот, существовал он очень давно, но получил, собственно, такое название — шелковый путь — лишь после того, как в 1877 году немецкий путешественник и историк Рихтгофен написал свою работу, ставшую затем классической, «Китай», где он впервые и определил терминологически этот торговый путь по восточным странам названием «шелковый путь».

Собственно, изначально уже были основания для такого наименования, однако закрепилось оно в исторической науке и литературе именно с конца девятнадцатого столетия с легкой руки немецкого историка.

Что же включало в себя понятие «шелковый путь»? Это общее название торговых караванных путей, связывающих с древнейших времен примерно до XVI века Дальний Восток — в частности, Японию, Китай,— — с Передней Азией, проходивший через области Средней Азии. Вот почему он особенно интересует нас.

Этот путь начинал складываться, как я уже говорил, во II в. до н. э. За приоритет на шелковом пути шла ожесточенная конкурентная борьба, потому что был он не только магистральным, но и экономически приносил большую выгоду тем правителям, которые контролировали его.

В то время, когда он только возник, шла жестокая распря между Римской империей и Парфией. Парфия стремилась не допускать римлян к тесным торговым сношениям с Китаем, старалась при этом сохранить позиции посредника для себя в торговле Китая шелком со странами Европейского континента. Потому что шелк по тем временам был эквивалентом обменной валюты.

До образования Арабского халифата эта торговля находилась в руках иранских и согдийских купцов. Это касалось, разумеется, той части пути, который проходил по территории Ирана, Согда и границ с Китайской империей.

Шелковый путь начинался в портах Ассирии, там, куда приходили караваны купеческих судов из Италии, Испании и других средиземноморских стран, и шел на Восток, через города Тир, Дамаск, Анатолия, Багдад, затем следовал через Парфию на древний и богатейший, могущественный в то время город в Средней Азии — Мероуф. Отсюда шелковый путь разветвлялся на южную и северную дороги. Это объяснялось прежде всего тем, что слишком многие страны были заинтересованы в том, чтобы этот великий караванный путь проходил именно по их территориям. Были, безусловно, свои интересы и у различных купцов, следовавших по этому пути со своим товаром именно в том направлении, которое было им более выгодно. В разных странах спросом пользовались, естественно, разные товары. А каждый купец искал прежде всего свою выгоду, которая заключалась как в реализации товаров, так и в приобретении местных.

Так, южное ответвление пути шло на Балх, затем, минуя Термез, проходило дальше на Яркент, Хотам, чтобы потом через несколько

тысяч километров выйти на Дуаньхуан и соединиться там с северным шелковым путем.

Северный же шелковый путь от Мерва брал направление на Карши, Бухару, Самарканд, затем выходил на Ташкент, Кашгар, через Ферганскую долину в Ош, на Турфан и соединялся с южным путем в Дуаньхуане. Соединившись таким образом вновь, шелковый путь следовал на Ланьчжоу и через весь Китай выходил к побережью Японского моря.

Мелькнули названия — и мы уже преодолели расстояние, которое в действительности торговые купеческие караваны преодолевали, конечно же, куда как медленнее — долгими месяцами, а порой и год целый требовался им для этого.

Сегодня этот шелковый путь интересует нас не как географическое, экономическое понятие. Но как судьба, судьба тех народов, которые проживали вдоль Великого шелкового пути, как судьба того времени, как проекция того времени с его живыми картинами в день сегодняшний.

Люди двадцатого столетия с трепетным волнением вглядываются не только в свое будущее, но и с неустанным интересом всматриваются в прошлое. Нас интересует в прошлом все: общая картина жизни тех времен и тех народов и самые мелкие детали быта. Так уж устроен человек и так ему предначертано: только зная свое прошлое, может он по-настоящему осознавать себя в сегодняшнем дне в качестве творца своего времени.

Конечно, увидеть и представить события, реалии прошлого помогает, помимо общих знаний, воображение. Но и для воображения у нас есть достаточно источников, которые выпукло и объемно рисуют характерные детали того времени и тех событий, которые связаны с самим понятием «Великий шелковый путь».

Об этом историческом периоде, о деятельной жизни караванного пути рассказывают такие великие летописцы истории, как Страбон, Геродот, Птолемей, китайский историк Юй Хуан, наш великий среднеазиатский ученый Бируни. В их исторических повествованиях мы находим красочное и правдивое воспроизведение жизни, бурлившей на шелковом пути, показаны те процессы, которые происходили благодаря и в связи с существованием и деятельностью такого коммуникационного канала того времени, каким являлся Великий шелковый путь — путь торговли и интенсивного общения людей и народов.

Так, в частности, мы находим у историков сообщения о том, чем же в основном торговали те или иные купеческие караваны, что они перевозили из одной страны в другую и что ими руководило в их торговых интересах. Торговым эквивалентом Китая для торговли с европейцами, например, был шелк, то есть тот материал, который поражал европейцев, но пользовался большим спросом и у народов Средней Азии и тех государств, которые не обходили на своем пути китайские караваны. В свою очередь, письменные археологические источники свидетельствуют, что китайские торговые люди вывозили из Бадахшана и Яркенда полудрагоценные камни лазурит и нефрит. Именно в этих краях были богатые разработки этих камней, пользовавшихся большим спросом в восточных странах,

привлекающих своей яркостью окраски и таинственным смыслом, значением, которым их наделяли люди. В древнем Китае из нефрита изготавливали государственные регалии. Нефритовые изделия играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт богатых сановников императорского двора. Восхищение, почти поклонение этому полудрагоценному камню, привозимому издалека, отражено в письменных источниках того времени. Так, среди источников, относящихся к доханьскому времени и говорящих о хотаньском нефрите, следует упомянуть доклад Ли Сы императору Цынь Ши Хуанди, правившему в 246—209 годах до н. э., где говорилось о поступлении в императорскую сокровищницу нефрита из Яркенда. Это свидетельство указывает на то, что торговля полудрагоценными камнями была очень интенсивной между Средней Азией и Китаем.

Но нефрит, лазурит и другие камни ценились не только в Китае, они находили активный рынок сбыта и в средиземноморских странах. Особым спросом пользовался там лазурит. Так свидетельствуют письменные источники, рассказывающие о деятельности торгового пути, по которому из района Бадахшана в Иран, Месопотамию и далее — в Ассирию, Египет, Анатолию доставлялся лазурит — камень, высоко ценившийся в этих странах. Путь этот проходил через Хорасан, северо-восточную Мидию. О значительности объемов перевозок по этому пути свидетельствует тот факт, что ассирийский правитель Тиглаатпаласар третий, правивший в 745—727 годах до н. э., обложил области, расположенные по ту сторону своего государства, ежегодной данью в количестве, соответствующем 9 тоннам лазурита.

В Ахеменидийский период эти связи значительно расширяются. Кроме лазурита, в страны Передней Азии, Согдиану и Бактрию вывозились сердолик, а из Хорезма в большом количестве вывозилась бирюза, которая также была любимым украшением женщин на Ближнем и Среднем Востоке.

В свою очередь, китайцы вывозили из своей страны не только сам шелк, но также (опять подсказывают нам те же источники) они торговали вышивками и полихромной шелковой тканью. Шел вывоз бронзовых украшений, других изделий из этого металла, бронзовых зеркал с разнообразным орнаментом и других поделок, которые находили сбыт в странах, лежащих по Великому шелковому пути.

А из Индии в Китай вывозились хлопчатобумажные ткани, которые для континентального Китая были в диковинку. Из Согда в Китай поступали ковры и художественная шерстяная ткань с изображениями ритуальных сцен, характерных именно для этого края.

Торговля на купеческом шелковом пути происходила не только товарами, но и продуктами, зерном и другими злаками, произрастающими в тех или иных странах. Так, очень четко вырисовывается и прослеживается по всему шелковому пути картина ввоза из Индии не только хлопчатобумажных тканей, но и собственно семян хлопчатника. И, как подтверждение этого, мы наблюдаем постепенное возникновение хлопкосеянной полосы, начиная от Бухары, Самарканда, на Ташкент, Ферганскую долину. Совершенно очевидно, что семена хлопчатника были завезены из Индии, Ирана, а возможно — туда, в обратном направлении, мигрировали. Так или

иначе, но хлопок выращивался по всему следованию шелкового пути.

Одновременно с этим из Японии и Китая по Великому шелковому пути прослеживается движение такого злака и столь широко известного в Японии и Китае продукта, как рис. Столь же очевидно, что рис завезен в Самарканд, Бухару, в страны, расположенные до самой Индии.

Да и скотоводы, как говорится, не оставались в стороне от активной деятельности на караванном пути. Они гоняли стада овец, верблюдов, лошадей по всей трассе шелкового пути, ведя интенсивную торговлю этим товаром. В зависимости от природных условий, способствовавших выращиванию того или иного скота, тех или иных животных, возникал и приоритет в торговле. На Туранской низменности, например, с большим успехом выращивали овец.

Существование шелкового пути не только способствовало торговле между купцами разных стран, но и в каждой стране обогащало, разнообразило торговую жизнь да и жизнь других слоев населения. На всем шелковом пути существовали перевалочные базы, возникали небольшие поселения, разраставшиеся в города, которые становились своего рода обслуживающими караванный путь. Так, если внимательно вглядеться в карту современного Узбекистана и сопоставить ее с пунктиром исторического шелкового пути, то мы ясно увидим причинность и закономерность возникновения в свое время таких торговых поселений, которые ныне соответствуют городам Термез, Гузар, городам на территории Кашкадарьинской области, самому городу Карши, Караул-базару перед Бухарой, Бухаре. Есть такие же населенные пункты и в Ферганской долине и по всей трассе торгового пути.

Караванный торговый путь жил по общечеловеческим законам того времени, но создавал и свои законы и обычаи. За караваном, например, непременно, особенно в средние века, следовала масса разного люда. Одни обслуживали купцов, погонщиков и караванных стражников. Другие являлись представителями религиозных кругов. Особенно много бродило по караванным дорогам буддийских монахов и служителей культа Будды. Их движение было далеко не бесцельным. По сути они осуществляли экспорт религии. Так, мы прослеживаем по всему караванному шелковому пути, начиная от Индии, засилие буддийских верований. Буддизм пост за постом прибирал к своим рукам постепено и последовательно все страны на шелковом пути. Если мысленно представить себе карту религий, то следом за Индией идет ряд буддийских центров. Особенно сильный центр буддизма был обнаружен недавно археологами при раскопках в Термезе, в местечке, называемом Дельверзин-тепе. Там обнаружен целый комплекс храмов, посвященных Будде. Судя по раскопкам, это был мощный и весьма долговременный центр буддизма здесь, на юге Средней Азии.

Затем по караванному пути буддизм постепенно распространялся и дошел до городов Китая, далее двинулся в Японию и в Юго-Восточную Азию, на страны Индокитая. Сейчас мы знаем, как глубоко внедрился буддизм во всех странах. И особо он расцвел в Китае

и в Японии. И по сей день эти страны остаются буддийскими центрами, с широко разбросанными по их территории буддийскими храмами и другими культовыми сооружениями. Религия с поклонением Будде живуча и по сей день в таких странах, как Китай, Монголия, Япония. Вполне обоснованно в связи с этим предположение, что именно Великий шелковый путь способствовал внедрению буддизма на столь значительной территории именно этой части евроазиатского континента. Ведь в Европе, за исключением отдельных, очень локальных, сугубо частных, очагов буддизма практически не наблюдается. По всей видимости, самая непосредственная и самая активная роль в распространении буддизма принадлежит именно Великому шелковому пути — слишком они совпадают в своем движении.

Однако по шелковому пути бродили не только буддийские монахи, но и мусульманские муллы, дервиши, которые распространяли столь же активно ислам, вместе с арабскими завоевателями, которые не только на своих знаменах, но и на мечах своих несли религию. Ислам прошелся по ряду стран, но дальше Средней Азии и Поволжья, а если говорить о юго-восточных его границах, то дальше Кашгара не продвинулся, так как континентальный Китай являлся очень мощным государством, к тому же значительно удаленным от Арабского халифата. Вот почему последним форпостом ислама стал Кашгар, а не Китай, так и оставшийся верным приверженцем буддизму. Ислам вклинился между Индией и Китаем, разделив эти две огромные людские территории, где исповедовался буддизм.

Вот это-то разделение впоследствии, по-видимому, послужило поводом и причиной для своеобразной консервации, потому что в Индии буддизм не так широко распространен, как в Китае и Японии. Это внедрение ислама скорей всего и законсервировало буддизм в юго-восточной части Азии, где он сейчас гораздо больше процветает, нежели на его родине, в Индии.

По странам, которые пронизывал Великий шелковый путь, происходила не только миграция религий — буддизма, ислама, а еще ранее зороастризма, но параллельно с этим шел столь же активный культурный взаимообмен, в том числе музыки, письменности, обрядовости.

В частности, обращает на себя внимание такая подробность. Народный фольклор, через уста такого народного острослова и мудреца, как Ходжа Насреддин, тоже проходит по странам и народам, имевшим непосредственные контакты с шелковым путем, совпадавшим с ним географически. Ходжа Насреддин — любимый герой фольклора, сказаний у народов Персии, узбеков, таджиков, киргизов, казахов, у татар Поволжья, уйгуров. И что самое интересное, именно Ходжа Насреддин и объединяет все эти народы, даря им единую судьбу, выражая единую их жизненную позицию.

Этот фольклорный герой отражает чаяния беднейших слоев у этих народов, защищает от посягательств со стороны сильных властью денег, не дает в обиду слабых.

Подчас схожей является и музыкальная культура у народов, чья судьба была сопряжена с Великим шелковым путем. Тут и последовательный, органичный переход мелодики от одной националь-

ной музыки к другой, или своеобразное взаимодействие их. Ну, скажем, музыка иранских народов, народов Средней Азии, она очень взаимосвязана и собственно мелодиями, и тональностью, и отражает своеобразный восточный характер звуковой гаммы, насыщена особыми красками Востока.

По всему шелковому пути распространена и характерная цветовая гамма в народных одеждах. Это, как правило, яркие, радужные, сочные краски. Они характерны и для японцев, и для китайцев, монгол, уйгур, для узбеков, киргизов, таджиков, персов, афганцев, различных индийских народов. Возможно, было это своеобразной «модой», рожденной и продиктованной все тем же Великим шелковым путем. Но в любом случае — подтверждает взаимопроникновение и взаимовлияние культур и обычаев народов, проживавших по пути шелковых караванов.

И, пожалуй, важнейшее значение шелкового пути в том, что он способствовал и являлся непосредственным участником миграции народов, их смещения. Сейчас трудно со всей определенностью сказать, где брал свое начало тот или иной народ, как он мигрировал: то ли с востока на запад, то ли с севера — на юг, но шелковый путь, видимо, был самым верным и апробированным путем, по которому шла миграция народов. Так, мы знаем, ираноязычные народы двигались сюда, ближе к Средней Азии, Поволжью. И, наоборот, были периоды, когда народы Поволжья и Средней Азии ходили на Иран и в сторону Индии и доходили даже до самого Средиземноморья. Постепенно происходило смешение рас и народов, смешение культур, языков и выкристаллизовывалось то, что мы называем сегодня народами, проживающими на территории современных стран Ближнего и Дальнего Востока, на территории Средней и Центральной Азии.

И шелковый путь, как явствует из нашего исследования, никого не отвергал, напротив, он объединял всех, брал под свое покровительство, все народы были для него близкими и родными. Куда бы они ни мигрировали по Великому шелковому пути — шли ли они со стороны Китая по направлению к Средиземноморью и Индии, или, наоборот, в обратном направлении. Ценные сведения о двухстороннем движении по южному отрезку Великого шелкового пути — из Вахана через Каракорумский хребет к Свату — могут предоставить многочисленные наскальные надписи и рисунки, обнаруженные в верховьях Инда. Эти надписи-рисунки датируются I—VIII веками нашего времени, а большинство их относится к ушанскому времени — I, II, III века. Они выполнены различными индийскими письменностями. Имеются бактрийские, парфянские и китайские надписи. Значительная их часть — на согдийском языке. Эти надписи-рисунки оставлены воинами, кушанскими, согдийскими, китайскими купцами, художниками, буддийскими монахами и паломниками. Они представляют собой как бы древнюю «регистрационную книгу» проезжающих по Великому шелковому пути.

Движение по бактрийскому участку южного пути зафиксировано знаменитыми находками в афганских гробницах Тельятепе (I—II в. н. э.). и Баграме (III в. н. э.). Среди находок

отчетливо выделяются вещи эллинистического круга — ювелирные изделия, изделия из бронзы и стекла, гипсовые печати, монеты, памятники индийского происхождения — резная слоновая кость, и китайского происхождения — бронзовые зеркала, лаки, ювелирные изделия и тому подобное. Они очень выразительно характеризуют принадлежность свою к тому или иному народу, их изготовившему, а затем превратившему в товар.

Возникающие в те или иные времена политические ситуации также накладывали свой отпечаток на судьбу шелкового пути. Так, межгосударственные войны резко изменяли направленность этого самого мощного торгового пути. Например, в описании северного участка пути у китайского историка Пей Цзюя нашло отображение возобновление торговли по древнему пути, связывающему восточно-туркестанский и согдийский центры с Черноморским побережьем и Византией. Возобновление движения по этой дороге было связано с изменившейся политической ситуацией на Великом шелковом пути. Блокирование сасонитским Ираном транзитной торговли шелком обусловило поиски обходного пути. И такой путь, проложенный тюрко-согдийскими посольствами, по свидетельству этого историка, был освоен. Он шел из Согда, из ставки тюркского кагана, через реку Ок (Сырдарья), мимо широкого озера (имеется в виду Аральское море), далее дорога шла через труднопроходимые места до реки Иаст (историческое название современной реки Эмбы), до реки Даикс (то есть Урала), и топкими местностями до реки Атилы (то есть Волги), через Аланью по Дарьинской дороге путь продолжался до Фасиса, реки Риони и оканчивался в Трапезунде, на территории современной Турции.

Выразительной летописью, своеобразной и оригинальной, являются монеты, которые вместе с купеческими караванами мигрировали вдоль этого караванного пути. Их многочисленные клады и по сей день находят археологи по всей трассе исторического торгового пути, а за каждым кладом — свой сюжет, своя история, возможно, и трагическая. Не останавливаюсь на них подробнее потому, пожалуй, что нельзя мельчить их тему, ибо, думаю, история кладов на шелковом пути найдет своего заинтересованного, вдумчивого исследователя. Хочу лишь сказать, что эти монеты очень четко рассказывают о самом периоде, а главное, об активности торговли между всеми странами, которые участвовали во всех главных исторических событиях, определявших характер самой торговли.

Есть еще один аспект существования Великого шелкового пути, его специфической функции. В периоды стрессовых исторических ситуаций, политических катаклизмов Великий шелковый путь превращался в дорогу смерти, по которой проносились смерчи войн, шли полчища завоевателей. Именно Великий шелковый путь использовал в своих целях в XIII веке грозный завоеватель Чингисхан, отмечая на нем свои победы, покоряя народ за народом. Этим же путем в своих походах в XIV и начале XV века воспользовался и Тамерлан. А задолго до Тамерлана и Чингисхана прошел здесь со своими воинами Александр Македонский. Оставили свои следы на шелковом пути и другие завоеватели. Но, покоряя страны, подчиняя себе народы, завоеватели не могли покорить жизнь. Они не могли

остановить жизнь ни мечом, ни устрашающими метательными орудиями, ни дикой резней, которую они устраивали вдоль этого караванного пути для народов, для которых он являлся во многом источником процветания. Жизнь все равно продолжалась. Она расцветала еще более яркими красками, и говорило это о том, что никакой завоеватель не в состоянии подчинить себе жизнь народов на долгие годы, а тем более на вечные времена, ибо хозяином жизни всегда по самому высокому счету был человек, всегда был и останется народ.

И именно через познание исторического опыта существования и деятельности Великого шелкового пути мы сегодня познаем историю своих народов, историю своей культуры, историю жизни человека. И к этому отрезку времени, длиною почти в три тысячи лет,— это тот период, когда зарождался и существовал Великий шелковый путь (я имею в виду два тысячелетия до н. э. и где-то XV—XXVI—XVIII вв. н. э.) — так вот к этому отрезку времени приковано наше пристальное внимание, он интенсивно изучается и столь же интенсивно по этому отрезку читается история времен, история народов.

Сейчас очень активно работают многие экспедиции, изучающие шелковый путь, едут по нему с кинокамерами, запечатлевают жизнь народов, ныне проживающих на территориях, прилегавших к историческому шелковому пути. Так, в 1982 году к руководству Советского Союза обратилась японская корпорация Эн-Эйч-Кей, которая решила снять фильм о народах, проживающих вдоль Великого шелкового пути. Съемки они вели по трем маршрутам. Первый пролегал через границы Узбекистана и Таджикистана: вдоль реки Сурхандарьи и Термеза. Второй маршрут лежал через Андижан, Фергану, Маргелан, Хамзаабад, Наманган и Кулакоканд. Третий маршрут пролегал через Ташкент, Джизак, Самарканд, Кашкадарью, Бухару, Шафрикан, Газли, Ургенч, Хиву, Турткуль, Беруни, Нукус, Муйнак. Эта японская корпорация с киносъемочной группой была допущена на территорию Советского Союза, и они очень кропотливо отрабатывали материал вдоль шелкового пути, который пролегал через республики Средней Азии — Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. Их интересовало буквально все: и жизнь, и быт, и культура народов, населяющих эти республики, они интересовались теми материальными историческими останками, что сейчас, как говорится, живы, дошли от Великого шелкового пути до наших времен. Их интересовала жизнь населенных пунктов, строения, обычаи, обряды — все это они запечатлели на пленку и воспроизвели в многосерийном фильме, который компания Эн-Эйч-Кей затем согласилась предоставить советскому телевидению.

Вслед за этой последовало еще несколько экспедиций, которые также заинтересованно исследовали шелковый путь, который проходил по территориям современных советских среднеазиатских республик. В октябре-ноябре 1988 года через эти республики прошла экспедиция американских исследователей и ученых, они также интересовались влиянием шелкового пути на жизнь народов республик Средней Азии, а особо их интересовало, что же осталось, какие

крупицы живы по сегодняшний день как свидетельство этого животворного, жизнедеятельного шелкового пути, который существовал на этой территории на протяжении почти трех с половиной тысяч лет. И, естественно, не оставить следов не мог. И хотя, может быть, отдельные народы и не запечатлели в своей истории четко и отчетливо такого этническо-исторического события, как шелковый путь, но в крупицах, в деталях этот шелковый путь сказался на жизни каждого народа и каждой страны, вдоль которых он пролегал. И вычленить эти крупицы представляется далеко не так затруднительно, как это может показаться на первый, непросвещенный взгляд. Их можно увидеть и в жизни, и в обиходе, и в быту и узбеков, и таджиков, и киргизов, и других национальностей, которые и сейчас еще хранят на себе следы влияния, взаимодействия народов, которое происходило под воздействием существования этого великого канала общечеловеческих, торгово-экономических, политических, культурных контактов.

Ну что ж, шелковый путь — это как раз яркий пример того, как человечество развивалось в процессе своего исторического бытия, как оно шло от культуры к культуре, от уровня к уровню, как оно шло от одного временного среза к новому периоду и как оно взрослело. И этот шелковый путь — своеобразная книга истории народов — как раз и показывает взаимодействие народов как на торговом, так и на культурном поприще. Он свидетельствует еще и о том, что самый прекрасный способ контактов и общения народов и есть путь торговли, культуры и науки. И хочется, чтобы человечество вечно читало книгу жизни, книгу Великого шелкового пути, свидетельствующего о том, что человечество жило, развивалось и должно вечно жить на этой земле.

Изучение трехтысячелетней истории шелкового пути для нас должно стать книгой мудрости, книгой того исторического примера, который преподала нам жизнь, что человечество живет лишь тогда, когда оно взаимодействует в торговле, культуре, когда оно вступает в благородный и бескорыстный контакт с природой, и взаимодействие это происходит лишь на поприще добра, ибо только добро создает историю, а зло уничтожает ее.

Именно Великий шелковый путь являет собой пример того человеческого добра, который и сотворил нам историю под названием Великий шелковый путь, по которому прошло человечество за свои три с половиной тысячелетия.

В истории развития человечества те далекие годы были утром, и хочется еще проделать долгий жизненный путь, который вберет в себя весь опыт всех времен и народов, в том числе и опыт Великого караванного шелкового пути, по которому шагало человечество и который остался в памяти народов навечно, как путь, который не уничтожил народы, а помогал им жить в их стремлении оставаться в мире и дружбе друг с другом, пользоваться всеми благами, что сообща вырабатывают отдельные люди и целые народы, живущие на нашей древней планете.

Шелковый путь — это ниточка из прошлого, она для нас мерило

того, что человечество жило, развивалось в те далекие годы, как знаменье того, что нам предстоит пройти в своем дальнейшем развитии еще не один, а несколько таких славных исторических отрезков времени.

И пусть шелковый путь останется символическим узелком на память для всего человечества.

ИЗ ПУТЕВЫХ БЛОКНОТОВ

I. Юрта

Я лежал на мягкой полосатой курпаче в войлочной чабанской юрте. Где-то далеко, отгороженное тонкой стеною, слышалось частое блеянье овец, гортанно кричал чабан, и время от времени лаяли собаки. На дворе стояли первые дни мая, солнце близилось к полудню.

Вокруг торжествовала изумрудная рослая трава, буйно рвавшаяся из земли после зимней спячки. При малейшем дуновении в юрту доносился чистый и сильный аромат цветов, жужжали дикие пчелы, стрекотал кузнечик. Жара еще не наступила — еще длилось самое замечательное в наших краях время, когда все вокруг хорошо и для человека, и для животного, и для щебечущей в небе птички, и для муравья, старательно ползущего по джунглям травостоя.

Я лежал один. До возвращения чабанов с отарами оставался какой-нибудь час. От мыслей о чудесной погоде, о весенней красоте жизни я незаметно перешел к размышлениям о самом месте, где нахожусь — вот об этой самой юрте, чабанском доме. В высоте над собой я вижу голубое-голубое прозрачное небо. Через крошечное отверстие в куполе оно кажется таким, словно глядишь сквозь огромную увеличительную линзу.

И было оно обширным, необозримым, плывущим в голубую космическую даль. Ни облачка, ни марева, только чистая лазурная голубизна. И хотя в юрте не было окон, а полог опущен,— все равно каждой клеточкой своего существа ощущаешь, что над тобой весна. Вместе с ароматом предгорья, вливающимся в войлочный дом через небольшое отверстие купола, в юрту словно вливалась небесная лазурь, на которую можно смотреть часами. И все это время — никакого движения перед взглядом, только пение жаворонка откуда-то издалека. Но вот мелькнуло, наконец, что-то черное в вышине: это кобчик повис над юртой. Его, может быть, привлекло зияющее в крыше круглое отверстие, может, он думает, что это лисья нора на холмике?.. Повисев неподвижно на распростертых крыльях, так и не дождавшись добычи, кобчик улетел.

И вот я снова — уже ненадолго — один. Скоро появятся люди, которых жду, передохнут немного, отобедают, мы поговорим о делах, и снова уйдут они в луга, к своим рабочим местам.

Все ближе узнавая этих чабанов, с которыми я познакомился в Гиссарских предгорьях, живя на отгонном пастбище вот уже несколько дней, я вижу, с какой полнотой, как без остатка отдаются они своему нелегкому делу, как они его любят, как знают животных, как заботятся о них, какие царят среди них законы товарищества и взаимопомощи.

Овце чабан отдает все внимание, огромный опыт — да притом не только свой, а многочисленных поколений предков. Словно овца для него ближайший друг, словно в овце для него — вся жизнь. Но на самом деле он старается для людей, для ближних и дальних, для тех, кто никогда его не видал и, скорей всего, никогда не увидит.

Народ они своеобразный, немногословный, чрезвычайно сдержанный. Когда с чабаном говоришь, не сразу поймешь, как он относится к твоим словам, нужен ли ему вообще этот разговор или нет. Кажется, что он и вовсе тебя не слушает: не дрогнет на лице ни один мускул. Я заметил это не сразу. Но вот недавно познакомился с одним чабаном, беседую с ним, а сам вспоминаю: ведь где-то уже раньше его видел. Вглядываюсь в лицо, напряженно думаю: когда и где?

И выходило, что не могло быть такой встречи, раньше я его знать не знал. А вот выражение лица точно такое же видел: неподвижное, застывшее. На других пастбищах, у других чабанов.

Продолжая свой путь по кошарам, я уже специально вглядывался в морщинистые складки у глаз, в мускулистые, загорелые, продубленные ветром неподвижные лица, в упор встречая гордый независимый взгляд. Чабан ни перед кем не отводит и не опускает глаз, он смотрит на тебя прямо, как и на все окружающее. Может быть, это оттого, что он долгие дни, месяцы, годы живет в поле один, наедине с собой, и постепенно, не имея контакта с другими людьми, просто уходит в себя, отвыкает от общения?

Да нет... Труженик степей и гор не прячет лица, не отводит глаз, не скрывает чувств потому, что скрывать ему нечего. Цельны и чисты его помыслы, проста и открыта миру его душа. И он смотрит на мир без страха и задней мысли, ибо в глубине своего существа знает чабан цену и себе, и своему благородному делу, от которого зависит жизнь каждого из нас.

Глаза чабана видят все. Они видят ожившую природу, видят и надвигающуюся опасность. Они видят хорошие и плохие пастбища, они видят хорошего и плохого человека куда верней, чем кобчик — лисью нору... Но глаза смотрят — чабан молчит. Молчит и думает. Работа и опыт предков научили его, что в поспешности ничего, кроме вреда, нету. Но он уже знает, как поступить с тем или другим человеком, как ответить ему.

Чабан всегда сосредоточен — это тоже дается ему вместе с профессией. И в то же время он всегда гостеприимен и сердечен. С любым. Но с плохим человеком, распознав его в два счета, чабан не будет говорить откровенно, не выдаст своего настроения, такому человеку ничего не скажет лицо хозяина юрты.

Чабаны молчаливы. Но красноречивы их поступки. Один гортанный окрик — и вот уже вся отара поворачивает в нужном направлении. Отяжелев, присела на задние ноги овца. Чабан спешит к ней: сейчас появится приплод. Нужно остановить стадо, ведь овце после окота далеко не уйти. Чабан возле овцы, как мать возле родного дитяти. И овца платит ему привязанностью, приводит ягненка показать хозяину — сама словно бы радуется и радует пастуха... За чабанами так же интересно наблюдать, как за самой природой. Да ведь

они едины в самой сути: для кого постороннего — «лоно природы», для чабана — рабочий цех.

Я приехал сюда, на отгонные пастбища, не на экскурсию, а чтобы узнать, какова жизнь чабанов в горячую пору окота, каковы их нужды, проблемы. Все это будет доложено исполкому областного Совета для принятия мер, для помощи животноводам. Все ли снаряжение в наличии, хватает ли продуктов? Есть ли источники воды? Не испортился ли движок, что качает воду из артезианского колодца, и завезено ли для него горючее? Да мало ли забот у чабана, которых ему самому не разрешить.

Юрта на взгорье, на весеннем зеленом ковре, кажется тяжелой, массивной, прямо-таки корнями вросшей в землю.

Сколько ни бываешь в юртах, сколько ни смотришь на них со стороны, а вот не перестаешь удивляться совершенству, легкости, удобству этого странствующего дома. Вроде бы, на первый взгляд, что особенного? А ничего. Деревянные колья, да пасынки, да каркас, плетенный из ивовых прутьев, да войлочные полотнища. Все вместе напоминает, в зависимости от настроения, то небесный свод, то узбекскую вышитую тюбетейку, то киргизскую пастушью шапку. Жерди и ивовые прутья расположены так, что складываются в замысловатый ажурный узор. Этот узор временами напоминает надпись строгого куфического письма или точную и рациональную работу паука, а в то же время в нем можно рассмотреть характерный своей лаконичностью чабанский орнамент.

Внутри юрты, по всему ее деревянному каркасу, висят, словно сережки, разноцветные тесемочки, тканные из тонкой шерсти. Они крест-накрест перехватывают и скрепляют стыки стоек и продольных прутьев. Войлок лежит на каркасе тяжелый, толстый, плотный, надежно защищающий человека и от летнего зноя, и от зимней стужи.

Снова скажу — если смотреть на юрту издали, то стоит она очень основательно и никуда не собирается перекочевывать. Но это только кажется. На самом же деле ее только вчера за каких-то два-три часа собрали проворные чабанские руки. А кончится на этом месте выпас — и юрта вместе с отарой откочует подальше: разобрать ее — тоже считанные часы.

Для чего только не служит юрта кочевому человеку. Она и жилье, она же и столовая, она же — вместительное хранилище скарба и утвари. Она же — место, где в ненастную погоду спасают только что родившихся ягнят, которых чабаны приносят сюда и кладут на мягкую овчину или кусок кошмы.

Не всегда у чабана над головой солнце, не всегда у него под ногами мягкая зелень травяного ковра. Бывают грозные времена, когда начинается ранний окот, либо весна запаздывает. А природа не спрашивает, тепло или холодно на дворе, и если пришло овце время произвести потомство — этого не остановишь в ожидании теплой погоды... И вот тогда ягненок из теплой колыбели, из чрева матери попадает на колкий, мокрый, холодный, порою обледеневший грунт... Овца, еще сама не отойдя от родовых мук, суетится, торопливо облизывает малыша, а он, уже припорошенный

падающим снегом, дрожит от холода... Страшное время! Но уже спешит чабан, уже подхватывает ягненка на руки и, еще мокрого, несет его бегом в юрту, а следом бежит овца, из последних сил зовет своего малыша. Ей кажется, она лучше сохранит его, чем этот грубый человек в кирзовых грохочущих сапогах. Но нет, человек знает лучше, как спасти, как сберечь родившегося ягненка. И спасает его...

О таких веснах, о таких окотах чабаны не любят вспоминать. Хорошо, что случаются они не часто, что чаще бывает — вот как сейчас, здесь, в майских предгорьях Гиссара. Природа явила весну в положенный срок, на месте промерзлой земли расстелила дивный ковер изумрудной травы, украшенной ярчайшими цветами. Так бывает чаще, и в этом радость чабана.

Я лежу в юрте на курпаче, над головой голубое небо. Невольно приходит мысль, что не может считать себя знающим Среднюю Азию тот, кто не побывал на отгонном пастбище, не прикасался к этим травам, не держал на руках маленький черный комочек — только что родившегося ягненка, кто не смотрел в орлиные глаза тружеников гор и степей — чабанов.

Послышались голоса: они возвращаются к юрте, сыновья природы, верные ее слуги и полноправные ее владыки. В горах и в степи, отдавая жизнь делу отцов и дедов, они лучше многих знают и чувствуют, что такое настоящий простор. Наверное, еще и космонавтам это дано...

Но что космонавт без чабана? Это они, люди, которые сейчас придут сюда, вместе со всем народом поднимают наших ребят к самым звездам.

2. Бахши

Глухо струны звенят, мечется над головами пронзительный голос певца. Не шелохнувшись, целиком во власти сложного ритма, сидят перед ним люди, его народ. Люди двадцатого века, люди эпохи НТР, они внимают слову бахши.

А этот мудрец — частица народа, его всезнающее и всевидящее око словно уводит их далеко отсюда, в мир великих героев, бессмертных свершений, небывалых страстей.

Кто научил его? Кто вселил в него праведную силу слова? Где истоки его мудрости? Ведь это только на первый взгляд основное, чем силен бахши, так это памятью да еще слухом. Помнить старые сказания и песни, правильно их воспроизводить — вот, мол, и все нехитрое уменье.

Но так считают те, кто не вникал в самую суть. Сказитель, бахши — это мечтатель и поэт по самой природе своей, он — обладатель чудесного дара импровизации и обнаженной, больной совести. Да, с его уст чаще слетают песни, знакомые народу и хранимые им в веках. Но как же по-своему, как своеобразно, как из сердца извлекает певец мелодию и стих, донося их не до ушей, а до самой души слушателя...

У каждого народа во все времена были люди, готовые и умею-

щие слагать песни. И не могущие без этого жить, и поющие и тогда, когда ожидается щедрая плата — но не звонкой монетой, а черным злом.

Бахши, как птица, счастлив своими песнями. Их редко печатают, да и то скорей в специальных фольклорных сборниках. И правильно: эти песни много теряют на бумаге. Их надо слышать. И бахши счастлив, когда его слушают люди.

Да и далек малограмотный старик от тех, кто стоит с черпаком в руке у издательского котла. А те, в свою очередь, еще дальше от его чистого звонкого слова, вот такой парадокс.

Бахши не поэт и не музыкант хотя бы уже потому, что он не сочиняет, как правило, ни стихов, ни мелодий. Но он и то и другое в одном лице — потому что, во-первых, всегда готов создать новую песню и нередко делает это. Во-вторых, потому что через его сердце идут к людям поэзия и музыка, рожденные поколениями.

Вот сидит он перед людьми, словно никого не видя, размеренно льется песня. Он аккомпанирует себе на немудреном двухструнном инструменте — домбре и гортанным, натруженным за многие годы голосом поет... Поет? Нет, певуче рассказывает, как бы слагая стихи тут же, на глазах собравшихся.

У него нет нот, нет под рукой текста. Когда он сел в круг людей и взял домбру в руки, он еще не знал, о чем будет рассказывать народу: ведь в памяти его хранится целая песенная библиотека, а в сердце — целая буря мыслей, образов и строк, теснящихся на устах, чтобы вспорхнуть и полететь в тишине.

Люди сосредоточенно ждут. А он задумался, он уже не видит их, не ощущает себя, он ушел куда-то в неизведанную даль из песней. Но он и здесь, с людьми, это они вдохновляют его, их присутствие рождает вдохновенные ритмы, которые сейчас зазвучат.

И вот настало мгновенье. Рука ударила по струнам, застонали две тонкие жилки, зарокотали, забились. Песня началась...

Бахши поет, а в это время в нем все гудит, миллионы клеток работают, сжигая энергию тепла, чтобы она превратилась в энергию поэзии и мысли. Музыка домбры расстилает ритмический фон, на котором бахши чеканит слова, собирает их в замысловатый и прекрасный узор. Он прославляет время, славит людей и их труд, он учит любить и ценить разум и знание. Но вот он нахмурился. Вы догадываетесь, что в песню просится дерзкая, «непричесанная» мысль, иной поэт тут бы остановился, пригладил ее в угоду редактору. А бахши сам себе редактор. И поет так, как подумалось, говоря правду в лицо любому здесь сидящему, нравится тому или нет. Он упреждает людей от зла, от своекорыстия, напоминает, что за чрезмерной сладостью, ложной сладостью сегодняшней неправедной минуты обязательно последует горечь и расплата в грядущем и в памяти людей через долгие годы. Он не просто скажет, что хорошо, а что плохо, чего не следует делать, чего следует избегать. Низменного и злого человека он разоблачит и тут же, при всех, назовет его имя.

И пусть этот названный даже находится здесь, пусть он слышит песню со стыдом и бессильной злобой. Это не остановит певца. «Бахши

необразован, неотесан, он вольнодумец»,— шепнул мне один из обидевшихся... А ведь в тот раз имя не было названо — просто все посмотрели на него, да и сам он себя узнал в метком, снайперском изобличающем стихе. Да, не учен бахши в университетах, но каждому свое, запомните это, малопочтенный собеседник. Вам — диплом и клеймо стяжателя, ему — мудрость, поэтический дар, отвага и народная любовь...

А бахши продолжает песню. Вот голос его затих, а мысль, рожденная им, живет, люди в молчаливом раздумье не говорят ни слова, они все еще во власти певца.

По-разному зовут таких певцов у разных народов. Но у каждого народа они есть или были, и у каждого, во все времена, говорили одну только правду от всего сердца. Да и то сказать, ведь не выкинешь слова из вековечной песни, только попробуй — все заметят. И потом, тот, кто способен в песне покривить душой, то уж не поэт, тот не бахши, у того и песня не сложится, того и слушать не станут. Бахши выше забот о хлебе насущном, о личном благе, выше всяких трудностей жизни, страшней страшного боится он одного: лжи. Никогда не идет на сделку с совестью.

Вот потому-то настоящим певцам неуютно бывало при блестящих царских дворах, там держали своих, откормленных, наемных, сладкоголосых льстецов. А народ трудовой — он слушал других, настоящих, кого гнали, преследовали, а порою и убивали. Но и после смерти оставался славный бахши в памяти народа, оставался с народом навсегда.

Пришли новые времена, родило время новые заботы, расцвело образование, поднялась культура, не сыщешь неграмотного в нашем краю, все умеют читать и писать, у всех телевизоры да магнитофоны, но — вот ведь чудо — как был бахши в славе и почете, так и остался. Как и прежде видит он ясней других и свет грядущего, и темень прошлого, видит по-своему, поэтическим оком. И без устали повествует об этом народу.

Он поет, а мы слушаем его и словно становимся мудрее и чище, словно вливается в наши души доля его благородства и чести, его правды и безупречного вкуса. Мы разошлись по домам, ушел и он — дальше, к другим, к тем,кто его ждет, кто тоскует по песне. Он ушел, не требуя почестей, званий и наград, а ожидая и ценя лишь одно: понимание.

Он обычный человек, как вы и я,— но лишь до того момента, как сядет в круг и ударит по струнам. С этого момента он неповторим, он — властитель душ, он творец, и наблюдать это превращение — каждый раз счастье и радость: вот какая могучая сила может таиться в человеке, добрая и прекрасная сила...

И как здорово, что отдыхаешь, слушая бахши, от роскошных огромных залов, от микрофонов, от чудовищного грохота современных ВИА, от мишурного блеска костюмерии, призванной как-то компенсировать нехватку чувств, голоса и мысли. Бахши неприхотлив, как его слушатели. На коврике, а то и прямо на земле, сложив ноги калачиком, сидит он перед разместившимися таким же манером простыми людьми и повествует о своей,— а значит, и их — радости и боли. Сын земли, и в том

его сила. В его словах сама простота, но за нею ощущаешь бурю, видишь человеческие слезы, слышишь ароматы чудесных цветов. Сама песня, и только она, перед тобой в безыскусной наготе. Бахши не позирует, не красуется, да он и слыхом не слыхал о сценических приемах. Но сколько достоинства и вкуса, сколько неосознаваемого мастерства, как умеет он, нимало о том не заботясь,захватить окружающих! Кажется, позови он сейчас — и люди пойдут за певцом куда угодно. Но «куда угодно» бахши не поведет. Он поведет вас дорогой правды и добра, потому что он чист и доверчив, как дитя. Его обидеть нельзя, это страшный грех. Да и кто посмеет?

Ему беспредельно веришь в момент, когда он поет, пусть даже сказочную песню, пусть легенду. Это потому, что он беспредельно искренен. Он говорит словно бы для одного себя, а в то же время словно бы мне, и тебе, и ему, и каждому из тех, кто слушает сейчас. И песен у него бесчисленное количество, их никогда никто не запишет, да бахши на это и не рассчитывает.

Скромен и прост бахши, но цену себе он знает. Знает, с каким доверием и благоговением слушают его люди. А потому он дорожит своей честью, помнит о великих певцах прошлого, достойно продолжая славное дело. Он, я уверен, четко ощущает себя звеном в истории народа и тот факт, что мы воздаем ему должное, воспринимает с полным правом и чистой совестью. Лучшие умы человечества, лучшие поэты, философы, писатели всех народов высоко ценили дар этих бесхитростных сказителей и певцов и преклонялись перед ними. Слыхал ли об этом бахши? Может быть, и слыхал. А если не слыхал, то не удивится, узнав о таком поклонении. Ведь он сам поэт и философ, певец и художник слова, он одухотворенно и возвышенно видит жизнь. Взгляд его широк, фальшь чужда ему. Он в окружающем распознает то, что скрыто от других. И в этом он сродни любому гению прошлого и настоящего.

Я слышу в его песне то же, что слышат сейчас все, хотя об этом в ней не сказано ни слова. Он говорит нам: вы добрые. Вы трудолюбивые. На вас держится мир. Вы только поймите, что вы такие. Если не поймете, если поступитесь совестью, как некоторые, мир погибнет. Он только потому и стоит до сих пор, что добрых и честных людей гораздо больше, чем злых, что вы сильнее всякого зла. Поэтому берегите чистоту ваших помыслов и поступков, этим самым вы сохраните свой мир...

Бахши поет, значит, совесть человека не дремлет. Как горный источник утоляет жажду, как настой целительных трав изгоняет недуг, как набат созывает народ на общее дело,— так утешает, лечит, тревожит и обещает радость победы твоя бесхитростная песня, бахши.

3. Дастархан

В наших краях, как и на всем Востоке: едва войдешь в любой дом — после первых же слов приветствия тебя пригласят к дастархану. Это одновременно и «стол»— место, где едят и пьют чай, и красный угол комнаты. Главенствующее место за дастарханом отводится гостю. Гость, как убеждены в народе, превыше всего, он хозяин в доме. И как

бы ни была скромна, как бы ни была проста скатерочка, расстеленная перед вами,— уже по оказанному вам почету (на который душа сразу настроилась откликнуться добром) вы с первых минут ощутили тепло и уют домашнего очага, само существо которого так явственно и бесхитростно подчеркнул и выявил дастархан...

Очаг, дом, семья, кишлак, мой край — как емка цепь этих понятий, начинающаяся здесь, в красном углу. Эта цепь есть жизнь, и не потому ли люди, храня семейный очаг, первичную ячейку народа, так ревностно оберегают культ дастархана?

Кажется, что особенного в холстинке, сшитой или сотканной из суровых хлопчатых нитей, постеленной прямо на пол, или на камышовую плетеную циновку, или на стеганую курпачу, или на яркий пушистый ковер,— а вот обладает она невидимой и неведомой силой, и если душа твоя открыта людям — увидишь в ней символ борьбы этих людей за свое достоинство, за высшие ценности, за самое право оставаться человеком всегда.

На дастархане лежат фрукты, поставлены тарелочки с немудреными сладостями, перед каждым — пиала, чайник, перед каждым — разломанные куски лепешки. И если зайдет среди собравшихся спор и кто-то усомнится в словах собеседника, тот, коснувшись куска, промолвит: «Говорю перед хлебом». И смолкнут слова возражений, и люди, только что недоверчиво качавшие головами, поверят в невероятное. Слова, сказанные перед хлебом, не могут не быть правдой.

Нарушить клятву перед хлебом, сказать неправду за дастарханом — это издревле значило осквернить самое святое. Хлеб уважаем и ценим у всех народов, благородный труд хлебопашца всюду не обделен поклонением и почетом. Но на Востоке (пусть упрекнут меня в излишней эмоциональности) эти чувства стократ сильней. Ведь здесь всегда хлеб доставался людям особенно тяжким трудом, ведь здесь, в степях и пустынях, никогда не было вдосталь воды, богарные урожаи всегда были скудными, проводить большие каналы, строить плотины дехканам, конечно, и было не под силу. Деревянная соха, тощий слабосильный скот, убогая агротехника -- все это стократно поднимало не только материальную, но и моральную, духовную цену хлеба... И как хорошо, как правильно по самой высшей мерке, что в нынешние дни хлебного изобилия, когда в нашем распоряжении — элеваторы не только Узбекистана, но и России, Украины, Казахстана, всех других братских республик,— что даже и теперь священное благоговение перед хлебом остается во плоти и крови народа.

Кто из нас — в городе или в селе — не наблюдал такой картины. Убеленный сединами старик, с трудом передвигающий уставшие за жизнь ноги, опираясь на посох, вдруг останавливается на обочине дороги. Он нагибается, увидев что-то там, в пыли. Он нагибается с трудом, словно бы слышишь, как скрипят его одряхлевшие, иссохшие суставы, и черная, продубленная ветром и солнцем, огрубевшая от мозолей рука тянется вниз, к земле... Это старик увидал кусочек лепешки, оброненный, видимо, несмышленым ребенком (взрослый ведь не позволит себе подобного кощунства). Вот он поднял этот кусочек и ищет слабыми своими глазами, куда бы его пристроить. Нашел. И бережно укладывает

на камешек, под стреху дома, на развилку дерева,— словом, в такое место, где хлеб будет в безопасности, где на него никто не наступит, где его никто не обидит.

Старик знает истинную цену этому куску лепешки, потому что он знает истинную цену труда, а стало быть — истинную цену жизни. Хлеб вскормил его, как он вскормил хлеб. Хлеб взрастил его, как он взрастил хлеб. Они не могут жить друг без друга. Хлеб для старика — святыня. И таким он остается в душах его внуков и правнуков: уж будьте уверены, старик добьется этого обязательно.

Кусок лепешки на дастархане... Многозначительный свидетель и хранитель правды, он испокон веков был и хранителем мира. Дастархан останавливал войны, таков обычай Востока. Когда садятся за дастархан, сражения прекращаются. Преломление хлеба, как и удар по струнам дутара,— это миг просветленья в кровавом и жестоком мире. Хлеб и песня, и только они, делают человека вечным, а его жизнь счастливой.

Хлеб преломляют и за свадебным дастарханом, это часть народного обряда бракосочетания — молодые люди над хлебом дают клятву супружеской любви и верности. И эта клятва, конечно же, придает особую торжественность моменту рождения новой семьи, напоминает юным новобрачным об их особой ответственности друг перед другом и перед будущим.

А если нет у человека своего угла, нет семьи, если жизнь его проходит в странствиях, в вечном поиске лучшей доли — и в этом случае он не отступит от благородного обычая расстилать дастархан, дабы провести достойно свою скудную трапезу. У бедняка дастархан всегда при себе, он служит ему набедренным поясом — широкий платок, опоясанный вокруг талии. Когда пришло обеденное время, сядет путник где-нибудь у ручья, в тени дерева или прибрежного кустарника, расстелет свой дастархан, вытащит оттуда запасенный еще вчера кусок лепешки, обмакнет его в воду, круто посолит — вот и пообедал... А перед тем, как встать, все до крошечки соберет, кинет в рот широкой ладонью, подпоясшется дастарханом, словно кушаком, и двинется дальше по жизни.

Как говорят в нашем крае: кто не знает цену зернышка, тому хоть мешок подавай, все одно не поймет. Но уж зато кто эту цену знает — тот легко поймет меня, когда я напомню ему о революционной биографии дастархана. Сколько новых значений, сколько новых ярких смыслов вложила в это древнее понятие наша новая жизнь, наша великая советская общность! Хлеб был оружием революции, хлеб воевал, хлеб был мерилом политической зрелости. Когда с далеких окраин страны отправлялись обозы хлеба в голодный Петроград и Москву, Владимиру Ильичу Ленину,— ведь это люди расстилали перед далекими братьями дастархан, украшенный и согретый теплом сердец, впервые узнавших великий закон трудового братства. Именно это братство, воспринятое сразу и навсегда, вселило веру в справедливость Советской власти, в ее жизненную крепость и мощь. Царил голод, пылала гражданская война, жестокая разруха раздирала страну, и «хлебный город Ташкент» старался сделать все, что мог, чтобы облегчить участь голодающих. В этом своем стремлении он еще немногое мог, он еще не был

таким, как сейчас, но образ, возникший в те далекие времена, скажет сегодня о многом...

Пусть задумается молодой читатель над двумя словами: осьмушка хлеба. Что это такое, как по-вашему? Осьмушка хлеба — это одна восьмая часть фунта, то есть примерно 50 граммов. Вот такой была дневная норма хлеба для пролетариев Москвы, Питера, других городов России во времена гражданской войны, последовавшей затем разрухи и голодных, неурожайных годов. Эту осьмушку собирали для бедствующих сограждан молодой республики Советов по крошечкам, по крупицам, как тот старик, поднимающий кусочек черствой лепешки... Собирали те, кому повезло чуть больше, кто сам ел не досыта, но мог как-то перебиться, одновременно уделив кровному брату часть со своего бядняцкого дастархана. Нечем тут гордиться, разве гордятся исполненным долгом, разве гордятся добром, оказанным тому, кого любишь, с кем вместе по жизни идешь?

Хлеб Ленинграда... Нет, не на наших губах горький привкус этого голодного пайка, что выдавался гражданам осажденного города. Но в наших душах — память о крови, пролитой за то, чтобы доставить этот паек через кольцо блокады, чтобы разорвать это проклятое кольцо, чтобы спасти, сохранить, защитить жемчужину мировой культуры и тех, кто предпочел смерть позору фашистской неволи, кто не склонился перед врагом, противостоя ему со всею силой духа советского человека. Кинохроника тех лет запечатлела моменты отправки из Узбекистана хлебных эшелонов на фронт и в Ленинград, когда сам Юлдаш Ахунбабаев поехал с одним из таких поездов к сражающимся солдатам. Если мерить современной мерой — убог и скуден был в ту пору дастархан Ташкента, да и всей республики. Но великий закон дастархана, взлелеянный поколениями трудового люда, гласит: поделись всем, что у тебя есть, не утаивай ничего, хотя, может быть, тебе и не хватит самому... Десятки тысяч семей нашли приют и кров у наших дастарханов, десятки тысяч сирот вошли в наши дома, как родные. В память о том времени, в назидание нам, живущим ныне, и тем, кто придет после нас, в центре Ташкента поставлен памятник одной из семей, совершивших в годы войны незаметный, но оттого еще более почетный гражданский подвиг. Шаахмед и Бахри в кругу своего многонационального семейства запечатлены в бронзе на площади Дружбы Народов.

И я верю, что настанет время — вырастет в столице Узбекистана еще один памятник. Он скажет о годах, когда могучая Советская Родина расстелила в Ташкенте свой щедрый дастархан, помогла возродить Ташкент, повергнутый в руины землетрясением. В сотнях городов люди отложили свои новоселья, уступили нашим детям места в летних лагерях, направили сюда тысячи поездов и тысячи рабочих, миллиардные средства, лучших инженеров, новейшие машины и лучшие материалы. Строители Ташкента трудились без отдыха и сна под жестоким солнцем Востока, они за короткий срок построили, в сущности, новый город, куда более удобный и красивый, чем тот, что был раньше... Щедрый ленинский дастархан! Разве тебя оплатишь или измеришь, платой может быть только одно — верная и

вечная память, готовность всеми силами руки и души крепить и хранить великое наше трудовое братство...

Дастархан прекращал войны, сближал не только людей, но и целые народы. Так было и так осталось в наши дни. Когда Индия и Пакистан искали выхода из затяжного конфликта, то путь к мирному соглашению, как помним мы все, был найден за ташкентским дастарханом. Тогда, два десятилетия назад, Ташкент уже был известен как город мира и дружбы, а с тех пор эта репутация еще упрочилась. Столица Узбекистана — традиционное место конференций писателей стран Азии и Африки, резиденция международного кинофестиваля.

Наш дастархан, у которого всегда есть место другу с любого конца планеты,— не оскудеет и через века, гостеприимство — в характере народа Узбекистана. Но разве только Узбекистана? Дастархан — это местное слово, а понятие — не местное. Понятие интернациональное. На Украине — расшитый красочный рушник, на котором преподносят хлеб-соль желанным гостям, новоселам, молодоженам. На Руси — вышитая скатерть, та, что в народных сказках зовется самобранкой, но на которой в реальной жизни ничто не появляется само собой, а так же, как повсюду, олицетворяет благородный и нелегкий труд человека... Мудрецы Востока говорят, что накрытый дастархан — венец этого труда, и по тому, как дастархан выглядит, можно судить о характере человека, семьи, целого народа.

Казалось бы, этому противоречит одна особенность узбекского дастархана. В разных местностях его отделывают и украшают поразному. В Ферганской долине — один узор, в Хорезмском оазисе — другой, в Ташкентском — третий, в долине Зеравшана — четвертый, причем в Самарканде и Бухаре они тоже неодинаковые. Отличие — в самом почерке, даже и в красках вышивки, что превращает простую холстину в ритуальное полотнище — обеденную скатерть. Казалось бы, говорю я, эта особенность противоречит словам мудрецов, утверждающим, что дастархан может рассказать о характере целого народа.

Но нет, мудрецы все же правы. При всем различии есть общее: рисунок на дастархане всегда подчеркнуто лаконичен и строг. Потому что настоящее гостеприимство, настоящее братство, настоящая щедрость — они не кричат о себе, они вершатся не ради того, чтобы пустить пыль в глаза и вызвать зависть соседей. Тщеславие и показная роскошь — эта изнанка жадности и стяжательства — всегда были ненавистны народу, презираемы им, чужды ему. Об этом тоже скажет узбекский народный дастархан тому, кто умеет смотреть и слушать.

Сейчас трудно сказать, откуда он взялся, этот бытующий у всех народов обычай — преподносить хлеб-соль, угощать соседа и друга, расстилать перед гостем дастархан. Наверно, взялся из человеческой души, где изначально заложены ростки добра, правды и мира. А раз так — не будем доискиваться. Раз так — жить роду человеческому, пока растет на земле хлеб. Жить всегда.

Вот о чем размышляешь, вспоминая немудреную домотканую скатерку из грубой хлопчатки, на которой стоят перед тобою простые и вечные ценности: пиала зеленого чая, соль и хлеб.

ПРЕДАНИЕ О РОЖДЕНИИ ТИМУРА

(Легенда, записанная со слов Максума-бобо из Яккабага)

В народе передают, что отец Тимура был Тарагайхан-Бахадур из потомков Караджар-Нойона, двоюродного брата Темучина, который теперь известен под именем Чингисхана. Когда Чингисхан вернулся из персидского погрома и прибыл в свою столицу Каракорум, то назначил своего любимого сына, Чагатай-хана, правителем Ферганы и Мавераннахра (стран, лежащих на правом берегу Амударьи), приставив к нему своего визиря, Караджар-Нойона также, и отправив вместе с ним людей из 32 племен. Таким образом чагатайцы сделались знатными. Теперь их называют аймаками. Чагатай избрал своей столицей Кашгар, предоставив Мавераннахр Караджар-Нойону. Потомки Чагатая из поколения в поколение царствовали в Фергане и Мавераннахре, пока не дошла очередь до царствования Баянкули-хана, сына Дуван-хана.

В 720 году хиджры (1320) Казан-хан, известный, под именем Меликшаха, царствовал в Бухаре. В то время в Бухару прибыл знаменитый шейх Сейфуддин. Жители Бухары стали его учениками и последователями, и Всевышний благословил ишана таким богатством, что у него было на конюшне 700 лошадей разных мастей. Казан-хан был такой тиран, что если он требовал к себе кого-либо из высокопоставленных лиц из местных жителей, то этот человек, прежде чем отправиться к хану, составлял духовное завещание. Некоторые люди жаловались ишану, но последний приказывал им потерпеть. Узнав об успехах ишана, Мелик-шах приказал доставить его к себе, говоря: «Зачем оказывается такой почет этому нищему?» Посланный, прибыв к ишану, от страха не мог вымолвить ни слова. Когда он, наконец, передал повеление, ишан разгневался и послал в ответ хану следующее четверостишие:

Доколь будет простираться твоя несправедливость?
Ты постоянно притесняешь сердца людей.
Если ты, злодей, не изменишь своего поведения,
То, я говорю тебе, смерть подстерегает тебя.

Передавая это письмо посыльному, ишан сказал: «Не вскрывай этой бумаги, иначе ты ослепнешь». Посыльный был человек сметливый и, не вскрывая бумаги, передал ее Казан-хану. Прочитав бумагу, хан пришел в ярость и сказал: «Дерзость этого негодяя дошла до того, что он пишет мне такое четверостишие». Затем он приказал оседлать лошадь, с тем чтобы отправиться к шейху и наказать его.

Приближенные старались отговорить его, но он не послушался. Шейху доложили, что хан приближается, и ежеминутно доставляли ему сведения об этом. Ишан приказал, чтобы человек бросил яблоко в воздух: «Сколько оборотов оно сделает до его прибытия,— сказал он,— столько мудрости проявит Господь». Затем он стал наблюдать и после некоторого времени сделал знак, сказав: «Бог велик!» Между тем Казан-хан достиг Геле-джуя, проехав два моста, и вступал на третий, когда крестьянин один поднес ему в подарок корзину яблок. Хан, сидя на лошади, протянул руку, схватил яблоко и стал им играть. Вдруг яблоко упало на барабан, лошадь испугалась, он упал и сломал себе шею. Все знали, что это случилось по воле шейха, и все жители, бедные и знатные, пришли, и пали к его ногам. После этого люди не знали, кого избрать царем. Некоторые решили, что шейх достоин быть царем, но ишан на это не согласился. В течение года он прожил в мечети Азад-шейх на востоке от Бухары. Люди приходили и обращались за советом и правосудием к ишану. Никто не слышал об исках и никто никого не обижал.

Наконец люди пришли к шейху и доложили, что царство не может существовать без царя: «С шести сторон цари услышали, что в Бухаре нет правителя, и собираются покорить ее. Что вы на это скажете?» Ишан сказал: «Возьмите мой посох, кому он придется по росту, того изберите в цари, хотя бы он был пастухом». Этот ответ никого не удовлетворил, и люди снова пришли к шейху. Ишан сказал: «Идите в сторону Нуратинских гор и зовите Баянкули-хана; и кто бы вам ни встретился, примерьте ему этот посох». После этого жители Бухары, горя желанием увидеть царя, взяли посох шейха и обошли область; всякому, кто им встречался, они примеряли посох, но никому он не пришелся впору. Они справлялись о Баянкули-хане, но ничего о нем не слышали.

Дело Баянкули-хана заключалось в следующем. Когда дядя его Мелик-шах воцарился, хану было 18 лет. Мелик-шах приказал его казнить, но эмиры тайно заплатили палачу и дали юноше возможность бежать. С тех пор он блуждал и пришел к Нуратинским горам. В то время в Бухаре находилось племя Арлат. Однажды хан заметил, что коршун, поднявшись в воздух, выронил что-то тяжелое из клюва; он увидел, что это красный кошелек, полный денег, взял его и вошел в ставку Арлатов. Некий человек узнал кошелек и пришел к слуге эмира Арлатского, ибо кошелек принадлежал последнему. Эмир Муид сказал: «Я у источника совершал омовение, и у меня пропал кошелек; вероятно, ты его украл?» Хан рассказал о случае с коршуном, но тот этому не поверил и некоторое время содержал хана в заключении. Тем не менее хан своего звания не открыл и не сказал, что он царевич. Ночью он увидел во сне шейх-ул-аълама, а проснувшись, порвал оковы и убежал. Прибыв в Геугам, он сел под одною стеною, как чужестранец, и плакал. Пожилая женщина, муж которой был пастухом, приняла его к себе вместо сына. Через несколько дней человек этот заболел. Хан взял пастушескую палку и целый год был пастухом, пока не появились люди из Бухары.

Однажды он увидел, что идет группа людей, призывая Баянкули-

хана. Он удивился и от страха молчал. Люди подошли к нему и спросили: «Юноша, не видел ли ты Баянкули-хана»? Он спросил: «Какое имеете вы к нему дело?» Они рассказали ему о приказании шейха и вручили ему в руки посох, который пришелся ему как раз по росту. Они призадумались: как сделать царем пастуха? Но один из них сказал: «Я слышал, шейх говорил, чтобы сделать царем того, кому подойдет посох, хотя бы он был пастухом». Между ними находился один из нукеров (слуг) Мелик-шаха, который, по приказанию последнего, семь лет содержал Баянкули-хана в заточении; этот узнал его и пал к его ногам.

Словом, они привезли его в Бухару. Сам шейх выехал ему навстречу, украсили город и посадили хана на бухарский престол. Он правил с такою справедливостью, что описать нельзя.

Баянкули-хан царствовал 30 лет и был настолько справедлив, что не выезжал даже на охоту, дабы не обижать птиц. Однажды царь спросил у одного маслобойщика, сколько масла получается из одного кунжутного зерна? Тот ответил: «Такое количество, что можно смазать ноготь». Затем он спросил его о намазе (молитве) и посте, тот не сумел ответить. Тогда он приказал его казнить. Сын маслобойщика был муллою; он сказал: «О хан, мой отец не учился вследствие притеснений твоего дяди Казан-хана, ибо он приказал, чтобы не учились в мектебах, я же по твоей справедливости стал муллою, ибо ты издал приказ: горе тому, кто не отдаст в школу своего сына».

Теперь мы дошли до истории Тарагай-Бахадура. Раньше было упомянуто, что он из рода Караджар-Нойона. По сообщению сведущих людей, в то время чин визиря не принадлежал более его семейству, но он был богат и всеми почитаем. То место, где проживал Тарагай, называют теперь в Шахрисабзе «Тургаем». В то время 70 собак с золотыми ошейниками охраняли его стада. Сам он был человек сильного телосложения и смуглолицый.

В то время в Бухаре был муллою Садр уш-шариа, автор книги «Шархи викая». Однажды он сидел в кругу учеников, как вдруг вошел странник и сказал: «Отдай замуж твою дочь Некия-бегим, ибо от нее родится сын — покоритель мира». Мулла сказал: «О дивана (чудак), почем ты это знаешь?» Он ответил: «Мне известны сокровенные тайны». Садр уш-шариа приказал заключить его в каменный дом (тюрьму), а сам отправился к хану и рассказал об этом происшествии. Хан приказал привести странника. Но так случилось, что посланные за ним люди, отворив абхане (темницу), нашли вместо странника дочь Садр уш-шариа связанною. Люди изумились, а девушка оказалась сумасшедшею, и сколько ни читали над нею молитв, она не поправлялась. В конце концов ее повезли к шейх-ул-аъламу. Ишан улыбнулся и сказал: «Тот странник был святой дух; от этой девушки родится хороший и доблестный сын». К девушке тут же вернулся рассудок от чести свидания с ишаном. Последний сказал: «Я сам выдам замуж эту девушку». Садр уш-шариа ответил: «Как вам будет угодно». Когда стало известно, что ишан предрек девушке, то со всех сторон к ней стали свататься сановники и ученые, но шейх говорил постоянно, что муж ее еще не прибыл в Бухару. Наконец люди стали поговаривать, что сам шейх женится на ней.

Теперь послушайте о Тарагай-Бахадуре. Однажды он охотился в шахрисабзской степи и погнал перед собою серну. Серна бросилась в стадо и, пробежав через него, скрылась. Бахадур взглянул на стадо и увидел, что волк разорвал одну овцу. Он пустил в волка стрелу, а затем разбудил заснувшего пастуха и стал его бить. Пастух сказал: «Не бей меня, эмир, я видел для тебя хороший сон». Бахадур сказал: «Расскажи, какой сон». — «Я видел,— сказал пастух,— что человек, одетый в зеленое платье, мне кричал: «Скажи твоему хозяину, чтоб он отправился к шейх-ул-аъламу и женился на дочери Садр уш-шариа, ибо от нее родится сын — покоритель мира». Бахадур сказал: «Ты от страха обманываешь меня». — «О Бахадур,— ответил пастух,— я никогда не слыхал имени шейха и Садр уш-шариа; клянусь Богом, создателем тварей, что этот сон — хорошее предзнаменование». Бахадур, невзирая на это, хотел ударить его нагайкой, но вдруг собака пастуха вскочила и залаяла, но Бахадуру послышалось, что она говорит: «Он сказал правду». Он спросил пастуха: «Понял ли ты, что сказала собака?» Тот ответил: «Она говорит, что я сказал правду». После этого Бахадур поверил словам пастуха и, приготовив все необходимое, отправился в Бухару.

В Бухаре он заехал прямо к шейх-ул-аъламу. Ишан в это время молился, но заметил прибывшего. Тарагай-Бахадур сел в кругу суфиев и стал ждать. Наконец шейх поднял голову и сказал: «Привет тебе, отец сахибкрана*!» Прозвище «сахибкран» Тимуру дано было ишаном, когда он еще не был зачат, и этот эпитет сделался августейшим прозвищем эмира. Тарагай-Бахадур рассказал шейху о странном сне пастуха. Шейх сказал: «Да, сон пастуха верен, я для тебя сохранил Некия-бегим. Но так как я дал обет, что раньше должна быть построена мечеть, то ты обязан это исполнить, дабы обет не был нарушен». Эмир Тарагай согласился на это условие. Тогда ишан сказал: «Не печалься, человек, который этого домогается, может быть освобожден от обязательства».

Эмир пал к ногам шейха. Ишан отпустил всех учеников, так что никого не осталось, кроме эмира Тарагая. Он приказал ему встать и совершить новое омовение. Эмир совершил омовение и отправил два молитвенных поклона. Тогда шейх написал письмо и передал ему, говоря: «Пойди на загородное кладбище Файз-ул-анвар у источника хазрата Айюба (в то время кладбище хазрата Айюба было вне крепости Бухары; Абдул Азизхан, сын Убейдуллы-хана, приказал включить его в черту города). Когда ты придешь к могиле ишана, сядь на берегу источника. Ты увидишь закрытую дверь мечети; не бойся и, что бы ты ни услышал, молчи. Выйдет суфи и поставит перед тобою посудину с пищей; если она будет растительная, то от того семени Бог даст тебе сына, который будет силен в шариате; если же пища будет животная, то у тебя родится сын, который, кроме разврата и дурных поступков, ничего делать не будет. Съев пищу, передай мою записку суфию. Когда последний войдет в мечеть, ты

---

* Прозвище, обозначающее человека, родившегося под счастливой звездой.

вернись назад и не оборачивайся; кто бы тебе ни говорил взглянуть назад, не слушайся его, пока не придешь ко мне».

Взяв записку, Тарагай-Бахадур отправился. Прибыв к подножию городской стены, он достиг кладбища хазрата Айюба и увидел, что из купола восходит сияние к небесам. До слуха его дошла приятная мелодия, стоны флейты, лютни и тамбура. Он сказал: «Хвала Богу, что это значит?» Затем он исполнил то, что ему приказал шейх, и сел на берегу источника. Вдруг дверь отворилась и вышел суфи в зеленом одеянии со скатертью и блюдом, которое он поставил перед эмиром. Тарагай-Бахадуру сделалось страшно при мысли, будет ли пища запрещенная или дозволенная, ибо от этого зависело, какой у него родится сын. Когда он поднял крышку блюда, то увидел, что оно полно молока. Он выпил все молоко с удовольствием и, передав записку суфию, пошел обратно. Вдруг он услышал за собою возгласы: «Бог велик. Бог всевышний. Нет Бога, кроме Аллаха. Бог велик, хвала ему!» Эмира объял трепет. Он пошел к саду Шамс-улмулон, который теперь называется Намазгах. Оттуда вышел старик и сказал: «Зачем ты не оглянешься и лишаешь себя столь удивительного зрелища, повинуясь приказанию шейха?» Слова эти так подействовали на Бахадура, что он чуть не обернулся. Вдруг таинственный ветерок коснулся его лица, и Бахадур продолжал путь к шейху, а старик исчез. Придя в мечеть, он отыскал шейха, поклонился ему и попросил прощения. Ишан сказал: «Тот старик был дьявол, да будет над ним проклятие Аллаха, а таинственный ветерок был от меня; если б я этого не сделал, то ты оглянулся бы и погиб бы твой плод. Теперь иди и смотри сквозь мои пальцы».

Когда Бахадур посмотрел, то увидел, что много людей, одетых в белые и зеленые одежды, идут с алебастром и кирпичами в руках. Шейх заметил ему, что это люди таинственные. Бахадур спросил: «Который из них старшина?» Ишан сказал: «Старшина их умер, и они просили меня принять его обязанности».— «Но,— возразил Тарагай-Бахадур,— большинство этих людей мне известно и открыто занимается ремеслами, а в душе они люди таинственные». Шейх сказал: «О Тарагай, если б ты не обладал спасением, то не мог бы на них смотреть». Между тем таинственные люди приблизились к шейху, поклонились ему и сказали: «Когда мы первый раз пришли к Вам, Вы не согласились принять на себя старшинство; сегодня человек Ваш принес нам письмо, в коем Вы сообщаете, что, хотя и не помышляли принять старшинство, но ради просьбы Бахадура согласились, с условием, чтобы мы к утру выстроили мечеть». За сим таинственные люди все обрадовались, сняли одежду траурную и надели одежду радости и занялись постройкой мечети, так что к утру строители судьбы и силы выстроили купол, подобный небесному своду из алебастра утра и кирпича солнца. Жители благородной Бухары, увидев на следующий день этот купол над головою хазрата, изумились и отнесли это к числу чудес, сотворенных шейхом, но последний объявил, что здание это выстроил Тарагай-Бахадур. Затем он обвенчал Тарагая с Некия-бегим дервишским браком, и в то время, когда солнце было в

созвездии Козерога, тот чистый зародыш в час Сатурна зародился во чреве своей матери.

Но перед этим было еще одно происшествие. Эмир Казаган имел чин «Эмир улуса», равняющийся нынешнему «аталык». Был он кунграт, и потому хан бухарский в отношении его не пользовался никакими преимуществами, кроме заздравной молитвы и чеканки монеты, все было в руках этого аталыка. Он явился соискателем Некия-бегим, вообразив себе, что она предназначена для него и произвольно отдана сыну Караджар-Нойона. Поэтому он решился идти войною на шейха, сколько бы хан бухарский этому ни противился. Он послал к шейху людей с предложением назначить место битвы. Ишан сказал: «Если б она была предназначена для него, то зачем он не явился раньше, когда девушка была сумасшедшей, теперь же, когда я выдал ее мусульманским браком за Тарагай-Бахадура, пусть он попытает в отношении меня все, что в его силах».

Собрав войско, эмир Казаган выступил против шейха. Когда он приблизился к мечети, Бахадур сказал: «Отец мой также был эмиром улуса, и я желаю сразиться с Казаганом, хотя он и не имеет себе равного в стрельбе из лука». Сначала ишан отговаривал его, но Тарагай-Бахадур очень настаивал. Тогда шейх сам опоясал его, и он выступил с 400 учениками ишана в боевом порядке против эмира Казагана.

В это время солнце повернуло к полудню и светило в лицо эмиру Тарагаю, причиняя ему беспокойство. Шейх молился в мечети,— и вот появилась тучка и заволокла небо. Эмир Казаган сразился с войском Бахадура, причем знамя ишана возвышалось над головою Тарагая. Все воины последнего были пешие, только сам он был верхом. Эмир Казаган имел белое знамя, красную одежду и черного коня. Ишан говорил Бахадуру, чтобы он вызвал Казагана на единоборство. Он поступил согласно повелению ишана, и они съехались с Казаганом. Во время борьбы на стрелах одна стрела попала в правый глаз Бахадура, и он упал с лошади, а тот хотел отрубить ему голову. Суфии доложили об этом шейху. Тогда ишан сделал лук из тростника и выстрелил в сторону Казагана. Стрела, пробив стену мечети, попала злодею в грудь. Люди, видевшие его рану, удостоверили, что стрела пронзила его насквозь и он упал мертвым. А эмир Тарагай только ослеп на один глаз.

Затем прибыл к шейху с извинением эмир Бухары, Баянкули-хан. Ишан сказал ему: «Ты в этом не виноват».

Вскоре после этого Тарагай-Бахадур увез Некия-бегим в Шахрисабз.

В том же 735(1336) году ишан скончался, прожив 115 лет. В то время эмир Тимур во чреве матери был шестимесячным.

Между тем Тарагай-Бахадур ожидал в Шахрисабзе рождения сына.

В это самое время Баянкули-хан получил известие, что войско Аглана Кашгарского готовится к восстанию, и написал письмо в Шахрисабз, чтобы собрали войско из барласов и кереев и отправились против Аглана. Кереи были собственно тюрки, но их принято называть кереями. Когда означенное письмо пришло к эмиру Тарагаю, он поцеловал землю и опоясался мечом по приказанию хана, своего сюзерена.

Старшая жена его по имени Юкун-хотин, была дочерью эмира Казагана, который пал в бою с Тарагай-Бахадуром; ей он поручил Некия-бегим, сам отправился в Кашгар.

Теперь начинается рассказ о рождении эмира Тимура. Некия-бегим провела 9 месяцев и 9 дней беременности, и настало время разрешения ее. Но Юкун-хотин таила злобу на Некия-бегим за то, что отец ее погиб из-за нее. Однажды она увидела во сне, что из платья Некия-бегим взошло солнце, осветило весь мир и, пройдя с востока на запад, направилось в Индию, где и осталось. Проснувшись, она догадалась, что сопернице ее предстоит великое счастье. От зависти она ее усыпила, а затем призвала раба, родом из племени Хазаре-дачин, по имени Каидун, доставшегося ей по наследству от отца, и сказала ему: «Я имею тайну, хранителем которой хочу сделать тебя, но смотри не выдай ее». Раб ответил: «Я остался от твоего отца и тайны твоей не выдам». Тогда она рассказала ему, какой она сон видела насчет Некия-бегим, и спросила его, не может ли он узнать его значение у сведущего толкователя. Каидун возразил: «Здесь нет толкователей, но я слышал, что в Самарканде появился человек по имени Суюлик-ата, который живет в пещере, про которого говорят, что он разрешает все затруднения людей». Юкун приласкала раба, заручилась его верностью и послала его к Суюлику. Когда раб прибыл к пещере, то увидел, что ата сидит и много народу ждет очереди, так что он только через сутки добрался до него. Он увидел человека, одетого в звериную шкуру и не от мира сего. Он тайно объяснил ему свое дело. Ата сказал: «Да, в этот год родится ребенок «сахибкран», который будет покорителем мира. От той женщины родится ребенок, потомки коего будут царствовать долгие века, а сам он покорит мир и процарствует 36 лет». Раб положил подарок перед ата, но последний его не принял.

Возвратившись домой, Каидун рассказал обо всем Юкун. Последней овладело пламя зависти, и она сказала рабу: «Не можешь ли ты околдовать Некия и убить ее?» Раб очень отговаривал ее, но безуспешно. Наконец, видя, что Юкун изводится, и не находя другого средства успокоить ее, он согласился на убийство Некия. Написав подложное письмо, он передал его Некия-бегим. Содержание письма было такое: «От отца твоего, Садр уш-шариа. О дочь моя! Знай, что если ты скоро не приедешь, то не увидишь меня вовеки, мне немного осталось жить». Некия-бегим, сгорая нетерпением скорее увидеть отца, отправилась к Юкун, объяснила ей дело и попросила у нее позволения уехать, так как Тарагай-Бахадур отдал ее на попечение Юкун. Последняя отпустила ее в сопровождении двух служанок, а вслед за ними отправила раба Каидуна,чтобы он покончил с нею. Каидун по дороге догнал царицу и убил сначала обеих служанок. Несчастная Некия-бегим взмолилась, говоря: «Дедушка, какая польза тебе будет, если ты меня убьешь? Во чреве моем есть ребенок еще недоношенный, какую вину может он иметь?» Раб ответил: «Из-за него-то я и убью тебя, ибо он покоритель мира». Затем он извлек свой меч и ударил Некия-бегим. Будучи ранена, она со страха за свою жизнь бросилась в колодец, раб же наклонился над отверстием колодца и закричал ей, чтобы она скорее вылезала. Бедная женщина застонала. Вдруг, по счастью эмира Тимура, блеснула

молния с небес и, ударив в грудь раба, рассекла его на две части. Царица избавилась от его преследования, но не могла выйти из колодца, который был сухим. Случайно проходил мимо пастух, который, увидев ее, бросил в колодец веревку. Царица ухватилась за нее, и пастух ее вытащил. Увидев перед собою женщину необычайной красоты, пастух осведомился, каким образом она сюда попала. Некия-бегим ответила: «Я принадлежу к племени аймаков; мы ночью проходили по этой местности со своим родом, и я нечаянно упала в этот колодец; этот мертвый — мой муж, его убила молния».

Пастухом овладела страсть, и он задумал совершить насилие над Некия-бегим, но последняя взмолилась к Богу. Вдруг появился человек, с виду араб. Услышав, в чем дело, он очень устрашил пастуха, а затем сказал: «О царица, меня зовут эмир Джану-барлас, и это мой пастух; будь моею дочерью, иди в мой дом, дети мои позаботятся о тебе, а затем мы разыщем твоих родных и поручим тебя им». С этими словами он повел в свой дом ее и поручил своей жене.

В эту пору наступило время разрешения от бремени Некия-бегим — в ночь субботы 5-го шабана 735 года (20 апреля 1336 г.), во время восхода созвездия Рака, когда солнце было в первой степени Козерога, а луна в 29-й степени Водолея и когда оба эти светила были в связи. Последнее обстоятельство толкуется так: когда все семь созвездий планет сблизятся с восходящим Раком в зодиаке Козерога, то ребенок, родившийся в это время, будет обладать счастьем, ибо Господь сотворил мир в такой час. Летописец Тамерлана Шарафуддин Али Язди говорит в своем «Зафар-намэ», что три ребенка родилось при подобном сочетании созвездий: Искандер Зулкарнайн (Александр Македонский), Мухаммед Мустафа (пророк) и эмир Тимур. Каждые 800 лет планеты сближаются в созвездии Козерога...

СУВЕРЕН ПРИРОДЫ

Эссе

В какие бы времена ни жил человек, он всегда стремится к познанию природы, к познанию окружающего его мира, познанию бытия, но всегда загадкой остается сам человек. Ибо он — такое земное существо, которому аналога пока в природе нет, так как только человек способен к осмыслению мира, жизни, осмыслению того, что он сам существует как создание природы. Он чувствует, что существует не только окружающий его мир, существуют и другие миры. Но, несмотря на то, что человек довольно-таки далеко шагнул в познании законов природы, в познании сути самого человека он не продвинулся далеко, и сам для себя остается загадкой. Иногда именно эта степень познания является камнем преткновения в поисках истины. В стремлении человека к постижению собственного «я», как внешнего, так и внутреннего, он встречает наибольшие трудности.

Каждый из нас является индивидуумом лишь потому, что способен задумываться о своем существе, непосредственно о самом себе, потому что ищет свое место в природе и в обществе. Именно для того, чтобы познать себя глубже, человек придумал, создал символы, обозначающие различные состояния и проявления своего духовного мира. К системам таких символов относится и письменность, и музыка, и живопись, и наука со всеми ее разнообразными ответвлениями. И все же, когда я думаю о человеке как о разумном существе, мне хочется как можно точнее выразить суть индивидуальности человека.

Когда по приглашению Академии Урду я экспонировал свои работы в столице Индии Дели, в центр экспозиции выставки я поместил картину «Вечность». На ней изображен человек, фон полотна — темно-синий космос, справа от человека — восходящее Солнце, слева — ночное светило Луна, от фигуры человека исходит свечение, символизирующее то состояние творчества, постоянного поиска и духовного действия, в котором находится персонаж. А из-под его ног в глубины космоса уходит красная тропа — путь, по которому идет человек. Красный цвет здесь говорит о том, что жизненный путь человека не прост, он полон борьбы — со стихией природы, с себе подобными, с тем сопротивлением, которое он встречает как в духовной, так и в биологической своей деятельности. Изображая человека на фоне небесных светил и бесконечного космоса, я хотел показать, что, несмотря на безграничность вселенной, огромность и энергию оранжевого Солнца, именно человек является символом величия природы. Изобразив человека таким образом, я пытался выразить мысль, что центром вселенной, каковой мы ее сегодня знаем, является все-таки человек, высшее существо,

осмысливающее содеянное природой и им самим. Это для меня — ключ к познанию самого человека.

И только после глубокого осмысления самих себя мы можем от частного перейти к общему, к постижению бытия в целом. Осознание своего существования, как известно, начинается в раннем детстве. Одним из первых моих детских впечатлений были не лица родных, не люди, а та природа, которая окружала меня. Я родился на далекой таежной заимке, примерно в ста двадцати километрах от города Томска. Отец мой, учитель, уехал работать в город и оставил меня на попечение деда, который был лесничим. Вокруг, кроме дома деда, не было людского жилья, ближайший такой же хутор находился за восемь километров от нас, а более-менее многолюдная деревня за двадцать два километра. Первые мои впечатления — это высокий сосновый и пихтовый лес, на перелесках — стволы берез, играющих листвой, сочная зелень густой травы. А когда я, ребенок, поднимал голову вверх, то видел небесный простор и кружение птиц. Щебет, тревожная перекличка, радостное пение птиц были как бы постоянным звуковым сопровождением моих первых мыслей и чувств. Вот так в детстве, познавая окружающий мир, человек приобщается к динамике природы, ее многоголосию. Не понимая смысла птичьего пения, человек может уловить настроение своих меньших братьев, тональность звучания живой жизни вокруг него. Так проникают в его сознание и радость, и печаль, и тревога. Так, еще не понимая смысла своего существования, ребенок всеми порами души впитывает воздух, деревья, птиц, животных как единый окружающий его живой мир. Видимо, это важно, чтобы в то время, когда человек растет и начинает постигать жизнь, мир представал перед ним во всем многообразии, гармоничным. На этом многообразии жизни, этом равновесии, видимо, и формируется тот духовный фон человека, который впоследствии становится основой его личности, предопределяет его поступки. Когда человек вступает в период зрелости, на его поведение, взаимоотношения с людьми, поиск своего места в жизни накладывают отпечаток годы его детства, сформировавшие его. Не зря же великие ученые-педагоги Ян Амос Каменский, Жан-Жак Руссо, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, В. Сухомлинский говорили о важности в жизни человека периода до пяти- семилетнего возраста, когда человек впитывает в себя впечатления окружающего, не сортируя в сознании многообразие бытия, когда он не даст своему восприятию качественных оценок, когда он принимает природу и жизнь на веру во всей полноте. Все это входит в человека, подсознательно, сливаясь с мыслительной деятельностью человека, и в этом слиянии происходит самое главное для будущей личности — формирование душевных и интеллектуальных качеств, от которых зависит, в конечном счете, судьба человека.

Почему я так подробно остановился на первых, детских годах своей жизни? Да потому, что тогда, на таежном хуторе, мне было даровано постоянное общение с природой. И вот сейчас, прожив на Земле полстолетия, я понимаю, что именно те пять лет, когда меня окружала гармония мира, дали мне духовный заряд, который я трачу всю жизнь, и когда мне нужно найти силы и энергию, чтобы совершить тот или

иной важный поступок, я, видимо, черпаю их именно в подсознании, хранящем мои детские впечатления.

После того, как мне исполнилось пять лет, я с родителями переехал в город Артемовск на Украине, и из впечатлений того времени у меня осталось лишь чувство перемещения, передвижения. Я лучше запомнил поезд и вагон, в котором ехал, чем новую обстановку, в какой оказался. Лишь несколько месяцев пожил я в Артемовске — в июне 41-го началась война.

Мой отец ушел воевать, а мы с матерью были эвакуированы в Среднюю Азию. По дороге эшелон разбомбили, мать была ранена, попала в больницу, а меня отправили в детский дом, в казахский город Очесай, за сто километров от Чимкента. Восемь долгих лет я провел в детском доме и в воспитательной колонии. И все эти годы как-то наслаивались на тот психологический фундамент, который был заложен во мне моим ранним таежным детством.

Очесай был шахтерским городком, здесь добывали руду, содержащую свинец. Вся жизнь городка была подчинена работе шахт, все разговоры в основном шли о добыче руды, о жизни шахтеров. Для меня, ребенка, выросшего в тайге, и многолюдье, и среднеазиатский быт, и степь без единого деревца — все это было ново и заставляло по-новому смотреть на жизнь. Но к восьми-десяти годам человек начинает не просто впитывать окружающее, но и создавать какой-то свой внутренний мир. И это не менее важно, на основе чего формируется внутренний мир ребенка. Это, можно сказать, второй природно-психологический фон. В этот период окружающая природа, атмосфера города, техника, люди, их взаимоотношения — одним словом, фактическая среда, служит материалом для уже осмысленной переработки, ребенок как бы внутренне фокусирует свои впечатления. Во мне, видимо, этот процесс происходил на богатой первооснове. Я прекрасно знал и понимал, что есть другой мир, отличающийся от того, в котором я тогда пребывал. Когда я после таежной тропы очутился на городском тротуаре, мне все же удалось сохранить в себе чувство единства с природой. Я шел по тротуару, но видел не только асфальт у себя под ногами, но взломавший асфальт кустик травы, муравья на обочине, несущего куда-то к себе домой соломинку... И я присаживался на краю тротуара, забывая, где я и куда шел, и видел себя далеко-далеко, в тенистом лесу. Я, как сейчас принято выражаться, «моделировал ситуацию», и подобные состояния были, видимо, важной стороной моего духовного развития, помогали по-особому воспринимать мир.

В школьные годы много читал. В постижении учебной программы ничем не выделялся — не был в числе отличников, не был и двоечником. Увлекался сказками, фантастическими историями, рассказами о путешествиях в дальние страны. Помню, с какой жадностью я прочел книгу академика Обручева «Земля Санникова». Я погрузился в мир каких-то оторванных от нашей цивилизации людей, находящихся на ранней стадии развития человечества, пребывающих в таких же непосредственных отношениях с природой, какие были у меня в детстве. Поэтому встреча с героями прекрасной фантастической сказки Обручева была для меня радостна, и я запомнил эту книгу на всю жизнь.

Увлекла меня и книга адмирала Головина о его кругосветном путешествии, особенно его повествование о Японии. Запала в память и «Угрюм-река» В. Шишкова... Видимо, близка была эта книга и тем, что действие в ней разворачивалось в Сибири, в тайге. Страстно увлекался книгами по астрономии, манили к себе глубины космоса... Часто размышлял о мироздании,— видимо, каждый человек обращается к таким мыслям. И когда наконец-то по-настоящему осознаешь, что мир не ограничивается нашей планетой, мысль расширяется, и хочется точно знать — что же там, на других планетах, за пределами Солнечной системы, что дальше, что еще дальше... Но вот человек упирается в тупик собственного размышления, и рождается некая безысходность: ну не может быть такого, что что-то никогда не кончается, это невообразимо и тяжело осмыслить... Появляется гнетущее чувство неполноценности той формы мышления, которой мы обладаем. Себя я успокаиваю, вернее, останавливаю на таких мыслях: хорошо, земной шар конечен, кругл и вращается в космической среде вокруг Солнца; есть и другие планеты — Марс, Плутон, Венера, Сатурн... Этот отрезок космоса конечен, но где же размещается этот конечный космос? Должно быть, пространство, вмещающее все это, которое, в свою очередь, должно быть где-то размещено, и так далее, до какого-то пространства пространств. И тогда разум вторично заходит в тупик, и думаешь — достаточно того, что ты знаешь, достаточно осознания того, что мир материален, вселенная вечна и бесконечна. В своей картине «Вечность» я и пытался передать свое ощущение космоса — Луны, Солнца, а в центр картины поместил человека.

Раз я уж заговорил о живописи, хочется отметить важность для меня этой темы. Сколько человек живет, столько он познает себя и мир, и не знает, какие ждут его впереди открытия. Но одно качество обязательно должно быть ему присуще: он должен быть человеком поиска. Только такой человек имеет будущее, только такому человеку предстоят свершения.

В сорок лет я, неожиданно для самого себя, начал заниматься литературой. Проявилась глубокая затаенная внутренняя потребность выразить свое понимание жизни, создать тот единственный образ, который тебя по-настоящему волнует и который хочется показать другим. Начал я с поэзии, написал множество стихотворений, опубликовал из них не больше сорока, но вскоре прекратил это занятие, поняв, что я не Пушкин, не Лермонтов, не Алишер Навои, что мир моим стихам не удивится, а писать посредственные, серые, скучные вирши — это никому не нужно. Но поэзия, видимо, была для меня поиском способа самовыражения, стартовой площадкой. Кроме стихосложения, я в ту пору увлекался составлением кроссвордов, потому что набрать запас слов можно лишь при усиленной работе над словесным богатством языка. Дело вроде бы и несерьезное, но оно сопряжено с перелопачиванием той «словесной руды», о которой писал Маяковский, ради «единого слова».

А затем я засел за свой основной труд — роман «Красная Бухара». В то время я жил в городе Карши Кашкадарьинской области, и эти места страшно заинтересовали меня. Природа Кашкадарьи сурова:

пыльные бури, летняя жара, достигающая пятидесяти градусов, ветреная и холодная зима, почти нет растительности. И в то же время в этой суровой степи шла интереснейшая жизнь с богатейшей историей, со своеобразным укладом народного быта. Я стал изучать обычаи этого края, общаться с людьми, изучать узбекский язык, оказавшийся очень мелодичным, плавным, хорошо передающим мысль человека. И вот, когда набралось немало знаний о быте народа, о его истории, мне захотелось выразить их в слове. Я понял, что слово о том отрезке исторического времени, о котором я хотел говорить, никем еще не было сказано. И я стал писать свою книгу. В романе «Красная Бухара» шел рассказ о бурных событиях в Бухаре и Карши начала века. В 1910 году в Бухаре произошла страшная трагедия, всколыхнувшая все Туркестанское губернаторство и Бухарское ханство. Отзвуки этой трагедии взволновали Иран, Афганистан, дошли до Петербурга. Речь идет о так называемой суннитско-шиитской резне — кровавом столкновении мусульман различных религиозных толков. За два дня погибло более тысячи человек.

Я пытался постичь, в чем же корни этой вспышки человеческих страстей, в чем суть происшедшего. Или виновна социальная, политическая, психологическая обстановка Бухарского ханства того времени, или же разгадку надо искать в косности и слабости человеческой натуры? Я думал о влиянии революции в России на умы жителей Бухарского ханства, о том, как зрела революция в самом ханстве, об особенностях жизни узбекского народа того времени, о влиянии на них народных традиций, о мировоззрении и мироощущении людей той эпохи. Вообще необыкновенно интересно рассматривать такой срез исторического периода, отыскивая в нем и темные, и светлые стороны. Ведь это неверно, что, говоря о прошлом, мы должны видеть в нем лишь плохое. Ничего подобного. Наука всех наук — логика как раз и указывает на необходимость всестороннего изучения жизни, отмечая в ней все, что может способствовать дальнейшему прогрессу, развитию человека.

Я собирал материалы к роману, изучал в архивах документы того периода. В 1975 году, когда я приступил к работе, были еще живы очевидцы той эпохи, среди них даже бывшие чиновники, служившие в эмирском дворце Арк, нашел я несколько солдат и офицеров эмирской гвардии, удалось мне встретиться с одним из бывших бачей, которые участвовали в увеселениях эмира Бухары, услаждая его зрение и слух танцами и пением. Но в ходе сбора материалов я столкнулся с фактами, не вмещающимися в роман. Я стал делать какие-то наброски, у меня получались зарисовки лиц, образов, эпизодов из жизни кишлаков, в которых я побывал во время своих поисков. А потом меня самого удивило своеобразие получающегося у меня слепка действительности. Как-то встретился с двумя художниками, приехавшими из Грузии, и показал этим двум молодым людям, имеющим высшее образование живописцев, около двадцати листов ватмана со своими зарисовками. Один из них, внимательно просмотрев мои рисунки, сказал: «Дорогой друг, да у тебя это здорово получается! Тебе немедленно надо переводить твои рисунки в краски». На что я ответил: «Что ж тут хорошего? Ведь я не умею рисовать». А он мне: «В том-то и суть! Тысячи могут рисовать,

но так, как ты изображаешь увиденное, они его нарисовать не могут. В этом твоя сила, в этом твоя оригинальность. Тебе нужно срочно браться за живопись». Второй художник поддержал его, и я поверил, что из этого моего увлечения может выйти что-то серьезное.

С тех пор все чаще и чаще я брался за карандаш, делал набросок, и чувствовал, что под моей рукой на ватмане, картоне или куске холста рождается что-то странное, существующее само по себе, что-то говорящее мне. Я брал акварельные краски, неумело накладывал какие-то цвета, но через некоторое время освоил законы сочетания красок, цветов, потом стал работать гуашью, темперой, а затем перешел на акриловые краски. Но это все — лишь о технике исполнения моих работ. А хочется сказать совершенно о другом... Я все чаще стал задумываться: что же побудило меня в сорок шесть лет взяться за карандаш, за кисть — взяться за живопись, чтобы сказать то, что отличается от высказанного в прозе? Здесь я поймал себя не на мысли даже, а на состоянии — именно духовном состоянии: во мне накопилась какая-то внутренняя страсть, требовавшая немедленного выхода, доводившая меня почти до сумасшествия. Это была жажда нового, неожиданного слова, которое я раньше не мог выговорить, не находя для него формы выражения.

Одной из первых картин, рожденных в этой горячке, были «Черные яблоки». Написана эта вещь просто, на большом куске картона: желтый фон, в центре — огромная зеленая, с красными прожилками, помпезная, перламутровая или нефритовая, ваза, и на этой вазе возлежат грудой яблоки. Но яблоки эти необычны, не те, которые рисует обычно человеческое воображение. Все они окрашены в черный цвет.

Что побудило меня написать картину «Черные яблоки»?

В то время я работал первым секретарем Шахрисабзского горкома партии, и для меня очевиднее, чем для других, была порочность образа жизни многих наших «деятелей»: то, что творилось в нашей области, то, что творилось в нашей республике, то, что творилось в Союзе, на самых высоких этажах, в высших эшелонах власти, начиная с ЦК КПСС и до горкомов и райкомов партии. Я видел, что та жизнь, которой мы живем,— это какая-то сопутствующая правде ложь, принимаемая за истину.

В России в 17-м году произошла революция, произошла тогда, когда люди уже начали задыхаться в окостеневшем и омертвевшем укладе жизни. Родился идеал коммунистического строительства, коммунистического бытия. Не буду углубляться в историю, мы знаем, как складывалась жизнь в нашей стране после смерти Ленина и до конца семидесятых годов. К тому времени, как я стал первым секретарем горкома партии небольшого городка с 60-тысячным населением, это был замкнутый круг общения, характерный для любого конгломерата людей. В городке складывались те же формы жизни, которые могли сложиться и в многомиллионном городе, и во всем государстве. То, как строилась жизнь, как она понималась, как она проецировалась «сверху», постепенно доходило до «низов», и нам ничего не оставалось делать, как жить по указке той дирижерской руки, которая показывала, что есть истина, что есть справедливость, что первично, а что вторично. Соз-

наюсь, я имел собственные критерии и оценки и понимал, что окружающее меня не есть на самом деле та коммунистическая правда, которой мы должны были следовать.

Потому я внутренне переживал, воспринимая настораживающие меня явления, отталкивающие людей от активной борьбы за утверждение социалистических преобразований. Когда я принял городской комитет партии и познакомился с городом Шахрисабзом, там было около 20 промышленных предприятий, 16 школ, 3 техникума. Город жил своей полнокровной жизнью. Но я почувствовал, что здесь также работает механизм, который далеко не соответствует понятию о социалистическом образе жизни. Я попытался этот механизм как-то приостановить, уменьшить его пагубное влияние. В частности, на бюро горкома поставил вопрос о том, чтобы все материальные ресурсы в городе Шахрисабзе были впредь под контролем общественности. По моему настоянию было создано 9 комиссий, и, в частности, комиссия, занимавшаяся распределением жилья, чтобы это происходило не келейно, чтобы не мнение одного председателя горисполкома или заведующего жилотделом было окончательным. Это позволило перекрыть обходные ходы к получению квартир. Создана была и комиссия по распределению земельных участков под строительство жилья. Так как газификации в городе не было, важным вопросом являлось распределение угля, и по этому вопросу была также создана комиссия. Общественная комиссия занималась распределением строительных материалов: шифера, кирпича, цемента. Была создана и комиссия по распределению автомобилей, предназначенных для продажи населению. Деятельность этих комиссий скоро стала известна в городе, что способствовало повышению авторитета и горкома партии, и горисполкома, да и люди активнее стали участвовать в общественной деятельности. Эта обстановка, пробудившиеся надежды на справедливость у жителей города сразу придали другую окраску общественной жизни — у людей появилась вера, и я сам был воодушевлен происходящим. Но на фоне того, что у нас делалось хорошего, команды, доходящие сверху, словно подрезали нам крылья. У меня возникло внутреннее возмущение, негодование. Так долго продолжаться не могло: середину здесь держать нельзя, надо быть или там, или там.

Не находя другой формы протеста, я нарисовал картину и назвал ее «Черные яблоки». Если у тебя на столе в красивой вазе — блага жизни, но приобретены они бесчестно, то они должны быть окрашены в черный цвет, цвет негатива. Нарисовал я черные яблоки, показал двум-трем товарищам... Нашлись такие, которые сказали: «Что ты! Никому не показывай, спрячь, это для тебя кончится плохо». Я действительно не выставлял эту картину, показывал ее лишь тем, кому доверял, но процесс создания подобных картин принес мне внутреннее удовлетворение, раскрепощение. Я понял, что нашел для себя выход из того тупика, в котором оказался. Я обрел новые силы, почувствовал, как моя жизнь становится цельнее, наполняется новым смыслом.

Еще одна картина, написанная с тем же чувством протеста против фальши нашего тогдашнего положения,— это «Беспечность». На куске картона изображена фигура человека, стоящего в спокойной позе, оде-

того в гладкий малиновый халат, со скрещенными на груди руками. Единственная странность — у человека нет головы. Голова у него отлетела, и, падая вниз, эта голова смотрела на человека с безмолвным упреком: «Эх ты! Что ж ты натворил? Как же ты потерял свою голову?» Картина «Беспечность»— о том, до чего же мы дошли, у нас голова с плеч летит, а мы даже рук не разводим, не пытаемся хоть что-то предпринять, чтобы уберечь самих себя. Эту картину я тоже никому не показывал, потому что понимал, что она слишком четко «читается» и свободно экспонировать ее я не смогу.

Я написал ряд других картин, жизнеутверждающих, цель которых — придать силы людям, которые своим трудом делают жизнь. Среди таких картин —«Торговка плодами»... Женщина, полная сил, идет босыми ногами по земле и несет продавать на базар великолепные фрукты, которые вырастила она. А может быть, и не продавать, а просто отдать людям то добро, что выращено ее мозолистыми руками. Крепкие ноги уверенно ступают по земле, у женщины смелый, открытый взгляд, в котором нет страха перед жизнью, заискивания перед кем бы то ни было. На ее левом плече сидит говорящий попугай, взъерошенный, настороженный и в то же время гордый. Два взгляда — женщины и попугая; глаза женщины полны радости жизни, в глазах попугая — богатство внутреннего мира. По моей мысли, попугай символизирует характер своей хозяйки, этой простой женщины-труженицы. Глядя на эту картину, веришь в человека, в его достоинства. Когда я экспонировал эту картину в Индии, она вызвала большой интерес, вокруг нее шли споры, разговоры, смотрели то на торговку, то на попугая, и их обличья сливались в единый облик-символ. Человек силен и духом, и телом, природа создала его, чтобы в окружающем его мире он был победителем, а не побежденным.

Привлекла внимание посетителей выставок и картина «Три коня». Это большое полотно, где на разной высоте изображены три коня. Белый конь идет по нижнему ярусу, походка у него неуверенная, под ногами зеленая шелковистая трава, и конь молодой, и трава молодая. Цветы еще не отцвели, трава не поблекла, и конь еще не успел сложиться, он идет, оглядываясь. Конь этот похож на человека в юности, впитывающего впечатления бытия и еще не готового к жизненной борьбе. По красным холмам второго яруса, вздыбив голову, напружинив хвост, мчится красный конь. Он готов к сражениям, битвам, штурмам и победам. Таков человек в возрасте от тридцати до пятидесяти, желающий все охватить, постигнуть, завоевать, перевернуть, в нем кипят силы для борьбы и созидания.

(Мы знаем, что в жизни тот, кто деятелен, чаще утверждается в каких-то принципах, достигает каких-то жизненных успехов, каких-то высот. Многие говорят: «Какая разница, как жить? Все мы как-то проживем, и все мы умрем». Но суть человека, вероятно, не в этом. Смысл жизни человека состоит, видимо, в том, что существование его должно быть осознанным, удовлетворять самого человека и гармонично вписываться в окружающее, органично входить в рамки той жизни мира, которая вершится в период сущест-

вования этого человека. В этом, видимо, главный философский смысл бытия человека на всех жизненных дорогах, и до нашей эры, и в первые века нашей эры, и в двадцатом веке, и в двадцать первом. Как бы ни было трудно человеку, он — существо разумное, и своим разумом сумеет осмыслить цель своего существования, а цель эта — гармония человека и природы. Так, во всяком случае, кажется мне...).

Третий ярус — темный фон, темно-красные, резко очерченные скалы на повороте, где идет черный конь. У него прогнута спина, горящий взгляд, впереди — заходящее солнце. Весь облик этого коня говорит о том, что жизнь прожить — не простое дело, нужно и самому уцелеть, и пройти свой путь так, чтобы не навредить миру, по которому прошел. Это картина-аллегория о трех периодах жизни человека: о юности, о зрелости и о мудрой старости.

Одна из картин носит название «Белый огонь»... На фоне темного космоса — человек, в правой руке у него посох, и на левом плече сидит птица мудрости, напоминающая одновременно сову и орлана. В левой руке, подле сердца, человек на открытой ладони держит белый светящийся шар. Я назвал картину «Белый огонь», поскольку у каждого человека есть свой белый огонь, который зовет его к благим делам во имя людей. Белый огонь ведет человека, а он ведет за собой других людей. Но случается порой так, что человек, чей белый огонь угас, пытается быть поводырем других и, конечно, заводит их в темный закоулок. История полна такими примерами, когда к власти приходят духовные слепцы, не имеющие тех высших качеств, которые дают право вести за собой народ. Это лжевожаки, они не имеют того белого огня, который высветляет их душу и освещает их путь.

Я занимался не только романом и живописью. Время от времени я чувствовал потребность рассказать о природе, обычаях, истории края в краткой и компактной форме, что невозможно было осуществить в романе. (К примеру, первую книгу «Красной Бухары» я писал с 76-го по 81-й год, вторую книгу — с 81-го по 86-й год, таким образом, на роман в целом ушло одиннадцать лет моей жизни). Так вот, наступали такие периоды, когда хотелось сказать что-то коротко, но так емко, чтобы это раскрыло и твою душу, и твой характер, и твое мировоззрение, чтобы предстал как бы сгусток твоей мысли. Так, почти одновременно с началом занятий живописью, я стал писать эссе. Первое из них было посвящено кишлаку Ташкурган. Как-то мне по долгу службы пришлось посетить горный район, где плохо созревали хлеба, а областное руководство торопило: мол, нужно скорее завершить уборку зерновых, скорее отрапортовать в центр, и так далее, и тому подобное. Хотя стоял июль, не было дождей, урожаю ничего не угрожало, тем не менее торопили, ругали районное руководство, те, в свою очередь, ругали председателей колхозов и совхозов — почему, дескать, не убираете хлеб? Ну, у природы свои законы... Если зерно в июле в целинных районах Кашкадарьинской области созревало полностью и его можно было убирать, то в таком районе, как Яккабагский, находящемся в предгорье, вегетация зерновых происходила позже на 10—15 дней. Но сводка-то в газетах публиковалась по области одна, и по республике — тоже

одна, и из столицы республики тоже слышалось: почему вы медлите с уборкой хлебов, вы срываете темпы, вы чуть ли не саботируете, и прочее, и прочее. Ну, а дехканину, который выращивал хлеб, хочется снять не сводку, а урожай, который созревает на его глазах. В это-то время я и поехал выяснять, как обстоят дела с зерновыми в верхних районах, и попал в кишлак Ташкурган, находящийся примерно в ста десяти километрах от областного центра Яккабаг, высоко в горах. Зерновые, конечно, там были зеленые, несозревшие, косить, как говорится, было нечего. Но сам кишлак Ташкурган поразил меня своим своеобразием.

Этот кишлак имеет почти шестисотлетнюю историю. Так как он находился высоко в горах и был отрезан от внешнего мира горной грядой, постройки здесь были особенные, словно несущие на себе печать средневековья. Это были глинобитные мазанки, при строительстве которых не употреблялись гвозди, балки скреплялись деревянными шпунтами. Крыши трехсот двадцати домов кишлака — без единой плитки шифера — делались из самана — соломы, которую заливали глиной, стройка велась по общинному принципу. К примеру, в одном дворе старосты кишлака разместилась двадцать одна семья: он был их старейшиной, здесь жили шесть его сыновей со своими семьями, семьи дочерей, два его брата, отдельно жила его престарелая мать — в общем, какое-то интереснейшее объединение людей. Двор этот поразил меня царящим в нем теплым братством, взаимным вниманием — все друг друга знают, все друг друга уважают. Труд был здесь ритмическим, не чувствовалось той напряженности, которая толкает человека на совершение бессмысленных судорожных поступков — все было серьезно и правдиво. Чем еще удивил меня Ташкурган? Кому-то из областного начальства пришло в голову, что обитатели кишлака живут не такой уж счастливой жизнью — дескать, в зимний период они отрезаны на шесть месяцев от остального мира, там нет телевизоров, к ним машины не ходят, кино им возят нерегулярно,— и решили переселить их в долину, на целинные земли. И за один день, не спрашивая, честно говоря, согласия, подняли всех жителей кишлака и переселили в Ульяновский район Кашкадарьинской области, в степь, на новые земли. Ташкурганцы переехали без особой охоты и с тем условием, чтобы ни один дом в их кишлаке не был разрушен. Переехали со своими пожитками, да и то кое-что оставили во дворах, надеясь посмотреть, как там будет внизу, и в случае чего вернуться назад. Конечно, о том, что кто-то поломает дом или двери сорвет с петель и унесет, и речи не могло быть — некому было уносить и некому ломать: до райцентра сто десять километров, до ближнего кишлака сорок километров по горным тропам, так что чем тащить на себе ту же дверь через горный перевал, легче сделать ее на месте.

Когда я побывал в Ташкургане, он был похож на вымерший средневековый кишлак. Тихие улочки, по которым бегало лишь несколько собак, отчаянно скуливших от непонимания происшедшего, да на окраине жило пять семей, категорически отказавшихся переезжать в долину. Осмотрев этот кишлак, я понял, что это уникальный

случай — сохранилось средневековье во всем своем обличье — с нетронутым обиходом, со своей специфической восточной архитектурой. Это меня взяло за живое, и я решил написать очерк, чтобы обратить на Ташкурган внимание общественности республики и превратить этот кишлак в музей под открытым небом. Очерк я написал буквально в один присест. Его опубликовали в журнале «Звезда Востока», перевели на узбекский язык и напечатали в журнале «Гулистан», затем эссе о Ташкургане перепечатал московский журнал «Турист». Но все эти публикации, все мои призывы к тому, чтобы сохранить Ташкурган как живой образчик средневекового сельского быта не возымели никакого действия. В кишлаке еще находилась утварь, омачи, стояли неразрушенными хлева для скота, комнаты домов были изнутри расписаны народными умельцами, потолки, выложенные ровными плашками так называемого «васса жуфт», также украшал старинный орнамент, выдержанный в темно-лиловых, фиолетовых, красных тонах. Все в Ташкургане было самобытно, говорило о старине. Ни один человек, который посещал кишлак, не оставался равнодушным. Но что же все-таки требовалось для того, чтобы сохранить кишлак в целости и сохранности? Нужно было жителям кишлака, спустившимся в долину, выделить по нескольку кубометров леса, чтобы они не разрушали свои дома.

Я собрал аксакалов кишлака и убедил их до наступления весны не трогать Ташкурган, надеясь, что мне удастся уговорить областное начальство выделить ташкурганцам по два-три кубометра леса вместо тех досок и бревен, которые они могли бы добыть, порушив свои дома. А кишлак на долгие годы остался бы для народа памятью о старине, о сельском зодчестве. Стариков-то я уговорил, а вот убедить областное руководство в том, что кишлак необходимо сохранить, превратить в музей под открытым небом, что это уникальное явление, мне не удалось. Когда в область приехал секретарь ЦК Компартии Узбекистана, я сказал ему об этом. Единственное, что сделал секретарь ЦК, это прислал группу операторов, которые засняли кишлак в его тогдашнем виде. Ну, как говорится, и на том спасибо. Другие «высокие гости» области, к кому бы я ни обращался со своим предложением, вообще смотрели на меня, как на сумасшедшего: «Что тебе, больше делать нечего?» Даже Председатель Верховного Совета Узбекистана, являвшийся одновременно и Председателем Общества охраны памятников республики. А я-то думал, что уж этого человека сумею убедить, потому что у него, кроме служебного положения, есть еще общественный долг. Ради справедливости нужно сказать, что он отнесся к моему предложению о сохранении Ташкургана внимательно. «Да, это действительно интересно. Давай-ка мы завтра слетаем туда и посмотрим, что это за кишлак. Может быть, его действительно стоит сохранить». Я обрадовался и решил, что наконец-то нашелся человек, который поймет меня и поможет сохранить этот кусочек истории. Но на следующий день пошел дождь, и в тот раз мы никуда не полетели, а следующего раза не было, так как еще через день председатель улетел в Ташкент и больше о Ташкургане не вспомнил, а мне вновь напоминать ему об этом пока-

залось лишенным всякого смысла. Так и пропал кишлак Ташкурган... А старики, встречая меня, говорили: «Ну что же, сынок, мы два года ждали, что ты выполнишь свое обещание и нам дадут лес, так и не дождались, так что вынуждены были забрать свое добро». Действительно, они разрушили кишлак до основания и увезли бревна, почти — все, что осталось от кишлака, к себе в долину. Спасти кишлак мне не удалось. Осталось лишь мое впечатление от этого кишлака — в эссе «Один день в Ташкургане» да снятый на пленку фильм.

За этим эссе последовали многие другие, среди которых мне хочется выделить эссе о честной и чистой душе народного сказителя-бахши. Так я и назвал эссе —«Бахши». Я написал в нем, что бахши — это человек, который, не приглаживая своих мыслей, передает народу песню своей души, делает это смело, открыто, бескорыстно, не думая о том, приятна будет его песня другим или заденет кого-то. У народного сказителя правдивость и искренность всегда были естественными состояниями души, такому человеку, вышедшему из народа, принадлежащему народу и поющему народу свою честную песню, не нужно подлаживаться под время. Правда во все времена жила в душах честных людей. А чтобы сохранить честность, нужно немногое — лишь удержаться от соблазна кривых дорог, кажущихся ведущими к преуспеянию.

Писал я статьи, продолжал писать роман и картины, которые были криком моей души, взывали к человеческой совести, смущали, вещали о наших душевных болях. Одна из таких картин —«Прощание с природой». Ущербность окружающего нас мира, наше варварское отношение к природе так же тревожили меня, как и ущербность отношений между людьми в нашем обществе. Ведь социализм предполагает расцвет лучших сторон человеческой натуры, торжество совести, торжество справедливости. И если этого нет, социализм блекнет. Поэтому сейчас стали насущными лозунги: «Больше социализма! Больше демократии!» А что такое демократия? Истинная демократия предполагает разумное поведение человека в обществе, чтобы поступки отдельной личности не ущемляли ни достоинства, ни права других людей. Демократия сводится к равноправию всех и осознанию всеми самоценности каждого. Ну а из ущербных человеческих взаимоотношений часто следует и ущербное отношение человека к природе.

На картине «Прощание с природой» изображено животное, напоминающее одновременно верблюда, осла и лошадь. Как называть это существо — несущественно. На животном восседает человек, передние ноги скакуна — обычные, а вместо задних — колеса какого-то механизма, задняя половина крупа состоит из каких-то гаек, шестеренок, из этой стальной конструкции выходят провода, тянущиеся к опорам высоковольтной ЛЭП. «Прощание с природой»— рассказ о том, что человек дошел уже до той грани, где происходит расставание с чудом естественности, созданным планетой за миллионы лет своего существования. Трудились ветра и вулканы, вода и камень, животные и растения.,. Но вот наступила пора деятельности челове-

ка. Он грубо нарушил законы природы, отказался следовать естественным биологическим ритмам, и настал момент, когда человеку стоит задуматься — что он сделал с природой и как природа ответит на его деяния?

В Индии я выставлял и картину «Идут кислотные дожди», на которой изображено абстрактное промышленное предприятие, две заводские трубы, из которых идет дым. Но дым этот необычен, он распадается на лилово-фиолетовые квадратные тучи. И из этих туч на землю, на все живое извергается кислотный дождь. Почему я изобразил квадратные тучи? Да потому, что в нашем представлении обычные тучи связываются с обычным, нормальным дождем, а зловещие кислотные дожди, уничтожающие все живое, могут идти только из вылепленных химией неестественных квадратных туч. На этом полотне я изобразил и человека, задумавшегося о том, что с ним случилось, а над его головой — единственная уцелевшая зеленая ветвь погибающего дерева, которая укрывает человека от гибели, чтобы у него осталось время осмыслить содеянное им.

Вот так, от эссе, от картины к картине движутся мои мысли о месте человека в жизни, о месте человека в природе, о взаимодействии человека с обществом себе подобных. Временами, рассматривая свои картины или перелистывая эссе, я возвращаюсь к мысли о том, что же побуждает меня к этому поиску — и на картоне, и на холсте, и на бумаге. Видимо, все тот же вопрос — что есть человек, какова его сущность? И, как ни обидно, но я не понял еще самого главного: что же есть на белом свете лично я сам. Это заставляет меня думать и думать над своей сущностью, над сущностью окружающей меня жизни, над сутью людей. Я полагаю, что это нормальное явление, когда человек думает о том, что же он есть такое. Чем чаще он будет над этим задумываться, тем чаще он будет находить ответы на вопрос, как же он должен вести себя среди людей, как он должен относиться к природе, как сохранить природный фон для тех людей будущего, которых он произведет на свет сам, уходя в небытие, и для всех грядущих поколений. Видимо, в этом и есть величие человека — в способности задумываться не только о факте собственной жизни, но и заботиться о том, что он оставит после себя. Если человек не думает о продолжении, существовании после своей смерти — этот человек не личность.

Подтверждение этим мыслям я нашел во время моей поездки с выставкой в Индию. Индия поразила меня своей многоликостью. Это особая страна, уникальное явление в нашем сегодняшнем клокочущем мире. Исторически Индия подпала под европейское влияние и поддавалась такому влиянию труднее, чем другие азиатские страны. Многое в ее многообразном бытии осталось нетронутым. Жителям страны удалось сохранить и свои обычаи, и формы поведения, и архитектуру. Устояла Индия и под натиском технократии, здесь еще возможно гармоничное сосуществование техники и природы. Меня поразило многообразие обычаев, верований,— в Индии соседствуют, не подвергая друг друга унижению, и индуизм, и буддизм, и христианство, и ислам. Все это сосуществует, и каждый может выбрать себе

свою форму поклонения высшему духу. По-моему, верховному существу человек поклоняется потому, что не до конца понимает свою сущность. Через религию человек также пытается понять смысл своего существования. Не находя окончательного ответа, он приходит к такой форме, которая его удовлетворяет, которая его успокаивает. В религии — ответы на те вопросы, которые он не может разрешить в обыденной жизни.

Все религии, все верования в конечном итоге призывают человека к тому, чтобы он думал не только о своем отношении к жизни, но и о загробном мире. Религии заставляют человека задуматься о том, что рано или поздно придется отвечать перед каким-то высшим существом за содеянное, за то, что ты творишь во время своей жизни, за то, что ты оставляешь после себя. В этом смысле я в религии вижу какое-то очищение человеческой души. Мы, коммунисты, отвергающие религию, не нашли для себя еще эквивалента тому высшему духу, который бы спрашивал с тебя за содеянное, призывал к гуманному поведению. Конечно, мы говорим: «Каждый человек должен поступать по совести». Однако, чтобы удержаться от соблазна личной выгоды, человеку дюжинному необходим и внутренний, и внешний контроль. Сегодня мы пришли к такому периоду жизни нашего государства, когда на повестку дня встал вопрос стимулов и критериев нашего поведения. То, что мы сошли с магистрального пути строительства социализма и забрели в какие-то закоулки, свидетельствует о том, что мы еще не нашли приемлемого сочетания должного и реального. Сейчас, в период перестройки и гласности, мы как раз и ищем такой механизм, который позволит обществу побуждать человека к совершению благих дел, и в то же время контролировать его поступки, направлять не только материальную, но в определенной степени и духовную его деятельность. Но если говорить о контроле как о форме наблюдения за человеком, принуждения его к чему-либо, мы опять окажемся в тупике сталинизма или в тупике застоя, голых лозунгов. От этого мы сейчас пытаемся уйти, высвободиться.

Наблюдая за жизнью Индии, я думал, что если индийское общество будет развиваться последовательно, так же, как сейчас, впитывая в себя демократические формы, не размывая свою социальную среду иностранными влияниями, избегая оголтелого увлечения техникой, то, пожалуй, там выкристаллизуется то, что позволит сохранить народу свой стиль и образ жизни, сделает его приемлемым для всех людей.

Мне кажется, эти способности мы и утеряли в своем общежитии. Ведь, скажем, у русского народа было очень много интересных традиций, служивших почвой для возникновения таких качеств, как широта души, широта поступка, всеобъемлющая любовь ко всем народам и нациям. В этом, видимо, та сила России, которая повела за ней многие народы, вселяла глубокую веру в нее. Там, вероятно, и следует искать истоки русского характера.

В то же время, живя в Узбекистане, я подметил те ценнейшие качества узбекского народа, которые наверняка формировались в течение многих веков. Нельзя вдруг, сразу отмежеваться от них и ски-

нуть их со счетов социальной жизни. Среди этих качеств — необычайно бережное отношение к своему домашнему очагу, желание обогатить свою семью как материальными, так и духовными ценностями. Видимо, у узбекского народа это — сильная сторона, и разрушать это ни в коем случае нельзя. Как и русский народ, узбеки любят также атмосферу многолюдных праздников, свадеб, народных игр. Это тоже дух народа, это его сила. От этого уходить не надо, это нужно беречь. Может быть, этому нужно придавать какие-то новые формы, но именно на этой основе необходимо развивать общественное сознание. Сейчас сущность перестройки и гласности проявляется и в переоценке всего нами сделанного, и в оценке наших сегодняшних дел, и, самое главное, рождает то новое, на чем будет зиждиться наше поведение в предстоящем будущем.

Я уже говорил, что на человека самое сильное влияние имеет та природная среда, та атмосфера, которая окружала его в детстве. Вот и нашему обществу нужно вернуться памятью к лучшим временам становления традиций своих народов: языковым, национальным, культурным без оглядки на какие-либо условности. Только чистота помыслов и дает свободу каждому человеку, не загоняя ни в какие конкретные рамки. К примеру, если мое внутреннее убеждение приводит меня к занятию литературой, то, видимо, это сильная сторона моего существа и я должен реализовать ее. Но вот наступил такой момент, когда меня перестала удовлетворять лишь одна форма деятельности — писание прозы, тогда я занялся еще и живописью. И это была новая ступень. И, видимо, это тоже потребность, глубокая потребность, которая была обусловлена тревогой за судьбу нашего общества. Я начал рисовать свои картины, эти странные картины, в 81-году, когда в нашем обществе был глубокий застой, когда мысли о будущем страны вызывали тревогу. А сейчас я нахожусь на такой стадии, когда стараюсь познать жизнь еще глубже. Может быть, наступит такой период, когда у меня возникнет потребность писать музыку, я почувствую, как она гремит в моей душе. Такие порывы говорят о том, что человек находится в состоянии поиска, познания самого себя.

Несколько слов о том, как воспринимаются мои картины. Воспринимаются они по-разному. Доводилось мне слышать и лестные слова. А есть и такие отзывы — дескать, не дурите нас, пожалуйста, ничего здесь особенного нету, это какое-то больное детское воображение. Ну что ж, и здесь я не могу ничего возразить. На том и стоит человек, что его мысль — это выражение его конкретного существа.

Я сказал, что человек — суверен природы. Но он еще должен стать сувереном самого себя, сувереном своих поступков, и только тогда человек будет соответствовать своему великому предназначению в природе, великой мысли природы, которая задумала его таким, каким он должен стать. «Природа всегда права»,— так говорил Гете.

НАВРУЗ — РОЖДЕНИЕ НОВОГО ГОДА

Мало, поразительно мало живет человек на белом свете — каких-нибудь 60—70 лет. Это миг по сравнению с тысячелетиями людской истории. Но и за это время, если его жизнь наполнена многообразием интересных событий, он успевает охватить все то, что накоплено человечеством за всю историю существования.

Мудрецы Востока говорят: «Благо народа — его натура». А натура может быть щедрой и зажимистой, трудолюбивой и с ленцой, скучной и жизнерадостной. И все это у любого народа с особой силой проявляется в умении создать каждому человеку такие жизненные условия, чтобы он и за эти прожитые годы во всей полноте вкусил красоту и радость жизни. Только так и проверяется жизненная зрелость того или иного общества.

И потому у каждого народа издревле были естественными стремления сделать свою жизнь красочной, эмоционально насыщенной, и этому служили разнообразные праздники, обряды, ритуалы, которые украшали жизнь людей, делали ее интересной, наполненной большим смыслом человеческого бытия.

Были, разумеется, в истории народов и трудные дни и грозные годы. Причиной тому служили стихийные бедствия, войны, повальные болезни, подчас и человеческое зло. Но трудным дням, губительным годам, сколько бы они не длились, все одно приходил конец, и люди вновь радовались жизни, черпали животворные силы в празднествах и веселье.

Таким всенародным торжеством, пришедшим к нам из глубины веков, стал Навруз, символизирующий собой явление нового дня, нового года, постоянно отмечаемого в период весеннего равноденствия,— праздник, которым человек выражал свое отношение к объективному космическому циклу природы. И это так естественно, ведь люди — дети природы и живут по ее законам.

Может быть, именно поэтому большинство праздников у человека связано с природными явлениями: весна, лето, осень, зима. Все эти времена года породили большое разнообразие народных праздников, ритуалов, так или иначе связанных с ежегодным возрождением природы, ее буйным цветением, плодоношением и зимним накоплением сил.

Одним из таких природно-временных праздников у народов Востока, отмерявших свою жизнь по солнечному календарю, и стал Навруз. Этот жизнерадостный праздник, возникший в незапамятные

времена, отмечался с большой выдумкой и любовью у народов, населяющих территорию Средней Азии, история которых восходит к очень отдаленным векам, когда здесь только зарождалась жизнь.

Долины Амударьи и Сырдарьи, а также долины многочисленных горных рек благодаря своему плодородию с древнейших времен привлекали к себе многочисленное население. Эти речные долины напоминали, в известном отношении, прибрежье великих рек Нила, Тигра и Евфрата, Хуанхе, Янцзы, Инда и Ганга, являющихся центрами древнейшей цивилизации. К тому же Средняя Азия была постоянным связующим звеном между Мессопотамией и Ираном, с одной стороны, между Китаем и Индией — с другой. По ее территории проходил Великий шелковый путь, начинающийся у островов Японии и заканчивавшийся в торговых центрах Испании.

Возникали поселения, города, государства — менялись идеологии, а люди жили по своим человеческим законам: их кормил и одевал труд, духовную пищу давали искусство, литература, религия, а праздники, обрядовые торжества веселили, взбадривали народ.

Самые первые праздники у древних были связаны с бракосочетанием, рождением человека, а также с поклонением и возвеличиванием природных стихий. Так, у народов Средней Азии возник культ бога Солнца и его земной формы — огня. В честь огня повсеместно воздвигались храмы и другие культовые сооружения, проводились обрядовые праздники, которые в основном были связаны с прославлением добрых духов, слуг высшего светила, покровительствующего процветанию земледелия — основного жизненного источника людей. Населявшие в то время Двуречье саки, массагеты и согдийцы ревностно поклонялись солнцу и во все праздники приносили ему в жертву лошадей — наиболее ценное из того, что они имели.

Самым грандиозным из всех праздников поклонения Солнцу и огню стал Навруз. Он отмечался по солнечному календарю, по которому за единицу счета лет было принято время обращения Земли вокруг Солнца, ежегодно в день равноденствия между зимой и летом, что выпадало на весенний месяц март — на двадцать первое число.

И вот уже почти три тысячи лет народы, населяющие Переднюю, Среднюю и Восточную Азию, неизменно, ежегодно отмечают этот праздник равноденствия природы как праздник весны, праздник пришествия нового года.

Уходили тысячелетия, менялись правители, одна на смену другой приходили религии, периодически из региона в регион происходило переселение народов, а то и смешение их...

Вот уже к системе солнечного летосчисления прибавился лунный исламский календарь. За единицу счета было принято двенадцать обращений Луны вокруг Земли, считая от новолуния до новолуния, что делало лунный год короче солнечного на 10 дней 21 час 36 минут и 10 секунд, но Навруз, как и сам день равноденствия, в природе для всех времен оставался неизменным.

Он словно бы вселял в людей уверенность в том, что природа всегда права, кто бы и как бы ее на «свой аршин» не мерил и не кроил. А правда природы в том, что она создала человека — как своего гения —

для торжества жизни, а не для прозябания. И люди это чувствовали своим мудрым чутьем. Во все времена, какие бы над ними не стояли правители — добрые и мудрые или человеконенавистники и невежды — верх брало природное естество — люди стремились жить полнокровно и весело.

А самым удобным случаем для проявления веселья и доброты являлся праздник, пусть и кратковременный, и самый почитаемый среди них — Навруз. Вот как пишет об этом празднике древнегреческий летописец Страбон. «В самые древние, давние времена и по сегодняшний жители Междуречья собираются в этот день в Храме огня. Это самый почитаемый праздник, когда торговцы закрывают свои лавки, ремесленники прекращают работу, все веселятся, угощают друг друга — теми напитками и кушаньями, которых коснулся огонь».

Люди к этому празднику готовились задолго и отмечали его не один день, порой празднества и народные гуляния длились неделю, а иногда и две. Все зависело от благополучия того общества, в котором жило население Междуречья. И все же какие бы ни были времена, трудные ли, благополучные, а Навруз жил. Свидетельством этому строки, которые написал наш гениальный земляк Абу Райхан Бируни через тысячу с лишним лет после Страбона: «В день противостояния люди выходят на улицу, веселятся, едят некое кушанье, изготовленное из просяной муки, масла и сахара. Никто в этот день не работает, а если кто посадит дерево, оно будет давать червивые плоды. В этот день природа буйствует, происходит прилив морей и прибавление подземных сил».

И еще через семьсот лет русский путешественник И. Л. Яворский, побывав в конце восемнадцатого века в эмирской Бухаре, в своих путевых заметках напишет: «Сегодня здесь так же, как и вчера, праздник. В Бухаре каждый год весну встречают празднованием; праздник продолжается несколько дней — в один год больше, в другой меньше, иногда празднуют целый месяц. В эти дни все лавки на базарах закрываются. Устраивается на это время ярмарка перед дворцом эмира, на площади Регистан. В дни этого праздника сюда стекается почти все население Бухары, богатый и бедный, знатный и простолюдин — все от мала до велика. Торговцы и купцы переносят сюда на это время свои товары в готовые лавки или наскоро выстроенные балаганы. Купцы зашибают барыши, фокусники и танцоры забавляют народ. Все веселятся, но никто не пьянствует, если не принимать во внимание колоссального количества употребляемого зеленого чая, от которого худа не бывает». Эти строки опубликованы не меньше столетия тому назад. И сейчас у нашего народа не меньше любви к празднику Весны, чем было раньше.

Видимо, каждый из нас за свою жизнь не раз был свидетелем и участником Навруза. Когда по кишлакам и районным центрам Узбекистана в этот день выставляют вдоль дорог и «в увеселительных местах» огромные котлы и готовят «аталу», «ярму» и другие древние кушанья. Как говорится: «Идет причащение стариной». И уж нечего говорить о том, что сегодня не только детям, но и взрослым можно

вдоволь напробоваться сладкого «сумалака», стоит лишь прийти туда, где люди празднуют пришествие нового года по солнечному календарю.

Хотя мы знаем, что на пути у этого всенародного торжества и у его почитателей не однажды вставали преграды. Тем не менее сегодняшний день свидетельствует — праздник живет.

Так в чем же сила жизни и устойчивости Навруза? Видимо, в том, что этот праздник, когда «созвездие Тельца пребывает на середине Вселенной», то есть когда старый год ушел, унося с собой все то доброе и злое, что он дал людям, в то же время вселял в них веру в благополучие нового года. Как бы человек трудно ни жил, он в мечтах надеется на лучшее. Праздник равноденствия как раз представляется таким случаем. Ведь человек так устроен, он всегда склонен думать, что будущее принесет ему только хорошее. Ведь не зря же в давние времена перед приходом Навруза чародеи говорили: «Кто вкусит яблоко утром этого дня, перед тем как сказать слово, и понюхает нарцисс, тот проживет весь год во благе и изобилии». И в этом магическая сила Навруза...

Мечты, мечты, им нет предела в человеческом общении. Если пример с яблоком делал счастливым одного человека, то примета встречи в дни Навруза со священным быком предсказывала удачливый или же неблагополучный сельскохозяйственный год. И люди, желая узнать, что с ними будет, накануне перед праздником в вечерние часы, когда последний раз заходило солнце ушедшего года, выходили целыми семьями, поселениями на окрестные холмы, возвышенности и ждали появление священного быка. По преданию этот бык был создан из космического света, с золотыми рогами и серебряными ногами. Бык этот вез за собой колесницу, влекущую луну. Но весь секрет в том, что этот бык обычно появляется только в ночное время на короткий миг и тут же мгновенно исчезает.

Тот, кому удастся его увидеть, сподобится исполнения того, о чем молился, когда смотрел на священное животное. Если бык при этом взревет два раза, то год для землепашцев будет урожайный, если один раз — неурожайным. Но бывает, что люди вообще не видели священного быка и не слышали его рева, прогневали, испугали чем-то его.

Но кто же не хочет быть счастливым? Видел быка, и не видел — все одно! На то он и Навруз, что на следующий день каждый взахлеб рассказывал соседу и встречному, как он сподобился узреть священное животное. И что год для него будет удачливым. Человек счастлив, и все окружающие тоже. Ведь мечта ничего не стоит, но зато она придает силы. Лишь бы людям не запрещали мечтать. И тогда они, преодолевая любые трудности, будут счастливы, потому что они верят в чудодейственную силу мечты.

История знает, что и мечтать о радостном людям тоже временами запрещалось. Делали попытки запретить Навруз в давние времена правители халифата Хорезмшахи, да и в наши дни, как ни странно, нашлись ревнители «чистой идеологии» и тоже пытались по своему бескультурию и недомыслию пришить Навруза ярлык религиозного

обрядового праздника. И следует здесь сказать, как далеки для нас те дни, когда народ поклонялся идолу Солнца в храме огня и искренне верил в его чудодействие, так далеки сегодня от правды жизни и наши ревностные «чистые идеологи». А истина в данном конкретном случае такова: раз Навруз, несмотря ни на что, уже живет около трех тысяч лет, значит, он нужен народу как источник веры человека в благоразумие и незыблемость природы, как признак свободы человека от посягательства на его мечту.

У каждого нового года есть своя символика. Еще в древности люди заметили, что некоторые процессы, происходящие в их жизни, связаны с влиянием небесных тел, сменой времен года, дня и ночи, с активностью Солнца. Люди подметили, что многие явления повторяются с определенной периодичностью: через сутки, двенадцать месяцев, двенадцать лет. Подметив эту природную цикличность, присвоили ей определенную символику.

СИМВОЛИКА ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ЦИКЛИЧНОСТИ У ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

Мышь	1900	1912	1924	1936	1948	1960	1972	1984	1996	2008
Буйвол (Корова)	1901	1913	1925	1937	1949	1961	1973	1985	1997	2009
Тигр (Барс)	1902	1914	1926	1938	1950	1962	1974	1986	1998	2010
Заяц (Кролик)	1903	1915	1927	1939	1951	1963	1975	1987	1999	2011
Дракон (Рыба)	1904	1916	1928	1940	1952	1964	1976	1988	2000	2012
Змея	1905	1917	1929	1941	1953	1965	1977	1989	2001	2013
Лошадь	1906	1918	1930	1942	1954	1966	1978	1990	2002	2014
Овца (Баран)	1907	1919	1931	1943	1955	1967	1979	1991	2003	2015
Обезьяна	1908	1920	1932	1944	1956	1968	1980	1992	2004	2016
Петух (Курица)	1909	1921	1933	1945	1957	1969	1981	1993	2005	2017
Собака	1910	1922	1934	1946	1958	1970	1982	1994	2006	2018
Вепрь (Свинья)	1911	1923	1935	1947	1959	1971	1983	1995	2007	2019

МЫШЬ. Мышь, по восточным поверьям, обладает очарованием в глазах других людей, однако она суетлива по мелочам. С первого взгляда Мышь кажется спокойной, уравновешенной и веселой. Но за этой веселостью скрывается нервозность и беспокойство. Мышь сдержанна и хранит свои заботы про себя. Как правило, Мышь не отличается эрудицией, но она честна и честолюбива, обладает огромной способностью доводить до конца начатое дело. Она любит тратить деньги на себя. Ни в чем не отказывая себе, старается не давать денег в долг. Мышь любит общество и охотно сплетничает. У нее больше знакомых, чем настоящих друзей. Первая фаза жизни людей, родившихся в год Мыши, складывается благополучно. Во второй — они могут потерять все либо из-за опрометчивого шага, либо, что случается довольно часто, из-за пылкой разрушительной любви. В последней фазе жизнь Мыши снова течет в основном безмятежно.

Мыши лучше всего сочетаются браком с Обезьяной, Драконом или Буйволом, так как составляют или дополняющую друг друга, или совпадающую друг с другом пару. Несколько хуже выбор Собаки, Вепря или Змеи. Ей надо избегать Лошади, и уже совсем плохо мужчине-Мыши жениться на женщине, родившейся в год Огненной лошади, который бывает раз в 60 лет.

БУЙВОЛ (Корова). Буйвол терпелив и не болтлив. У него есть способность вызывать на откровенность, благодаря чему он располагает к себе других людей. Буйвол эксцентричен и страшно фанатичен. И если его кто-либо не любит, то только по этой причине. Несмотря на внешнее спокойствие, у него гневный и вспыльчивый характер. Редкий гнев его ужасен, в этом состоянии он не отдает отчета в своих поступках. Хотя он замкнут, при необходимости он может быть красноречив. Он работяга, дом его процветает, так как у него ловкие руки. Буйвол быстро принимает решения. Он упрям. Ненавидит неудачу в своих делах. С теми, кто мешает его деятельности, он беспощаден. Любовь для Буйвола занимает второстепенное место. Это вызывает серьезные эмоциональные трудности в семейных отношениях. Первая фаза его жизни в основном удачливая, во второй фазе его подстерегают трудности в браке или в общественной жизни. Тут он иногда теряет привязанность людей, ранее любивших его, и уважение людей, ранее им восхищавшихся. Третья фаза, сгладив все углы, может оказаться более или менее спокойной.

Брак для Буйвола достаточно труден. Считается, что лучше всего ему сочетаться браком с Петухом или Мышью. Очень плохо — с Собакой или Лошадью, но хуже всего с Овцой.

ТИГР (Барс). Тигр чувствителен, эмоционален, способен на глубокие размышления, сильную любовь. Обычно Тигр уважаем, но часто он конфликтует со старшими по возрасту или по положению. Тигра обычно оценивают выше, чем он того заслуживает. Тигр может отступать перед принятием важного решения вплоть до того момента, когда его принимать уже поздно. Ограниченный, он не доверяет никому. Тигр отважен и настойчив. Вместе с тем он эгоистичен и упрям и не всегда заслуживает доверия. В Азии год Тигра считается благоприятным для рождения ребенка, тем более мальчика. Тигр олицетворяет мощь земли. Тигр в доме может избавлять от трех несчастий — от воров, от пожаров и от злых духов.

Первая и третья фазы жизни Тигра спокойные и легкие. Во второй фазе ему приходится решать проблемы всех видов. Если эти проблемы не будут разрешены, они дадут о себе знать и в третьей фазе. Лучший брак для Тигра с Лошадью и Драконом. Очень плохой брак с Буйволом, Змеей или Обезьяной.

ЗАЯЦ (Кролик). Заяц — это счастливец, заяц хорошо говорит, он талантлив и честолюбив. Скромный, сдержанный, добродетельный, он обладает безупречным вкусом. Заяц любит общество, и общество любит его. Заяц всегда везуч. Он любит немного посплетничать, но делает это тонко и тактично, плохие вещи говорит крайне неохотно. Заяц привязан к тем, кого любит, но странно отчужден от своей семьи, предпочитая членам своей семьи друзей по выбору. Заяц не так

быстро выходит из равновесия. Он спокоен, невозмутим. Он особенно удачлив в деловой сфере.

По типу темперамента Зайцы являются меланхоликами, они склонны часто расстраиваться и даже плакать. Заяц педантичен, но при этом не очень хорошо эрудирован. Заяц несколько консервативен и не предпринимает ничего, не взвесив заранее все «за» и «против». Азиатские народы с недоверием относятся к Зайцу, поскольку существует поверье, что колдуньи иногда принимают обличье этих безобидных животных.

Жизнь Зайца обычно течет спокойно на протяжении всех трех фаз, если он не столкнется с исключительно неблагоприятными обстоятельствами. Заяц хорошо уживается с Овцой, Кабаном или Собакой. Неудачный брак — с Драконом, а самый неудачный с Мышью или Петухом.

ДРАКОН (Рыба). В Драконе избыток здоровья, жизненной силы, активности, однако он очень возбудим и легко выходит из себя. Он также ужасно упрям. Дракон волевой, нравственный, великодушный. Его уважают. Он влиятелен. Это самый неудержимый энтузиаст. Дракон не способен к лицемерию и даже к самой элементарной дипломатии. Он искренен в своих суждениях, и мнение его заслуживает доверия. Он может работать с полной отдачей, однако ввиду того, что у него доброе сердце, его легко склонить и к плохому делу. Дракон иногда беспокоится по ложным причинам. Дракон редко вступает в брак молодым, некоторые даже остаются холостяками. Дракон пользуется успехом.

У Дракона трудности в первой фазе жизни, так как он много требует от своих близких. Во второй фазе у него бывают взлеты и падения. В третьей фазе он обычно обретает мир и спокойствие. Дракон бывает несдержан на язык, и его слова часто опережают мысль. Вместе с тем следует считаться с его мнением. Драконы-мужчины считаются счастливыми людьми. Лучшие браки Дракона бывают с Мышью, Змеей, Обезьяной или Петухом; неудачным считается брак с Буйволом или Драконом; самым неудачным — с Собакой.

ЗМЕЯ. Змея почитаема за свою мудрость, прозорливость и волю. Змея невероятно везуча. Она может достать все, что угодно. Змея тщеславна и всегда изысканно одета. Она эгоистична и скуповата, но, бывает, из-за симпатии может прийти на помощь. Иногда она так сильно кого-нибудь опекает, что от нее поскорее хотят отделаться. С этим ничего нельзя поделать. Змея всегда сомневается в мнениях и суждениях других людей, поэтому предпочитает опираться на собственную интуицию. Она перевернет всю землю, чтобы достичь намеченной цели.

Мужчина, рожденный в год Змеи, страстен и сентиментален, женщина — красива. Для японки самым лучшим комплиментом являются слова о том, что она «красавица-змея». Следует заметить, что Змея очень романтична и непостоянна. Змея будет счастлива с Буйволом или Петухом, неудачен брак с Обезьяной, а несчастлив — с Тигром или Вепрем.

ЛОШАДЬ. Лошадь популярна. Она весела, болтлива, симпатична.

Она умело обращается с деньгами, хороший финансист. Ее ум охватывает мысли людей до того, как они их высказали, что позволяет ей опередить их, опровергая или одобряя. Лошадь мудра, талантлива, любит делать вещи своими руками. Вместе с тем она очень разборчива в отношении одежды и манер. Лошадь все может бросить ради любви, став безразличной ко всему остальному. Из-за этого она часто терпит неудачи в своей жизни. Лошадь нетерпелива. Она норовиста, будничные дела ей неинтересны. В привязанностях она слепа, и ее легко обмануть. Лошадь любит зрелище, театр, концерты, собрания — все, где есть толпа. Лошадь легко выходит из себя и из-за этого теряет доверие. Лошадь крайне независима, она не слушает совета и поступает по-своему.

Первая и вторая фазы жизни Лошади полны проблемы и забот, но третья часть ее жизни обычно спокойна и размеренна. Лучший брак у Лошади с Тигром, Собакой, Овцой; неудачный — с Буйволом; самый неудачный — с Мышью.

ОВЦА (Баран). Артистична, с хорошим вкусом, страстная по натуре. Овца обладает способностями к искусству. Но она пессимистична, беспокойна, застенчива, ее часто озадачивает жизнь, она не знает, какое направление ей выбрать и всегда полагается на других. У нее приятные манеры, но ее характер капризен. Вместе с тем она умеет нравиться, она легко приспосабливается к любому образу жизни и не испытывает материальных затруднений. Часто она бывает религиозной. Охотно делится с другими, более несчастными, чем она, не ожидая и не требуя благодарности. Наоборот, благодарность приводит ее в смущение.

Если Овца связывает свою жизнь с Зайцем, Вепрем или Лошадью, все идет хорошо; неудачен брак с Мышью, но особенно с Буйволом или Собакой. Во второй фазе своей жизни она обычно переживает трудности, но в третьей фазе обретает покой и достаток.

ОБЕЗЬЯНА. В год Обезьяны, считают на Востоке, рождаются люди, которых можно назвать беспорядочными гениями. Умные, способные в предприятиях большого размаха, они великолепные работники во всех областях, которые требуют сообразительности и осведомленности. Обезьяна изобретательна и оригинальна, она способна решать самые трудные проблемы с удивительной быстротой, но если она не начинает их разрешать сразу, она может бросить их, так и не начав. Обезьяна общительна, и создается впечатление, что она со всеми ладит, на самом деле она нередко плохого мнения о других, считая себе выше всех. Несмотря на это, обезьян любят, хвалят их за умение, талант и гибкость. Обезьяна интеллектуальна, у нее большая жажда к знаниям, она все читала, знает бесконечно много вещей, в курсе всего, что происходит. Она обладает прекрасной памятью, может с легкостью вспомнить малейшие детали виденного, прочитанного или услышанного. Это страстная и сильная натура. Обезьяна может во всем добиться успеха, если будет вести дело, которое нравится.

Первая часть ее жизни будет счастливой, вторая — бурной, смутной, и ее планы часто будут рушиться. Отношения мужчина-женщина складываются неудачно. Обезьяна может быть в хорошем союзе с

Драконом или Мышью, менее удачен брак со Змеей или Вепрем; самый неудачный — с Тигром.

ПЕТУХ (Курица). Петух всегда занят, увлечен своей работой. Он всегда хочет сделать больше, чем может, и берется за задачи, превышающие его силы. Когда Петух видит, что терпит поражение, он испытывает горькое разочарование.

Петух эксцентричен, он любит, чтобы его заметили. Но, блистая, он более приятен в обществе, чем в личных отношениях. Петух думает, что он всегда прав и знает, что делает. Он не доверяет никому и полагается только на себя. Иногда создается впечатление, что он способен на серьезные дела, но это не так. Он полон абсурдных и неосуществимых проектов, он любит представлять себя героем, но остается мечтателем. Он расточителен, он израсходует все, что заработает, часто его может коснуться разорение, банкротство. Петух откровенен, он говорит то, что думает. Но эта откровенность — от безразличия к чувствам и уязвимости других. В нужных случаях Петух по-настоящему отважен и храбр. Многие люди находят Петухов интересными.

Петух будет счастлив с Буйволом, Змеей или Драконом; неудачен брак с Мышью, Петухом или Собакой; самый неудачный — с Зайцем.

СОБАКА. Всеми прекрасными чертами человеческого характера, по восточным поверьям, наделены люди, рожденные в год Собаки. Собака лояльна, верна, честна, в ней развито чувство долга. Собака внушает доверие, она умеет хранить чужие секреты. Собак обычно высоко ценят, и это оправданно. Она делает все возможное для других, ее преданность велика — вплоть до самоотречения. Ее мало заботит собственное богатство. Она великодушна и бескорыстна. Однако если ей понадобятся деньги, она лучше других может достать их. Она не любит всякие сборища, толпу. Собака бывает циником, и ее боятся за резкие и конкретные замечания.

Люди, рожденные в год Собаки, всегда были поборниками справедливости. Любая несправедливость вызывает у них протест, и они бросаются в бой за правое, по их мнению, дело. При всей своей эксцентричности Собака редко встает на защиту глупых дел. Собака бывает хорошим руководителем в промышленности, активным профсоюзным деятелем, воспитателем. Но чем бы она ни занималась, она остается идеально честной.

Собака может быть счастлива с Лошадью, Тигром или Зайцем; неудачен брак с Буйволом, Петухом и очень неудачен с Драконом или Овцой.

ВЕПРЬ (Свинья). Людям, рожденным в год Вепря, считают на Востоке, нужно вести свою жизнь под белыми знаменами чистоты, ибо склонность к грязи создает для них опасность. Каковы бы ни были цели, Вепрь стремится к ним с огромной силой. Эта внутренняя сила велика, ничто не может противостоять ей. Обладая огромной стойкостью, Вепрь не отклоняется от принятого направления. У него мало друзей, но он их сохраняет и ради них способен на большие жертвы. Иметь друга-Вепря — большая удача. Эти люди сдержанны, редко говорят, но если на это решаются, то высказывают все одним разом. Как и Обезьяна, Вепрь интеллектуален, у него огромная тяга к зна-

ниям. Он много учится, но больших успехов в познаниях не достигает. Вепрь довольно вспыльчив, но он питает ненависть к ссорам или даже спорам. Он привязан и добр к тем, кого любит. У Вепря часто возникают проблемы в супружеской жизни. И в первой, и во второй фазе жизни у него всевозможные трудности. Но какими бы они ни были, скромный и застенчивый Вепрь никогда не прибегает к посторонней помощи. Он сам будет искать выход. Будучи честным, Вепрь часто проигрывает в пользу того, кто нечестен и хитер.

Вепрю следует связывать свою жизнь с Зайцем или Овцой; неудачный брак с Обезьяной; самый неудачный — со Змеей.

Наряду с двенадцатилетней цикличностью символики, связывающей судьбу человека с характеристикой поведения животных, народы Востока еще издревле уверовали, что на генеалогию человека непременно оказывают влияние небесные светила и планеты. Великий Абу Райхон Бируни не случайно охарактеризовал астрологию как науку распознания приговора звезд на судьбы людей и государств.

СИМВОЛИКА ЗНАКОВ ЗОДИАКА У ЕВРОПЕЙЦЕВ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА:

Родившимся с 21 декабря по 19 января соответствует знак КОЗЕРОГ
с 20 января по 18 февраля — ВОДОЛЕЙ
с 19 февраля по 20 марта — РЫБЫ
с 21 марта по 20 апреля — ОВЕН
с 21 апреля по 21 мая — ТЕЛЕЦ
с 22 мая по 21 июня — БЛИЗНЕЦЫ
с 22 июня по 22 июля — РАК
с 23 июля по 22 августа — ЛЕВ
с 23 августа по 22 сентября — ДЕВА
с 23 сентября по 22 октября — ВЕСЫ
с 23 октября по 21 ноября — СКОРПИОН
с 22 ноября по 20 декабря — СТРЕЛЕЦ

КОЗЕРОГ

Знак земли. Под покровительством Сатурна. Характер упрямый. Ум развитый. Козерог — самый выносливый и стойкий из всех знаков как физически, так и морально. Скрытный, втайне честолюбивый, он живет в реальной действительности, умеет и любит работать. Успех тянет его с необычайной силой. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой он идет к цели, преодолевая все препятствия с огромным терпением и невероятным упорством. Ничто не может обескуражить его и заставить свернуть с пути. Это один из тех немногочисленных знаков Зодиака, уроженцы которых стремятся придать смысл своей жизни. Козерог — и мужчина, и женщина — еще в юности ставят перед собой цель и потом всю жизнь следуют ей. То же самое и в работе. Козерог автоматизирует ее, заранее намечая схему, разрабатывая детали, наводит порядок, чтобы не тратить времени по мелочам. Это великолепные работники во всех областях промышленности и талантливые государственные деятели.

Рожденные под этим знаком почти всегда окружены уважением, но они с трудом сближаются по-настоящему. Они замкнуты, их невозможно вызвать на откровенность. Они любят традицию, респектабельность, стабильность. Они не понимают и не принимают действий без определенной цели, импульсивность, азарт, риск.

Несмотря на кажущееся высокомерие, в душе они страдают от своей изоляции и хотели бы завоевать симпатии.

Часто по характеру они застенчивы, чувствительны, но стараются это скрыть. Их гордость становится для них источником постоянного скрытого страдания. Козерог обладает блестящим умом и великолепной памятью, но ему угрожает опасность консерватизма и педантизма. Он может быть хорошим администратором, инженером, ученым, экономистом, политиком. Вторая половина жизни для него обычно благоприятнее первой. Женится он, как правило, поздно, если вообще решает вступить в брак. Это знак, порождающий большинство холостяков.

Женщина-Козерог обладает любопытной и характерной чертой: ее красота и обаяние с годами не только не уменьшаются, но возрастают, и в 35 лет она нравится больше, чем в 18. Ухаживать за ней нелегко. Она всегда воздвигает барьер между собой и поклонниками. Это тип женщин деятельных, очень любящих свою независимость. Они хорошие секретарши, директрисы, учительницы и врачи. Подобно мужчине-Козерогу, они серьезны и скрытны. Из них получаются хорошие матери, требовательные жены, не прощающие обид и измен.

Неустойчив брак с Овеном, Весами и Раком. Союзы с Девой, Тельцом, Скорпионом и Рыбами значительно гармоничнее. С Овеном ритм жизни, темпераменты настолько различны, что браки осуществляются редко. Между Козерогом и Тельцом — любовь и большое взаимное согласие. Часто упрямому и терпеливому Козерогу даже удается перевоспитать капризного и ленивого Тельца. С Близнецами взаимопонимание наступает с большим трудом. Длительный союз проблематичен, а скорее невозможен. Между Козерогом и Раком легко наступает притяжение, тем не менее союз заключается не скоро — слишком большое расхождение во взглядах на жизнь. Однако он может стать прочным на основании уважения. Прочный союз со Львом весьма редок,— слишком многое разъединяет их. Возможны дружба и сотрудничество. Характер Девы во многом напоминает характер Козерога, возможен счастливый брак с ним. С Весами не только брак, но даже простое товарищество крайне редко. Очень велика разница в характерах и в образе жизни. Скорпиона и Козерога объединяют амбициозность, любовь к работе. Брак возможен на основании уважения и общности интересов. Серьезный характер Козерога и пылкий нрав Стрельца в отдельных случаях великолепно гармонируют друг с другом. Очень часто Стрельцу удается изменить педантичный характер Козерога. Со своим знаком, несмотря на отсутствие физического притяжения, Козерог может образовывать прочный союз. С Водолеем, несмотря на сходство характеров, редок счастливый брак, рекомендуется сотрудничество в работе и дружеские отношения. С Рыбами брак мог бы быть необычайно счастливым благодаря боль-

шому духовному и интеллектуальному родству, однако в отдельных случаях скрытность Козерога оскорбляет тонких и впечатлительных Рыб.

ВОДОЛЕЙ

Знак воздуха. Под покровительством Сатурна и Урана. Характер мечтательный, натура эмоциональная. Сатурн обрекает его на покорность судьбе, которая не всегда бывает счастливой. Это планета грустных воспоминаний, меланхолии, несбывшихся надежд. Уран, напротив, планета действия, вдохновительница ученых и исследователей, поэтому характер Водолея противоречив: с одной стороны — мечтательность, покорность судьбе, с другой — энергия, дерзание, активность.

Рожденные под этим знаком очень притягательны для людей своей человечностью. Они понимают чужое горе, делают все, чтобы помочь попавшему в беду. В каждом Водолее есть что-то от изобретательного человека, поглощенного идеей усовершенствования. Вместе с тем это мечтатель-фантаст. Под этим знаком родились Эдисон, Галилей, Жюль Верн. Водолею чужд педантизм. Он ненавидит рутину. У него бывают периоды лени и бездействия, когда усиливается влияние Сатурна, зато в периоды господства Урана ему удается за неделю выполнить то, что выполняется за месяц. Он эмоционально неустойчив, переживает острые периоды неуверенности в себе, но они быстро сменяются спокойствием и энтузиазмом. Водолей сдержан и скромен, редко обременяет других просьбами, стремясь все сделать для себя сам. Это великолепный ученый, архитектор, литератор, актер. Его жизнь может быть несчастной, но никогда не бывает скучной, серой и бесцветной. У него будет все: бедность и богатство, блестящий успех и катастрофы, интересные встречи и разочарования. Иногда ему будет казаться, что он погиб, но судьба будет посылать ему спасение.

Женщина-Водолей очень обаятельна. Это дает ей целую гамму переживаний. Она все время меняется, кто часто видит ее, никогда не скучает с ней. Подобно Водолею-мужчине, она любит работать, но не переносит строгой дисциплины. В любое занятие вносит изящество и блеск. Она элегантна, интересна в разговоре. Замуж выходит быстро, но редко бывает счастлива, так как больше дает, чем получает.

Союз с Близнецами, Весами, Стрельцом и Овеном весьма благоприятен. Со Скорпионом, Тельцом, Львом неизбежны ссоры. Можно заключить брак с Овеном, но с условием, чтобы сильный характер Овена не старался подавить индивидуальную натуру Водолея. От этого брака рождаются великолепные дети. Со знаком Тельца столько различий, что дружба и союз редко бывают удачными. С Близнецами возможен гармоничный союз, дружба и сотрудничество. С Раком вечная и надежная дружба, брак на основе взаимного уважения. Несмотря на притяжения, существующие со Львом, они слишком поразному смотрят на мир, и союз их непрочен. С Девой сильное физическое влечение, но неизбежны ссоры. Союз с Весами очень счастлив.

Со Скорпионом возможна дружба. Водолей плохо переносит собственнический характер Скорпиона, а для того отталкивающим является несколько вялый темперамент Водолея. Со Стрельцом много общего, сильное притяжение, счастливый союз. С Козерогом благоприятнее всего дружба и сотрудничество в работе. Со своим собственным знаком — взаимопонимание, много общих интересов, возможен брак. С Рыбами не сразу, но впоследствии может возникнуть союз.

РЫБЫ

Знак воды. Под покровительством Юпитера и Нептуна. Характер таинственный. Тонкая интуиция. Нептун придает постоянные контрасты, беспокойство, великую борьбу с самим собой. От Юпитера получает счастливую судьбу, мудрость. Под этим противоречивым влиянием Рыбы, несмотря на свою спокойную внешность, часто испытывает острую душевную муку, беспокойство, тоску. Это также символ гуманности и самопожертвования. Рыбы обладают большой духовной тонкостью при развитом уме, с сильным скептицизмом. Интуиция развита сильнее логики и часто поражает окружающих своим ясновидением, хотя не всегда отдает отчет о своем даре. Рожденные под этим знаком любят комфорт, уют, они щедры, гостеприимны, но часто бывают грустны. Если их судьба с детства складывается нормально, то они справедливы, искренны и сердечны.

Очень много гуманистов, философов родилось под этим знаком. У них хорошая память и способность к науке. Из Рыб получаются хорошие музыканты, художники, скульпторы.

Женщина-Рыба всегда обладает ярко выраженной индивидуальностью, изяществом. Их настроение и здоровье зависит от смены фаз Луны. В период новой Луны они чувствуют усталость и апатию. У них богатая внутренняя жизнь. Несмотря на то, что прошлое у них не всегда безупречно, из них получаются хорошие жены и матери, благодаря большой гибкости и дару приспосабливаться.

Гармоничны браки с Тельцом, Раком, Козерогом, Скорпионом. Трудно складываются отношения с Близнецами, Стрельцом и Девой. Овен сильно привлекает Рыб, но дает чувствовать себя разница в характерах, их союз не очень благоприятен, особенно страшна неверность, которую Рыбы не прощают. Большое расхождение с Близнецами, однако союз возможен из-за гибкости характеров. С Раком благоприятная дружба и сотрудничество, а также и брак. Несмотря на симпатии со Львом и сильное притяжение, брак не рекомендуется, так как импульсивность и страстность Льва обижает Рыб. Счастливые браки со Стрельцом крайне редки, несмотря на физическое притяжение. С Девой существует симпатия, но физический интерес друг к другу невелик. То же самое можно сказать о Весах, хотя между ними существует уважение, сотрудничество и дружба. Со Скорпионом союз романтичен и прочен. Очень многое объединяет Рыб и Козерога. Эти знаки тянутся друг к другу. Брак имел бы право на счастье, если бы упрямый Козерог не ранил Рыб. С Водолеем редко возникает

счастливый союз: мешает холодность и отчужденность его натуры. Со своим знаком хорошие отношения складываются редко.

ОВЕН

Знак — огонь. Под покровительством Марса. Характер сильный. Натура властная. Одарен жизненной силой и энергией. У него талант руководителя. Общие черты для мужчин и женщин этого знака: оптимизм, честолюбие, некоторая импульсивность и склонность к преувеличению. Овен отличается агрессивностью, отсутствием такта. Нельзя назвать его жестоким, но он редко считается с интересами других. Овен любит действовать. Достигнув цели, он теряет интерес к ней. Он живет настоящим и не думает о прошлом. У него обостренная любовь к справедливости, часто переходящая в манию. Овен часто попадает в затруднительное положение. Нетерпелив и полностью лишен дара дипломатии. У Овена главный смысл — работа. Наделенный большой жизненной силой, волей, смелостью, быстротой реакции, он может быть великолепным хирургом или врачом-диагностом. Овен также хороший полководец и журналист. Он может быть также талантливым администратором или государственным деятелем, но тут мешает отсутствие тонкости, деспотичность и высокомерие. Несмотря на кажущийся здоровый вид, который обманывает многих, у Овена почти всегда слабая нервная система. Он часто имеет успех у женщин, однако он, как правило, плохой семьянин — так ревнив, вспыльчив и груб. Кроме того, он любит друзей больше, чем семью. Однако, если брак не распадается сразу, то в дальнейшем может сложиться удачно. Тут все зависит от дипломатии и такта партнера.

Женщина-Овен почти всегда имеет профессию, легко овладевает мужскими специальностями. В браке стремится играть главную роль. Благоприятен союз с Близнецами и Стрельцом, оба эти знака своим спокойствием усмиряют Овена. Со Львом идеальный союз головы (Овен) и сердца (Лев) и с Водолеем, отличающимся большим терпением. Часты споры с Весами, несмотря на физическое притяжение, Рыбами и Тельцом, несмотря на интеллектуальные интересы. Особенно неблагоприятен союз с Рыбами. Со Скорпионом большое физическое притяжение, но из-за темпераментности обоих возможна даже трагедия. Неблагоприятный союз с Козерогом и Раком. Взаимная холодность с Девой и Тельцом, однако возможна дружба и сотрудничество.

ТЕЛЕЦ

Знак Земли. Под покровительством Венеры. Характер противоречивый. Натура эмоциональная. Знаку Земли Телец обязан силой и здравым смыслом, но Венера придает солидному и практичному Тельцу мягкость, любовь и комфорт, чувственность и лень. Эти два противоречивых влияния делают Тельца человеком сложным. Он любит материальные блага, но вместе с тем расточителен. Стремится к уюту, но часто неряшлив. У него страсть — найти радость. От земли

он берет неисчерпаемую силу, обладает здоровым инстинктом животного. Капризен, по мелочам упрям, но в общем обладает характером податливым, спокойным и терпеливым. Он любит завязывать знакомства с людьми высокопоставленными и влиятельными. В свои отношения с людьми он вносит много элегантности, обаяния, однако часто ссорится по мелочам из-за детского упрямства; любит искусство и архитектуру.

Женщине-Тельцу Венера придает необычную женственность. То, что у мужчины-Тельца является слабостью, здесь очаровательно. Им свойственна любовь к красивым вещам, цветам, тонким винам и кухне. Они разоряют своих поклонников. Такие женщины обычно ревнивы. Сами довольно легкомысленны, но редко прощают тому, кого любят по-настоящему.

Для Тельца гармоничен союз с Девой, Козерогом, Раком, Рыбами. Неблагоприятен союз со Львом, Скорпионом, Водолеем, Тельцом, Овеном. Однако с Овеном много общего, но часты ссоры, как и с Близнецами. Между Раком и Тельцом быстро возникает симпатия, отношения строятся на спокойной дружбе. Со Львом много ссор. С Девой объединяет практичность, союз гармоничен. Много общего с Весами; со Скорпионом союз обречен на гибель. С Козерогом возможен союз. С Водолеем, антиподом Тельца, гармоничный союз невозможен.

Со своим знаком — благоприятная дружба и сотрудничество.

БЛИЗНЕЦЫ

Знак воздуха. Под покровительством Меркурия. Характер неуловимый, постоянная раздвоенность. Близнецы умны, имеют разносторонние интересы, любопытны, способны к языкам, приспосабливаются к обстоятельствам легко. Это любопытный человеческий тип, неуловимый и обаятельный, с неукротимым темпераментом и непредвиденными реакциями. Близнецы всегда несколько раздражительны и инертны, они испытывают переходы настроения, периоды неуверенности в себе, которые подчас превращаются в настоящую болезнь. Если рожденный под этим знаком интеллигентен, то ему трудно приспособиться к людям. Это тип неврастеника, часто страдающего маниями. Этот знак дает самое большое число гениальных и талантливых людей, как в области науки, так и в литературе и искусстве. Любят трудно. Они стараются ускользнуть из рук, оставляя тех, кто любит, в вечной неуверенности. Несмотря на то, что сами мало способны любить и редко бывают нежны, у них настоятельная потребность быть любимыми, чувствовать заботу и ласку. Ужас перед одиночеством нередко доводит их до самоубийства. Предпочитают одиночеству общество неинтересных и ничтожных людей. В работе часто нуждаются в соавторстве, помощнике, администраторе. Им легче подать идею, чем осуществить ее. Способны к философии, математике, музыке.

Женщины-Близнецы — превосходные товарищи. Они умны, интел-

лигентны, остроумны. С ними невозможно соскучиться. Легко сходятся с людьми и могут завязать разговор на любую тему. Любят независимость и всегда имеют профессию. Из них получаются великолепные администраторы и коммерсанты. Это также хозяйки салона. В браке похожи на мужчин — хорошие товарищи и помощники своим мужьям.

Самый гармоничный союз с Овеном, Весами, Водолеем и Львом. Самый неблагоприятный с Рыбами, Девой, Стрельцом. С Овеном быстро рождаются симпатии. С Тельцом — чувственное притяжение, много общего, но надо, чтобы Телец контролировал свой ревнивый характер. Союз со Львом великолепен — союз ума и силы. Надо только, чтобы свою гордость умерил Лев. Гармоничен союз с Девой, но редок для пассивного характера Девы, тип Близнецов слишком подвижен и причиняет слишком много волнений. С Весами физическое притяжение. Со Скорпионом — общность интересов и сотрудничество, но союзы крайне редки. С Рыбами союз невозможен. Со своим знаком — скорее дружба, чем брак.

РАК

Знак воды. Под покровительством Луны. Характер сильный. Натура мечтательная. Самый загадочный из всего Зодиака. Это люди с тонкой, иногда больной нервной системой. Их интуиция настолько велика, что они нередко становятся гипнотизерами. Живут по каким-то им одним понятным законам. Им чужда логика. То, что для других пустяк, для них вырастает в настоящую трагедию. Поэтому рожденный под этим знаком часто раздражает окружающих и вступает в конфликты. Однако люди сильные любят покровительствовать таким натурам. Рак любит природу и уединение. Они часто порядочные люди, верные друзья, интересные собеседники. Рак любит путешествовать. На работе из-за черствого характера ему трудно. Но он обладает тонкой интуицией, терпением и требовательностью к себе. Это тип музыканта, мыслителя, ученого. При отсутствии таланта — это добросовестный, чиновник, служащий.

Женщина-Рак страдает от своей оторванности от окружающего мира. Она склонна к сентиментальности и к самопожертвованию. Они верные подруги своим мужьям и превосходные матери. Из них получаются героини или истерички. Они женственны.

Особенно благоприятен союз с Тельцом, Скорпионом, Девой и Рыбой. Неблагоприятен — с Овеном, Весами, Козерогом, Овен интенсивен для Рака, однако может существовать сильное физическое притяжение. С Быком много общего, оба любят домашний очаг, комфорт. Надо только контролировать упрямство своих характеров. С Близнецами может возникнуть дружба и притом солидная, но интересы их скорее духовные, чем физические. Лев притягивает своей силой, между ними может возникнуть замечательное сотрудничество и дружба, известны случаи и счастливых браков. С Девой много общего, однако практичность Девы остро ранит болезненную чувствительность Рака. Редко находит общее с Весами, возникают

ссоры. С темпераментным агрессивным Скорпионом часто возникают конфликты, но сильное притяжение может преодолеть все осложнения и сделать союз счастливым. Стрелец любит независимость, и это обижает в браке Рака, но может существовать идеальная дружба. Козерог сильно притягивает Рака, но они живут в разных мерах. С Водолеем — спокойная дружба, уважение. С Рыбами гармоничное отношение как в дружбе, так и в браке.

ЛЕВ

Знак огня. Под покровительством Солнца. Характер властный. Натура богатая. Центральная фигура Зодиака. Он сверкает и царит. Ему приходится трудно, так как много искушений применить свою силу. Льву чужда аффектация, он всегда естественен, это привлекает к нему сердца. Рядом с ним каждый может рассчитывать на помощь. Лев темпераментен, импульсивен, у него огромные внутренние силы. Он способен на подвиг, однако ему свойственно тщеславие. Он наивен, легко попадает в ловушку. Отсутствие такта и психологического чутья приводит его к ошибкам, иногда к настоящим трагедиям. Но как бы трудно ему не пришлось, он редко теряет веселость. Больше всего его поражает предательство. Сам Лев верный друг, но он не постоянен, так как легко увлекается и любит новые лица. Лев щедр. Обожает богатство и роскошь. Беспорядочность и расточительство часто приводят его к тому, что он умирает в нищете. Это очень гостеприимный хозяин, любит азартные игры и спортивные соревнования. Влюблен в прекрасное; встречается в любой профессии, часто занимает руководящие посты.

Женщина-Лев в любви искренна, импульсивна, щедра. Не терпит сердечных осложнений. Несмотря на то, что любит иметь поклонников, слишком горда, чтобы вступать в случайные связи. Мало ценит женскую дружбу, предпочитая общество мужчин. Очень требовательна к человеку, которого любит. Не прощает измен. Никогда не идет на компромисс. Не вступает в брак, пока не убедится, что ее избранник достоин ее и что она любима им. Великолепная мать и хозяйка дома.

Благоприятны союзы с Весами, Стрельцом, Близнецами, Овеном. Неблагоприятны — с Тельцом, Скорпионом, Водолеем. С Овеном много общего, быстро возникает любовь и союз на прочной основе. С Тельцом, несмотря на большое физическое влечение, прочный союз невозможен. Критичность Близнецов задевает гордость Льва, но благодаря способности Близнецов идти на компромисс, все улаживается.

Со своим знаком благоприятны дружба и сотрудничество, физически же быстро наступает охлаждение. С Девой отношения осложнены ее анемичностью. С Весами — союз во всех отношениях благоприятен. Ревнивая натура Скорпиона оскорбляет гордость Льва, союз сомнителен. Со Стрельцом много общего, с Козерогом общего мало. С Водолеем нередки случаи сильного притяжения.

ДЕВА

Знак земли. Под покровительством Меркурия. Характер глубокий. Ум критический. Знак реальности, логики, ясности. Рожденный под этим знаком требует от всех честной жизни поведения и точности. Редко поддаются страстям. Их действия почти всегда плод раздумий. Они не терпят преувеличения, эксцентричности, ненавидят неопределенность.

Любовь к порядку переходит у них в манию. Им угрожает опасность ханжества. Одаренные почти всегда ясным аналитическим умом, эти личности часто хорошие работники, способны к политике, экономике и разным другим наукам. Из них получаются великолепные педагоги, коллекционеры, библиотекари. Эти люди одарены страстью к знаниям и учатся до седых волос. Живут, как правило, долго, пользуются уважением, но часто ссорятся с людьми из-за педантичности и мелочности.

Женщины-Девы обаятельны, но им не хватает темпераментности, любят флирт, в котором достигают виртуозности, но в последний момент отступают. Почти всегда страдают от застенчивости, даже если научились ее искусно скрывать. Любовью к критике, анализом и замечаниями часто ставят под угрозу свои отношения с близкими людьми. Вместе с тем их практичность и здравый смысл помогают приспособиться к партнеру. Неблагоприятный союз с Козерогом, Скорпионом, Раком. С Овеном — глубокая дружба, но в браке могут возникнуть затруднения. Сильное физическое притяжение и взаимная симпатия с Тельцом. С Близнецами — дружба и сотрудничество, брак рискован. Рационализм Девы больно ранит Рака, хотя у них и много общего. Легко возникает дружба со Львом, возможно притяжение. С Весами часты конфликты. Со своим знаком редкое взаимопонимание. Сильное притяжение к Скорпиону, несмотря на различие темпераментов. Со Стрельцом счастливый союз редок, несмотря на притяжение. С Козерогом много общего и большое притяжение. Дева сильно притягивает Водолея, но длительная связь возникает редко. Для Девы нетрудно вступить в брак, но трудно его сохранить.

ВЕСЫ

Знак воздуха. Под покровительством Венеры. Характер легкий, ум ясный. Награждены элегантностью, способностью любить, изяществом. Легко находят гармонию в жизни. Даже когда их постигает болезнь или несчастье, они сравнительно быстро приходят в себя и обретают душевное ревновесие. Ненавидят ссоры, осложнения. Стараются размотать клубок, пусть самым примитивным путем. Больше всего на свете им дорог покой. Развито чувство справедливости, но если ситуация принимает неприятный оборот, легко отказываются от борьбы и жертвуют своими убеждениями. Не способны на героизм и жертвенность. В некоторых случаях, и только если обстоятельства сильно неблагоприятствуют, они могут встать на путь лжи и предательства. Чаще всего баловни судьбы. Их любят в обществе

за обходительность, такт, любезность, добродушный нрав. Это отличные адвокаты, дипломаты, журналисты и администраторы.

Женщины-Весы находятся под покровительством Венеры, что делает их обольстительно-ленивыми и капризными. Они любят спать допоздна. Обожают украшения, лакомства. Их главное занятие — любовь. Любить и быть любимыми — их главная мечта. Как и мужчины-Весы, ненавидят упреки, сцены, различные осложнения. Малейшее противоречие вызывает у них гнев и слезы. Избалованны, эгоистичны, ласковы как дети. Быстро забывают хорошее и плохое. Больше всего на свете любят комплименты. Легко переходят от увлечения к увлечению.

Благоприятны союзы с Близнецами, Львом, Стрельцом, Водолеем. Союзы с Козерогом, Раком и Овеном не очень благоприятны, но и здесь хороший характер Весов в отдельных случаях может победить судьбу. С Тельцом много сходства, однако, может быть, вследствие этого длительный союз невозможен. Со своим знаком редко получается прочная связь. Противопоказан собственнический характер Рака. Со Львом возможен счастливый союз при условии, что Весы будут хранить абсолютную верность. С Девой благоприятнее всего сотрудничество. Несмотря на притяжение, гармония часто нарушается из-за раздражительного характера Скорпиона. Много общего со Стрельцом, возможны счастливые союзы. С Водолеем совместная жизнь может протекать без конфликта. С Козерогом — сотрудничество, с Рыбами — дружба.

СКОРПИОН

Знак воды. Под покровительством двух главных планет: Марса с его жестокостью и могущественного Плутона. Это двойное влияние обуславливает его характер. Он борется, страдает, пожирает сам себя, возрождается из пепла и представляет собой тип контрастный, темпераментный, очень привлекательный, но жестокий. Характер скрытный. Жизнь интересная. Первая трудность для него — жить. С первого взгляда у него есть все, чтобы добиться успеха,— энергия, сила, но из-за раздражительности его характера у него много врагов. Скорпион часто бывает в состоянии раздражения, но свой яд направляет против себя. В нем есть что-то неуловимое, загадочное, но даже когда он кажется искренним, он замкнут и насторожен. Для него это мера защиты. Ему кажется, что его критикуют, ему угрожают, и он тут же воздвигает целую систему защиты. Когда на него нападают, гнев его страшен. В работе и в выполнении долга он проявляет железную волю. Он никогда не ищет спасения в иллюзиях. Он быстро находит слабую точку в человеке и жалит. Это прирожденные бойцы, они пользуются любыми средствами для достижения цели. В отношениях с людьми проявляют порядочность и честность, но редко привязываются по-настоящему. Могут быть великолепными хирургами, врачами-диагностами. Блестящие исследователи, адвокаты, юристы, полководцы, государственные деятели.

Женщина-Скорпион двух типов. Оба очень сильные характеры. Но у женщин первого типа характер скрытный. К другому типу принадлежат настоящие роковые женщины. Женщины первого типа напоминают мужчин. У них мужской склад ума, необузданная энергия. Они не сразу находят партнера, отвечающего их требованиям. Ее сильный характер привлекает слабых, пассивных мужчин, которые не отвечают ее представлению о мужестве, однако если она решается на брак, то помогает мужу сделать карьеру. У них горящие глаза и низкие голоса. Она не придает значения платьям и не очень кокетлива. Второй тип женщин — кокетливы, любопытны, жадны до ощущений. Всюду, где появляются, несут тревогу и навлекают на того, кто их любит, несчастье. Доводят мужчин до разорения, а иногда — до самоубийства. Необузданные страсти губят ее. Сама она редко бывает счастлива.

Благоприятен союз с Рыбами, большое притяжение, существующее между Скорпионом и Овеном, недостаточно, чтобы избежать конфликтов из-за агрессивности этих знаков. Скорпион и Рак похожи темпераментностью и собственническим характером, что порождает ссоры, однако дети от этого брака талантливы и красивы. С Близнецами духовная и физическая гармония, но отношения затруднены собственническим характером Скорпиона и неуловимым нравом Близнецов. Рак умеет создавать атмосферу сердечности и интимности, необходимую Скорпиону, возможен прочный союз. Со Львом, несмотря на физическую гармонию, союз обречен на гибель из-за различия характеров — собственнический нрав оскорбляет гордость Льва. С Весами — сотрудничество. Скорпион и Дева могут образовать прочный и счастливый союз, эти знаки прекрасно дополняют друг друга. Со своим знаком сильное притяжение, но союз исключительно несчастен. Брак со Стрельцом полон гармонии, основан на взаимном уважении и понимании. Несколько холодный характер Водолея не очень подходит Скорпиону, но если переждать некоторое время ссор, союз может быть счастливым. С Рыбами благоприятен союз во всех отношениях, но надо, чтобы не оскорблялась тонкость Рыб.

СТРЕЛЕЦ

Знак огня. Под покровительством Юпитера. Характер уравновешенный. Натура философская. Юпитер — планета счастья и благосостояния, его символ красив и многозначителен: кентавр, целящийся в невидимое. Кентавр обуславливает двойственность Стрельца: с одной стороны, этот тип очень развитый, с другой — примитивный, с преобладанием животного начала. Стрелец примитивного типа не любит цивилизации, обладает большой жизненной силой, очень активен, нравится женщинам и обладает даром увлекать людей за собой. Храбр, необуздан, груб, любит приключения и подвиги; это тип моряка, солдата, пирата, авантюриста, бродяги. Другой тип — это тип ученого, политика, мыслителя. Это тоже борец, но ему полем сражения служит лаборатория, кабинет, кафедра, трибуна. Он сохранил в своем

сердце стремление к путешествиям, авантюрам. Несмотря на веселый, добродушный нрав, иногда томится по недостижимому, земля ему мала, он не знает, чего хочет. Это превосходный археолог, этнограф, исследователь, фоторепортер.

Женщина-Стрелец тоже двух типов: первый — с характером мальчишки, больше всего на свете любит движение и спорт, к семейной жизни приспосабливается с трудом, независимая и взбалмошная дикарка, и в любой профессии достигает успеха, благодаря своей живости, ловкости и практичности. Другой тип — светская женщина с независимым складом ума, без предрассудков, любит искусство, книги, блестящих людей, делает все с блеском, оригинально, экстравагантно.

Благоприятен союз с Овеном, с Водолеем, Весами, Львом. Неблагоприятен — с Девой, Рыбами, Близнецами. Сильное стремление к Стрельцу, но союз неблагоприятен. Слишком большая независимость Стрельца причиняет много горя Раку, но Стрелец обладает жизненной силой, которая преобразует характер Рака. Много общего с Близнецами, но союз неблагоприятен. Между Стрельцом и Девой союз обречен на неудачу, хотя между ними счастливый брак. Со Скорпионом — сотрудничество. Серьезность Козерога гармонирует с живым характером Стрельца и, если возникает физическое притяжение, брак обещает быть счастливым. Водолей и Стрелец оба живые, активные, испытывают взаимную симпатию, браки очень гармоничны, единственная причина возможных ссор — непостоянство Стрельца. С Рыбами большие противоречия, союзы редко счастливы, несмотря на сильное физическое влечение.

ВЛИЯНИЕ ПЛАНЕТ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЕЗНИ МЕРКУРИЯ

Меркурий играет важную роль в отношении болезней, так как управляет нервной системой и мозгом вообще, он способствует возникновению заболеваний, поражающих эти системы.

Основное его влияние связано с нервами, и такие болезни, как головные боли, невралгия, бессонница, обусловлены пораженным Меркурием. Кроме того, наблюдаются вялость, дефекты памяти, головокружение, конвульсии и все нервные боли, затрагивающие части тела в соответствии со знаком, занимаемым планетой. Меркурий следует рассматривать с учетом его аспектов с другими планетами, но если он находится в шестом доме, это верный признак нервных болезней, возникающих от тревог и переутомлений.

Ниже перечислены болезни, связанные с Меркурием, расположенным в различных знаках.

ОВЕН — головные боли, лицевые невралгии, бессонница и нервные заболевания головы.

ТЕЛЕЦ — хрипота, трудности с горлом, голосовые расстройства конвульсии во время прорезывания зубов.

БЛИЗНЕЦЫ — нервные боли в плечах, руках, кистях, бронхиты, дефекты дыхательных органов.

РАК — колики, спазмы, страдания из-за газов, болезни пищеварительной системы из-за волнений или страха.

ЛЕВ — сердцебиения и спазмы сердца, обмороки, боли в верхних отделах спины.

ДЕВА — закупорка и камни в кишечнике, диаррея, глисты, кишечные раздражения.

ВЕСЫ — закупорки мочеточников и невралгия почек.

СКОРПИОН — невралгия и болезни воспроизводительных органов, задержка менструаций у женщин, расстройства нервов в половых органах.

СТРЕЛЕЦ — ишиас, нервозность, слабость бедер.

КОЗЕРОГ — ревматизм, подагра, запоры и болезни кишечника из-за беспокойства и меланхолических состояний.

ВОДОЛЕЙ — истерия и общая слабость нервной системы.

РЫБЫ — запоры, простуды ног, колики, мозоли.

БОЛЕЗНИ ВЕНЕРЫ

ВЕНЕРА, хотя и благоприятная по своей природе и действию, является тем не менее причиной многочисленных мелких болезней, особенно среди прекрасного пола. Она имеет питательную и расслабляющую природу, но ее вредное воздействие видно в основном в общем расслаблении и слабости системы, в заболеваниях глотки, венозной системы и почек. Основные болезни — изжоги, увеличенные миндалины, кисты, опухоли, болезни почек и болезни из-за невоздержания в диете и привычках.

Общее влияние Венеры в шестом доме — защита здоровья, но при сильном поражении или плохом аспекте с Луной или асцендентом дает болезни в соответствии с положением планеты в знаках.

ОВЕН — экзема, болезни кожи, желтизна лица, раздражения от косметики.

ТЕЛЕЦ — трудности с горлом, свинка, зоб, ангина и абсцессы.

БЛИЗНЕЦЫ — плохое дыхание из-за небрежности в одежде и плохой шнуровки.

РАК — несварение, перекармливание, тошнота, киста груди. Если сильно поражена, нерегулярности в менструации.

ЛЕВ — болезни сердца, обмороки, сердцебиения из-за тугой шнуровки.

ДЕВА — расстройства кишечника, слизь, глисты, кишечные неполадки из-за неправильной диеты и плохих привычек в еде.

ВЕСЫ — почки, диабет, уремия, экзема.

СКОРПИОН — венерические болезни, слабость мочевого пузыря, заболевания матки, яичников и вагины, болезненные менструации.

СТРЕЛЕЦ — подагра и болезни легких.

КОЗЕРОГ — болезни коленей, запоры, кожные болезни, глисты, тошнота.

ВОДОЛЕЙ — малокровие, анемия, истерия.

РЫБЫ — слабые ступни, обморожение, опухоли, при сильном поражении — болезни из-за невоздержанности.

БОЛЕЗНИ МАРСА

Планета Марс является основным виновником лихорадочных и острых заболеваний. Его природа горячая, экспансивная, побуждающая к действию, вызывает всяческие лихорадки, инфекционные и воспалительные болезни, все острые и внезапные болезни от избытка животного тепла и такие болезни, как фистулы, ожоги, переломы, кровоизлияния и другие.

Когда Марс находится в шестом доме или поражен другой планетой, он может вызвать много внезапных и острых болезней, как серьезных, так и нетяжелых в соответствии с силой планеты.

Следующие основные болезни дает Марс при расположении в 12 знаках.

ОВЕН — мозговые лихорадки, инсульты, мозговая закупорка, стригущий лишай, оспа, воспаления глаз.

ТЕЛЕЦ — дифтерия, тонзиллиты, воспаление гортани, камни в желчном пузыре, рожистое воспаление.

БЛИЗНЕЦЫ — бронхиты, воспаление легких, заражение крови, сыпь на руках и плечах.

РАК — желудочные воспаления, желчные расстройства, брюшной тиф, желудочные кровотечения. Женщинам предвещает опасности при родах, родовые горячки, выкидыши.

ЛЕВ — гипертрофия сердца, сердцебиения, малярия, аневризмы, обмороки, плеврит.

ДЕВА — диаррея, воспаление кишок, перитонит, холера, грыжа, дизентерия, энтериты.

ВЕСЫ — воспаление почек, боли в поясничной области, склонность к лихорадкам из-за болезни почек.

СКОРПИОН — геморрой, фистулы, венерические болезни, камни в желчном пузыре, подагра, сепсис, у женщин воспаление матки, кровотечения, выкидыши и расстройства менструаций.

СТРЕЛЕЦ — ишиас, язвы на бедрах и ягодицах, лихорадки, воспаление легких, нарывы и болезни ануса.

КОЗЕРОГ — ревматические лихорадки, воспаления коленных суставов, желтуха, дизентерия и воспалительные заболевания кожи.

ВОДОЛЕЙ — варикозные расширения вен на ногах, перемежающаяся лихорадка, отравление крови, язвы на ногах, сердцебиения.

РЫБЫ — туберкулез, опухоли, инфекции, болезни из-за невоздержанности.

БОЛЕЗНИ ЮПИТЕРА

Хотя Юпитер по природе благоприятен, он, тем не менее, оказывает отрицательное влияние, когда находится в шестом доме и поражает хилег или асцендент. Он умеренный и предохраняющий, приводит к изменению крови, скоплению жидкостей в виде опухолевых заболеваний или водянки. Он играет особую роль в управлении печенью и вызывает плевриты, нарывы, абсцессы.

Когда Юпитер находится в шестом доме и не поражен — это хорошее здоровье и защита от болезней, в то время как большинство заболеваний, связанных с его влиянием, возникает из-за невоздержанности в диете и т. п. Ниже перечислены основные болезни Юпитера в зависимости от его положения в знаке.

ОВЕН — головокружение, обмороки, приливы крови к голове, закупорка мозга.

ТЕЛЕЦ — подагра, заболевания горла, болезни, вызванные перееданием и злоупотреблением удовольствиями.

БЛИЗНЕЦЫ — плеврит, бооезни крови, заболевания легких.

РАК — водянка, несварение желудка, скопление газов, цынга.

ЛЕВ — плевриты, лихорадочное состояние крови, апоплексия, жировая дегенерация сердца, сердцебиение.

ДЕВА — слабость кишечника, заражение крови, болезни печени, абсцессы печени и кишечника, желтуха.

ВЕСЫ — болезни почек, диабет, опухоли в почках, закупорки.

СКОРПИОН — геморрой, мочеполовые болезни, извержение секрета, слизь в моче, абсцессы, водянка.

СТРЕЛЕЦ — боли и отечность ног, подагра, ишиас.

КОЗЕРОГ — экземы и болезни кожи из-за невоздержанности в пище, замедленная циркуляция крови.

ВОДОЛЕЙ — люмбаго, заражение крови, полнокровие.

РЫБЫ — отечность, опухоли, плохое состояние крови.

БОЛЕЗНИ САТУРНА

Сатурн — основная планета, вызывающая болезни, по природе холодная и сжимающая. В этом смысле он является противоположностью другим светилам и когда расположен в шестом доме или поражает хилег или асцендент, он вызывает простудные, затяжные и хронические заболевания.

Основные болезни возникают от холода, депрессии, подавлений и закупорки и включают хронические болезни, ревматизм, подагру, заикание и глухоту, параличи, атрофии, малярию, кожные болезни, туберкулез легких, гангрену и, так как Сатурн является основным управителем костей, все болезни, связанные с ними, такие, как окостенение, омертвение и болезни позвоночника.

Следует обращать внимание на его положение в доме. Ниже дается перечень болезней, вызываемых этой планетой в зависимости от знака.

ОВЕН — болезни желудка и печени, простуды головы, зубная боль, церебральные болезни, глухота.

ТЕЛЕЦ — дифтерия, ангина, свинка, утрата голоса, ларингиты, болезни пищевода, глухота.

БЛИЗНЕЦЫ — туберкулез легких, пневмония, бронхиты, ревматизм рук и плечей, болезни дыхательных органов.

РАК — гастриты, пищеварительные и астматические болезни, рак груди, диспепсия, заболевания матки у женщин.

ЛЕВ — органическая слабость сердца, обморок, желтуха, спинальные болезни, подагра, болезни печени.

ДЕВА — запоры, закупорки кишечника, плохое питание, катары кишечника и колики.

ВЕСЫ — болезни головы и почек, болезни крови, почечные воспаления, задержка мочи, геморрой, фистулы, камни в мочевом пузыре, у женщин — задержка менструаций и болезни матки.

СКОРПИОН — болезни системы выделения, мочекаменные, пиелонефрит, спазмы мочеточников

СТРЕЛЕЦ — подагра, ишиас, болезни тазобедренного сустава, туберкулез легких, бронхиты, слабость нервной системы.

КОЗЕРОГ — ревматизм, малярия, болезни кожи, запоры и болезни кишечника, боли и хронические болезни, затрагивающие коленные суставы.

ВОДОЛЕЙ — судороги, анемия, болезни позвоночника, слабая циркуляция крови, болезни глаз, лодыжек и ног.

РЫБЫ — туберкулез легких, катары, подагра, ревматизм, слабые ступни, простудные заболевания из-за промокания ног.

БОЛЕЗНИ УРАНА

Уран оказывает своеобразное влияние на человеческое тело и не вызывает болезней обычного характера.

Он ответственен за внезапные и спазматические болезни, такие как спазмы, судороги, переломы, сужение сосудов и т. п. Он оказывает очень сильное влияние на нервную систему, особенно на двигательные нервы. Уран в шестом доме вызывает болезни этого характера и затрагивает части тела согласно положению в знаке.

Ниже перечислены основные болезни Урана в 12 знаках.

ОВЕН — спазматические боли в голове, воспаление мозговых оболочек, паралич лицевого нерва.

ТЕЛЕЦ — болезни голосовых связок и двигательных нервов горла.

БЛИЗНЕЦЫ — судороги рук и плеч, астма.

РАК — судороги желудка, рак желудка, умственные иллюзии.

ЛЕВ — спазмы сердца, остановка сердечной деятельности или внезапная смерть.

ДЕВА — спазмы кишечника, дыхательные спазмы.

ВЕСЫ — ослабление мускульной системы, деформация позвоночника.

СКОРПИОН — спазмы мочевого пузыря, рак воспроизводительной системы, деформация матки у женщин.

СТРЕЛЕЦ — судороги ног и бедер, ишиас.

КОЗЕРОГ — судороги в коленях, их деформации.

ВОДОЛЕЙ — истерия, судороги лодыжек, нервные болезни.

РЫБЫ — слабость ступней, судороги ступней и пальцев ног, опухоли на большом пальце ноги.

БОЛЕЗНИ НЕПТУНА

Нептун управляет всякими разнообразными и необычными болезнями, более психического происхождения, чем физического. К сожалению, в настоящее время влияние этой планеты так мало изучено, что невозможно дать определенный перечень болезней, вызванных этим влиянием. Эта планета дает предрасположение к заболеваниям из-за моральных падений и т. п. Люди под влиянием Нептуна часто склонны к употреблению наркотиков, снотворных, успокоительных лекарств, некоторые заядлые курильщики, другие проявляют исключительную сдержанность. Нептун также может вызывать состояние одержимости, навязчивые идеи и другие психические болезни.

На его влияние в шестом доме и при поражении хилегом или асцендентом следует обращать особое внимание. Основные болезни, связанные с положением Нептуна в знаках следующие.

ОВЕН — состояния одержимости, конъюнктивиты и миопия глаз, мозговые болезни и мании.

ТЕЛЕЦ — болезни глаз, синтетические отравления глотки.

БЛИЗНЕЦЫ — туберкулез легких и слабость системы.

РАК — запойное пьянство, ипохондрия.

ЛЕВ — приостановка сердечной деятельности вследствие приема успокоительных лекарств.

ДЕВА — туберкулез кишечника, недоедание.

ВЕСЫ — водянка.

СКОРПИОН — венерические болезни, одержимость.

СТРЕЛЕЦ — нервные расстройства.

КОЗЕРОГ — кожные болезни, проказа.

ВОДОЛЕЙ — навязчивые идеи, нервные заболевания.

РЫБЫ — болезни флюидической системы, водянка, навязчивые идеи.

* * *

Восточный с двенадцатилетним циклом календарь, европейский астрологический — все это кажется условностью. А жизнь каждого человека конкретна, она связана с теми обстоятельствами, волею судьбы которых он становится. И все же жизнь человека и космоса, человека и планеты Земля связаны между собой загадочными, невидимыми, но прочными нитями. И в этом великая тайна Мироздания.

Ученые утверждают: человек есть производное эволюции, он принял эстафету от обезьяны; фантасты теорию происхождения человека подводят к «посеву» людской генерации высшими цивилизациями; мудрецы всех стран и народов проповедуют: человек и все, что его окружает, созданы Богом!

Каждый живущий на земле, видимо, не раз задумывался над тайной своего происхождения, отыскивая в окружающей его природе факты, которые бы подтверждали выбранную им версию.

Но коль в нашем повествовании речь идет о тайнах Востока, то следует отметить, что самые великие тайны человечества сос-

редоточены в этой части планеты. Именно здесь, в горных массивах Тибета, Памира, Гималаев, выявлены самые мощные магические зоны, связывающие планету с космосом, и все это, без всякого сомнения, влияет на человека. И, может быть, не случайно, что все великие пророки человечества родились на Востоке: родиной Заратустры является Хорезм, Будда родился в Индии, Моисей — в Египте, Иисус Христос — в израильском городе Назарете, родина Мухаммеда — Мекка.

Самые яркие примеры влияния планет на судьбу человека являют нам древние мифы, связанные именно с рождением пророков. Первыми увидели яркую звезду — магический знак космоса — над той местностью, где родился Иисус Христос, волхвы. И они тут же разнесли эту весть по свету.

Еще задолго до рождения пророка Мухаммеда прорицатели предсказали его матери Амине, что согласно предопределению звезд она носит в своем чреве уникальное дитя, которому предначертано судьбой стать поводырем людей. И, как мы видим, предсказания волхвов и прорицателей сбылись. Иисус Христос и Мухаммед вот уже на протяжении многих веков идут впереди человечества, неустанно призывая его к благоразумию, к любви к Богу и к ближнему.

Но их призывы «не убий», «не укради», «не оскверняй природу..» не всеми людьми бывают услышаны. Отсюда все наши житейские и экологические беды. А происходит это потому, что человек, уповая на предсказания звезд, веря с оглядкой в Бога, сам все же пытается играть с природой, со своей судьбой в жмурки.

Так уж устроен человек, что он всегда стремится к лучшему, в его, разумеется, понимании, но для достижения этих целей не всегда пользуется честными и логическими методами, за что и бывает наказан. Ведь если определить, что звезды, высший дух Природы, ведут человека по жизни и определяют его судьбу, то с таким же успехом они оценивают и его деяния, которые не всегда бывают угодны другим людям и Богу. И выходит, что гороскоп — это свыше, а конкретные дела творит сам человек, и его судьба — в основном дело его рук.

Характерная особенность, что человек чаще всего над своей судьбой, над содеянным, над этапами жизни задумывается в канун или с наступлением Нового года. Ведь позади остается пройденное, а впереди непознанное, неизведанное, и, может, оно будет счастливым. Так было в древние века, так это есть и в наши дни и будет до нескончаемости, пока жив человек на Земле, а над ним высоко в небе сияют звезды — предводительницы его судьбы!

В звездах не только магия, но и самое главное — мудрость Высшего Духа Мироздания, и блажен тот человек, который это чудо природы воспринимает как благодать, идет по тернистому пути познания Вселенной, находя там свое истинное место, которое ему и подобает занимать.

Гороскоп — это код, планеты — это магия, а человек — сосредоточение всего разумного, что создано Природой!

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абдуллахад — бухарский эмир из династии Мангытов, правил с 1885 по 1910 г.

Абдулла-хан Второй — шейбанид, правитель Мавераннахра (1557—1598). Достигнув 28 лет, заступил на престол Бухары после своего отца Искандер-хана. Царствовал 40 лет. За время завоеваний овладел Ферганской долиной и присоединил к Бухаре часть Персии. Абдулла-хан Второй вел большое строительство: во многих местностях основал караван-сараи, вырыл колодцы, построил сардобы для сохранения воды, многие медресе построены в Бухаре в период правления Абдулла-хана Второго.

Айван — обустроенная терраса у входа в дом.

Ака — брат; старший брат.

Аксакал (буквально: белая борода) — почтительное обращение к старикам.

Албасты — в мифологии узбеков, казахов, туркмен злой дух, связанный с водной стихией. Албасты обычно представляется в облике уродливой женщины с такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. Поверья говорят, что Албасты может превращаться в животных и в неодушевленные предметы. Албасты может вступать с человеком в сексуальную связь. Албасты можно подчинить человеку, если ему удастся завладеть одним из ее предметов, например, книгой, гребешком, монетой. Образ Албасты восходит к глубокой древности и имеет аналоги в мифологиях многих народов мира.

Алладин — один из персонажей памятника литературы арабского Востока, сборника, объединяющего свыше 300 сказок и новелл.

Аллах — единый, единственный и всемогущий бог религии ислама. Согласно представлениям мусульман, аллах создал мир, землю, растения, животных и человека; в тот день, когда наступит конец света, Аллах воскресит всех мертвых и будет судить людей по их поступкам, посылая одних в рай, других — в ад. Аллах не имеет конкретного образа и не может быть изображен. Главным местом поклонения Аллаху является Кааба в Мекке; там находится «черный камень», якобы посланный Аллахом с неба.

Анахита — в восточной мифологии богиня воды и плодородия. Культ богини Анахиты Ардвисуры сложился у кочевых народов, обитавших у берегов Сырдарьи и образовавших общину Анахиты. Внешне Анахита в «Авесте» описывается как прекрасная дева, с ее именем связывается культ плодородия.

Арабы — группа народов, населяющих арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Среднеазиатские арабы живут небольшими группами в основном в Бухарской и Самаркандской областях Узбекской ССР. Говорят на диалектах арабского языка. Близки по культуре, занятиям и быту к узбекскому и таджикскому населению, но сохраняют некоторые черты собственной древней культуры. Верующие арабы — мусульмане-сунниты.

Аргамак — старинное название породистых верховых лошадей в странах Ближнего и Среднего Востока.

Ата — отец.

Аталык (буквально: заступающий на место отца) — воспитатель, наставник царевичей.

Афрасиаб — городище домонгольского Самарканда. Раскопки ведутся с 1874 года. Жизнь на Афрасиабе непрерывно протекала с VI века до н. э. вплоть до разрушения его монголами в 1220 г. Городище состоит из цитадели, внутреннего города и предместья.

Ахунбабаев Юлдаш (1885—1943) — советский государственный деятель. Родился в кишлаке Джой-базар Ферганской области в семье крестьянина-бедняка. До Великой Октябрьской социалистической революции был батраком. С 1924 года Ахунбабаев возглавил верховный орган власти в Узбекистане: 1925—38— председатель ЦИК, 1938—43— председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Аштраханиды — династия ханов Бухары (1599—1753), происходивших от астраханских ханов из дома Джучи. Пришла на смену династии Шейбанидов в Бухаре. Династия Аштраханидов сменилась мангытской династией в Бухаре и установлением власти Кунгратов в Хорезме.

Бабиды — последователи учения, созданного Али Мухаммадом Ширази (1819—1850), объявившим себя в 1844 году Бабом (врата мессии), а затем мессией-махди, «открывающим» новую эпоху — эпоху справедливости и равенства на земле. Учение Баба считалось заменой шариата, а его священная книга «Баян»— Корана. Учение Баба было направлено против произвола феодалов, высшего духовенства, против засилья иностранных держав и нашло себе много приверженцев в средних и нижних слоях иранского общества. Баб был осужден шиитскими моджахидами как еретик и позднее казнен.

Бай — богатый человек, средневековый феодальный титул в странах Востока.

Байга (копкары) — конские скачки, состязание наездников в борьбе за приз, которым у восточных народов является туша козла.

Бактрия — древняя область по верхнему и среднему течению Амударьи, охватывавшая территорию современных южных областей Узбекистана и Таджикистана и северной области Афганистана. Бактрия — один из древнейших центров развития земледельческой культуры и образования государственности в Средней Азии. Во вре-

мена Александра Македонского Бактрия входила в его империю, после распада которой образовала Греко-Бактрийское царство, а затем вместе с Согдом — Кушанское царство. Бактрия — один из древнейших центров развития художественной культуры в Азии.

Бахши — народный певец, сказитель у восточных народов.

Бача — мальчик, слуга.

Баязет — турецкий султан (1360—1403), прозванный «Молнией» (Ильдирим). Вступил на престол после своего отца Мурата, отличался воинственностью. За время своего правления захватил ряд территорий в Европе и Азии, положил конец вторжениям Тимура в 1400 г. в Малую Азию. В 1402 г. в сражении при Анкаре Баязет был разбит, взят Тимуром в плен, где и умер.

Бек — правитель какого-либо района или города в среднеазиатских ханствах в эпоху феодализма.

Бекович-Черкасский, Александр (до принятия им христианства — Девлет-Кизден-Мурза) (умер в 1717 г.) — кабардинский князь на службе у русского царя Петра I. После учения за границей выполнял дипломатические поручения в Кабарде и Хиве.

Библиотека Улугбека.— Самарканд при Улугбеке был центром культуры, литературы, науки и строительного искусства. Несомненно, все это возникло на основе больших знаний, сосредоточенных прежде всего в книгах. По преданию, дед Улугбека Тимур в своих завоевательских походах,— а он в них провел более 37 лет, покорив 26 больших и малых стран,— грабил не только материальные ценности, но и вывозил в свою столицу ученых и их библиотеки. Таким образом, в Самарканде были собраны ценнейшие книги по литературе, математике, астрономии и иным наукам из Греции, Турции, Персии, Индии и других стран. Местонахождение этой богатейшей библиотеки по историческим источникам не установлено. Однако наиболее вероятным местом ее пребывания при Улугбеке предполагается обсерватория под Самаркандом, так как именно здесь в то время вместе с Улугбеком работали Казы-заде Руми, которого называли «Платоном своего времени», астроном Гияс-ад-дин Джемшед-ибн-Масуд, ученик и соратник Улугбека Али-кушчи. Увлечение Улугбека светскими науками вызвало резкий протест религиозного мракобесия. В результате чего в 1449 году Улугбек был убит. Обсерватория подверглась разрушению, пожарам. Возможно, такая же участь постигла и библиотеку. Легенда говорит о том, что ее заблаговременно спрятали в надежное место ученики Улугбека — в одном из тайников Самарканда; по иным версиям, библиотеку в сундуках вывезли в горы и надежно спрятали в одной из больших пещер. Часть же библиотеки Али-кушчи вывез с собой караваном в Турцию, куда он переехал после гибели Улугбека на постоянное место жительства. Тайна исчезновения библиотеки Улугбека является одной из загадок Востока и по сегодняшний день.

Бурдюк — изготавливаемый кочевыми народами из желудка барана сосуд для хранения воды и другой жидкости во время длительных переходов по пустынной местности.

Визирь — первый министр, советник.

Вяткин, Василий Лаврентьевич (1869—1932) — советский археолог. Первым среди археологов всех стран начал раскопки восточного средневекового города Афрасиаба. Вяткиным была открыта астрономическая обсерватория Улугбека.

Газель — короткое стихотворение, род европейского сонета, обычно содержащее 7—11 двустиший, в которых рифмуются четные строки.

Геммы — резные камни с разнообразными по сюжетам и мотивам изображениями, выполненные из различных пород камней. Чаще всего материалом для геммы служили агат, халцедон, сердолик, гранат. Геммы с врезанными вглубь изображениями, как правило служившие печатями, называются инталиями и обычно делаются из однородных камней. Геммы с рельефными изображениями называются камеями и часто делаются из разнослойных камней. Особенно широко распространенные в древневосточном и античном мире, геммы имели различное назначение: амулетов, знаков собственности, печатей и просто украшений.

Грот Тешик-Таш — пещера в горах Байсантау (Сурхандарьинской области), где в 1938—39 гг. советским археологом А. П. Окладниковым была открыта и исследована стоянка мустьерской культуры палеолита и обнаружен скелет неандертальского человека. Находка в Тешик-Таше показывает, что в Средней Азии, как и в других местах, неандертальский человек предшествовал современному.

Гур-Эмир (буквально: могила эмиров) — мавзолей, усыпальница эмиров в Самарканде. Самое известное здание в Средней Азии, и не только потому, что здесь захоронен грозный Тимур, а и потому, что этот мавзолей принадлежит к прекрасным образцам восточного зодчества. Выстроен по приказанию Тимура в 1404 г. для погребения его любимого внука Махмуд-Султана, который погиб в бою с турками в 29-летнем возрасте. В мавзолее похоронены также Тимур, Улугбек и другие знатные особы эпохи тимуридов.

Гяз — мера длины, равная примерно 80—90 см.

Дейгиш — обвал берегов реки во время бурных паводковых вод.

Джагатайцы (чигатайцы) — население Джагатайского (чигатайского) улуса — феодального государства в Средней Азии, составлявшего удел Джагатая, второго сына основателя Монгольской империи Чингисхана. Во второй половине XV века Джагатайский улус распался на две части: Моголистан в Семиречье и Кашгаре и собственно Джагатайское государство в Мавераннахре, вошедшее в состав империи Тимура.

Джинн — в арабском фольклоре фантастическое существо, состоящее якобы из огня и воздуха, обладающее разумом и чувствами. Джинн изображается способным принимать вид человека и животного, пугать людей и причинять им вред.

Жуд-Ши — знаменитый тибетский врачеватель и ученый. По преданию, лечил Будду. Наряду с Ибн-Синой считается на Востоке основоположником медицины.

Зем-зем — священный источник вблизи Каабы в Мекке.

Предание гласит, что Авраам, по требованию Сарры, изгнал Агру с младенцем Исмаилом, и женщина с ребенком очутилась в степи, где в то время никто не жил. День был жаркий, жажда томила, мать принялась искать воду и бегала между горами Сафо и Марва, а ребенка положила на то место, где теперь источник. Шесть раз проходила Агра в поисках воды мимо своего мальчика и каждый раз останавливалась, чтобы взглянуть, что с ним. Наконец в седьмой раз Агра увидела около сына несколько воронов. Она тут же с беспокойством побежала к сыну. Мальчик плакал и бил ножками в землю. Мать нагнулась к сыну и заметила, что из того места, куда он ударял ножками, выступала вода! Агра тотчас огородила этот источник валиком земли, чтобы вода не растекалась и не пропала; в это время она приговаривала: «Зем-зем...», что значит — остановись. В настоящее время мусульмане всего мира совершают к источнику паломничество и увозят эту священную воду с собой.

Зигиряг — растительное масло, выжимки из семян или плодовых косточек.

Зороастризм — религия, возникшая на территории Древнего Ирана, по другим версиям — в Хорезме в VII—VI веке до н. э., представляет собой маздеизм, реформированный пророком Заратустрой, историчность которого не подвергается сомнению. Ему предписывается авторство Авесты — священной книги маздеизма. Для обрядовой практики зороастризма характерно почитание 4-х элементов вселенной — воды, огня, земли, воздуха.

Ибн-Сина (Авиценна) (980—1037) — уроженец Бухары, выдающийся ученый-энциклопедист эпохи средневековья. Его научное наследие охватывает различные отрасли знания: философию, медицину, математику, астрономию, ботанику, геологию, лингвистику, поэзию, музыку.

Ибрагим-бек (Мулла Мухаммед) (1889—1932): в 1919 г.— бек Гиссара, в 1920— начальник артиллерии эмира Бухары, с 1921 г.— предводитель повстанческого движения.

Иса (Иисус Христос) — сын божий, пророк, признаваемый мусульманской религией.

Ислам (мусульманство) — одна из трех мировых религий. Ислам возник в Аравии в начале VII века в период образования классового арабского государства. Вероучение ислама изложено в Коране, который, согласно мусульманскому преданию, был ниспослан Аллахом пророку Мухаммеду через ангела Джебраила. В соответствии с вероучением ислама все сущее в мире создано Аллахом и все явления и события, которые произошли и произойдут во Вселенной вплоть до конца света и дня Страшного суда, предопределены им и происходят по его воле. Культ ислама опирается на пять «столпов веры»: исповедание веры, ежедневная пятикратная молитва, пост в месяц рамазан, обязательная благотворительность, паломничество в Мекку. В исламе имеется два течения — суннизм и шиизм. Мусульмане составляют подавляющее большинство населения многих стран Азии и Африки.

Искандер Зулькарнайн (Александр Двурогий, Александр Македонский) (356—323 гг. до н. э.) — крупнейший полководец и государственный деятель древнего мира. Ученик Аристотеля. С 336 г.— царь Македонии. Александр Македонский как полко-

водец сыграл крупную роль в развитии античного военного искусства. В результате завоеваний (334—323 гг. до н. э.) Македонский создал огромное государство, которое простиралось от реки Инда до Дуная. Столицей своей монархии он сделал г. Вавилон, где и умер в 323 г. до н. э. от малярии.

Ишан — руководитель и наставник мусульманской общины дервишских, суфийских направлений. Ишан, по религиозным воззрениям, может якобы исцелять от болезней и предсказывать будущее.

Карши — город, возникший в XIV веке невдалеке от древнего города Несефа, или Нахшеба. С того времени Карши постепенно занял место этого древнего города.

Кеш — древнее название города Шахрисабза. По некоторым сведениям Шахрисабз был предместьем города Кеша. Во всяком случае в древней литературе наименование Кеш встречается чаще, чем Шахрисабз (зеленый город). Летописец Тимура Шарафиддин Али Язди указывает также, что город назывался Куббет-эль-ильм-вель-эдебъ, т. е. храм науки и добродетели, потому что издревле здесь жили знаменитые ученые Востока и съезжались все желавшие пользоваться их руководством.

Кошма — вид войлока, изготовляемого из овечьей шерсти. Служит для покрытия юрт и для постилки на пол, заменяя ковер.

Кристофер Марло — английский драматург, родился в 1564 году, в 1593 году в возрасте 29 лет был убит в драке. Подлинным триумфом Марло была постановка на лондонской сцене в сезоне 1587—1588 годов десятиактной трагедии «Великий Тамерлан». «Тамерлан» определил первенство Марло среди английских драматургов того времени.

Кумыс — прохладительный напиток из лошадиного молока.

Курпача — узкое стеганое одеяло, служащее подстилкой.

Ляган — большое керамическое или фарфоровое блюдо.

Мавераннахр (дословно: то, что за рекой, т. е. к востоку от Амударьи) — в древности название страны в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Маком — произведение типа многочастотной вокально-инструментальной сюиты, основанное на ладах-макомах. Каждая разновидность музыкальных форм макомов имеет особую характерную ритмическую формулу, воспроизводимую на дойре (бубне). Текстами макомов являются главным образом лирические стихотворения.

Мангыты — династия бухарских ханов (1753—1920). Первый из них — Мухаммед-Рестен (год рождения неизвестен — умер в 1758 году). Занимал руководящее положение при дворе последнего представителя династии Аштраханидов Абул-Файез-хана. Мухаммед-Рахим в 1753 году при поддержке духовенства и знати насильственно захватил трон Бухары, приняв титул эмира, и положил начало новой династии — мангытов. Последний мангыт — правитель эмир Саид Алимхан в 1920 году был свергнут революционным народом и бежал в Афганистан, где в мае 1943 года скончался.

Махди (Магди) (двенадцатый имам) — в мусульманской мифологии «ведомый» (аллахом) человек, обновитель веры накануне Страшного суда, своего рода мессия. По этому поводу есть высказывание у Мухаммеда: «К концу мира вера моя придет в упадок; люди отступят от истинной веры и впадут в нечестье. Тогда из моего потомства, из рода Фатимы, произойдет человек, которого при рождении нарекут Магди (указывающий правый путь) Этот человек направит заблудших на истинный путь и сразится с Даджалом-антихристом. Сам он не в состоянии будет справиться с ним, а будет молить бога о помощи. Иисус Христос сойдет с неба и убьет Даджала»,— таков Магди по преданию суннитов. У шиитов другое предание. Они говорят, что в 258 году хиджры (872 г. н. э.), 23 рамазана, жена имама Аскара (внука Мухаммеда) родила мальчика — двенадцатого после пророка имама, его назвали Магди. Этот мальчик однажды наклонился к источнику, упал в него и исчез. Шииты верят, что этот мальчик должен прийти на землю с тем, чтобы спасти человечество. Он должен сразиться с антихристом и победить его. Поэтому шииты каждый год весной выводят заседланного белого коня в степь и ждут, когда появится Магди — двенадцатый имам, который будет спасителем человечества. В истории не раз были Магди-самозванцы, таковым в Иране в XIX веке был Али Мухаммад, принявший имя Баб.

Мекка — город в Саудовской Аравии. До возникновения ислама Мекка была религиозным центром ряда язычных арабских племен. С VII-го века Мекка превратилась в священный город мусульман и место их паломничества (хаджа). В Мекке находится святилище Кааба со священным «черным камнем». Мусульмане всего мира ежедневно пять раз обращаются лицом в сторону Мекки во время молитвы.

Муса — Моисей. В преданиях иудаизма, христианства и ислама первый пророк на земле. Основатель иудейской религии. Исторические события, отраженные в легендах о Моисее, имели место во второй половине второго тысячелетия до н. э.

Мухаммед (570—632) — основатель ислама, «посланник Аллаха», «печать пророков» т. е. главный и последний пророк истинной веры. Встречаются иные имена пророка. Мусульмане утверждают, что птицы зовут его Хамид, ангелы называют Ахмад, а люди величают Мухаммад. У европейских народов он больше известен как Магомет. Мухаммед происходил из рода Хашим, племени курейшитов, рано осиротел, был пастухом, затем женился на богатой вдове по имени Хадича и стал купцом. Около 610 г. выступил с проповедью новой религии, позднее названной им исламом. В своих выступлениях Мухаммед призывал к новой вере, основанной на признании единого бога Аллаха. В Медине Мухаммед стал во главе мусульманской общины, в которой люди объединялись не по кровному родству, а по религиозному признаку. Мусульмане считали Мухаммеда «посланником божьим», и он пользовался неограниченной властью среди верующих. По их мнению, пророк Мухаммед — самый близкий к богу человек, и поэтому он является самым надежным заступником каждого из своих последователей. На Страшном суде Мухаммед будет свидетелем в пользу верующих. Биография Мухаммеда в основном строится на полулегендарных сведениях.

Насрулла-хан (1826—1860) — пятый правитель из династии Мангытов в Бухарском эмирате.

Обсерватория Улугбека — одна из наиболее значительных в мире обсерваторий средневековья, построенная в окрестностях Самарканда Улугбеком в 1428—29 гг.

и разрушенная после его смерти (1449). Остатки ее, открытые в 1908 г. археологом Вяткиным, были окончательно раскопаны в 1948 г. Шишкиным. Круглое трехэтажное здание обсерватории диаметром 46,40 м, высотой не менее 30 м. вмещало грандиозный инструмент — мраморный секстант радиусом 40,21 м., на котором производились измерения координат Солнца, Луны и планет при прохождении их через меридиан. Каталог звезд «Зижд-и-джедид-и Гурагони», созданный в обсерватории Улугбека, получил всемирную известность и отличается необычной точностью.

Отрар — древний город в Средней Азии, стоявший на правом берегу реки Сырдарьи, близ впадения в нее реки Арыси. Поселение на месте Отрара существовало с IV в. до н. э. Первые упоминания о нем встречаются у арабских географов IX в. н. э. Расцвет Отрара как ремесленно-торгового центра и важного узла караванных путей в Восточную Европу и Китай относится к X — началу XIII вв. В конце XIII в. Отрар был разрушен монгольскими завоевателями до основания, затем был восстановлен, но уже не смог достичь прежнего значения и в XVI в. перестал существовать.

Панджара — изразцовый восточный орнамент из ганча или пород дерева.

Пиала — глиняная или фарфоровая чашка у народов Востока.

Регистан (буквально: место, покрытое песком) — наименование парадных площадей в городах Среднего Востока. Наиболее известен Регистан в Самарканде с выдающимся ансамблем памятников монументальной архитектуры. Первое архитектурное оформление самаркандский Регистан получил в основном в первой половине XV века, когда в 1420 году были воздвигнуты медресе Улугбека, ханака, караван-сарай Мирзои и две мечети. В XVI веке было отстроено медресе Абу-Саид-хана. В XVII в. взамен пришедших в упадок ханаки и караван-сарая возводятся два медресе: Шир-Дор, повторяющий в общих чертах архитектуру медресе Улугбека, и Тилля-кари. Ограничивающие с трех сторон пространство площади, они сделали Регистан неповторимо величественным. Монументальные здания медресе с их мощными порталами постройки богато отделаны глазурованной плиткой, мозаикой, узорной кладкой, резным камнем, величественные ребристые купола, стройные минареты представляют собой высокохудожественные произведения среднеазиатской архитектуры. Ансамбль Регистан свидетельствует о высокой градостроительной культуре народов Средней Азии. Это позволило ему встать вровень с такими мировыми памятниками архитектуры, как пирамиды египетских фараонов, афинский Акрополь, Тадж Махал в Индии, московский Кремль и другие.

Рубаи — поэтическое четверостишие.

Руми — таджикский и персидский поэт, проповедник пантеистических идей суфизма. Основное произведение Руми — «Назидательные двустишия», состоящее из 6 книг и включающее множество притч и басен, почерпнутых из устного народного творчества ираноязычных народностей (таджиков, персов).

Рюи Гонсалес де Клавихо (год рождения неизвестен — умер в 1412 г.) — испанский дворянин, возглавивший в 1403—06 гг. посольство кастильского короля Генриха III ко дворцу Тимура. Посольство отправилось из Кадиса в мае 1403 года и через 15 месяцев прибыло в резиденцию Тимура — Самарканд. В пути Клавихо и спутники

посетили Константинополь, Трапезунд, Тебриз, Тегеран, Мешхед, Мерв и другие города Средней Азии. Клавихо вел подробный дневник своего путешествия, который был впервые издан в 1582 году под названием «Жизнь и деяния великого Тамерлана». Записи Клавихо содержат богатый фактический материал, рисующий положение стран Передней и Средней Азии и Византии в начале XV века.

Саратан — название самого жаркого месяца года в Средней Азии. В это время часты пыльные бури, смерчи, пересыхают реки.

Саид Алимхан (1880—1943) — последний эмир Бухарского ханства из династии Мангытов.

Саманиды — феодальная династия правителей Мавераннахра. Основателем династии был царь Саман, внуки которого получали наместничества от Арабского халифата в Самарканде, Фергане, Шаше, Усрушане. Династия правила с 819 по 999 годы. Их столицей была Бухара.

Сардоба — куполообразное сооружение из обожженного кирпича, нижняя часть которого была глубоко опущена под землю. Посередине помещался колодец, к нему нередко вели с поверхности земли шедшие под стены каналы для стоков в колодец дождевых и снеговых вод. Такое сооружение служило хранилищем питьевой воды в течение круглого года.

Сельджуки — ветвь тюрок-огузов (туркмен), названная так по имени их предводителя Сельджука (X — начало XI века), а также одно из названий созданной ими мусульманской династии Сельджукидов. Захватили Хорезм, Иран, Азербайджан, Курдистан, Ирак, Армению, Малую Азию, Грузию и государство Караханидов в Средней Азии. В 1157 прекратилась власть «Великих Сельджукидов» в Хорасане.

Симург — мифическая птица-феникс, живущая на краю света на горе Каф. Имеет очень большое тело и обладает разумом и даром слова. Симург известна под этим названием у персов, а от них это название перешло и к другим тюркоязычным народам. У арабов эта птица известна под названием «Анко», что означает птица с длинной шеей. Когда Симург раскрывает свои крылья, то солнце исчезает, а на землю опускается ночь. На перьях Симурга есть окраска всех цветов всех птиц мира, а на ее шее белая полоска в виде ожерелья. Сила птицы такова, что она может унести верблюда или слона. В некоторых легендах говорится, что Симург имеет человеческое лицо и даже четыре ноги. А когда в древние времена все сотворенные богом птицы стали выбирать себе царя, то после долгих рассуждений и споров птица Удод указала на птицу Симург (Коран, сура 27).

Сунниты — наиболее многочисленное из двух направлений ислама. Живут в основном в Азии и Африке. Возник суннизм во второй половине VII века в Аравии, а в VIII—XII вв. в ходе религиозно-политической борьбы в Халифате оформился как господствующее направление ислама. Сунниты наряду с Кораном признают святость Сунны, возвеличивающей помимо пророка Мухаммеда и халифа Али ряд халифов, отвергаемых шиитами. В суннизме 4 школы религиозно-политического толка. В нашей стране из них сейчас действуют ханифиты и шафииты.

Табиб — лекарь, врач, выгоняющий хворь при помощи молитв и лечащий больных кореньями и травами.

Тавак — деревянная или глиняная чашка небольшого размера.

Тимур (Тамерлан, Тимурленг) (1336—1405) — среднеазиатский полководец, завоеватель, эмир с 1370 по 1405 г. Сын бека Тарагая из тюркоризированного монгольского племени барлас. Родился в селении Ходжа Ильгар близ города Шахрисабза, ныне находящегося на территории Кашкадарьинской области Узбекской ССР. С юных лет приобрел популярность среди воинственной знати. Женился на сестре властителя Балха и Самарканда чингисида Хусейна. Прослужив некоторое время у моголистанского хана Туглук-Тимура правителем Кашкадарьинского вилайета, попал к нему в опалу, и в 1361 г. бежал со своим отрядом за Амударью. Обладая большими организаторскими и военными способностями, Тимур вместе с Хусейном возглавил ополчение и выступил против моголистанских войск. В 1370 г. принял титул великого эмира (т. к., не происходя из рода Чингисхана, не мог быть ханом) и стал единолично управлять страной, опираясь на поддержку кочевой знати и оседлых феодалов, особенно на поддержку мусульманского духовенства. Столицей государства Тимур избрал Самарканд. В последние годы правления Тимура созданное им государство включало в себя, кроме Мавераннахра, Хорезма, Хорасана, также Закавказье, Персию, Пенджаб. Начатый в конце 1404 г. китайский поход Тимура был прерван вследствие его смерти в феврале 1405 г.

Топчибаши — командир артиллерии армии эмира Бухарского.

Тохтамыш (год рождения неизвестен — умер в 1406 г.) — хан золотой Орды, потомок Чингисхана. Совершал грабительские походы на русские земли, опустошил Северо-Восточную Русь, вторгся в Азербайджан и Мавераннахр, захватил и сжег Москву.

Тюбетейка — национальный головной убор, обычно расшитый узором, характерным для того или иного региона Узбекистана.

Улугбек (Мухаммед Тарагай) (1394—1449) — выдающийся узбекский астроном и математик. Внук Тимура. В 1409 г. объявлен правителем Самарканда, а после смерти своего отца Шахруха (1447) стал главой династии Тимуридов. Улугбек привлек в Самарканд выдающихся ученых своего времени, с помощью которых построил там обсерваторию; по своему оснащению и результатам проведенных работ она не имела себе равных ни в эпоху Улугбека, ни много позднее. Важнейший труд, выполненный в обсерватории Улугбеком,— так называемые «Новые астрономические таблицы»,— содержит изложение теоретических основ астрономии и каталог положений 1018 звезд. Улугбек был предательски убит по заговору реакционного духовенства, а его обсерватория разрушена.

Фархад — литературный герой многих поэтических произведений, безнадежно влюбленный в Ширин. Про богатыря Фархада и его Ширин существует легенда, «привязанная» к одному из беговатских порогов реки Сырдарьи, в 50 километрах ниже города Ленинабада. «Фархад влюбился в Ширин, она потребовала от него подвига — запрудить Сырдарью, чтобы вода разлилась у ее дома. Пока Фархад,

обладавший чудовищной силой, бросал в реку целые утесы, следы которых и теперь якобы заметны на беговатских порогах, другой претендент на руку девушки успел ее обмануть, разостлав перед ее окнами плетенки из камыша, блеск которых при восходящем солнце был принят красавицей за разлив воды. Ширин вышла за обманщика, а Фархад с горя бросил вверх кетмень, которым он работал, и, подставив грудь под острие падающего лезвия, покончил с собой».

Чингисхан (собственное имя — Темучин) (1155 — 1227) — монгольский хан и полководец. В конце XII— начале XIII вв. Темучин, сын Есугея, главы одного из монгольских родов, предпринял ряд успешных походов, сломил сопротивление соперничавших с ним племенных вождей и объединил под своей властью племена Монголии. На курултае (съезде монгольской знати) в 1206 г. Темучин был провозглашен великим ханом с титулом чингисхана. Под главенством Чингисхана сложилось монгольское раннефеодальное государство, закреплявшее господство знати над массой кочевников-скотоводов. Чингисханом было создано многочисленное конное войско — ополчение со строгой военной иерархией. Вскоре Чингисхан начал грабительские завоевательные походы в соседние страны. В 1209—1220 годах Чингисхан совершил походы в Северный Китай, Среднюю Азию, Иран и Закавказье. В 1223 году на реке Калке произошло сражение между русскими войсками и половцами — с одной стороны, и войсками Чингисхана — с другой, окончившееся поражением русских дружин, вследствие несогласованности действий русских князей, а также отступления половцев в начале сражения. За два года до этого Чингисхан покорил Бухару, Самарканд и Хорезм. Незадолго до смерти Чингисхан разделил управление империей между своими сыновьями Джучи, Чагатаем, Угедеем и Толуем. В 60-х годах XIII века империя Чингисхана полностью распалась.

Чирак — глиняный, фарфоровый или металлический светильник.

Шахи-Зинда (буквально: живой царь) — мемориальный архитектурный ансамбль в Самарканде. Начал складываться с XI—XII века около мнимой могилы двоюродного брата пророка Мухаммеда — Кусама. Постройки, относящиеся к началу строительства, не сохранились. Существующие сооружения возведены в XIV—XV веках. Некоторые относятся к XIX—XX векам.

Шелковый путь — общее название торговых караванных путей, связывавших с древнейших времен до XVI века Дальний Восток (Китай) с Передней Азией и проходивших через области Средней Азии. Эти пути начали складываться во II веке до н. э. Значение «Шелкового пути» падает с конца XIV в., в связи с развитием мореходства и морской торговли.

Шииты — общее название различных течений и сект, признающих Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными преемниками пророка Мухаммеда. В ходе борьбы за власть в начале второй половины VII в. образовалась политическая группировка сторонников Али, признавшая его исключительное право на верховную власть — имамат. Основное различие между шиитами и суннитами состоит в разном толковании понятия имамат. На протяжении всей истории ислама шииты с переменным успехом вели борьбу за возвращение власти потомкам Али. В настоящее время шиитского вероучения придерживается абсолютное большинство населения Ирана, более половины населения Ирака, часть мусульман Ливии, Йемена и Бахрейна.

СОДЕРЖАНИЕ

Путешествие на Чияль-базар 3
Один день в Ташкургане 10
Горшечники из Касби 17
Агатовая гемма 25
Когда идешь по Шахрисабзу 33
Китабские звездочеты 42
Кровью омытый дутар 48
Золото эмира 60
Последний колодец 72
Пули-зиндан, или «Джентльмены удачи» 79
Сундук ювелира 86
Могила Тахира и Зухры 98
Пещера Тимура 112
Арабы из Джейнау 122
Живая вода 131
Ханым-курган 143
Смерть Муканны 153
Был океан 165
Хлопок 177
Великий шелковый путь 187
Из путевых блокнотов 199
Предание о рождении Тимура 210
Суверен природы 218
Навруз — рождение нового года 233
Пояснительный словарь 262

Литературно-художественное издание

Евгений Ефимович Березиков

ЛЕГЕНДЫ И ТАЙНЫ УЗБЕКИСТАНА

Редактор Л. А. Казакова
Художник А. И. Кива
Художественный редактор А. А. Бобров
Технический редактор Э. К. Саидов
Корректор Л. М. Кумехова

ИБ № 4650

Сдано в набор 10.01.90. Подписано в печать 28.03.91. Формат 60×90¹/16. Бумага типографская № 2. Тип. Таймс гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,0+1,0 вкл. Усл. кр.-отт. 21,25. Уч. изд. л. 21,65+1,47 вкл. Тираж 75000. Заказ № 1323. Цена 6 р. Договор № 229—89.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по печати. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

6 p.